

ТУР
ХЕЙЕРДАЛ

*Древний человек
и океан*

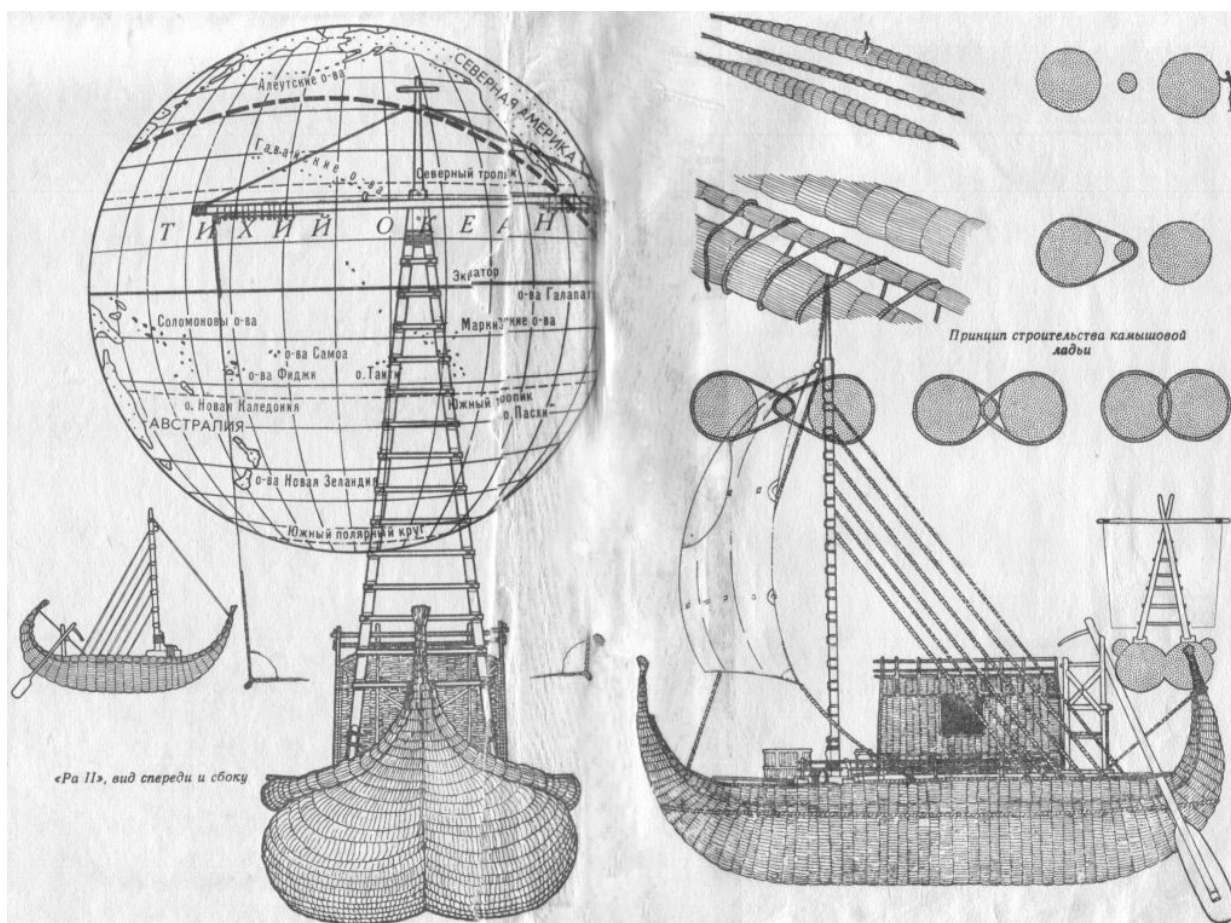
Annotation

В книге известного норвежского исследователя Тура Хейердала древний человек предстает как отважный и пытливый покоритель морей и океанов. Автор рассматривает плавучие средства древних и пути в океане, приводит новейшие свидетельства различных наук, которые дают основание пересмотреть устоявшиеся представления о распространении цивилизации за тысячи лет до нашей эры.

- [ТУР ХЕЙЕРДАЛ](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [ЧАСТЬ I](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [ЧАСТЬ II](#)
 -
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [ЧАСТЬ III](#)
 -
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [ЧАСТЬ IV](#)
 -
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Комментарии](#)
 - [Библиография](#)

- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
-

ТУР ХЕЙЕРДАЛ ДРЕВНИЙ ЧЕЛОВЕК И ОКЕАН

«Ра II», вид спереди и сбоку

Принцип строительства камышовой лодки

Предисловие

Эта книга — не документальная повесть путешественника о его приключениях. В этом смысле она не служит продолжением «Экспедиции Кон-Тики», «Аку-аку», «Ра» или «Фату-Хивы». «Древний человек и океан» — сборник ранее публиковавшихся статей и докладов, которые я обработал и объединил здесь в логической последовательности. Первоначально идея такой композиции родилась у доктора Карла Еттмара, профессора археологии Гейдельбергского университета, и в 1975 г. он выпустил на немецком языке сборник под названием «Между континентами». Предполагалось, что эта книга поможет ориентироваться всем тем, кто следит за дискуссией о путях миграций человека и о происхождении культур, развернувшейся после плаваний примитивных судов «Кон-Тики» и «Ра», которым вопреки предсказаниям специалистов удалось пересечь Тихий и Атлантический океаны.

Полемика основывалась по большей части на ошибочном представлении, будто руководитель экспедиций на бальсовом плоту «Кон-Тики» и на папирусных ладьях «Ра I» и «Ра II» утверждал, что полинезийцы, включая маори, произошли от перуанских инков, а инки, ацтеки и майя в свою очередь произошли от строителей пирамид Древнего Египта. Гипотезы такого рода легко опровергаются, и ничего подобного вы не найдете ни в моих документальных повестях, ни в научных монографиях. Такие издания, как «Американские индейцы в Тихом океане» (1952, 821 с.), «Отчеты Норвежской археологической экспедиции на остров Пасхи и в Восточную Полинезию», том I (1961, 667 с.) и том II (1965, 572 с.), а также «Искусство острова Пасхи» (1975, 669 с.), вряд ли известны широкому читателю; в наше время узкой специализации их очень редко читают и цитируют даже многочисленные ученые и псевдоученые, которые делятся с читателями своими суждениями через современные средства массовой информации. Названные тома вполне доступны всякому, кто захочет глубже ознакомиться с кабинетными и полевыми исследованиями, положенными в основу представленных здесь более популярных материалов. Эти материалы взяты из периодических изданий и трудов

конгрессов, которые бывает труднее достать не только неспециалисту, но и многим представителям соответствующих областей науки.

Сборник «Древний человек и океан» отредактирован так, чтобы он легко читался всеми, кому интересны деяния человека в прошлом, когда закладывались основы мореплавания и великих цивилизаций Средиземноморья и Нового Света. Каждая глава предваряется введением, призванным подготовить читателя к последующему тексту.

Тур Хейердал

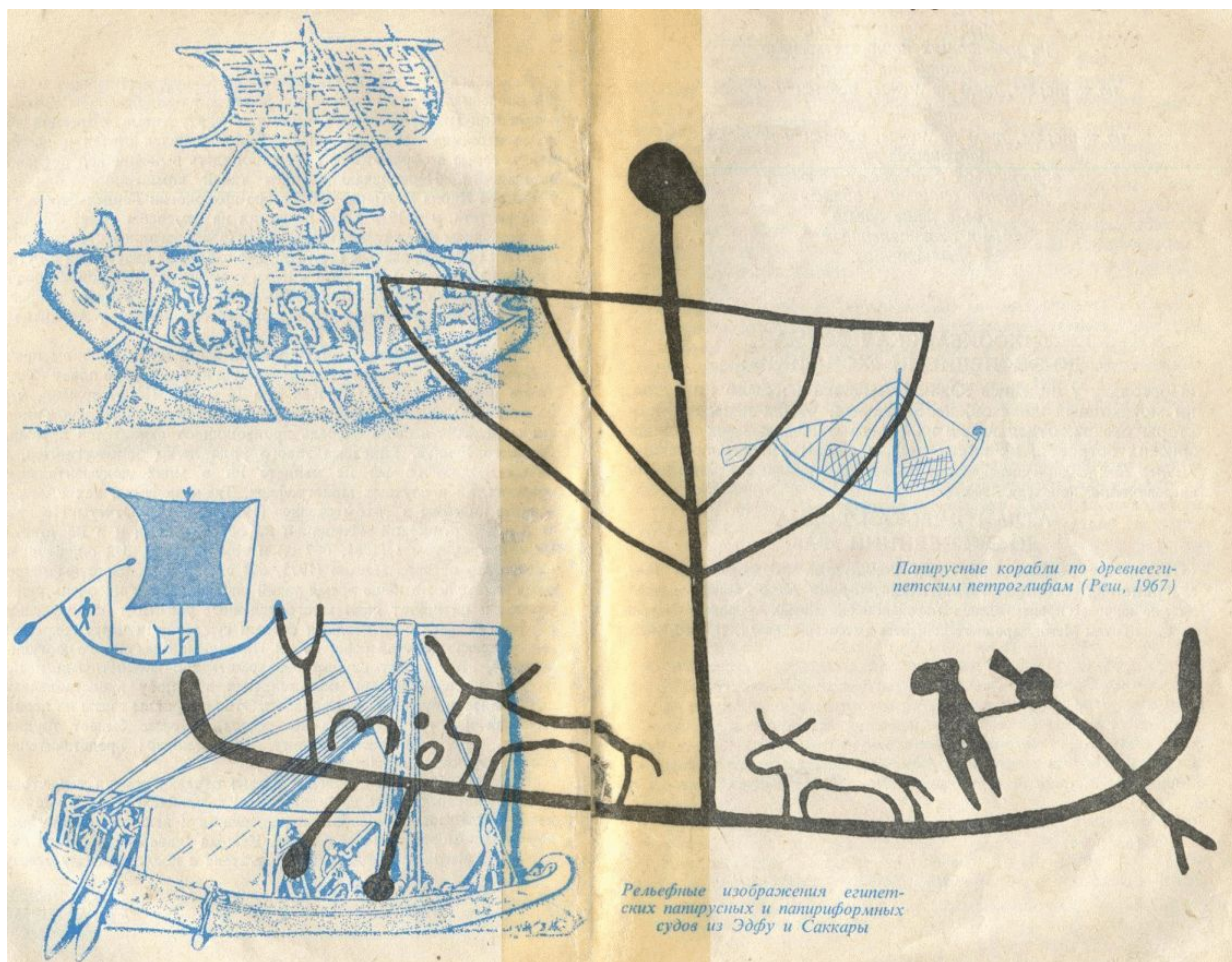
7 августа 1976 г.

ЧАСТЬ I

Древние суда и море

Бесчисленным оппонентам, чьи возражения сделали меня почитателем древнего человека и другом живого моря.

Ученым-специалистам, на изысканиях которых всецело основана эта книга, но которые, тем не менее, оставили пробелы, побудившие меня обратиться к древнему человеку за наставлениями в областях, где в наше время нет авторитетных специалистов.

ТИХООКЕАНСКАЯ ДОГМА ДО ЭКСПЕДИЦИИ «КОН-ТИКИ»:

«Поскольку у индейцев Южной Америки не было ни судов, ни мореходных навыков, необходимых, чтобы пересечь просторы океана, отделяющие их берега от ближайших полинезийских островов, их никак нельзя считать переносчиками». Питер Бак (видный специалист по Полинезии). Введение в полинезийскую антропологию. Гонолулу, 1945.

АТЛАНТИЧЕСКАЯ ДОГМА ДО ЭКСПЕДИЦИЙ «РА»:

«Обширные водные просторы исключали возможность иммиграции со стороны Атлантики». Франц Боас (видный специалист по вопросам происхождения американских индейцев). Америка и Старый Свет. — «Труды Международного конгресса американистов», т. 21, № 2, 1925.

Глава 1

Начало мореплавания

Человек поднял парус раньше, чем оседлал коня. Он плывал по рекам с шестом и веслами и выходил в открытое море раньше, чем стал ездить на колесах по дорогам. Первым транспортным средством были суда. Идя под парусом или просто плывя по течению, древний человек смог заселить острова. Земли, которых по суше можно было достичь только постепенным расселением, из поколения в поколение преодолевая препятствия в виде болот и безжизненной тундры, голых гор и непроходимых лесов, ледников и пустынь, достигались в какие-нибудь недели случайным дрейфом или на управляемых судах. Суда были первым важным орудием человека, осваивавшего земной шар.

Следующая ниже статья была впервые опубликована в журнале «*Dialogue*» в 1972 г. Здесь она несколько дополнена, главным образом описанием долговечных камышовых плотов болотных арабов ^{*}, изученных автором позднее в том же году, и данными, полученными при новых полевых исследованиях в Египте в 1976 г.

Как давно человек впервые вышел в океан и на каких судах? В какой мере мог он свободно передвигаться в открытом море?

Лет двести назад, когда на морях еще царствовали паруса, считалось, что представители древних цивилизаций обладали почти неограниченными возможностями к передвижению. Ведь прошли же с помощью ветра суда Магеллана, капитана Кука и многих других вокруг света, когда раз, когда два, так почему древние не могли сделать то же? Но после того как с изобретением винта и реактивного двигателя мир становился для новых поколений все меньше и меньше, родилось представление, что людям прошлого он должен был казаться соответственно больше и до Колумба вообще был бесконечным, а океаны — неодолимыми.

В первой половине нашего столетия, когда пароходы и самолеты стали вытеснять крупные и мелкие парусные суда, среди современных представителей исторической науки распространилось убеждение, будто до изобретения дощатого корпуса со шпангоутами и увеличения его размеров человек мог плавать только во внутренних и прибрежных

водах. Возможность трансокеанских контактов с Америкой до появления небольших, но снабженных высоким бортом судов вроде каравелл Колумба в 1492 г. отвергалась из практических мореходных соображений.

В учебных пособиях, говорящих о судостроении, прочно утвердилось положение, что первоначально человек одолевал небольшие водные пространства верхом на бревне. Затем, чтобы не мочить ноги, он додумался выдалбливать бревно топором и выжигать огнем, а по мере того как отваживался на поединок со все более высокими волнами — наращивал долбленку досками по бокам. И появился в конце концов полый корпус с поднятой высоко над поверхностью моря водонепроницаемой палубой, которому было не страшно даже самое сильное волнение. Увеличивая размеры корпуса, человек выходил все дальше в открытый океан. Практически все пособия именно так описывают путь человека к строительству первых судов. Однако при ближайшем рассмотрении эта давняя догма вступает в противоречие с известными фактами.

Несомненно, первой заботой человека при создании судов было обеспечить плавучесть. В разных концах света цель эта достигалась двумя совершенно разными способами. Один — сборка пропускающей воду конструкции из плавучих элементов, вместе обеспечивающих достаточную плавучесть, чтобы нести команду и груз. Второй — изготовление водонепроницаемого корпуса, плавучесть которого обеспечивается не родом материала, а за счет вытеснения воды воздухом.

Внимательный анализ дошедших до нас изображений древнейших лодок показывает, что в развитии судов основой послужила первая конструкция, а не долбленка, как было принято считать. Это легко доказывается как для Старого, так и для Нового Света. В Америке второй вариант отпадает сразу. Когда европейцы открыли Америку, мореплавание уже было хорошо развито и на атлантической, и на тихоокеанской стороне Нового Света. И однако даже самые развитые древнеамериканские цивилизации не додумались до строительства дощатых судов со шпангоутами, хотя долбленки были широко распространены. Парусный флот древней Америки составляли грузные плоские плоты из бальсовых бревен и камышовые лодки-плоты с изящно изогнутыми вверх носом и кормой. Оба типа судов перевозили

многотонные грузы, осуществляя торговлю между удаленными друг от друга областями Нового Света. Стало быть, мореходство у океанских берегов Америки развилось либо независимо, либо, если говорить о влиянии Старого Света, по примеру мореплавателей, незнакомых с корпусом на шпангоутах. О том, что мореходные камышовые ладьи и бревенчатые плоты — ровесники аборигенных цивилизаций Америки, свидетельствуют модели и изображения на керамике, тканях и дереве, обнаруженные в огромных количествах в древнейших погребениях от пустынь Северного Перу до Чили.

Если нынешние предположения антропологов верны, цивилизация и мореходство возникли в Америке не раньше конца II тысячелетия до н. э., когда представители средиземноморских цивилизаций уже выходили в океан за Гибралтаром как на камышовых ладьях, так и на дощатых судах [1].

Если аборигены Америки, как уже говорилось, не знали дощатых судов со шпангоутами, то искусство Старого Света ясно говорит, что в странах Средиземноморья первые конструкции деревянных судов развились из более древних камышовых ладей. Камышовые ладьи и их изображения известны в прилегающих к Средиземному морю областях — от Двуречья, Египта, берегов нынешней Сирии, Ливана и Израиля до Кипра, Крита, Корфу, Мальты, Италии, Сардинии, Ливии, Алжира, а за Гибралтаром — на атлантическом побережье Марокко. Недавно в районе древнего финикийского порта Кадис на атлантическом берегу Испании найден под водой финикийский сосуд с реалистичным рельефным изображением камышовых судов, несущих лучезарное солнце на палубе. (Сосуд выставлен в Кадисском археологическом музее.) Подобные ладьи спорадически употреблялись от Двуречья до Марокко вплоть до нашего столетия, а наскальные изображения в Египте и алжирской Сахаре свидетельствуют, что ими пользовались уже 5, 6, а то и 7 тысяч лет назад.

Больше всего древних изображений таких судов в пустынных областях Египта, между долиной Нила и Красным морем. В монографии Вальтера Реша о нубийских петроглифах многочисленные иллюстрации показывают, что преобладающим мотивом наряду с фигурами людей и животных явно были камышовые ладьи и они же — единственное изделие человеческих рук, если не считать оружия (Resch, 1967)[259] [2]. Бросается в глаза, что на большинстве этих

серповидных судов многочисленная команда, до пятидесяти человек и больше. Кроме двойных рулевых весел видим подчас сорок и более гребных; на многих судах показаны мачта и снасти, а в ряде случаев — и большой парус. О размерах ладей можно судить не только по числу людей и весел, но и по тому, что рогатый скот и другие крупные животные на палубе изображены совсем маленькими. Нередко видим одну, а то и две рубки — впереди и позади мачты. Папирусная ладья «Ра II», на которой наша неопытная команда из восьми человек пересекла Атлантику в 1970 г., заметно уступала в размерах наиболее крупным судам на петроглифах, которые высечены за 1–2 тысячи лет до возникновения первой династии Древнего Египта.

При недавнем посещении Вади-Абу-Субейра — сухого каньона в Нубийской пустыне между Асуанской плотиной и Красным морем — мне посчастливилось обнаружить многие еще не опубликованные изображения парусных судов додинастической поры. Их окружали водяные козлы, жирафы, крокодилы и другие животные, из чего видно, что в древности, когда создавались эти петроглифы, на месте пустыни был лес, а в каньоне текла река.

Насколько широко были тогда распространены серповидные камышовые суда, стало очевидно, когда Анри Лот вернулся из своей экспедиции в Тассили, в алжирской Сахаре, где им в 1956 г. были открыты замечательные наскальные изображения людей и животных, в том числе охоты на бегемотов с камышовых ладей. Радиоуглеродная датировка относит эти сахарские произведения искусства к VI–II тысячелетиям до н. э. Лот считает, что обнаруженные им рисунки различных лодок представляют нильские ладьи того же типа, что изображены на скалах Египта в додинастический период. Основываясь на этих и других поддающихся опознанию мотивах, он предположил, что древние скотоводческие культуры Алжира были связаны с древнейшими культурами Египта (Lhote, 1958)[203].

Ученые до сих пор расходятся в мнениях, где раньше возникла цивилизация: в долине Нила или же в поречье Месопотамии. Несомненно, что эти области сообщались после рождения древних культур. Специалистам по археологии Ближнего Востока хорошо известно, что в последовавшие за утверждением здешних цивилизаций века велась торговля между странами по обе стороны Аравийского полуострова; об этом говорят египетские изделия, найденные при

раскопках в Двуречье, и месопотамские поделки, обнаруженные в Египте. Оппенгейм в своем труде о купцах-мореплавателях Ура показывает, что на ранних стадиях развития культур Южного Двуречья сюда в большом количестве поступала слоновая кость либо из Египта, либо из Индии, причем главной ярмаркой месопотамских мореплавателей служил остров Бахрейн в Персидском заливе (Oppenheim, 1954). Как показывает Рао, печати Индской долины найдены при раскопках в Двуречье от Ура и Урука, вблизи Персидского залива, до Брака в Сирии, в районе турецкой границы, а Дейлз на основе недавних раскопок сложных портовых сооружений харанпского периода в долине Инда приходит к выводу, что харапцы вели «высокоорганизованную морскую торговлю» с Двуречьем и другими странами на Западе (Rao, 1963)[256]. Привозные броши из слоновой кости с типично египетскими мотивами настолько обычны среди археологических находок на территории древнего Двуречья, что образцы этих изделий представлены в большинстве иракских музеев, а в Государственном музее в Багдаде им отведен целый зал. Однако менее известно, что Амье, изучая ранние образцы месопотамской иероглифики, обнаружил, что древнейший доклинописный знак для понятия «судно» был тождествен египетскому иероглифу, обозначающему понятие «морской». Еще до того Фалькенштейн показал, что иероглиф «судно» весьма обычен в шумерских текстах III тысячелетия до н. э. Этот знак изображает серповидную камышовую ладью с поперечной вязкой и причудливыми крючковидными украшениями на носу и на корме (Amiet, 1961; Falkenstein, 1936)[13, 110]. Выходит, еще до того, как около 3000 г. до н. э. в Двуречье и в Египте утвердились континентальные цивилизации, по обе стороны Аравийского полуострова пользовались одним и тем же своеобразным иероглифическим знаком с общим смыслом, специфический вид которого не знает параллелей больше нигде в мире. Нос или корма ладей того же типа послужили прообразом для другого иероглифа. По Фалькенштейну, в древнейшем письме Двуречья шумерский знак, обозначающий понятие «господин» или «почтенный муж» (эн), изображает нос камышовой ладьи; видимо, кормчий обычно стоял на носу своего судна.

Иероглифы, а также религиозное и мнемоническое искусства свидетельствуют, что камышовые ладьи составляли неотъемлемую

часть культуры Двуречья еще до возникновения здесь городов-государств и, вероятно, были единственным типом судов во времена первых династий. По мнению Амье, указанный иероглиф отображает настолько древнюю конструкцию, что она вышла из употребления при I династии и сохранялась только для религиозных целей, тогда как более распространенные виды камышовых лодок использовались на бывшей шумерской территории вплоть до нашего столетия.

Морские суда древнего Ура и их драгоценные грузы из заморских стран постоянно упоминаются на древнейших шумерских глиняных плитках, и Оппенгейм отмечает, что речь шла о «чрезвычайно больших» судах. Так, в документах III династии говорится о судах грузоподъемностью 300 *гур*, что отвечает 96 тысячам литров, или почти 100 т. В своем исследовании судов древних вавилонян Салонен ссылается на плитки с описанием судов, перевозивших более 50 т груза; он тоже заявляет, что судостроение в Двуречье, несомненно, начиналось с камышовых ладей, которые затем послужили образцами или прототипами для первых дощатых конструкций (Oppenheim, 1954) [238]. Может быть, кому-то затруднительно представить себе, что примитивные в наших глазах люди строили и использовали поистине большие корабли, рядом с которыми папирусные «Pa I» и «Pa II» покажутся карликами. Но ведь еще труднее было бы поверить, что те же люди могли сооружать пирамиды, подобные саккарской в Египте или урским и урукским в Ираке, если бы мы не видели воочию долговечных конструкций из камня и кирпича, а знали о них только по письменным источникам.

Камышовые ладьи с солнечным богом, птичеловеками и другими божествами на борту, нередко с надстройками, рогатым скотом и другими признаками больших размеров судна чрезвычайно часто встречаются на древнейших шумерских печатях, которые находят даже в верховьях рек-близнецов, на бывшей хеттской территории в Южной Турции. Большие ассирийские рельефы из древней Ниневии реалистически отображают морской бой на камышовых ладьях. Врывающиеся на суда противника воины отправляют побежденных за борт, к рыбам и крабам. Камышовые ладьи и бревенчатые плоты предшествовали деревянным судам как в Малой Азии, так и в Египте; об этом же говорят изображения судов на печатях и в петроглифах древних цивилизаций Кипра, Крита и Мальты.

Среди древнейших известных нам изображений судов нет ни одной простой, прямой долбленки. У всех лодок изогнутые вверх нос и корма; большинству вообще придана серповидная форма — стилизованный прием передачи камышовой ладьи. В древнем искусстве вовсе не увидим переходных форм от долбленки к первым деревянным судам, зато путь от папирусной ладьи до первых деревянных кораблей отчетливо прослеживается в более позднем и утонченном искусстве Египта фараоновой поры, а также при прямом изучении древнейших известных нам остатков деревянных конструкций со шпангоутами. Вообще в областях Внутреннего Средиземноморья, где зарождалось мореплавание, древнее искусство показывает, что все ранние типы морских судов строились либо из камыша, либо по образцу камышовых ладей. Сами суда истлели и исчезли повсеместно, кроме сухих и надежно запечатанных гробниц в пустынях Египта; здесь-то нам и следует искать объяснения, почему первые деревянные суда сохраняли форму камышовой ладьи.

Воспроизводя по заказу первых фараонов легендарные суда времен древних богов и божественных предков человека, художники неизменно рисовали серповидные папирусные ладьи со стилизованным цветком папируса на элегантно изогнутых оконечностях. Бог Солнца, птичечеловеки и всевозможные культурные герои и здесь совершают все свои плавания на папирусных, а не на деревянных судах. На памятниках изобразительного искусства только фараоны поздних династий показаны использующими деревянные суда наряду с более древними, папирусными, а ко II тысячелетию до н. э. почти все крупные суда, по-видимому, сшивались из досок; лишь охотничьи ладьи и лодки бедняков делались из связок папируса. Бросается в глаза, что все первые деревянные суда до мельчайших подробностей воспроизводят конструкцию папирусной ладьи, включая высокие крутые дуги носа и кормы, с присущей папирусному прототипу чашевидной оконечностью. Немалого труда стоило плотнику, работавшему с неподатливой древесиной, воспроизводить сложные изгибы, которые легко давались тем, кто связывал гибкий папирус.

Сама по себе тщательно выверенная форма фараоновых судов, как первоначальных, папирусных, так и деревянных имитаций, была рассчитана на преодоление прибоя и высокой волны. Но суда фараонов ходили только по Нилу, где нет никаких волн, лишь мелкая рябь и где

для всех надобностей куда целесообразнее были бы баржи или плоские плоты, так что сохранять здесь сложные обводы было излишне. Таким образом, уже форма судов свидетельствует, что прототип папирусной ладьи древних египтян создавался для плаваний за пределами устья Нила.

Этот интригующий факт стал особенно очевиден, когда не так давно у подножия пирамиды Хеопса, в крытой плитами яме, были обнаружены огромные, хорошо сохранившиеся кедровые доски от фараоновой ладьи. Главный куратор археологических памятников Египта Ахмед Юсуф сумел заново сшить эти доски, продев новые веревки через старые отверстия, и мир увидел древнейшее дошедшее до нас судно, созданное около 2700 г. до н. э.

Общая длина корпуса — 43,4 м, и ему приданы такие изящные обтекаемые обводы, что викинги, тысячелетиями позже выходявшие в море на более мелких судах сходной формы, не смогли их превзойти. Самое разительное отличие между родственными по виду конструкциями заключается в том, что ладьи викингов были рассчитаны на удары океанских волн, тогда как корабль Хеопса построили для парадных выходов и ритуалов на тихом Ниле. Первоначально связывавшие конструкцию веревки протерли на дереве борозды, свидетельствующие о том, что корабль Хеопса немало поплавал, это не «солнечная ладья», предназначенная исключительно для погребального ритуала. Однако совершенные мореходные обводы ладьи — обман: она рассыпалась бы при первом же столкновении с морской волной.

Этот парадокс кое-что говорит нам об истории мореплавания. Изысканные, специализированные обводы ладьи Хеопса — но только обводы — явно отработывались с расчетом на плавания в океане. Поперечные и продольные дуги, высоко и элегантно изогнутые кверху нос и корма — все это характерные черты морских судов, скользящих через прибой и могучие океанские валы. И однако же фараон Хеопс, живший около 5 тысяч лет назад на тихих берегах Нила, повелел сшить из тщательно пригнанных досок корабль, не ведая о роли шпангоутов, так что получилось судно, способное выдержать лишь речную рябь, хотя его конструктивная форма не была потом превзойдена ни одним морским народом. Нет сомнения, что превосходные обводы фараоновой ладьи — плод творчества корабелов, за плечами которых была долгая

мореплавательская традиция, и столь же очевидно, что обводы эти во всем повторяли конструкцию более древней папирусной ладьи. Все специалисты сходятся в том, что ладья Хеопса вплоть до круто загнутой внутрь кормы с чашевидным цветком папируса на конце строго папириформна.

Итак, все наличные свидетельства говорят о том, что именно на папирусной конструкции развились все характерные черты морского судна и она послужила затем образцом для деревянных кораблей, а не наоборот. Конструкция папирусной ладьи уже была в совершенстве развита, когда фараоны I династии начали сооружать пирамиды на берегах Нила.

Практическое подтверждение, что папирусная ладья изначально создавалась и специально оснащалась для морских плаваний, получено во время моих экспериментов в 1969 и 1970 гг. Две папирусные ладьи были построены и испытаны на просторах Атлантического океана. Обе строились в соответствии с принципами, которые отражены в древнеегипетском искусстве; воссоздавая папирусный корпус, а также оснастку, рубку и рулевые весла, мы руководствовались рабочими чертежами крупнейшего знатока египетских судов — Бьёрна Ландстрёма, вобравшими все детали, подмеченные им в ходе тщательнейшего изучения этого предмета. Поскольку ни он, ни другие египтологи не знали, как связывать вместе стебли папируса, чтобы получилась прочная серповидная конструкция, строить «Ра I» было поручено мастерам из племени будума, живущего на озере Чад в Центральной Африке, а «Ра II» связали индейцы племени аймара с озера Титикака в Южной Америке. Оба экспериментальных судна были спущены на воду в древнем финикийском порту Сафи в Марокко. «Ра I» прошла свыше 3 тысяч миль, прежде чем начала разрушаться в американских водах, а «Ра II» преодолела за 57 дней 3270 миль и благополучно достигла острова Барбадос в Карибском море. Эти экспедиции показали ошибочность господствовавшего мнения, будто папирус должен тонуть через две недели; на самом деле стебли от долгого пребывания в морской воде не гнили, а становились крепче и туже. При правильной вязке папирус — идеальный материал для надежных и прочных судов.

Дефект «Ра I» сам по себе подтвердил, что древнеегипетская оснастка была рассчитана на то, чтобы легко всходить на прибой и

высокую волну в открытом море. Мы пренебрегли вопросом, решение которого было подсказано египтянам опытом. Всякому относительно большому судну грозит опасность сломаться поперек, когда его поднимет посередине высокая волна, так что нос и корма повиснут в воздухе, или же когда оно взмоетится на двух волнах без опоры посередине. Чтобы папирусная ладья могла ходить по морю не разламываясь, замечательные конструкторы составили ее из двух взаимосвязанных компонентов. Приблизительно на $\frac{3}{4}$ длины, считая от носа до середины кормовой палубы, корпус поддерживают параллельные штаги, закрепленные за колена двуногой мачты. Остальная часть кормы может в известных пределах колебаться независимо совсем немного, причем ее неизменно возвращает в исходное положение хитроумная пружина: кончик загнутой внутрь высокой кормы соединяется крепким канатом с палубой примерно вровень с местом крепления последних штагов.

До нашего эксперимента ученые и моряки единодушно считали, что эта «струна» призвана лишь сохранять изгиб кормы, преследующий исключительно эстетические цели. Лодочники с Чада показали нам, что корма сохраняет красивый изгиб и без каната; тут они были совершенно правы, поэтому мы вышли в море без «струны», и кормовой завиток на самом деле сохранял свою форму. Но зато начала прогибаться вся корма, кончилось тем, что только завиток и торчал над водой. Мы слишком поздно постигли секрет, который могли поведать нам лишь древние египтяне: смысл струны не в том, чтобы держать завиток, а в том, чтобы поддерживать колеблющуюся корму. Хитроумное приспособление это не могло быть придумано на реках и было совершенно ни к чему на тихом Ниле. Отсюда ясно, что древние египтяне разработали специальную оснастку, позволяющую гибким папирусным кораблям плавать на сильной волне.

Только тот, кто сам строил ладью из стеблей и веревок, поймет, какое высочайшее мастерство требовалось, чтобы изображенные на египетских фресках изящные конструкции сохраняли свою форму в бурном море. Наши чадские лодочники избрали простейший путь, связывали вместе один бунт за другим переплетающимися веревками, и вышло подобие толстого многослойного плота с изогнутыми кверху конусами носа и кормы, как это показано на профильных изображениях египетских ладей. Однако в море импровизированная конструкция

кормы, как уже говорилось, начала оседать; волны без помех врываются на борт сзади, и под их ударами привязанная к палубе рубка ерзала взад-вперед, перетирая скрепляющие корпус веревки. На египетских фресках и рельефах не показаны наслаивающиеся связки и переплетающиеся веревки, видно только толстый бунт с загнутыми сверху конусами на концах и сплошную поперечную вязку. Можно подумать, что ладья представляла собой одно-единственное веретено с завитками на концах, но такой вариант исключен, ведь цилиндрическое судно каталось бы, как бочка, да и палубу примостить негде. Но египетские суда всегда изображены в профиль, и весьма примечательно, что в современном мире есть только одно место, где вяжут ладьи с таким же точно профилем, а именно Южная Америка.

Цивилизация солнцепоклонников, которые внезапно принялись воздвигать пирамиды на берегах Северного Перу, оставила потомству керамические модели камышовых ладей, показывающие, что второй толстый бунт, не видный в профиль, обеспечивал и устойчивость этого своеобразного судна, и опору для палубы. В поисках строителей для «Ра II» мы установили, что в наше время мастера, способные построить ладью по давно забытым египетским и месопотамским принципам, остались только среди индейцев аймара, уру и кечуа в Южной Америке. Их способ сборки плотного, остойчивого корпуса из двух цилиндров, без узлов на переплетающихся веревках сводится к следующему. Между двумя толстенными бунтами помещается тонкий третий. Длина бунтов одинаковая, около 10 м, но если толщина среднего — 0,5 м с небольшим, то боковые достигают в сечении 2,5 м. Взяв одну длинную веревку, соединяют спиральной вязкой тонкий бунт сначала с одним, затем с другим бунтом. После чего объединенными усилиями нескольких человек обе спирали затягивают так, что средний бунт не просто сжимается боковыми, но как бы совершенно сливается с ними, образуя невидимую сердцевину (см. рис. 4, а — ж).

Продольная борозда в месте встречи двух бунтов не может служить надежной опорой для тяжелой мачты. Отсюда возникла потребность в двуногой мачте, каждое колено которой твердо опирается на свой бунт. Именно такой мачтой пользовались все южноамериканские индейцы, а также древние египтяне; и хотя на деревянном судне двуногая мачта не нужна, она долго сохранялась по традиции, пока во времена более поздних фараонов не уступила место

применяемой поныне одинарной мачте. Так что двуногая мачта, на которой человек впервые поднял парус, была создана для ладьи из двух бунтов, а не для дощатого судна.

Древнейший, известный нам по египетским изображениям парус — трапециевидный, вверху он намного шире, чем внизу. Ходя под парусом по Нилу, я не мог взять в толк, почему утвердилась гипотеза, будто такая форма египетского паруса вызвана тем, что берега реки обуславливают минимум ветра над поверхностью воды. Странная логика: ведь тогда парус следовало бы делать шире как раз внизу, где ветер якобы слабее. К тому же на участках, где в основном происходит навигация, река настолько широка и берега так низки, что они вряд ли могли служить препятствием для ветра. И наконец, если все дело в Ниле, почему трапециевидная форма паруса не сохранилась здесь до наших дней? Выйдя в море, команда «Ра» убедилась, что напрашивается другое объяснение: папирусная ладья настолько устойчива, что может нести гораздо большую парусность, чем любое деревянное судно тех же размеров; вместе с тем при компактной конструкции лодки-плота палуба размещается так близко к воде, что парус внизу не должен быть шире корпуса, иначе его захлестнут гребни волн по бокам ладьи. Добиваясь максимальной парусности, допускаемой устойчивой конструкцией, ширину паруса увеличили за пределами досягаемости волн, и неизбежно возникла трапециевидная форма.

Впервые в наши дни во время экспедиций «Ра» был испытан давно исчезнувший своеобразный рулевой механизм, который видим на древнеегипетских изображениях. По египетскому образцу мы изготовили два семиметровых рулевых весла с широченными лопастями и укрепили их наклонно по бокам кормового завитка. В нижней части веретёна крепились к уложенной на палубе поперечине, в верхней — ко второй поперечине, помещенной над палубой подальше от завитка. Поскольку весла крепились в двух точках, ими нельзя было свободно маневрировать, как обычным рулевым веслом; они вращались вокруг своей оси наподобие руля с длинным баллером. Верхний конец веретена был снабжен маленьким румпелем, а чтобы один человек мог одновременно работать двумя веслами, оба румпеля соединялись подвешенной к ним на лине деревянной рейкой.

Уязвимость этих рулевых весел с длинным веретеном и широкой лопастью выявилась во время плавания «Ра I», поскольку веретёна непрерывно ломались и приходилось их сращивать. Не располагая крепким и упругим ливанским кедром, который применяли древние египтяне, мы объясняли поломки пороками использованной нами древесины, и для «Ра II» сделали веретёна толще и из более крепкого дерева. Кроме того, усилили веревочные крепления на мостике и на уровне палубы, чтобы весла лучше противостояли ударам больших волн. Лишь после того как громадная волна все же переломила одно из толстенных рулевых весел «Ра II», опыт научил нас, что внизу, на уровне палубы, следовало крепить весло более тонким линем, чем наверху, на мостике, — тогда мощная волна порвала бы лить, а весло просто отнесло бы в сторону и мы легко закрепили бы его снова.

Когда мы по возвращении рассказали Бьёрну Ландстрёму о практическом решении единственной испытанной нами проблемы с рулевыми веслами, он тотчас понял смысл одной детали, которую не раз наблюдал на древнеегипетских изображениях. Копируя многочисленные рисунки, он обратил внимание на странный факт: как правило, внизу рулевые весла явно крепились более тонкими веревками или меньшим количеством витков, чем наверху. Он не подозревал, что это неспроста, пока не услышал от нас, что крепления должны быть разной толщины и нижнее играет роль предохранителя. Перед нами еще одно убедительное свидетельство, что древние египтяне выходили за пределы устья Нила, на бурные просторы моря.

Внимательное изучение изображений судов додинастической поры, высеченных на скалах от Египта до Алжира и представленных в искусстве Двуречья и Средиземноморья того же времени, а также кораблей, запечатленных художниками фараонов, и древнейших судов, раскопанных археологами, вроде папириформной деревянной ладьи Хеопса, вкупе с результатами, полученными при испытании папирусных судов в открытом океане, показывает, что суда с дощатым полым корпусом начали служить человеку для мореходства после камышовой ладьи.

Все наличные данные говорят о том, что около 3000 г. до н. э. пионеры судостроения на Ближнем Востоке совершили переворот, заменив компактные бунты из стеблей полым деревянным корпусом, причем во время долгого переходного периода имитировались

характерные обводы прежней ладьи. Народы, располагавшие легко расщепляемым и поразительно долговечным ливанским кедром, — например, хетты и финикийцы — рано отказались в судостроении от папируса, который получали, ведя заморскую торговлю с Египтом. А там и сами египтяне начали ввозить ливанский кедр для своих грузовых и увеселительных судов, ходивших по Нилу. Торговые связи морских народов этой области приобрели такой размах, что в древнем порту Библ в Ливане выделили особую гавань для торговли с Египтом, причем главное место в вывозе занимал кедр, а в ввозе — папирус и египетский гранит. Папирусные ладьи из Египта, упоминаемые иудеями в Библии, уступили место деревянным судам, изображения которых вытесняют серповидные ладьи с поперечной вязкой бунтов, высеченные на стенах иудейских склепов.

Для обмазки судов в древности обычно употреблялись смола, деготь или битум. В Египте мать Моисея обмазала смолой папирусную корзину, в которой пустила свое дитя плавать по Нилу (Исход, 2, 1–3) [3].

Иудеи не первыми описали потоп, от которого спаслась только одна семья, построив большое судно. Древние шумеры в III тысячелетии до н. э. записали на глиняных плитках, что задолго до их времени существовала цивилизация и были города. Верховный бог повелел истребить потопом человечество за его прегрешения, но шумерский бог вод Энки (соответствует Посейдону древних греков) предупредил благочестивого царя по имени Зиусудра о предстоящей опасности и «научил его, как спасти себя, построив очень большой корабль». К сожалению, часть текста, описывающая строительство, не уцелела, но мы читаем, что потоп покрывал бурей землю семь дней и семь ночей и корабль бросало на огромных волнах, куда бог солнца Уту не озарил светом небо и землю, после чего Зиусудра отворил отдушину, с благодарностью простерся ниц и принес в жертву быка и овцу. Интересно отметить: если, по иудейской версии, Ной пристал к горе Арарат в истоках Тигра и Евфрата, то, по мнению древних шумеров, Зиусудра причалил со своим кораблем к острову Бахрейн (Дильмун). Отсюда он, подобно самому богу вод Энки, направился в Ур в Двуречье, где основал шумерскую цивилизацию (Kramer, 1944)[191].

Небольшие открытые лодки *джиллабии* круглые *гуффа* — те и другие из ребер, покрытых камышом и осмоленных внутри и снаружи,

подобно Ноеву ковчегу, — ходят поныне на реках Ирака. В Государственном музее в Багдаде хранятся древнешумерские модели обмазанных битумом *джиллаби*. Возможно, эти конструкции из обшитых камышом ребер представляют переход от бунтовых ладей к пришедшим им на смену дощатым судам. Разве не логично предположить, что первый корпус из шпангоутов обшивали древнейшим материалом корабелов — камышом и папирусом, которые в изобилии росли в Двуречье и Египте, зато почти отсутствовали в Ливане, где, насколько нам известно, впервые появились деревянные корабли.

Древнее искусство Кипра и Крита тоже отражает переход от связанных вместе бунтов к первым папириформным деревянным кораблям, предшественникам судов Древней Греции и Рима. Европейские дуб и сосна постепенно сменили в судостроении исчезающий кедр, и в конце концов на морях воцарились всевозможного вида деревянные корабли с высоким бортом, несколько не похожие на первоначальный папириформный прототип. К тому времени, когда прочный стальной лист начал замещать уязвимые деревянные доски, на море почти не осталось камышовых судов. К числу рудиментарных исключений относятся: маленькие *кабальито* из камыша *тоторав* районе Хуанчако на севере Перу; *мадиаи шафатиз* стеблей *хабв* районе Ликса на атлантическом побережье Марокко; *джассонина* на острове Сардиния и *папиреллана* Корфу из местного камыша; наконец, большие *г'ареиз* камыша *бердиво* внутренней части Персидского залива. Сохранившиеся в других местах морские плоты из бунтов обычно вяжутся из полого тростника и быстро теряют плавучесть. В остальном настоящие камышовые лады в нашем веке сохранились только на внутренних водах, самые большие — на озерах Чад и Титикака по разные стороны Атлантического океана, где мы и наняли строителей для «Ра I» и «Ра II».

Почему с появлением деревянного корпуса так резко упал интерес к древней папирусной ладье? Одно из объяснений может заключаться в том, что папирус по не известной ботаникам причине совершенно исчез в нижнем течении Нила. В наше время его совсем нет в Египте, если не считать недавно основанную в Каире плантацию для производства туристских сувениров. Для «Ра I» и «Ра II» пришлось заготавливать

папирус в истоках Голубого Нила в Эфиопии и везти многочисленные связки по суше до Красного моря.

Однако при всем совершенстве конструкции папирусные суда не могли соперничать с деревянными в долговечности. Обнимающие днище веревочные витки постепенно стирались, если судно часто вытаскивали на берег, так что крупная камышовая ладья могла послужить от силы года два. Несомненно, большая долговечность и скорость деревянных судов в конечном счете оказались важнее всех достоинств древнего бунтового судна. А достоинства были: бунтовая ладья намного надежнее в море и берет больше груза.

Хорошо связанная камышовая ладья классического типа, уцелевшего в наши дни только на подверженном штормам горном озере Титикака в Центральных Андах, вне всякого сомнения, самое надежное судно, когда-либо изобретенное мореплавателями. Плотная, словно литой резиновый мяч, и плавучая, как пробка, она с легкостью морской птицы перемахивает через гребни, и ей не страшны никакие ураганы, поскольку нет полого корпуса. Бунты позволяют входить в зону прибой и мелководья, не боясь течи и захлестывающей волны.

Прежде чем десятки тысяч бесценных папирусных манускриптов погибли в огне, Эратосфен, главный библиотекарь огромной египетской библиотеки в Александрии, в дельте Нила, записал, что «папирусные суда с такими же парусами и снастями, как на Ниле» доходили до Цейлона и даже до устья Ганга. Позднее римский историк Плиний, цитируя ученого-библиотекаря в своем географическом описании Цейлона, подчеркивал, что папирусным ладьям на путь от Ганга до Цейлона требовалось 20 дней, а вот «нынешние» римские суда проходят то же расстояние в семь дней (Plinius, 77)[248].

В переводе на путевые единицы получается, что папирусные суда в таком переходе покрывали в сутки около 75 миль (почти 140 км), что соответствует скорости более трех узлов. Это хорошо согласуется со скоростями, которые мы развивали на «Ра I» и «Ра II», пока осадка не возросла из-за намокания бунтов и скорость понизилась до двух узлов с небольшим.

Стебли для «Ра I» и «Ра II» были срезаны в декабре. Некому было сказать нам, что плавучесть папируса зависит от времени года, когда он заготовлен. Эфиопы, срезавшие для нас папирус на озере Тана, выходили на своих лодках на один день для рыбной ловли или на три-

четыре дня для перевозки грузов, после чего вытаскивали лодки на берег для просушки; проблема постепенного намокания их не беспокоила. Из-за ошибки при конструировании кормы «Ра I» мы потеряли много стеблей папируса, и они плыли у нас в кильватере, но не тонули. «Ра II» совершенно пропиталась водой, так что палуба была вровень с поверхностью моря, и все же ладья благополучно пронесла надстройки, груз и команду через всю Атлантику — от бывшего финикийского порта до тропической зоны Америки. Кратчайшее расстояние между Африкой и Южной Америкой составляет лишь половину 3270 миль, пройденных «Ра II», стартовавшей недалеко от Гибралтара. Но и «Ра II» могла бы совершить свой рейс быстрее, чем за 57 дней, сохранив она скорость, которую развивала вначале при сухом корпусе, а именно 4–5 узлов.

Лишь после плаваний на «Ра», в 1972 г., я узнал от болотных арабов, живущих в месте слияния Тигра и Евфрата на юге Ирака, что стебли, срезанные в августе, гораздо дольше сохраняют первоначальную плавучесть. Камышовые лодки, все еще широко применявшиеся здесь в годы первой мировой войны, теперь стали редкостью. В 1972 г. мне кроме упомянутых выше *джиллабии гурфав* камышовой обшивке с битумной обмазкой довелось увидеть только одноместные плоты из трех связок, соединенных плугом. Камышовые суда с обмазкой могут держаться на воде сколько угодно. Однако плавучие камышовые острова, на которых в наши дни многие болотные арабы строят свои постоянные жилища, — свидетельство того, что даже непромазанные стебли, срезанные в надлежащее время года, поразительно долго сохраняют плавучесть [4]. Под Басрой комбинат, производящий фибровый картон, закупает плоты из камыша *берди*, сплавляемые по реке болотными арабами. В 1972 г. я видел с полдюжины причаленных к берегу огромных и весьма прочных камышовых плотов *гаре*. Вот размеры одного из них: 33 м в длину, 6 м в ширину, 3 м в высоту. Это намного больше «Ра II», длина которой достигала всего 12 м. Плотам *гаре* приходится порой по году ждать, когда настанет их очередь поступить на переработку, и все это время они сохраняют плавучесть. Иной раз можно увидеть на плоту тростниковую хижину — владелец живет в ней и готовит себе пищу на глиняном очаге, используя как топливо сухие стебли. Огромные *гаре*, как и папирусные *кадайна* на озере Чад, перевозящие до 40 т груза,

включая рогатый скот, позволяют нам представить себе размеры судов, которые могли конструировать строители пирамид Двуречья и Египта. Так что не следует удивляться, читая в древних текстах Ура про купеческие суда, способные перевозить до 300 *гур*, что примерно равно 100 т.

Сухие стебли месопотамского *берди*, подобно стеблям египетского папируса и перуанской *тоторы*, легко ломаются и крошатся, но после вымачивания в воде становятся гибкими и тугими, как трос, вдвоем не разорвать. Плотные камышовые бунты, туго связанные веревкой по спирали, твердостью равны резиновой покрышке, прочностью — дереву. Правда, бечева и веревки, сплетаемые местными строителями лодок из волокон того же камыша, либо пальмы *дум*, либо еще какого-нибудь растения, не могут сравниться с великолепными, классическими пеньковыми веревками, некогда тщательно изготовлявшимися их древними предками. Об этом убедительно говорят хорошо сохранившиеся веревки и канаты, найденные в склепах пустынь Египта, Ирака и Перу. Большое деревянное судно может быть разрушено сильной волной. Это ограничивает его размеры, но для папирусной ладьи такого ограничения нет. Теоретически корабль из бунтов может достигать величины современного океанского лайнера, лишь бы судовладелец располагал нужным количеством сырья и рабочей силой [5].

Свойства известных нам стеблей, форма египетских, месопотамских и перуанских судов с загнутыми вверх носом и кормой и специфическими морскими обводами, с обеспечивающими гибкость конструкции снастями и пружинящей кормой, с двуногой мачтой, опирающейся на два одинаковых бунта, с трапециевидным парусом, не боящимся волн, с рулевым устройством, включающим «предохранитель» для защиты от сильной волны, — все это говорит о том, что перед нами весьма совершенная конструкция, созданная специалистами для морских перевозок, а не для речного транспорта. Такие суда снаряжались в далекие плаванья до того, как их обводы и оснастка были скопированы конструкторами более долговечных кораблей из толстых досок. Долбленка так и не развилась в парусное судно с полым корпусом на шпангоутах. Полинезийцы и американские индейцы наращивали досками борта в тех случаях, когда не располагали достаточно большими стволами, но это был тупиковый

пусть, такие суда все равно не отклонялись от типа каноэ. Однако принцип вытеснения воды воздухом был заимствован месопотамцами у долбленки, когда они начали строить свои первые корпуса из камыша, обмазанного битумом, и когда корабелы Ближнего Востока около 3000 г. до н. э. перешли на строительство деревянных судов, копируя обводы и оснастку древнейших морских камышовых ладей. Таким образом, современные парусники, потомки древних конструкций Средиземноморья, происходят от двух предков — полого древесного ствола и связки плавучего камыша.

Глава 2

Пути через океан

Человечество в своем распространении никогда не располагало полной свободой передвижения. Странствия древнего человека всегда определялись и ограничивались естественными преградами и присутствием других людей. Передвигаясь пешком или на примитивных транспортных средствах, человек наталкивался на трудно преодолимые или вовсе неодолимые препятствия в виде суровых горных цепей с ледниками и обрывами, болот, пустынь, глухих лесов, арктических льдов, океанских просторов; его останавливали прежние поселенцы и враждебные племена. Ранее сложившиеся общины, несомненно, были главным препятствием для свободного передвижения во всех пригодных для обитания областях, исключая самую древнюю пору, когда первобытные люди, занимавшиеся собирательством, приходили в места, освоенные до них только зверями и птицами.

Для пешехода океан и впрямь был могучей преградой. Встреча с морем останавливала продвижение, вынуждала менять маршрут и исследовать берег в ту или иную сторону. Точно так же озеро или большая река вынуждали первобытного человека двигаться вдоль их берегов, исследуя неведомые края. Однако текущая вода была не просто пассивным проводником — она манила проехать на каком-нибудь плавающем предмете до знакомой обители или до «терра инкогнита».

Известно, что реки послужили для человека первыми дорогами в местах с густыми дикими лесами, где таились неведомые враги и опасности. Известно, что в расселении по Азии, Африке, Европе и Америке человек в полной мере использовал преимущества созданных природой внутренних водных путей. Инд, Тигр, Евфрат, Нил, Волга, Дунай, Магдалена — вот лишь несколько наиболее очевидных примеров рек, привлекавших основателей древних цивилизаций. Реки мы видим воочию, как бы медленно и ровно ни текли они по земле. Но океанских течений мы не видим, а потому склонны забывать про самые могучие и великие потоки, незримо скользящие среди водных берегов. Крупнейшая из рек, берущих начало в Перу, — не Амазонка,

устремленная на восток через Бразилию, а Перуанское течение, направляющееся на запад, через Тихий океан. Самая могучая река Северной Африки не Нил, а Канарское течение, дельта которого среди островов Карибского моря приносит африканскую морскую воду в Мексиканский залив. Постоянные течения, опоясывая океаны, образуют пути, соединяющие континенты.

Следующий ниже текст призван напомнить, что Американский континент окружен не безжизненным водным пространством — он расположен в сердце живого океана, пронизанного системой своих вен и артерий. В этой главе соединены два материала. Основу составляет первая часть доклада о первобытном мореходстве, представленного XIII конгрессу тихоокеанистов в Ванкувере в 1975 г. и опубликованного годом позже в трудах конгресса в качестве главы 13. Вторая половина доклада здесь опущена, ее тема относится к главе 6 настоящего сборника, а вместо этого взяты положения из доклада «Возможные океанские пути в Америку и из Америки до Колумба», написанного для XXXV Международного конгресса американистов в Мексике в 1962 г. и вошедшего в труды этого конгресса в 1964 г.

Наука подобна дереву: по мере роста она обзаводится все новыми и новыми ветвями. Ученый прошлого мог охватить разумом ствол, но никто из нас, ныне живущих, не в состоянии объять умом все ветви. Мы можем лишь пожинать плоды. Когда-то достаточно было сказать об ученом, что он антрополог, и мы уже ясно представляли себе круг его занятий. Теперь иное дело. Быстро развиваясь и расширяясь, антропологические науки *охватили все стороны жизни и деятельности человека во всех концах света в прошлом и в наши дни. Специализация далеко развела ученого, занимающегося группами крови, от его коллеги, изучающего социальные вопросы, или лингвистику, или археологию.

Есть в антропологических науках отрасль, чрезвычайно важная для понимания взаимоотношений и взаимозависимости культур, которой, однако, до сих пор уделяли куда меньше внимания, чем другим сторонам человеческой деятельности. Речь идет о примитивном мореходстве.

Но если оно примитивное, это еще не значит, что предмет сей настолько прост и незатейлив, что тут довольно интуиции и

скороспелых утверждений и можно обойтись без надлежащих исследований, проводимых при изучении других сторон древней культуры, о которых никто из нас не решится писать, не ознакомившись с ними лично или по источникам.

След мореплавателя стирается через секунду после того, как прошло его судно, и в море современным исследователям остается только изучать затонувшие корабли и груз, иногда находимые в мелких водах на континентальном шельфе. Конечно, подводная археология привлекает все больше молодых исследователей, но вообще-то дискуссия о примитивном мореходстве основывается прежде всего на изучении древних моделей и изображений на древних фресках, петроглифах, рельефах, в лепной и расписной керамике. А потому суждения о таких важных вещах, как мореходные качества, грузоподъемность и дальность плаваний доисторических судов, носят, как правило, чисто теоретический и подчас совсем ненаучный характер.

Слишком часто заключения о том, могло или не могло то или иное судно доставить человека живым из одной точки в другую, основывалось на предвзятых мнениях о том, был или не был культурный контакт между данными районами. Обратившись к литературе, мы увидим, что диффузионисты *обычно приписывают почти неограниченные возможности любому примитивному судну, призванному подтвердить ту или иную миграционную гипотезу. Напротив, изоляционисты будут отрицать мореходные качества того же судна на том основании, что указанные диффузионистами культурные параллели объясняются-де не трансокеанским контактом, а независимым развитием в одном направлении.

Другими словами, суждения о тех или иных примитивных судах, знакомых исследователям только по моделям или графическим изображениям, обычно оказываются лишь косвенными выводами, которые определяются различием взглядов на генезис культурных параллелей на суше и совсем не учитывают качеств данного судна. Предстоит немало потрудиться, чтобы предмет примитивного мореходства занял достойное место в ряду многих других научно обоснованных и добившихся немалых достижений отраслей антропологической науки.

Еще прискорбнее то, что изъятия чисто личных мнений из антропологической литературы проникают в другие дисциплины под

видом научных сведений. Между тем ученым других областей, не связанным прямо с антропологическими науками, подчас необходимо верно представлять себе, как далеко могли в древности заплывать участники дрейфов и морепроходцы. Так, — и это будет показано дальше — занимающиеся островами Тихого океана ботаники и зоологи, выясняя, как тот или иной вид фауны или флоры распространялся здесь до прихода европейцев, прямо зависят от того, что скажут антропологи. В растительном и животном мире тихоокеанских островов немало окультуренных и одомашненных видов непонятого происхождения. Многие растения по чисто ботаническим причинам никак не могли пересечь океанские просторы без помощи человека, и, однако же, они проникли на самые уединенные в мире острова до того, как сюда пришли европейцы. В таких случаях выглядит парадоксом, что ботаник обращается за объяснениями к антропологу, а не наоборот, ведь генетические данные биолога куда надежнее указывают пути и расстояния, пройденные древним переносчиком, чем теоретические суждения о возможной дальности плаваний древних мореходов. А так как вопросы примитивного мореходства представляют собой явный вакуум в области антропологических наук, догадки о дальности плаваний, которые могли совершаться доисторическими или протоисторическими судами, не раз оказывались ошибочными.

Мы, дети XX в., независимо от профессии находимся в плену своих представлений о том, какие средства нужны, чтобы преодолеть Мировой океан, а потому руководствуемся догмами, противоречащими известным фактам. Автору пришлось три раза пересечь океан на плоту и провести немало других практических экспериментов, чтобы убедиться, как далеки от реальности наши современные суждения о том, что необходимо для выживания на море, и сколько еще практических исследований нужно провести, прежде чем наши познания о примитивном мореходстве обретут силу подлинной науки.

Чтобы дискуссия о возможностях примитивного мореходства стала сколько-нибудь реалистичной, сперва надо развеять четыре ошибочных представления:

1. Водонепроницаемый корпус не единственный и даже не лучший способ обеспечить себе безопасность в море.

2. Неверно считать, будто безопасность в океанских плаваниях прямо пропорциональна размерам судна и высоте палубы над водой.

3. Не подтверждается фактами широко распространенное заблуждение, будто для примитивных мореплавателей спокойнее и легче прижиматься к берегу материка, чем выходить в открытый океан.

4. Логическое заключение, что путь из пункта А в пункт Б равен пути из пункта Б в пункт А, верно на суше, однако ошибочно на море.

Чтобы легче было принять эти на первый взгляд еретические утверждения, рассмотрим каждое из них, ведь они играют существенную роль для понимания того, что могло и чего не могло произойти, скажем, в Атлантике и Тихом океане до появления европейских каравелл.

1. Примитивные суда, как уже говорилось, можно разделить на два типа, основанные на совершенно разных принципах: суда с водонепроницаемым корпусом и суда, пропускающие воду через днище. В ряду множества разновидностей первого типа стоят, например, мореходные каноэ индейцев Северо-Запада [6] и полинезийцев, азиатские джонки и проа, открытые ладьи финикийцев и викингов. Вторая категория включает бревенчатый бальсовый плот Южной Америки; камышовую лодку, используемую в прошлом в той же области, и аналогичные конструкции Ближнего Востока, Древнего Средиземноморья, острова Пасхи и Новой Зеландии; *паху*, или лодки-плоты Мангаревы, Маркизских и Подветренных островов; четыре вида пропускающих воду *вака*, принадлежащих мориори на островах Сан-Кристоваль (Чатем), и всевозможные азиатские суда из бамбука.

Судно с корпусом уязвимо, потому что его плавучесть обусловлена не материалом, а вытеснением воды соответствующим объемом воздуха. Деревянное судно, долго плавающее в тропических водах, подвержено воздействию червя-древоточца. Оно может быть потоплено захлестывающими его сверху волнами при повреждении днища штормом или не обозначенными на карте рифами. У судов второго типа плавучесть обусловлена самим материалом, которому и червь не страшен, и вычерпывать воду не надо, поскольку накрывшая судно волна сама уйдет в щели. Как сказано выше, малая осадка и компактная конструкция позволяют таким судам проходить среди рифов и мелей и выбрасываться на берега, к которым судно с корпусом не подойдет. Уже эти достоинства объясняют, почему моряки высокоразвитых

цивилизаций Древнего Перу предпочитали свои два вида пропускающих воду судов-плотов, хотя и лодку с корпусом они прекрасно знали, однако пользовались ею только на реках. Когда бальсовый плот «Кон-Тики» выбросило на риф с наветренной стороны островов Туамоту, мы наглядно убедились, насколько безопаснее такое судно. Автору доводилось плыть в океане и на полинезийском каноэ, и в европейской открытой шлюпке, и он может подтвердить, что при шторме посреди океана или бедствии у берегов он не раздумывая предпочел бы очутиться на борту судна, пропускающего воду через днище.

2. Если говорить об аборигенных судах, безопасность мореплавания не возрастает с увеличением размеров, больше того, многочисленные эксперименты в Тихом и Атлантическом океанах убедили не только автора, но и других, что у примитивного судна длиной до 10 м больше шансов уцелеть в шторм, чем у судна того же типа, но больших размеров. Малые размеры, что очень важно, позволяют свободно передвигаться между валами и переваливать через них, тогда как судно, намного превышающее в длину 10 м, рискует зарыться в волну носом или кормой или же может переломиться посередине, если его поднимет сразу на двух гребнях. Штормовой ветер, способный нагнать волну, губительную для каравеллы средних размеров, не страшен малому плоту, скользящему через гребни и между ними.

3. Пуще всего мореплаватель на примитивном судне боится прибрежных вод; чем дальше от суши, тем безопаснее. В шторм ли, в тихую погоду океан всего коварнее вблизи берегов и над отмелями. Самые крутые и самые опасные волны образуются там, где океанский накат встречается у скал с откатом, да еще толчею усиливают приливно-отливные и другие местные течения. Посреди океана нет скал или рифов, преграждающих путь судам и течениям; волны длинные, ровные, и опасность крушения сведена, можно сказать, к минимуму. Вот почему совсем неверно столь частое в литературе утверждение, будто такой-то маршрут легче или менее опасен для примитивных мореплавателей потому, что пролегает вблизи берега, а не в открытом океане. В переходе через Тихий океан на плоту «Кон-Тики» настоящие опасности подстерегали нас лишь тогда, когда мы сблизилась с островами и рифами Полинезии. Во время двух

трансатлантических переходов папирусных «Ра I» и «Ра II» мы облегченно вздыхали, когда, пройдя около 600 миль вдоль грозных берегов Северной Африки, наконец прощались с сушей и оказывались во власти гладких, ровных валов в открытом океане.

4. Одно из главных различий при путешествии на суше и на море заключается в том, что в море очень трудно судить о расстояниях, поскольку измерения на карте не дадут точного ответа, все зависит от скорости судна. Так, по карте от Перу до островов Туамоту примерно 4 тысячи миль; между тем «Кон-Тики» достиг их, пройдя относительно поверхности океана всего четверть этого расстояния, то есть около тысячи миль. А дело в том, что за 101 день, пока длилось плавание, поверхность океана сама переместилась примерно на 3 тысячи миль в сторону Полинезии. Наш плот подвезла, так сказать, незримая река — Перуанское течение, идущее от берегов Перу в сердце Полинезии. Если бы другое аборигенное судно могло идти в обратном направлении с той же собственной скоростью, ему, чтобы достичь Перу, пришлось бы пройти от архипелага Туамоту по поверхности океана течения 7 тысяч миль. Другими словами, путевое расстояние и время оказались бы в 7 раз больше, чем для «Кон-Тики», хотя на карте путь один и тот же. Добавим, что под парусом нельзя идти по прямой против ветра, так что плыть навстречу маршруту «Кон-Тики» можно только галсами против мощного пассата, а это означает прибавку еще 2–3 тысяч миль к упомянутым семи.

Чтобы яснее представить себе, что путь относительно поверхности океана между двумя данными берегами определяется не столько расстоянием по карте, сколько типом судна, рассмотрим абсолютное расстояние от Перу до Маркизских островов — приблизительно 4 тысячи миль. Средняя скорость направленного на запад течения в этих водах — около 40 миль в сутки. Стало быть, если аборигенное судно идет на запад с собственной скоростью 60 миль в сутки, на самом деле оно будет проходить 60 плюс 40, то есть 100 миль, и совершит плавание от Перу до Маркизских островов за 40 дней. При попытке идти в противоположном направлении оно будет делать за сутки 60 минус 40, то есть 20 миль, и на путь от Маркизских островов до Перу понадобится 200 дней. Пусть собственная суточная скорость судна всего 40 миль; на запад оно будет идти со скоростью 40 плюс 40, то есть 80 миль в сутки, и достигнет Маркизских островов через 50 дней,

а в обратную сторону при суточной скорости 40 минус 40, то есть ноль миль, вообще не оторвется от архипелага.

Есть еще один хорошо известный всем важный фактор, которым почему-то постоянно пренебрегают представители антропологических наук. Глядя на карту мира, легко забыть, что наша планета изображена на ней в сильно искаженном виде: меркаторская проекция растягивает приполярные области в ширину экватора. Если свернуть такую карту трубкой, чтобы запад и восток сошлись, получится не шар, а цилиндр. В таком виде обычно рассматривают землю и антропологи, предлагая свои гипотезы трансокеанских миграций. В дискуссии о передвижениях полинезийцев и других народов Тихоокеанского бассейна неизменно исходят из правильности меркаторской проекции и соответственно рисуют предположительные пути миграции. Часто выдвигаемая и не менее часто опровергаемая гипотеза, будто древние мореплаватели пришли в Южную Америку из тропических областей Азии, исходит из того, что переселенцы продвигались вдоль экваториального пояса, который на карте в самом деле кажется наиболее прямым и коротким маршрутом через Тихий океан. Гипотеза эта не получила окончательного признания, однако представление об экваторе как о прямой линии живо. Эта иллюзия, порожденная цилиндрической проекцией картографов, вновь всплыла, когда несколько археологов с международным именем не так давно принялись искать течение, которое могло доставить аборигенные суда из Японии в Эквадор и помочь объяснению неожиданных параллелей в древнейшей керамике этих двух областей. Снова предпочтение было отдано экваториальному пути, поскольку Экваториальное противотечение от Азии «идет прямо к Эквадору», тогда как проходящее северное течение Куроисио «делает крюк через северную часть Тихого океана» («Ньюсуик», 19 февраля 1962 г., с. 49). Эта широко употребляемая формулировка пренебрегает тем, что наша планета — шар; на самом деле, Куроисио — наиболее прямой и короткий из двух названных путей, не говоря уже о том, что это течение гораздо сильнее. Тихий океан занимает целое полушарие, так что неверно искать кратчайший путь вдоль экватора, который равен любой другой дуге большой окружности.

Индонезия и Перу — антиподы. По прямой расстояние между тихоокеанским побережьем Юго-Восточной Азии и Южной Америки

через экватор ничуть не короче, чем через Северный полюс. Если наложить на глобус проволоку вдоль экватора от Суматры до Эквадора и, закрепив оба конца, смещать ее изгиб на север до Алеутских островов или Берингова моря, длина не изменится.

Памятуя, что огромный Тихий океан не гладкое озеро, а полушарие с одинаково длинными дугами с севера на юг и с запада на восток, получаем совсем другие предпосылки для реалистического подхода к вопросу о древних миграционных путях через этот исполинский водоем и вдоль его берегов.

Мы подошли здесь к весьма важному уроку, который нам преподает история: как возник так называемый маршрут каравелл в Тихом океане? Напомню, что азиатские берега Тихого океана были известны европейцам за 200 с лишним лет до того, как они узнали американские берега. Марко Поло достиг приморья Китая и Индонезии в конце XIII в., а Бальбоа, пройдя через Панамский перешеек, увидел тот же океан с другой стороны в 1523 г. Но хотя европейцы давно познакомились с культурами крайнего востока Азии, хотя португальцы учредили важные торговые посты на тихоокеанских берегах Филиппинских островов, а испанцы утвердились в других частях Малайского архипелага, ни одно европейское судно не выходило на просторы Тихого океана с этой стороны. Ветры и течения пресекали всякие попытки такого рода, и азиатские цивилизации, с которыми общались европейцы, ничего не ведали о чужих народах, живших за морями на востоке. Лишь после того как Колумб проложил европейцам дорогу в Америку, распахнулись географические ворота в Тихий океан. Как только испанцы пересекли Панамский перешеек и добрались до тихоокеанских берегов Перу, они услышали от инкских историков, что в двух месяцах плавания на запад от империи инков есть острова, населенные разными народами. Как будет показано дальше, инки сообщили необходимые данные для плавания к некоторым из этих островов, в том числе к Пасхе, но экспедиция Менданыи прошла мимо него из-за разногласий на борту, которые в последний момент привели к изменению курса. Тем не менее, пользуясь наставлениями инков, испанские каравеллы, выйдя из Перу, в одном плавании открыли Меланезию, а в следующем — Полинезию.

Принято считать, что парусники европейцев превосходили любые суда аборигенов; во всяком случае они им не уступали, а потому их

плавания в незнакомом Тихом океане могут служить для нас надежным указателем возможностей примитивного мореходства. И оказывается, что в океанских плаваниях первооткрывателей решающую роль играли не расстояния, а направления ветров и течений.

Первым тихоокеанским островом, который обнаружили европейцы, был Гуам в Марианском архипелаге. Один из ближайших к Филиппинам и к Азиатскому материку, где уже обосновались европейцы, океанических островов, он, однако, оставался неизвестным до 1521 г., когда к нему подошел Магеллан со стороны далекой Южной Америки. В последующие столетия были открыты остальные острова Микронезии, в том числе Каролинские, Маршалловы и Гилберта, и все со стороны Америки, по большей части судами, выходившими из Мексики, откуда мощный пассат и Северное Экваториальное течение направляются прямо к Микронезии.

Затем в Тихом океане были открыты Соломоновы острова Меланезии; их обнаружила уже упомянутая экспедиция Менданы, выйдя из Перу в 1567 г. Все дальнейшие открытия в Меланезии тоже были сделаны кораблями, выходившими из Южной Америки; самым важным было плавание Кироса, который вышел из Перу в 1606 г. и открыл Новые Гебриды.

Полинезия, как отмечено выше, была впервые обнаружена в 1595 г., когда Менданья в своем втором плавании из Перу пришел на Маркизские острова. Затем Кирос первым увидел Туамоту в 1606 г., а в 1616 г. Лемер и Схаутен, начав свое плавание в Чили, открыли острова Тонга. Остров Пасхи открыт в 1722 г. Роггевеном, тоже шедшим из Чили. Идя тем же маршрутом из Южной Америки, Байрон в 1765 г. обнаружил острова Кука; затем Валлис в 1767 г. вышел на Таити и острова Общества.

Почему же европейцы со стороны Азии не открыли ни одного из этих океанических островов? История и тут дает нам ответ. Европейские парусники, пройдя из Америки через весь Тихий океан, не могли вернуться тем же путем. Даже после того как с американской стороны мореплавателям открылся мир океанических островов, этот самый мир оставался недоступным для парусных кораблей, которые выходили из азиатских портов.

В 1527 г., после того как испанцы учредили важные торговые посты как в Мексике, так и в Малайском архипелаге, завоеватель

Мексика Кортес решил снарядить экспедицию под руководством Сааведры, с тем чтобы он прошел от мексиканских берегов до Филиппин и обратно. Выйдя из Сакатулы, Сааведра достиг филиппинского острова Минданао. Годом позже он собрался в обратный путь, но ветры и течения принудили его отказаться от этого замысла. Еще через год он сделал новую попытку и пошел на этот раз вдоль берегов Новой Гвинеи, рассчитывая обойти с юга враждебные стихии. И опять ветры и течения оттеснили его обратно в Малайский архипелаг. Здесь Сааведра умер, и на время попытки вернуться в Америку через Тихий океан были оставлены. В последующие годы многие каравеллы без особых затруднений проходили от Мексики до Филиппин, однако вернуться тем же путем никому не удавалось. Чтобы снова попасть в Мексику, мореплаватели были вынуждены огибать весь земной шар и пересекать Атлантику.

Только в 1565 г. Урданете удалось открыть единственный обратный путь, доступный парусникам той поры. Он пошел на север вдоль берегов Японии и с течением Куроисио, подгоняемый западными ветрами, пересек Тихий океан севернее Гавайских островов. И хотя компас говорил, что Урданета идет по северной дуге, на самом деле маршрут его в тропическую зону Америки был таким же прямым, как если бы он шел вдоль экватора. Урданета тщательно фиксировал свой путь в судовом журнале, и маршрут его стал затем так называемым путем каравелл, по которому больше двух веков следовали испанские и португальские корабли. Круговой путь пролегал из Мексики через тропические воды вблизи экватора на запад, к Филиппинам, а обратно — через крайний север Тихого океана, в пустынных водах между Гавайскими и Алеутскими островами. Кстати, обе экспедиции Менданы, открывшего Меланезию и Полинезию, начинались южнее экватора, в Перу, а назад он вынужден был идти северным путем, выше Гавайских островов, где западные течения и ветры позволяли вернуться к месту старта в Южной Америке.

Изучая примитивное мореходство, нельзя упускать из виду историю наших первых плаваний в Тихом океане. Непрерывная циркуляция океанских вод и воздуха над ними в этом полушарии 500 лет определяла все европейские открытия и торговые пути, начиная от путешествий Марко Поло в конце XIII в. до плаваний капитана Кука в конце XVIII в. Единственным мореплавателем, которому отчасти

удалось обойти этот океанский круговорот, был Тасман. В 1642 г. он вышел из Индонезии не на восток, а на запад, от острова Маврикий повернул на юг, обогнул Австралию с юга и открыл сначала Тасманию в районе «ревущих сороковых», а затем и Новую Зеландию. Дальше он шел галсами до Тонги, после чего тропический конвейер вернул его в Индонезию. Лишь под конец XVIII в., когда капитан Кук плывал в сравнительно хорошо изученном Тихом океане, техника парусного мореходства развилась настолько, что позволяла в известной мере спорить со стихиями. В первом плавании Кук тоже избрал обычный курс, с попутными ветрами от Южной Америки до Индонезии, но в последующих двух плаваниях он шел по следам Тасмана южнее Австралии, потом поворачивал на север, пересекая тропический пояс, и в итоге открыл неизвестные дотоле европейцам Гавайские острова.

Пятьсот лет бесстрашные европейские мореплаватели не могли провести свои корабли в Океанию через Папуа-Меланезию и Микронезию — это ли не реалистичное свидетельство ограничений, которые в еще большей степени распространялись на древних морепроходцев! Было бы непростительно в дни парусных и теплоходов пренебречь полутысячелетием в истории нашего парусного мореплавания и упорно предписывать доисторическим судам маршруты в Тихом океане, недоступные для кораблей исторической поры.

И ведь уроки надежно документированной истории европейского мореплавания подтверждаются целым рядом практических экспериментов на доевропейских судах, проведенных уже в нашем веке. После 1947 г., когда по инкским образцам был построен бальсовый плот «Кон-Тики», еще 12 плотов, стартуя на тихоокеанском побережье Южной Америки, достигли островов Океании. Один плот вышел из Полинезии и две джонки — из Азии с целью пересечь океан в противоположном направлении; все три попытки не удались. Этот опыт, эти маршруты не менее поучительны, чем первые плавания европейцев в Тихом океане.

Бальсовый плот «Кон-Тики» в 1947 г. прошел от Центрального Перу до Рароаи в Восточной Полинезии.

Бальсовый плот «Семь сестер» доставил Уильяма Уиллиса из Центрального Перу на Самоа, на западе Полинезии, в 1954 г.

Бальсовый плот «Кангута I» с Эдуардом Ингрисом и его товарищами прошел в 1955 г. от Северного Перу до Галапагосских островов, после чего команду пришлось спасать, потому что плот, войдя в область так называемого Экваториального противотечения, не мог продвинуться ни на восток, ни на запад.

Плот «Таити Нуи II» под командованием Эрика де Бишопа проплыл от Центрального Перу до Ракаханги в Западной Полинезии в 1958 г.

Бальсовый плот «Кангута II» доставил Ингриса с новой командой в 1959 г. из Центрального Перу на Матахиву в Центральной Полинезии.

Бальсовый плот «Возраст не помеха» был проведен престарелым Уиллисом от Центрального Перу через Самоа до Талли-Бич в Австралии в 1963–1964 гг.

На бальсовом плоту «Тангароа» Карлос Кавеведо Арка и его товарищи прошли в 1965 г. от Центрального Перу до Факаравы в Центральной Полинезии.

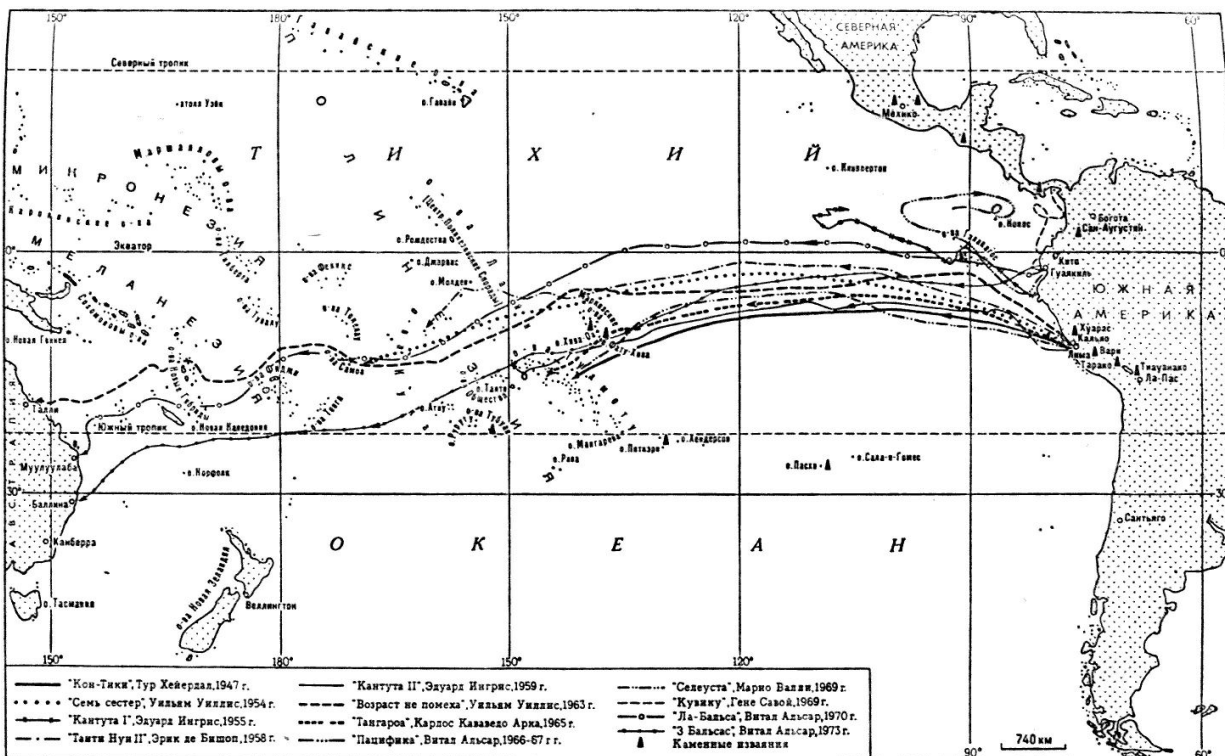
Бальсовый плот «Пацифика» был спущен на воду Виталом Альсаром и его товарищами у южных берегов Эквадора. В 1966–1967 гг. они достигли Галапагосских островов, после чего поднялись на север так далеко, что вошли в зону Экваториального противотечения, которым пытались воспользоваться, чтобы возвратиться в Америку. Однако то, что принято считать идущим на восток течением, на самом деле представляет собой беспорядочные струи и завихрения в узкой полосе штилей между двумя мощными течениями, устремляющимися на запад выше и ниже экватора. 143 дня команда «Пацифики» тщетно пыталась пробиться назад, в Америку; наконец людей подобрало спасательное судно.

Далее резиновый плот «Селеуста» в 1969 г. совершил дрейф от Центрального Перу до Рароиа — того самого полинезийского атолла, к которому в свое время прибило «Кон-Тики»; этот эксперимент осуществил Марио Валли.

Витал Альсар с товарищами спустил на воду бальсовый плот «Ла Бальса» в Эквадоре и в 1970 г. дошел до Муулуулабы в Австралии.

Еще три бальсовых плота — «Ла Ацтлан», «Ла Гуаякиль» и «Ла Муулуулаба» — с интернациональными командами под руководством того же Альсара вместе вышли из Эквадора и, пройдя через Полинезию

и Меланезию, через 179 дней пристали к берегу у Беллины в Австралии в 1973 г.

Плавание на плотках из Южной Америки в Океанию начиная с 1947 г.

Итак, с 1947 по 1973 г. у тихоокеанского побережья Южной Америки было спущено на воду 13 плотов; два из них дошли до Галапагосских островов, из остальных одиннадцати все достигли Полинезии, а пять даже добрались до Меланезии или лежащего за ней австралийского континента. Посмотрим теперь, что было с примитивными судами, на которых пытались пересечь океан в обратном направлении.

Первую попытку Эрик де Бишоп предпринял еще до второй мировой войны. Он собирался пройти на китайской джонке от Малайского архипелага до Полинезии, чтобы подтвердить господствовавшую тогда гипотезу, будто этим маршрутом проследовали азиатские предки полинезийцев. Три года не покидал он джонки, пытаясь воспользоваться неуловимым Экваториальным противотечением, но не дошел даже до Микронезии. В конце концов он прекратил свой эксперимент и заключил: «...общепринятая гипотеза о том, что Полинезия была заселена из Малайзии или какого-либо иного

центра в западной части Тихого океана... невероятна!» (Bisschop, 1939) [39].

Затем он построил на Гавайских островах полинезийское каноэ и в несколько недель прошел из Полинезии до Малайского архипелага. Когда плот «Кон-Тики» показал, как легко дойти до Полинезии из Перу, де Бишоп построил на Таити бамбуковый плот, чтобы проверить, не будет ли плавание в обратном направлении таким же доступным. Спустился на юг в штормовые широты в районе «сороковых», чтобы идти дальше с западными ветрами, и почти семь месяцев сражался с холодом и бурными волнами; наконец, не дойдя тысячи миль до Чили, передал SOS, потому что его потрепанный штормами бамбуковый плот очутился в районе, где зарождается Перуанское течение, и грозил направиться обратно, в Полинезию. Де Бишопа спасли, привезли в Южную Америку, здесь он связал упомянутый выше бревенчатый плот и благополучно доставил свою команду из Перу в Западную Полинезию; правда, сам он погиб на рифе.

Наиболее серьезной попыткой пересечь Тихий океан со стороны Азии на первобытном судне был, конечно, так называемый «Проект Пацифика», реализованный после шести лет приготовлений в 1974 г. Последователь известного ученого Хейне-Гельдерна, сторонник диффузионистской теории венской школы Куно Кнёбль построил настоящую азиатскую джонку, используя как образец керамическую модель I в., найденную при раскопках под Кантоном в Южном Китае. Задача эксперимента — провести азиатское судно от Китая до Эквадора в Южной Америке. Однако тщательно скопированная джонка, названная «Таи Ки», лишь подтвердила то, о чем нам известно из 500 лет истории ранних плаваний европейцев: для примитивных судов, выходящих из Азии в Тихий океан, годился только путь каравелл. «Таи Ки» не могла бороться со встречными ветрами и течениями в тропиках, ее неумолимо сносило на север. На 40° с. ш., когда до Алеутских островов было ближе, чем до Гавайских, команда источенной червями, разрушающейся джонки передала SOS и была подобрана спасателями, а обломки судна потом обнаружили у берегов Аляски. Когда команда покидала тонущую джонку, шел 115-й день плавания, а до северо-западного побережья Северной Америки все еще оставалось 2 тысячи миль.

Пожалуй, этот эксперимент оказался самым важным для науки. Он указывает путь из Азии в Америку для всяких примитивных судов. Северо-запад Америки, а точнее, острова у берегов Аляски и Британской Колумбии, но не область тропических островов — вот единственные доступные ворота для доевропейских мореплавателей из Азии в Новый Свет. И у того же северо-западного побережья Америки ветры и течения поворачивают к Гавайским островам на севере Полинезии, точно так же как стихии от Перу сворачивают к Восточной и Центральной Полинезии. Ранние исследователи — например, Ванкувер и Байрон — обнаруживали на Гавайских островах большие лодки из сосны, которую приносило течение от берегов американского Северо-Запада, а в справочном издании Музея Бишоп за 1915 г. утверждается даже, что большие военные лодки гавайцев строились «преимущественно» из американской сосны. Шарп и Фэрли на основе сходства петроглифов предположили, что существовал контакт между аборигенами американского Северо-Запада и Гавайских островов; они же отметили, что на гавайских пляжах подобрали сотни бревен красного дерева через несколько месяцев после того, как в Британской Колумбии разлившиеся реки снесли запруды лесопилен. И не только бревна — целые лодки могли одолеть тот же путь, как доказал полстолетия назад капитан Фосс. Приобретя на острове Ванкувера 11,5-метровое каноэ, построенное северо-западными индейцами, он за два месяца прошел до Тонгаревы в Центральной Полинезии, откуда продолжил плавание до Новой Зеландии и дальше на запад. Его каноэ «Тиликум» выставлено для обозрения в парке Тандерберд в Виктории (Британская Колумбия).

Подведем итог. Документальные исторические данные и многие практические эксперименты нашего времени показали, что примитивные азиатские суда могут выйти на просторы Тихого океана только на севере, между Гавайскими и Алеутскими островами, и причалят они скорее всего к какому-нибудь из островов у побережья американского Северо-Запада. Отсюда путь открыт к субтропическим и тропическим островам центральной части Тихого океана.

До сих пор мы говорили о намеренных попытках пересечь Тихий океан с востока или запада на европейских парусных кораблях или на копиях доисторических судов. Однако в последние годы широко обсуждается вопрос, была ли Океания открыта в результате

намеренных экспедиций вроде предпринятых европейцами или после случайных дрейфов. Кое-кто утверждает, что штормовые ветры, дующие в направлении, противоположном преобладающим ветрам, могли привести предков нынешнего полинезийского населения к островам посреди океана. Эти гипотезы были проверены на вычислительных машинах. Левисон, Уорд и Уэбб проиграли более 100 тысяч вариантов дрейфа и свыше 8 тысяч вариантов направленных плаваний из 62 пунктов к востоку и к западу от Полинезии. Азиатские берега пришлось исключить совершенно, так как шансы достичь Полинезии даже с любого из расположенных ближе, протянувшихся в океане на 4 тысячи миль островов Микронезии, оказались равными нулю. Больше того, моделирование показало, что 400-мильная зона открытого моря, отделяющая Соломоновы острова и Новые Гебриды от Полинезии, «представляет собой труднейший барьер для дрейфов в восточном направлении» (Levison, Ward and Webb, 1973)[202].

Опровергнув возможность дрейфов до Полинезии из Микронезии и Меланезии, машинное моделирование подтвердило то, что давно показали плавания исторических времен, а именно: в Океании случайные дрейфы, влекущие за собой открытие новых островов, должны были подчиняться господствующим ветрам и течениям, направленным с востока на запад, а не отдельным штормам или отклонениям от нормы. Археологи и лингвисты уже установили, что все полинезийские колонии в Микронезии и Меланезии обязаны своим происхождением выходцам из собственно Полинезии, а не являются трамплинами древних переселенцев из Малайского архипелага или континентальной Азии. По словам Левисона и др., их исследование также говорит в пользу того, что колонии эти возникли в результате дрейфов из Полинезии.

Даже внутри собственно Полинезии вероятность выйти на какой-либо остров, дрейфуя против господствующих ветров и течений, чрезвычайно мала. Словом, дрейф из Западной Полинезии к любому другому полинезийскому острову вряд ли возможен. По данным машинного моделирования, «шансы попасть путем дрейфа с Самоа на острова Кука или Общества равны 1:700. Возможности [путем случайного дрейфа] дойти из других частей Полинезии до Гавайских островов, острова Пасхи и Новой Зеландии равны нулю» (Levison, Ward and Webb, 1973[202]). Далее: «Наибольший процент вероятности

проникновения в Полинезию и выхода на ее острова достигается, когда за исходные точки берешь Маркизы или остров Пасхи» (там же), другими словами, два ближайших к Южной Америке форпоста Полинезии.

Как и следовало ожидать, совсем другой результат дало рассмотрение возможностей дрейфа со стороны Южной Америки.

«Если мореплаватели отчаливали с перуанского побережья, из района Кальяо, и старались возможно точнее выдерживать западный курс, вероятность выхода на Полинезию была очень велика. В нашем эксперименте чуть больше трети гипотетических судов, стартующих из района Кальяо, приставали к островам Полинезии, и длительность плавания, как правило, не превышала трех месяцев» (там же).

По поводу инкского плота из бальсы Левисон и др. говорят, что совершенная система управления с использованием швертов и плавучесть этих судов позволяли им дойти из Южной Америки до Восточной Полинезии; в то же время высокие мореходные качества обеспечивали возможность возврата к берегу, если плоты подхватывало мощное течение в 300 милях от континента. Подводя итоги, авторы заключают, что вероятность проникновения человека в полинезийский треугольник в результате случайного дрейфа с любой стороны очень мала.

Напомню, что все 13 плотов, которые в последние десятилетия отчаливали от берегов Южной Америки, держались кормой к пассату, здесь нельзя говорить о дрейфе в том смысле, в каком это слово употребляют Левисон и др. По данным их моделирования, чистые дрейфы из южноамериканских вод должны были привести к Маркизским островам, которые наряду с Пасхой являлись наиболее благоприятной исходной точкой для достижения остальных островов Полинезии.

В этом важном исследовании есть один серьезный пробел. Авторы, просчитывая варианты, не поднялись достаточно далеко на север, не дошли до архипелагов Британской Колумбии. Это тем более прискорбно, что речь идет о единственном районе, куда течение из Юго-Восточной Азии приносит дрейфующие суда, после чего они продолжают путь до полинезийского треугольника. Впрочем, Левисон и др. отдают себе отчет в этом недостатке. Они сами указывают, что рамки исследования не позволили рассмотреть исходные точки в

северных широтах и проиграть то, что они называют «маршрутом плавника», от берегов американского Севера-Запада. Но вероятность плаваний из Мексики в Полинезию у них получается малой, и они добавляют: «Шансы достичь Гавайской группы из более северных точек Тихоокеанского побережья, несомненно, выше... если случались дрейфы из Северной Америки, то скорее всего исходным районом была Британская Колумбия» (Levison, Ward and Webb, 1973[202]).

Прибрежные воды Британской Колумбии — единственный островной район, откуда можно было прямым путем попасть на примитивном судне в Полинезию, будь то дрейф или намеренное плавание, — служат в то же время естественным финишем для подобных плаваний из Юго-Восточной Азии. Другими словами, изобилующие островами прибрежные воды Британской Колумбии представляют собой то, чем никак не могли быть ни Микронезия, ни Меланезия, — удобный географический трамплин на пути из Филиппинского моря до Полинезии. Первые европейские экспедиции и машинное моделирование показывают, что альтернативы нет. Малайские пироги, или проа, китайские и японские джонки, идет ли речь о дрейфе или активном плавании, запросто достигнут Британской Колумбии с течением Кюросио. При дальнейшем дрейфе их через несколько недель вынесет к Гавайским островам. У проделавшей вынужденный маршрут экспериментальной джонки «Таи Ки» было в этом столетии немало предшественников. Жертвы кораблекрушений доставлялись течением из Азии в Британскую Колумбию, а некоторые из них доплыли живыми и дальше, до Гавайских островов. Документальные данные о таких случаях представлены на V конгрессе тихоокеанистов Стоуксом; об этом же писали антропологи Хэнди и Сэйс (Stokes, 1934; Handy, 1930; Saucy, 1933[298, 140, 141, 273]).

Главная цель нашего обзора — определить и выделить возможные океанские пути, которые чисто практически могли доставить аборигенов в Америку или из Америки на доевропейских судах. Это не значит, что доколумбовы мореплаватели непременно ходили по всем рассмотренным здесь маршрутам, хотя совершенно ясно, что никакие помехи не препятствовали древнему человеку плыть по указанным путям. Наш обзор призван не отстаивать диффузию, а анализировать практические проблемы, встающие перед всяким, кто говорит о

возможности трансокеанских контактов между Старым и Новым Светом на аборигенных судах.

Пересекающие океан незримые реки, больше и мощнее любых рек на суше, приводятся в постоянное движение вращением земного шара. Они текут в тропическом поясе с востока на запад, упираются в материки и поворачивают назад по широкой дуге, возвращаясь на восток в более холодных широтах, вблизи приполярных областей. Тропические течения путешествуют не в одиночку, они увлекают с собой все, что держится на воде, и неизменные пассаты круглый год дуют в полную силу в ту же сторону, с востока на запад.

История и география согласно указывают три благоприятных океанских пути из Старого Света в Новый — два на атлантической стороне и один со стороны Тихого океана, а также два основных маршрута из Нового Света в Старый, оба через Тихий океан. Эти маршруты настолько четко определены, что им вполне можно присвоить названия в честь их исторически известных открывателей.

Маршрут Лейфа Эйриксона наименее благоприятен по природным условиям, однако он первым был использован европейцами, поскольку путь в Америку облегчается здесь в Атлантике ступенями, с которыми на тихоокеанской стороне может сравниться только цепочка Алеутских островов. Если вместо абсурдно растянутой Арктики на карте Меркатора обратиться к глобусу, мы увидим, что на пути от Норвегии или Великобритании через Шетландские и Фарерские острова, Исландию, Гренландию и Баффинову Землю до Лабрадора и Американского материка вообще морские этапы не превышают по длине озеро Мичиган. Как будет показано в одной из последующих глав, за время с 986-го примерно до 1500 г. норманны основали на юго-западном побережье Гренландии поселения, в которых было 280 дворов, две епископские усадьбы, монастыри и 17 церквей. Поддерживая достаточно сложную связь с Исландией и Норвегией на открытых судах, эти европейские поселенцы, платившие дань опекавшему местную паству Ватикану, пять столетий до прибытия Колумба в Новый Свет жили всего в 200 милях от американских берегов. В письменных источниках XI–XV вв. зафиксировано по меньшей мере пять походов через Девисов пролив в Америку.

Дальше мы увидим, что норманны были не единственными европейцами, проявлявшими активность в этом удаленном уголке

Атлантики. Папское послание 1448 г. осуждает британских пиратов, которые совершали набеги на поселения христиан-норманнов в Гренландии и разрушали их церкви. Еще раньше, в 1432 г., норвежский и английский короли заключили соглашение, призванное прекратить нападения английских пиратов на норманнов в Девисовом проливе; перед нами историческое свидетельство того, что даже неизвестные авантюристы с Британских островов были знакомы с северо-западными берегами Атлантики до исторического плавания Колумба.

Возможно, как раз в это время, если не раньше, сложились бытовавшие в средневековой Ирландии представления о далеких землях на севере Атлантики. Норвегия и Ирландия были связаны многими узлами в средние века. Около 840 г. норвежские викинги основали город Дублин. Больше того, когда беженцы из Норвегии после войны 872 г. стали обосновываться в Исландии, они обнаружили, что ирландские монахи раньше их добрались до этого уединенного острова. А потому развившееся после основания первых гренландских поселений в 985 г. регулярное трансатлантическое сообщение между норманнами в Гренландии и их родиной в Исландии и Норвегии не могло пройти мимо внимания ирландских современников. Согласно кельтским преданиям, записанным приблизительно во времена открытия Гренландии, ирландский монах св. Брендан — несомненно, историческое лицо — посетил Фарерские острова, Исландию и другие заморские области. Многие полагают, что в этом замечательном плавании, совершенном на ирландской лодке *currach* из кож, Брендан доходил до Нового Света. Правда, положительных доказательств нет, но возможность такого плавания не исключена, как показал недавно Тим Северин со своими товарищами, пройдя на такой же лодке в 1976–1977 гг. через Северную Атлантику по маршруту Лейфа Эйриксона.

Если обратиться к более древним временам, то американский археолог Гринмен полагает, что человеку верхнего палеолита было еще легче, чем норманнам, проникнуть в северо-восточную часть Северной Америки (Greenman, 1962). По его мнению, в ту пору для этого достаточно было следовать вдоль кромки ледника, который перекрывал океан на широте Ирландии. Несомненно, переход в Америку арктических охотников из Северной Европы тогда был вполне возможным. Происходил ли он на самом деле — задача для археологов; пока же речь идет о правдоподобной гипотезе.

Маршрут Колумбанамного длиннее, зато здесь очень мягкий климат и чрезвычайно благоприятные океанские течения и ветры. Собственно ток воды берет начало у берегов Западной Европы, но по-настоящему отсчет маршрута следует начинать к западу от Гибралтара и северо-западного побережья Африки, где к течению присоединяются мощные пассаты. От Северной Африки путь пролегает по Канарскому течению, известному также под названием Северного Экваториального течения, вплоть до островов Карибского моря и до Мексиканского залива. К Северному Экваториальному течению примыкает мощная ветвь течения с юга, от Мадагаскара и Южной Африки, — Южное Экваториальное течение, которое тоже достигает Мексиканского залива, но минуя берега Бразилии. Хотя эти два океанских пути рождаются у Африки порознь, их вполне можно рассматривать как две части одного могучего конвейера, заметно приближающего Центральную Америку к далекому, казалось бы, Африканскому континенту и в то же время отдаляющего Африку от Нового Света, если идти обратным курсом.

Насколько известно по письменным источникам, Колумб — первое историческое лицо, воспользовавшееся этим маршрутом. Однако вовсе не исключено, хотя документов на этот счет нет, что арабы, покорив марокканских берберов и дойдя до гуанчей на Канарских островах, направились дальше в океан и очутились на проходящей здесь дуге «морского конвейера». Такого рода указания отмечались различными авторами. Одно из них находим в переведенной в 1764 г. Гласом старинной испанской рукописи с острова Пальма, которая была издана на английском языке под названием «История открытия и завоевания Канарских островов».

Мы видим в тексте цитату из «Третьей области нубийского географа» относительно далекой страны в Атлантике, где побывали странствующие арабы: «Есть также в этом море остров Саале, где мужчины подобны женщинам... дыхание их подобно дыму от горящего дерева... и отличаются мужчины от женщин только детородными органами; у них нет бороды, и одеты они в древесные листья» (Glas, 1764[121]).

Это примечательное описание заслуживает внимания, поскольку у канарских гуанчей, как и у берберов на Африканском материке, росла борода не хуже, чем у самих арабов; одевались они в овечьи шкуры. А

вот американские индейцы безбородые — кстати, эта черта больше всего поразила испанцев, когда они впервые прибыли в Новый Свет, — далее, карибские племена курили табак и многие из них ходили нагишом или в юбочках из пальмовых листьев в отличие от знакомых арабам обитателей Старого Света.

Правда, Колумб остается первым, кто вернулся с убедительными доказательствами совершенного им открытия. Еще дважды прошел он тем же маршрутом, и никто не лишит его заслуги человека, открывшего ворота в Америку мужчинам и женщинам всех наций. По его следам устремилось несметное множество больших и малых каравелл, в том числе такие утлые и хрупкие, что древние корабли Ближнего Востока по праву подвергли бы их осмеянию. После того как Колумб проложил путь и показал пример, кажется, не было того суденышка, которое не доказало бы свою способность пройти по маршруту Колумба. В наши дни ежегодно мореплаватели-одиночки обоего пола устраивают гонки по этому самому маршруту от Канарских островов до Карибского моря. Новички, хвастающиеся тем, что прежде никогда не выходили в море, пересекают океан на открытых весельных лодках, шлюпках, байдарках и всевозможных плотках. Папирусная ладья «Ра II» тоже прошла по маршруту Колумба с командой из восьми человек, пятеро из которых заведомо были полными новичками, а один прежде даже не подозревал, что морская вода соленая.

Что же до атлантических берегов Нового Света, то здесь нет благоприятных мест, откуда аборигены могли бы плыть через океан. В умеренной зоне Северной Америки властвует направленное к югу холодное Лабрадорское течение, а теплый Гольфстрим берет начало в областях, населенных людьми, привычными к тропическому климату и отнюдь не приспособленными для долгого дрейфа через холодную Северную Атлантику.

Обратясь к тихоокеанской стороне, видим, что и тут обстановку определяет вращение земного шара. Движение ветра и вод на запад вдоль маршрута Колумба, прерываемое барьером Центральной Америки, тотчас возобновляется у побережья Тихого океана, где Северное и Южное Экваториальные течения вместе с теми же пассатами направляются через океан на запад.

Маршрут Менданьис полным основанием можно называть *маршрутом инков*, поскольку дальше мы вернемся к историческому

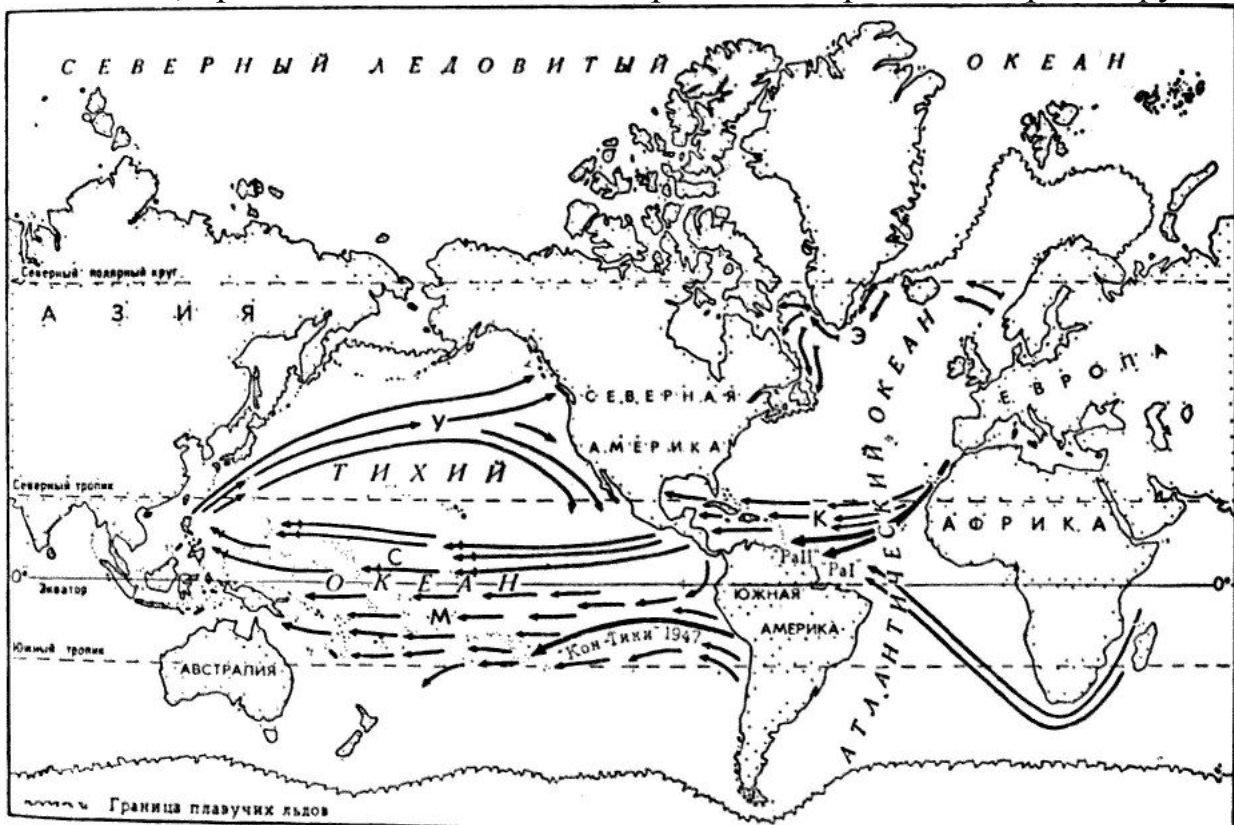
факту, который гласит, что Менданья и его люди вдохновлялись и руководствовались навигационными наставлениями инков. Пожалуй, маршрут Менданьи особенно показателен для антропологических исследований: короткая мощная дуга связывает наиболее уединенные в мире и тем не менее обитаемые архипелаги с побережьем Нового Света, где не было недостатка в плавучих транспортных средствах. Достоинства этого маршрута обусловлены чрезвычайно сильным Южным Экваториальным течением (оно же Перуанское течение), питаемым водами, которые направляются от Чили на север вдоль берегов Южной Америки и круто сворачивают на запад у северного побережья Перу, после чего поток следует прямо в Полинезию и дальше. Течение сопровождается мощнейшими пассатами; его северная кромка касается Галапагосских островов, южная — острова Пасхи, а главный поток объемлет все обитаемые острова Полинезии, кроме Гавайских, все острова Меланезии и образует некое подобие дельты там, где путь ему преграждают Новая Гвинея и Австралия.

Магеллан тоже воспользовался в полной мере этим конвейером, когда открыл Гуам в 1521 г. Однако из практических соображений можно считать, что течение теряет силу в Меланезии и лишь в ограниченной мере дает себя знать у северо-восточных берегов Новой Гвинеи и островов на юге-востоке Микронезии. С точки зрения мореплавания вся островная область Южной части Тихого океана соседствует с Южной Америкой, и хотя папуа-меланезийцы, несомненно, происходят от очень древней азиатской ветви, ничто в области между ними и Новым Светом не могло помешать спорадическому влиянию андской культуры.

Мы уже видели, что обратное плавание в тех же водах оказалось невозможным для первых европейских исследователей, вынужденных возвращаться в Перу через высокие широты к северу от Гавайских островов [7].

Маршрут Сааведры от Мексики до Малайского архипелага проходит к северу от экватора параллельно маршруту Менданьи. Он протянулся во всю ширь тропической части Тихого океана — от Америки до Азии, причем скорость течения и сила пассата не уступают силе пассата и скорости более короткого Южного Экваториального течения. В самом деле, мы видели, что Сааведра извлек полную выгоду из этого морского конвейера в своем плавании от Сакатулы в Мексике

до Минданао в 1527 г., за 40 лет до того, как Менданья вышел в море из Перу. Если Менданья первым проник в изобилующую островами Меланезию и лишь впоследствии открыл некоторые из широко разбросанных полинезийских островов, мимо которых он проскочил в первый раз, то Сааведра пересек океан в пустынной полосе к югу от Гавайских островов и к северу от собственно Полинезии. В силу чисто географических обстоятельств этот маршрут, хотя и вполне благоприятный для аборигенных судов, не представлял таких возможностей для открытий и распространения культуры, как маршрут Менданьи, пролегающий вдоль испещренных островами широт Перу.

Морские пути в Америку и из Америки, использованные первыми европейскими мореплавателями.

Атлантический океан: Э— маршрут Эйриксона и норманнов от Норвегии до Северной Америки. К— маршрут Колумба и европейцев средневековья от Канарских островов до тропической Америки. *Тихий океан:* М— маршрут Менданьи от Перу до Полинезии и Меланезии. С — маршрут Сааведры и последующих каравелл из Мексики к Малайскому архипелагу. У— маршрут Урданеты от Малайского архипелага до Северо-Западной Америки. «Кон-Тики», «Ра-I», «Ра-II»

— маршруты Т. Хейердала, пройденные на плотках и папирусных ладьях по морским путям древних мореплавателей.

Выдвинутые в последнее время несколькими видными археологами и породившие оживленную дискуссию гипотезы о весьма древних контактах через океан между культурами Юго-Восточной Азии и Центральной Америки было бы легче отстаивать, если бы хронология позволяла допустить, что перенос элементов культуры происходил в западном направлении из Мексики по пути Сааведры, а не в обратную сторону.

Микронезия расположена у порога Азии, однако она была открыта европейскими исследователями, выходящими из Америки. А потому не следует забывать о многочисленных культурных параллелях, прослеживаемых по памятникам некоторых исчезнувших мексиканских цивилизаций и неопознанных предков древних племен Микронезии, таких, как мегалитические руины на Кусаие и Понапе в Каролинском архипелаге и на Гуаме и Тиниане в Марианском архипелаге. Все эти острова расположены на траверзе маршрута Сааведры.

Маршрут Урданеты не что иное, как продолжение маршрута Сааведры от той точки, где он кончается в Филиппинском море. Здесь теплые воды Северного Экваториального течения, встретив на своем пути к западу препятствие в виде Малайского архипелага и лежащего за ним материка, сворачивает на север. Оно минует Японию как течение Курисио, следует южнее Алеутских островов вместе с преобладающими западными ветрами и огибает длинной дугой западные берега Северной Америки от Аляски до Южной Калифорнии. Мы уже видели, что маршруты Сааведры и Урданеты вместе образуют столь важный некогда путь каравелл, по которому на заре парусного флота шли все европейцы, пересекая Тихий океан.

Только маршрут Урданеты позволял древним жителям Азии дойти по воде до аборигенов Америки. Для антропологов, пожалуй, особенно важно, что этим путем жители Малайского архипелага могли попасть в умеренные зоны Америки, не забредая в снега арктической тундры. Поразительное физическое сходство между тропическими малайцами и жителями бразильских джунглей объясняют тем, что общая колыбель этих народов находилась в Юго-Восточной Азии. Сходство распространяется и на некоторые специфические элементы вроде

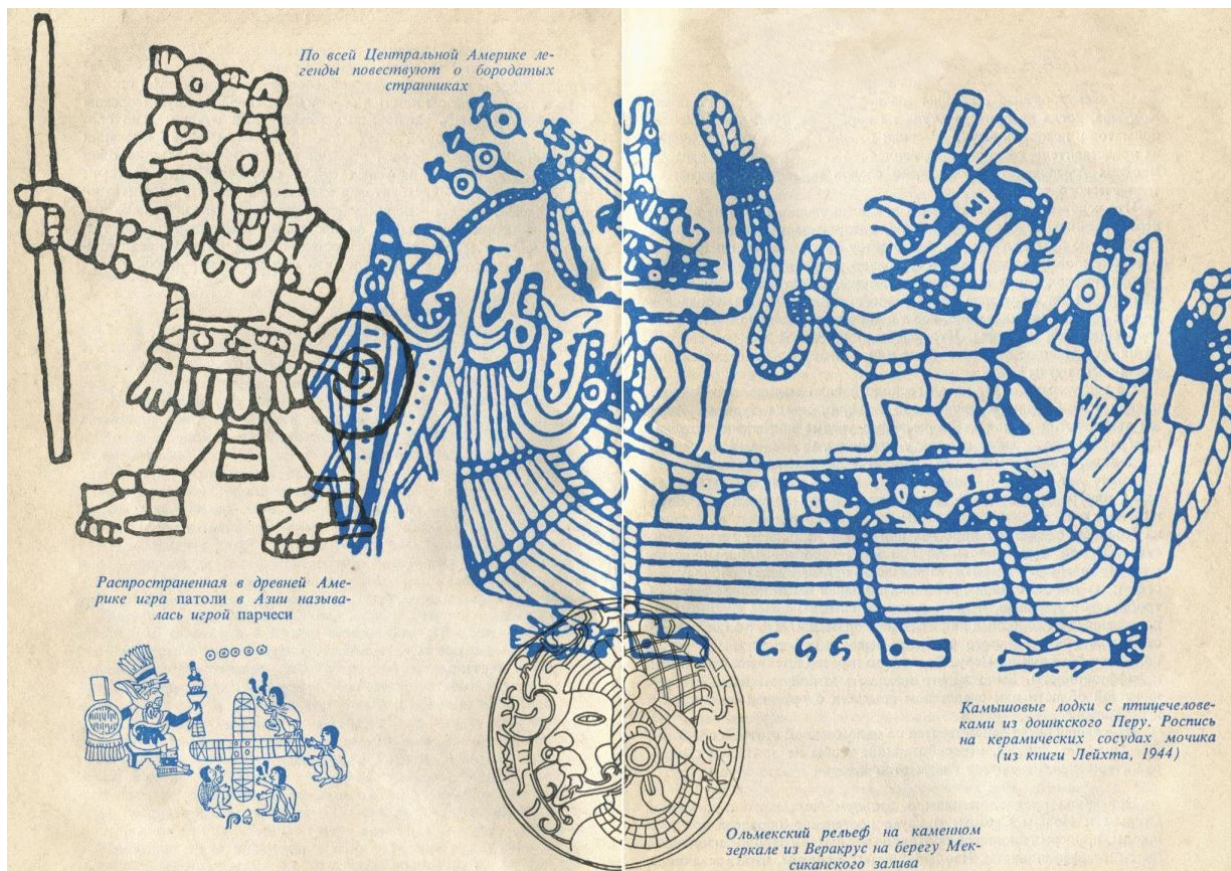
применения аналогичных духовых трубок с отравленными стрелами. В голой тундре такой элемент родиться не мог. Арктический путь долог и мало вероятен для тропических племен, зато эти люди вполне могли выжить в ненамеренном плавании по маршруту Урданеты: древние переносили голод и лишения ничуть не хуже, чем многие современные жертвы кораблекрушений, которые месяцами дрейфовали в океане, покрывая расстояния в тысячи миль и располагая лишь дождевой водой, рыбой и морскими птицами, привлеченными их плотами.

Маршруты Менданьи, Сааведры и Урданеты — единственные природные конвейеры в Тихом океане. Вне их океан — несомненное препятствие для нехитрых суденышек. Так называемое Экваториальное противотечение, столь отчетливо обозначенное на многих картах между двумя широкими течениями, устремленными на запад, не более чем узкая полоса струй и завихрений в пределах широт с хилыми ветрами и штилями, так называемая «экваториальная штилевая полоса», наводившая ужас на мореплавателей времен парусного флота. Де Бишоп, Ингрис, Витал Альсар и Куно Кнёбль убедились, что Экваториальное противотечение нисколько не способствует трансокеанским плаваниям; все названные мореплаватели вынуждены были отказаться от попыток пройти в этой полосе на джонках или плотах в сторону Америки.

Определяя пути в Америку и из Америки, созданные самой природой, автор отнюдь не отвергает возможность других плаваний, совершенных древними путешественниками. Подобно современным водителям малых парусных судов, аборигенные мореплаватели изобрели много конструкций, способных идти галсами против ветра и таким образом плыть в сторону, противоположную морским конвейерам, держась заключенных между ними относительно спокойных вод. Бальсовый плот при правильном маневрировании вставленными между бревен *гуарамив* роли швертов лишь один из примеров древних парусных судов, способных идти галсами; еще один пример — двухбунтовая камышовая ладья с ее «негативным килем»; третий — полинезийское двойное каноэ. Однако намеренное пересечение океана за пределами природных путей требует высокого мореходного искусства, и вряд ли его предпринимали, не зная совершенно точно, что впереди лежит земля.

ЧАСТЬ II

Проблема Атлантики

Глава 3

Изоляционисты против диффузионистов

Человекообразные обезьяны попали в Новый Свет уже после Колумба, когда их привезли туда на кораблях. Отсутствие высших приматов в исконной фауне Америки говорит о том, что последний их представитель, гомо сапиенс, явился в Новый Свет иммигрантом. В обеих Америках не обнаружено следов независимого развития человеческого рода.

Что человек пришел в Новый Свет очень давно, видно из обилия неродственных между собой языков, которые застали здесь первые европейские путешественники. Множеству разных племен и народов в доколумбовы времена соответствовало также великое разнообразие физических типов и уровней культуры. Некоторые племена все еще пребывали на уровне примитивного собирательства, тогда как другие создали цивилизацию, кое в чем превосходившую достижения европейцев той же поры. Что же было причиной такого разнообразия — смешанное происхождение или долгое местное развитие по различным путям?

Не так уж много лет назад господствовало мнение, что человек появился в Америке сравнительно недавно, прийдя туда из Азии в I тысячелетии до н. э. Современные ученые постепенно отодвигали назад предполагаемую дату первичного заселения, и теперь антропологи допускают, что Америка начала заселяться около 30 тысяч лет назад, а иные говорят даже — около 60 тысяч лет назад или раньше того. В те далекие времена ледники в Сибири и на Аляске позволяли арктическим охотникам переходить в Америку на Крайнем Севере, не прибегая или почти не прибегая к помощи судов. С той поры вплоть до прибытия европейцев большинство племен Северной Америки занималось примитивным собирательством; на той же стадии пребывала большая часть лесных жителей тропической Америки, и даже потомки самых первых пришельцев, потесненные до холодных широт Огненной Земли. Что же послужило стимулом для внезапного развития высочайшей культуры в узкой полосе от Мексики до Перу? Вот тут-то и расходятся изоляционисты и диффузионисты. Было ли это плодом местной

эволюции в ограниченной области или следствием контакта с другими заморскими культурами?

Настоящая глава основывается на одноименной статье в сборнике *The Quest for America*, переработанной, чтобы не повторялся материал, вошедший в другие главы этой книги.

Нет конца предположениям о доколумбовых контактах между Старым и Новым Светом. В науке постепенно определились две школы, придерживающиеся противоположных взглядов, — изоляционисты и диффузионисты. Изоляционисты убеждены, что омывающие Америку два океана совершенно изолировали Новый Свет от Старого вплоть до 1492 г.; они допускают лишь, что примитивные племена, занимающиеся собирательством, прошли в арктических широтах пешком из азиатской тундры на Аляску. Напротив, диффузионисты верят в единую для всех цивилизаций колыбель и предлагают различные гипотетические варианты доколумбовых плаваний в Америку из Азии, Европы или Африки. Крайних приверженцев обеих школ объединяет одна черта: они совершенно не считаются с такими океанографическими факторами, как преобладающие ветры и течения; для них океаны — безжизненные, недвижимые озера. Разница же между двумя системами взглядов заключается в том, что крайние изоляционисты видят в этих безжизненных водных просторах барьер для передвижения человека в какую бы то ни было сторону, а в представлении крайних диффузионистов океаны — нечто вроде катка, по которому древние путешественники могли скользить без помех в любом направлении. Пренебрежение географическими реальностями частенько побуждало диффузионистов выдвигать плохо обоснованные миграционные гипотезы, которые только утверждали изоляционистов в их взглядах. В то же время догматический подход изоляционистов к защите своих утверждений, когда они попросту возлагали бремя доказательства на диффузионистов, вызывал соответствующее недовольство последних. В самом деле, изоляционисты никогда и не пытались подкрепить свои гипотезы какими-либо доказательствами, видя силу собственной позиции уже в том, что диффузионисты не могут доказать свою правоту. Отсутствие свидетельства контактов они толковали как свидетельство отсутствия контактов.

Общепризнано, что в цивилизациях доколумбовой Америки и Средиземноморья много черт сходства — и подчас весьма примечательных. Это подметили и записали уже испанские конкистадоры по мере продвижения в удивительные империи Мексики и Перу. По сути дела основы диффузионистских воззрений были заложены именно первыми испанцами в Америке. Многие летописцы той поры были убеждены, что до них Атлантику пересекли мореплаватели из Внутреннего Средиземноморья, от которых коренные жители Нового Света восприняли верования и искусство, одежды и обычаи. Команды нескончаемой череды утлых судов, следовавших по пути Колумба, нашли его маршрут таким простым и надежным, что для них было естественным считать, что другие еще раньше совершали этот переход.

Изоляционистские взгляды — детище машинного века, питаемое ростом все более точных антропологических наук. Выяснилось, что красная кожа отнюдь не признак меньшего ума и меньшей изобретательности, чем белая, что мозг человека, где бы его ни изучали, работает одинаково. А потому для изоляционистов отмечаемые со времен открытия Америки Колумбом культурные параллели между Мексикой — Перу и Двуречьем — Египтом не служили доказательством контакта. Пирамиды, манускрипты с иероглифами, священные династии, называющие Солнце своим предком, — все эти и многие другие явные аналогии могли развиваться самостоятельно.

В XX в. позиции диффузионистов стали быстро ослабевать, уцелел только очаг сопротивления среди германоязычных ученых так называемой венской школы. Этим не замедлили воспользоваться изоляционисты, особенно в Северной Америке, где изоляционизм, кстати, на какое-то время воплотился и в политике. Благодаря высокому развитию американской антропологической науки приходилось считаться с ее доктринами и было не так-то просто оспаривать тезис, по которому тождество или сходство тех или иных орудий, орнаментов, обычаев или других культурных черт не годится как доказательство контакта.

По мере того как суждения о независимом развитии завоевали чуть ли не всеобщее признание, поблекли многочисленные, ранее казавшиеся вескими аргументы диффузионистов в пользу глобальных

передвижений человека. Стоило диффузионистам выдвинуть какие-то новые параллели между Старым и Новым Светом, говорящие, на их взгляд, о контакте через Тихий океан или Атлантику, как на их аргумент тотчас лепили ярлык «не доказано». Обозревая различные материалы, призванные показать, что в доколумбову Америку проникали не только пешеходы из Сибири, видишь, что изоляционисты не признавали ни один довод убедительным. В тех случаях, когда почему-то не вырывает контрсылка на независимое развитие — скажем, если речь идет о некоторых культурных растениях или о слишком специфических, исключая возможность совпадения изделиях, — изоляционисты говорят, что эти элементы привезены после Колумба. Если же и это возражение не проходит, заявляют, что семена растения или прототип изделия могли быть найдены американскими индейцами на берегу, куда их принесло течением из-за океана. Можно также прочесть, будто сугубо американский батат приплыл из Перу в Полинезию в корнях поваленного дерева, а специфический пасхальский рыболовный крючок из камня попал в район Санта-Барбары на пустой полинезийской пироге или же был найден американскими аборигенами во рту рыбы, оборвавшей лесу полинезийского рыбака.

Несмотря на удары, нанесенные диффузионистам изоляционистскими доктринами, попытки собирать аргументы в пользу культурных контактов через моря никогда не прекращались, а в последние годы их даже становится все больше, особенно в Америке, где сопротивление много лет было всего сильнее.

Можно назвать две причины, почему маятник теперь качнулся обратно, в сторону диффузионистов. Либо их доводы начали убеждать растущее число ученых, либо аргументы изоляционистов теряют свою убедительность. В статье «Теоретические посылки спора о диффузии через Тихий океан» Фрэзер ясно показывает, как наличные свидетельства можно толковать в любом ключе: что одному ученому представляется веским доказательством диффузии, другой толкует в прямо противоположном смысле (Fraser, 1965[117]). Фрэзер напоминает, что на азиатскую игру *пархезии* очень схожую с ней мексиканскую *патоллисс*сылаются в подтверждение своей правоты как диффузионисты, так и изоляционисты. Один лагерь заявляет, что была связь, раз есть сходство, и надо эту связь искать; другой лагерь возражает, что родство исключено из-за расстояния и других факторов,

стало быть, данная игра подтверждает доктрину о независимом творчестве. Пример этот показывает, что различие взглядов предписывает обеим сторонам осторожность и полную беспристрастность и что изоляционистам следовало бы тратить столько же сил на поиск положительных свидетельств в пользу своей позиции, сколько они расходуют на борьбу с диффузионистскими воззрениями. Сколько бы ни говорили, что основная тяжесть доказательства ложится на плечи диффузиониста, негоже заставлять его одного нести это бремя, и, покуда противная сторона не привела убедительных доказательств своей правоты, спор неизбежно будет продолжаться.

Почему, вопрошает диффузионист, изоляционисты не могут назвать в Америке ни одну географическую область, где подтверждались бы признаки независимой эволюции? И почему нет признаков сходной эволюции в областях с более стимулирующим климатом, занятых ныне Соединенными Штатами, Чили и Аргентиной? На этот вопрос изоляционист не может дать удовлетворительного ответа.

Ибо изоляционисты и диффузионисты согласны в том, что первыми Америку заселили просочившиеся из арктической зоны Сибири племена, занимавшиеся примитивным собирательством и незнакомые с земледелием, строительством, письмом и прочими культурными завоеваниями народов, которых застали в Центральной Америке испанские конкистадоры. По мнению диффузиониста, уязвимость воззрений изоляциониста ярко выражена в примечательном обстоятельстве: несмотря на интенсивные археологические исследования во всех основных культурных центрах от Мексики до Перу и Боливии, иначе говоря, всюду, где в древней Америке процветала высокоразвитая культура, нигде не обнаружены следы постепенного перехода от примитивного общества к цивилизации. Где бы ни копали археологи, всюду получается, что цивилизация появилась в Америке вдруг, в совершенно развитой форме, поверх слоев примитивного, архаического общества. Причем за внезапным взлетом цивилизации следует не прогресс, а деградация на протяжении веков, предшествующих приходу европейцев.

Перуанские инки поразили испанцев высокой культурой, однако археология показала, что инки заимствовали большинство элементов у древних культур тиауанако, чавин, наска и мочика, обладавших во

многих отношениях еще более совершенной и впечатляющей цивилизацией, которая появляется внезапно без каких-либо следов постепенного развития в приморье Эквадора и Перу и в горных областях Анд. Современная археология выявила связи между этими древнейшими доинкскими цивилизациями и современными им цивилизациями Центральной Америки и Мексики. И ведь в Мексике тоже великие культуры ацтеков, тольтеков и майя почерпнули многие важнейшие уроки у выдающейся цивилизации ольмеков, неизвестного народа, основавшего одну из древнейших культур Мексики — с развитой письменностью, календарем, строительством пирамид и т. п. — на болотистых, отнюдь не отличающихся благоприятными природными условиями лесистых берегах Мексиканского залива, как раз там, где кончается морской конвейер из Африки. Ни климат, ни географическая среда не оправдывают здесь внезапного расцвета замечательной цивилизации.

Поскольку споры продолжаются, все большее число ученых, а в последние годы, пожалуй, даже большинство, склоняются к осторожному, среднему курсу. Не склоняясь ни к одной из двух крайних доктрин, они признают, что морские течения *могли* принести в Америку или из Америки аборигенные суда с людьми, что вовсе еще не означает широкой миграции. А потому далее я буду называть диффузионистами тех, кто повсеместно объясняет культурные параллели прежде всего контактами, а изоляционистами — тех, кто догматически полагает, что окружающие Америку океаны были неодолимы для человека до 1492 г.

Фанатические изоляционисты, хотя и основывают свои взгляды на тезисе о едином поведении людей всех племен, занимают прямо противоположную позицию, когда дело касается мнимого превосходства средневековых европейцев. Типичный пример такого рода оценки 1492 г. как поворотного пункта в истории человечества находим в статье Роу «Диффузионизм и археология», опубликованной в *«American Antiquity»* в 1966 г. Автор представляет читателю внушительнейший комплекс из 60 примечательных параллелей между двумя ограниченными областями в Старом и Новом Свете. Говоря словами самого Роу, речь идет о важном списке «получивших ограниченное распространение специфических культурных черт, общих для культур древней Андской области и древнего Средиземноморья в период, предшествующий средневековью». Список включает самые

различные элементы, от камышовых лодок до веревочных и кожаных сандалий, о которых он говорит: «Наблюдается весьма специфическое сходство в конструкции и способе изготовления». Можно подумать, столь красноречивый перечень был составлен, чтобы подтвердить диффузию. Ничего подобного, и автор недвусмысленно высказывает свое мнение на этот счет. Статья начинается словами:

«Доктринерский диффузионизм — угроза развитию солидной археологической теории... В научно-фантастическом мире диффузионистов... время, расстояния и трудности мореплавания не принимаются в расчет. Археология опирается на слишком долгую и славную традицию, чтобы безропотно отступить перед фантазиями, которые предлагают нам начинать с выводов и, руководствуясь ими, исказить свидетельства».

Однако сам же Роу основывает всю свою аргументацию именно на этом методе, поскольку начинает с выводов. В самом деле, его список параллелей призван показать, что области, молчаливо признаваемые слишком удаленными друг от друга, чтобы можно было допустить доколумбовы контакты, — скажем, Андская область и Средиземноморье — тем не менее располагают целым рядом весьма специфических общих черт культуры. Стало быть, заключает Роу, даже самые впечатляющие совпадения могут быть следствием независимого развития. Другими словами, в своих суждениях он исходит из того, что Перу и Средиземноморье слишком далеки друг от друга, чтобы можно было допустить контакт, и на основе этого предположения отвергает тождество культурных черт как свидетельство диффузии (Rowe, 1966) [267].

Но вправе ли мы полагать аксиомой, что Перу находится слишком далеко от Средиземноморья, чтобы между ними мог быть контакт до 1492 г.? Во времена самого Колумба Франсиско Писарро с отрядом из вполне обыкновенных смертных прошел от Средиземноморья весь путь до Перу через Центральную Америку. Как и Колумб незадолго до него, он совершил плавание через океан, не располагая ни мотором, ни навигационными картами вод, окружающих Новый Свет. Далее он благополучно пересек лесистый Панамский перешеек и, выйдя к Тихому океану, продолжил плавание на новых судах мимо непроходимых болот приморья, покуда не добрался до открытых просторов Перу, где и основал поселение. А еще раньше его

соотечественник Кортес, высадившись на лесистом берегу Мексиканского залива, поднялся на высокогорное плато и основал там свое поселение.

Не обязательно быть диффузионистом, чтобы реагировать, когда тезисы изоляционистов становятся окаменелой догмой, попирающей свои основы, лишь бы выжить. Право же, люди европейского происхождения не настолько ослеплены собственной историей, чтобы почитать себя племенем суперменов, способных совершить четыре столетия назад то, что раньше было не под силу великим цивилизациям Малой Азии и Северной Африки. Не будем забывать, что Древние кое в чем обладали способностями и мастерством, намного превосходящими то, что было по плечу средневековой Европе. Египтяне и их соседи в Двуречье и Финикии разбирались в столь важной для мореплавания астрономии лучше, чем любой европейский современник Колумба, Кортеса и Писарро. А финикийцы, сотрудничая с египтянами, обогнули Африку во времена фараона Нехо — за 2 тысячи лет до того, как Колумб вышел под парусами в океан, который в представлении европейцев кишел драконами и оканчивался пропастью за горизонтом.

Мы восхищаемся достижениями древних, воплощенными в их пирамидах и обелисках, глубоких математических познаниях и календаре, литературе и философии, в замечательном судостроительном мастерстве, примером которого служит функциональная форма и сложная оснастка создававшихся 5 тысяч лет назад деревянных и камышовых судов, в исследовании и освоении новых земель, что подтверждается многочисленными археологическими следами возникших 3 тысячи лет назад финикийских поселений вдоль всего атлантического побережья Марокко. Так стоит ли, восхищаясь такими свершениями, тут же отрицать способность древних сделать то, что много позже сделал Писарро с горсткой людей во времена, отмеченные невежеством и суеверием?

От берегов Восточного Средиземноморья до Мексиканского залива далеко, однако уроженец Италии Колумб трижды плавал в Америку. За 27 столетий до Колумба финикийцы, выходя из внутренних областей Средиземноморья, энергично исследовали и осваивали атлантические берега Испании и Африки. Конечно, никто не воображает, будто высокоразвитые культуры Мексики и Перу были основаны рядовыми

моряками, сбившимися с курса или потерпевшими кораблекрушение у чужих берегов. Горсточка необразованных уроженцев Восточного Средиземноморья, очутившись среди маленьких, неорганизованных родовых общин (и, вероятно, встретив такой же дружеский прием, какой ожидал потом Колумба), вряд ли могла привить аборигенам сколько-нибудь глубокие познания о своей цивилизации. Чтобы передать понятие о таких вещах, как иероглифическое письмо, ноль, способы мумификации и трепанации, мало лишь знать об их существовании, мало даже поверхностного представления о сути вопроса. Для основания культуры, подобной ольмекской, требовался достаточно большой отряд мореплавателей, включающий представителей культурной элиты своей родины, — нечто вроде тщательно подготовленной, целенаправленной экспедиции переселенцев, которая могла сбиться с курса. Археология и письменная история рассказывают нам о крупных организованных группах переселенцев, выходивших из Средиземного моря, чтобы основать большие поселения и торговые посты на берегах Западной Африки. Древнейшая известная нам запись об этом на карфагенской стеле сообщает, что финикийский флотоводец Ганнон около 500 г. до н. э. отправился на 60 кораблях с множеством людей учреждать колонии на атлантическом побережье Марокко. Но археология свидетельствует, что Ганнон не был зачинателем: задолго до него другие организованные экспедиции из Внутреннего Средиземноморья основали крупный мегалитический город Ликс далеко к югу от Гибралтара, именно там, откуда океанское течение направляется напрямиком в сторону Мексиканского залива.

История Ликса теряется во мгле времен. Римляне называли его «вечным городом», полагая Ликс родиной богов и местом погребения Геракла. Сооружали Ликс неведомые солнцепоклонники, ориентировавшие по солнцу исполинские мегалитические стены своих построек. Недаром древнейшее его название «Город Солнца». Кто бы ни заложил и ни строил Ликс, очевидно, что в числе этих людей были астрономы, зодчие, каменщики, писцы и отменные гончары. Около 1200 г. до н. э., как раз перед тем как в Америке внезапно расцвела культура ольмекков, организованные колонисты из Восточного Средиземноморья, основательно знакомые с достижениями месопотамской и египетской цивилизаций, вышли на берега Атлантики

там, где вечные ветры и течения образуют морской конвейер, ведущий к Мексиканскому заливу.

Мы не собираемся называть сбившихся с курса в этой области переселенцев творцами могущественных культур инков, майя и ацтеков. Устные предания, подтверждаемые археологией, ясно показывают, что эти великие исторические и протоисторические нации Андской области и Мексики чисто местного происхождения, сплав представителей коренного населения, правда воспринявших импульсы от каких-то предшественников. В Мексике, например, похоже, что корни культуры в большой мере восходят к достигшему высокого уровня приморскому народу — ольмекам, деятельность которых, как уже говорилось, начиналась в ограниченной области на берегах Мексиканского залива. Вполне возможно, что эти первоначальные «вдохновители» прибыли из-за моря. Такой вариант тем более вероятен, если вспомнить, что все рассматриваемые нами доевропейские цивилизации возглавлялись правителями, называвшими себя потомками Солнца. Шумеры, ассирийцы, хетты, финикийцы, египтяне, жители Ликса — все они фанатично поклонялись Солнцу, и то же относится к ольмекам, народам культуры мочика и всем их преемникам вплоть до времен ацтеков, майя и инков в Мексике и Перу. Они сооружали астрономические обсерватории для наблюдения за путями солнца, так что им более, чем каким-либо другим народам, было бы естественно следовать вдогонку за солнцем на запад, куда оно каждый день удаляется. Прямо на запад от Канарских островов находится Мексиканский залив. Когда мы шли маршрутом Колумба на папирусных «Ра», вечером нос нашей ладьи неизменно смотрел на заходящее солнце.

Между прочим, камышовая ладья — одна из 60 перечисляемых Роу параллелей в культуре древних цивилизаций Перу и Средиземноморья. Составляя свой перечень в 1966 г., он не знал, что всего три года спустя перуанское камышовое судно пройдет от Перу до Панама. Это экспериментальное плавание, предпринятое неопытными добровольцами под руководством Гене Савоя, длилось два месяца, с 15 апреля по 17 июня. Приблизительно в это же время, с 25 мая по 18 июля, моя папирусная «Ра I» прошла от Африки до американских вод. Годом позже «Ра II» повторила маршрут и менее чем через два месяца пристала к берегу в Новом Свете. Три названных плавания,

состоявшиеся на протяжении 16 месяцев, вместе охватили весь морской путь от Средиземноморья до Перу. Гене Савою и моей команде было бы не сложнее пересечь пешком Панамский перешеек, чем Писарро и его людям, так что трудно понять, почему камышовую ладью и 59 других названных Роу специфических культурных черт ограниченного распространения надобно считать разделенными неодолимым барьером, до того как испанцы в 1492 г. подняли паруса своих каравелл.

Почему испанцы, достигнув островов Карибского моря, тут же двинулись дальше и обосновались в горах Мексики и Перу? Потому ли, что они отличались от других смертных? Или же путешественники и до них поступали точно так же, побуждаемые географической обстановкой? Болотистые леса перешейка не соблазнили Писарро и его спутников обосноваться в этих местах, и они продолжили путешествие по суше и по морю, пока не добрались до гостеприимного приморья Перу. Если другие люди раньше Писарро пересекли Атлантику, почему они должны были поступить иначе? Объясняя побуждения и действия маленького отряда Писарро и отвергая в то же время самую мысль о том, что другие мореплаватели из Средиземноморья могли воспользоваться теми же ветрами и течениями и пройти в итоге тот же маршрут, изоляционисты грешат против основного правила изоляционизма, гласящего, что при аналогичных условиях среды люди склонны повторять достижения друг друга.

Есть в суждениях доктринерского изоляциониста еще один изъян. Он будет утверждать — обычно с полным основанием, — что сходство условий среды способствует сходству черт культуры. Сам по себе этот тезис звучит вполне резонно, и все же он не может служить единственным объяснением культурных параллелей и никак не объясняет географическое распространение культур Нового Света. Ольмеки в дождевых лесах Мексики и нынешние обитатели тех же мест — лакандоны были окружены одинаковой природной средой. Однако ольмеки около 3 тысяч лет назад заложили основу могущественных цивилизаций, а лакандоны по сей день ведут образ жизни примитивных лесных племен. Археология показывает, что цивилизация древних ольмеков активно распространялась по Мексике на юг через Центральную Америку, где ее типичные приметы растворяются в чередующихся родственных лесных цивилизациях вдоль андских предгорий от Колумбии до Боливии. За пределами этой узкой

сплошной линии контакта или диффузии, в Венесуэле, Гайане и по всей Бразилии, живет множество лесных племен, происходящих, как принято думать, от тех же сибирских предков и окруженных такой же природной средой, однако их ничто не побудило изменить примитивный образ жизни своих пращуров. Право же, непохоже, чтобы природная среда была основным стимулятором аборигенных американских цивилизаций.

Более того, вряд ли где-нибудь еще в Америке мы увидим такой географический контраст, какой отличает две важнейшие колыбели американской цивилизации — Ла-Венту в Мексике и Тиауанако в Южной Америке. Ла-Вента расположена на низменных берегах Мексиканского залива, в заболоченной местности с густыми тропическими лесами и тяжелым, жарким, влажным климатом. Тиауанако находится на высоте 3700 м над уровнем моря на голой, безлесной равнине, в окружении снежных вершин, и климат здесь холодный и ветреный. Трудно найти более контрастные среды. Тем не менее археология показывает, что именно в этих районах были заложены основы двух из древнейших цивилизаций Нового Света. Ла-Венту в приморье, куда подходит Канарское течение из Старого Света, считают колыбелью внезапно возникшей сильной культуры, которую условно наименовали ольмекской. Появившись на атлантических берегах Мексики около 1000 г. до н. э., ольмеки распространили свое влияние через всю Мексику до Тихоокеанского побережья и на юг через нынешнюю Гватемалу. Как уже говорилось, эта сильная исходная культура вдохновила последующие великие и многообразные цивилизации майя, тольтеков, микстеков и ацтеков. Приблизительно в это же время другой неопознанный мигрирующий народ, носитель поразительно сходной цивилизации, заселил область Тиауанако на южном берегу озера Титикака и через какие-то пока неясные связи с народами областей Чавин и Мочика и другими аборигенами вдохновил развившиеся затем в Южной Америке культуры чиму, наска и инков.

И выходит, что не сходство среды обитания, а географическое соседство стимулировало взлет и падение великих доколумбовых цивилизаций. Независимо от условий среды они, подобно бусинам на шнурке, протянулись через узкий мост Центральной Америки от Ла-Венты до Тиауанако. За пределами этой сплошной полосы аборигенной американской цивилизации, будь то в тундре Аляски, лесах Канады, на

равнинах нынешних США, в дождевых лесах Бразилии, горах Чили или пампе Аргентины, обитатели древней Америки продолжали примитивную жизнь своих предков каменного века, приспособленную к элементарному выживанию. Что обусловило их отставание — меньшая одаренность? Или все дело в том, что они жили за пределами географического очага, воспринявшего заморские стимулы?

Изоляционист почитает оскорбительным для умственных способностей американского индейца искать внешние истоки аборигенных цивилизаций Америки. Но разве не оскорбительнее для большинства американских индейцев, живших за пределами областей высокой культуры и не ведавших цивилизации, отрицать возможность того, что им попросту недоставало соответствующего полезного влияния? Можем ли мы, европейцы, утверждать, что произошли от независимых творцов цивилизации? Вправе ли мы забывать, что Европа все еще была обителью неграмотных варваров, когда грамотные ольмеки создавали скульптурные шедевры с иероглифическими надписями и сложными календарными данными? Да те же испанские конкистадоры привезли в Америку цивилизацию, обретенную их европейскими предками путем культурной диффузии. Цивилизация пришла в Европу через Древнюю Грецию и Рим, которые в свою очередь восприняли все основные элементы своей культуры от Крита, Малой Азии и Египта.

Корабли начали приносить письменность и другие культурные достижения на удаленные острова и берега Средиземного моря незадолго до 3000 г. до н. э., а кульминация этого процесса наступила, когда финикийцы около 1200 г. до н. э. учредили важные торговые посты на атлантических берегах Испании и Марокко. Потомки обитателей Малой Азии — финикийские ученые и купцы, обосновавшиеся в ту далекую пору на океанских берегах, набирали команды и перевозили людей со всего Средиземноморья. Египетские изделия вывозились за Гибралтарский пролив — об этом свидетельствуют бронзовая статуэтка и фигурный сосуд, недавно найденные археологами в финикийском порту Кадис в Испании и выставленные теперь в местном археологическом музее.

Стоило большим организованным экспедициям переселенцев, представлявшим цивилизацию Ближнего Востока, выйти за пределы Гибралтара, как на другом конце Канарского течения, на берегах

Мексиканского залива, возникла и расцвела ольмекская цивилизация. Чем объяснить это примечательное совпадение во времени? Если человек существует на земном шаре миллионы лет, а на землях Америки — десятки тысяч лет, почему цивилизация явилась у разных концов Канарского течения в одно время?

Основополагающие элементы культуры, доставленные в Америку Кортесом и Писарро, — от алфавита до христианского креста — первоначально восприняты испанцами от Ближнего Востока. Если мы, европейцы, должны признавать этот факт, что унижительно для Монтесумы и его ацтеков в предположении, что они черпали культурные стимулы из того же источника, что народ Испании и победивший ацтекского вождя Писарро?

Географическая обстановка отнюдь не изолирует область ольмеков от атлантических берегов Старого Света. Напротив, эта область расположена на финише морского конвейера, который мы назвали маршрутом Колумба. Но если культуру ольмеков вдохновили или даже основали доколумбовы мореплаватели, то почему, спрашивают изоляционисты, до древней Америки не дошло колесо, не дошли культурные растения Старого Света? Не мог же Новый Свет, говорят они, оставаться в неведении о столь важных культурных элементах, если сюда прибывали цивилизованные странники до Колумба.

Аргумент о колесе повторяется в старых книгах так часто, что иногда всплывает и по сей день. Между тем археология далеко продвинулась вперед, и давным-давно обнаружено, что принцип колеса на самом деле был хорошо известен в древней Америке, притом как раз у ольмеков. После того как несколько десятков лет назад начались систематические раскопки ольмекских поселений в районе Веракрус на берегу Мексиканского залива, в погребальных урнах найдено множество керамических фигурок животных, поставленных на колеса. Постепенно расходясь по музеям Мексики и других стран, эти фигурки из погребального инвентаря вошли в ряд наиболее характерных дошедших до нас изделий ольмеков. Сквозь дырочки в ногах глиняных собачек или пум продеты деревянные оси, на которые насажены глиняные колеса. Первоначальное назначение фигурок неизвестно; правда, многие из них выполнены в виде свистулек. Но в принципе они аналогичны керамическим фигуркам на колесиках, найденным в

шумерских, хеттских и финикийских погребениях от Ура в Двуречье до Ивисы на западе Средиземного моря.

То, что зачинатели цивилизации Нового Света знали колесо, весьма примечательно. Можно гадать, почему оно затем не привилось у американских племен как вспомогательное средство для наземной транспортировки, но к нашему вопросу это отношения не имеет. Всякий посетитель Ла-Венты легко убедится, что леса и болота, где первоначально обосновались ольмеки, не допускали колесного транспорта; они по сей день затрудняют прокладку современных дорог. Независимо от природных условий потомки великих народов майя и инков почему-то и в наше время пренебрегают тягловыми животными и колесом. Лакандоны Мексики и перуанские кечуа по-прежнему ходят пешком и переносят грузы на собственной спине или навьючивают ими лам даже в тех местах, где есть дороги. Излюбленный аргумент против контактов через океан оказался явно недействительным, как только выяснилось, что колесо было известно и изготавливалось в миниатюре, но было предано забвению последующими поколениями американцев.

Ольмекская собачка на колесах и чрезвычайно реалистичные керамические изображения собак, принадлежавшие последующим мексиканским культурам до Колумба, еще одно больное место доктринерского изоляциониста. Откуда появились эти собаки? У домашних псов древней Мексики и Перу не было местного дикого предка. Единственная собака, которая могла попасть в Америку с пешеходами, — сибирская лайка, сопровождавшая жителей Арктики в Аляску и Гренландию. Ольмекские псы и известные по мумиям древнего Перу *Canis ingae* разительно отличаются от сибирской лайки, зато очень похожи на породы, известные по мумифицированным собакам Египта и весьма реалистичным ближневосточным изображениям. Средиземноморские породы собак распространились на запад с древними путешественниками от Двуречья до Марокко и Канарских островов, но никогда не достигали Дальнего Востока и Сибири и, стало быть, не могли попасть в Мексику и Перу через Аляску. Из всех одомашненных животных собака — наиболее верный спутник древнего человека на суше и на море, и ничто не мешало ей достичь тропических областей Америки вместе с мореплавателями, следовавшими по Канарскому течению.

Заслуживающий в принципе внимания аргумент, гласящий, что культурные растения Старого Света не доходили до древней Америки, не годится как доказательство отсутствия контактов, ибо голодные мореплаватели могли еще в пути прикончить все свои съедобные припасы. К тому же тропические болота ольмекской области никогда не подходили для возделывания средиземноморской пшеницы и других зерновых, обычно перевозимых путешественниками Ближнего Востока. Вероятность того, что какое-нибудь культурное растение с полей Северной Африки могло привиться в Ла-Венте, чрезвычайно мала. И вообще негативное свидетельство можно принимать в расчет при условии, если будет доказано, что в древней Америке не было никаких растений, окультуренных в Старом Свете. Стоит показать, что хотя бы одно культурное растение пересекло океан до Колумба, и аргумент в пользу изоляции тотчас превратится в доказательство контакта. Оттого вполне естественно, что этноботаника приобрела ключевое значение в попытках проследить древние перемещения человека и нередко ботаники поневоле оказывались вовлеченными в антропологические споры изоляционистов и диффузионистов.

История фасоли обыкновенной (*Phaseolus vulgaris*) — яркий пример того, как предвзятые взгляды на возможности древних мореплавателей влияли на противоречивые суждения ботаников и антропологов. В 1885 г. Кёрнике отметил, что, как было принято считать, эту важную культуру возделывали древние греки и римляне под названием *Dolickos*, *Phaseolus* и т. п. (Аристофан и Гиппократ писали о ней около 400 г. до н. э.). Когда выяснилось, что ту же самую фасоль культивировали аборигены Нового Света, решили, что ее туда ввезли первые испанские путешественники. Это мнение держалось, пока Виттак в 1880 г. не нашел фасоль обыкновенную в инвентаре древнего погребения в Анконе, на побережье Центрального Перу. Здешние погребения появились задолго до того, как европейцы пришли в Америку. Затем *Phaseolus vulgaris* находили в местах доинкских поселений по всему перуанскому приморью, и ботаники получили убедительное свидетельство, что фасоль возделывалась в Америке до прихода европейцев. Стало невозможно ссылаться на предполагаемый ввоз этой культуры испанцами. Однако в это время в Старом Свете уже нельзя было найти доколумбовых образцов данной фасоли, поэтому гипотезу переиначили и решили, что родина *Phaseolus* — древняя

Америка, откуда испанцы привезли ее в Европу. Повторное рассмотрение этой запутанной ботанической проблемы Хатчинсоном, Силоу и Стефенсом в 1947 г. убедило их, что *Phaseolus* не абориген Нового Света и ее странствия — ботаническое свидетельство доколумбовых контактов между Старым и Новым Светом (Hutchinson, Silow and Stephens, 1947[170]). Сходную проблему представляет собой родственная фасоли *Canavalia* sp. Стонон и Андерсон указывали: «Канавалия — широко культивируемое в тихоокеанской области растение, всегда считавшееся уроженцем Старого Света, — теперь обнаружена в доисторических поселениях в приморье как Южной Америки, так и Мексики» (Stonor and Anderson, 1949[299]). Бобы канавалии найдены при раскопках в Уака-Приета на тихоокеанском побережье Перу, в слоях, датируемых от III до I тысячелетия до н. э. По мнению Зауэра, ее археологическое распространение и родство с дикими видами указывают, что канавалия была окультурена в Новом Свете (Sauer, 1950[272]).

Еще одно ботаническое свидетельство контакта — бутылочная тыква *Lagenaria siceraria*. Это важное культурное растение широко возделывалось в Африке в доколумбовы времена. Пищевая ценность ее невелика, но высушенная над огнем кожура использовалась как сосуд от Двуречья и Египта до Марокко. Приступив к изучению растений Нового Света, ботаники обнаружили, что бутылочную тыкву выращивали для тех же целей во всех областях высокоразвитых американских культур, включая Мексику и Перу. Предположили, как и с фасолью, что тыкву привезли испанцы, однако и тут пришлось отказаться от этой гипотезы, когда археологи нашли бутылочную тыкву на месте доколумбовых поселений как в Мексике, так и в Перу. Она оказалась одним из наиболее типичных культурных элементов в области распространения высокоразвитых американских цивилизаций. Тогда выдвинули новую гипотезу: дескать, бутылочная тыква могла из Африки приплыть через Атлантику в тропическую зону Америки, здесь ее семена проросли, индейцы заметили, что высушенная над огнем кожура тыквы служит отменным сосудом, и повторили открытие, первоначально сделанное в Африке. Разумеется, речь идет о сознательной попытке отделаться от нежелательного свидетельства. В погоне за осторожностью изоляционисты выплескивают с водой ребенка. Они пытаются стереть важный африканский пальцевый

отпечаток в Америке, игнорируют веское генетическое свидетельство. Всякий, кто дрейфовал в океане, знает, что небольшие плавающие на волнах съедобные предметы вроде тыквы неизбежно станут добычей акул и червей-сверлильщиков за те четыре месяца, что нужны им для дрейфа через Атлантику. Тому, кто плавает на плотках, странно слышать утверждения, будто из двух элементов африканской культуры — сухопутной тыквы и морского судна — тыква может благополучно доплыть до Америки, а судно с экипажем — нет!

Еще более интригующее свидетельство — хлопчатник *Gossipium*. Дикий хлопчатник с коротким волокном не годится для прядения и не представляет практической ценности для человека. Тем не менее европейцы, прибыв в Америку, обнаружили, что индейцы во всей области распространения высокоразвитой культуры — от Мексики до Перу — носят искусно сделанные одежды из отменной хлопчатобумажной ткани. А последующие раскопки перуанских склепов с мумиями позволили найти хлопчатобумажные ткани древнейшего, доинкского периода из тончайшей нити и с непревзойденными узорами. Выходит, основатели перуанской цивилизации каким-то образом обзавелись культивируемым длинноволокнистым хлопчатником, а также пряслицем и ткацким станком. Путь от непригодного для прядения дикого коротковолокнистого хлопчатника через пряслице и ткацкий станок до готовой ткани достаточно долог и отнюдь не самоочевиден для того, кто незнаком с конечным результатом. Из перечня перуанских и средиземноморских параллелей, составленного таким убежденным изоляционистом, как Роу, видно, что способ и результат обработки хлопка в Перу аналогичны тому, что известно по Старому Свету. Роу показывает, что применявшийся инками вертикальный ткацкий станок с двойным навоем тождествен станку, который был в ходу в Египте времен Нового царства, куда он, вероятно, попал из Двуречья. Роу добавляет, что горизонтальный станок, укрепленный на земле, как это делали в области Титикаки, также тождествен древнеегипетскому. Многие наблюдатели отмечали удивительное сходство плащей и набедренных повязок, изготовленных на древних ткацких станках в Америке, с такими же изделиями древнего Средиземноморья. В частности, Роу даже употребляет слово «идентичное», называя в перечне: «Вид женского одеяния, представляющего собой

прямоугольный кусок ткани, которым обертывают тело до подмышек, скалывая вместе верхние края на плечах и подвязывая поясом в талии...» (Rowe, 1966[267]).

В 1947 г. Хатчинсон, Силоу и Стефенс опубликовали первое генетическое исследование образцов хлопчатника со всего света. Они установили, что хлопчатник можно разделить на три группы по числу и величине хромосом. У всех хлопчатников Старого Света, будь то диких или окультуренных, 13 больших хромосом. А вот в Новом Свете дикий и окультуренный хлопчатники в этом заметно отличаются друг от друга. У диких хлопчатников Америки 13 малых хромосом, тогда как у окультуренных (а их в полосе от Мексики до Перу насчитывается три разновидности) — 26 хромосом — 13 малых и 13 больших. Но среди диких американских хлопчатников ни один не имел больших хромосом, стало быть, культурный хлопчатник является гибридом, и выходит, древние хлопкоробы Америки на заре здешней цивилизации располагали какой-то неведомой разновидностью, позволившей вывести длиноволокнистый гибрид. Поскольку были добавлены 13 больших, «неамериканских» хромосом, три ботаника заключили, что в руки индейцев попала дикая или окультуренная разновидность из Старого Света и полученный ими гибрид с текстильным волокном распространился вместе с высокоразвитой цивилизацией в Мексике и Перу (Hutchinson, Silow and Stephens, 1947[170]).

Где бы в Новом Свете ни находили следы аборигенной цивилизации, ей неизменно сопутствует культурный хлопчатник с 26 хромосомами, причем с Тихоокеанского побережья он проник и в Полинезию, по мере того как на это островное царство распространилось американское влияние. В то же время хлопчатник, будь то дикий или окультуренный, оставался неизвестным на всем пути — от западных рубежей Полинезии до Юго-Восточной Азии. Одичавший до прихода европейцев полинезийский хлопчатник оказался потомком американского гибрида. Несомненно, он первоначально был доставлен в Полинезию из Америки именно потому, что речь шла о культурной разновидности. Спрашивается: откуда в Америке текстильный хлопчатник?

Дикая разновидность с 13 хромосомами произрастала в Новом Свете, так что остается лишь установить, каким путем индейцы Мексики и Перу в свое время заполучили разновидность с 13

большими хромосомами, типичную для Старого Света от Египта до Пакистана, но отсутствовавшую в Америке. Тут могут быть лишь две возможности: либо хлопчатник Старого Света как раз в то время, когда в Америке развивалась цивилизация, сам благополучно переплыл через океан, либо его вместе с бутылочной тыквой намеренно привезли древние мореплаватели. Если верна первая альтернатива, мы должны предположить, что индейцы стояли на берегу моря, когда волны вынесли семена хлопчатника из Старого Света, что они тотчас поняли, какие это семена, посадили их и поспешили найти подходящий для скрещивания дикий американский хлопчатник. Успешно выведя длинноволокнистую разновидность, они тут же изобрели керамическое пряслице, аналогичное ближневосточному; приготовив пряжу, изобрели ткацкий станок и принялись ткать набедренные повязки и плащи средиземноморского типа в самом жарком поясе Америки, где менее всего ощущалась нужда в одежде. Если же хлопчатник Старого Света прибыл на судне с людьми, издавна знакомыми с его применением, совпадение этого факта с зарождением перуанской и мексиканской цивилизаций выглядит вполне логично. Для опытных хлопкоробов было бы естественно скрестить привезенную разновидность с дикой американской и получить 26-хромосомный хлопчатник, который затем возделывался на обширных полях от Мексики до Перу. И столь же естественно было бы для них изготавливать керамические и каменные пряслица такого же вида, какие делали в Старом Свете, и такие же ткацкие станки для производства одежды, какую они носили в своей части света.

Семена хлопчатника могут, не теряя всхожести, плавать месяцами в лабораторных сосудах, но попробуйте сплавить их через Атлантический океан со всеми его рыбами к людям, в жизни не видевшим хлопкового поля, не говоря уже о ткацком станке, — вряд ли от этого эксперимента будет прок. Вот и получается, что иные опрометчивые гипотезы о трансокеанской диффузии выдвигаются изоляционистами, которые в погоне за осторожностью готовы принять любую диффузионистскую гипотезу, только бы в ней не говорилось о судах.

Сходная история получается с бананом *Musa paradisiaca* в Америке. У этого вида нет диких родичей в Новом Свете, а потому этноботаники, равняясь на антропологов, исходили из того, что наличие

банана в Америке XVI в. объясняется привозом его после Колумба. Однако этот вывод противоречит письменным источникам. Хронисты XVI в. почитали банан исконно американским растением, возделываемым от Халиско в Мексике до южного приморья Бразилии. От Мексики до Южной Америки в языке индейцев были собственные названия для банана. Инка Гарсиласо, Гуаман Пома, патер Акоста и патер Монтесинос единодушно отмечали, что банан выращивали в Перу до конкисты. Историк Прескотт в 1847 г. подчеркивал: «Неверно предполагать, что это растение не было исконным для Южной Америки. В древних перуанских погребениях часто находят банановые листья» (Prescott, 1847[254]). В 1879 г. Рошбрюн сообщил о находке листьев и плодов в доколумбовом погребении в Анконе на тихоокеанском берегу Перу, причем плоды были бессемянные и, следовательно, принадлежали к окультуренному виду *Musa paradisiaca* (Rochebrune, 1879[262]). Наконец, исторические и археологические данные побудили Хармса в 1922 г. включить *Musa paradisiaca* в список растений, опознанных в доколумбовых перуанских захоронениях (Harms, 1922[143]).

Поскольку никто не отваживался предполагать, что бессемянные бананы могли доплыть до Америки без помощи человека, наличие бананов в доколумбовой Америке стало еще одним доводом, который изоляционисты не могли объяснить. Тем не менее главный поборник изоляционизма среди ботаников Меррилл вопреки сообщениям испанских хронистов выдвинул в 1946 г. гипотезу, что банан был доставлен в Новый Свет португальцами через лежащие у африканских берегов острова Зеленого Мыса (Merrill, 1946[216]). Сторонники этой гипотезы готовы приписать честь интродукции банана в Америке епископу Панамы Томасу де Берланга, о котором в хрониках сказано, что в 1516 г. он посадил несколько корневищ на острове Санто-Доминго (Испаньола), в 500 милях от материка. Однако видный специалист по географии растений Зауэр показал неприемлемость такого предположения:

«Разводить банан труднее, чем семяносные растения. Зрелое корневище надо выкопать, разделить, желательно просушить, затем посадить на новом месте. Данный вид вовсе не склонен размножаться самосевом, так что его распространение скорее всего обусловлено намеренной и достаточно тщательной посадкой» (Sauer, 1950[272]).

Если верна гипотеза изоляционистов и банан впервые появился в Новом Свете на острове Эспаньола в 1516 г., то он распространился дальше с волшебной даже для выносливого сорняка скоростью, склонив испанцев к ошибочному заключению, что речь идет об исконном растении самых глухих индейских селений от Мексики до Перу. Когда, например, Орельяна в 1540–1541 гг. пересек Анды со стороны Тихого океана и первым из европейцев спустился по Амазонке до самого ее устья, он обнаружил банановые плантации в истоках великой реки всего через 24 года после того, как епископ Берланга сажал бананы на острове Санто-Доминго. Если считать епископские корневища прародителями всех бананов Америки, выходит, что аборигены должны были живо выкопать их и доставить по морю в Мексику и Панаму, а также в устье Амазонки (путь, равный расстоянию от Африки до Южной Америки), после чего те же или другие индейцы с изрядным запасом корневищ поднялись на лодках вверх по величайшей в мире лесной реке и уговорили все племена на пути к истокам сажать неведомый клубень. За те же десятилетия переносчики бананов каким-то образом ухитрились доставить епископские корневища от истоков Амазонки или с Панамского перешейка на орошаемые поля и в запечатанные склепы в пустынях перуанского приморья, чем сбили с толку таких местных авторитетов, как Инка Гарсиласо и его современники, которые записали, что банан в Перу рос еще до европейцев. В своем стремлении отговориться от столь важного генетического свидетельства изоляционисты, трактуя возможности переноса в Новом Свете после 1516 г., сами становятся крайними диффузионистами.

Разумеется, изоляционисты часто правы, критикуя диффузионистов за пренебрежение хронологией. Выдвигались миграционные гипотезы, предполагающие диффузию в Америку культурных элементов, которые были широко распространены в Новом Свете задолго до того, как их можно с уверенностью проследить где-либо еще. Диффузионисты неоднократно заявляли, что идея каменных статуй и мегалитической кладки воспринята аборигенами Перу от иммигрантов с острова Пасхи. Несостоятельность таких утверждений доказана стратиграфией и радиоуглеродной датировкой. Каменные статуи и мегалитические стены были характерны для высокоразвитых американских культур Мексики, Центральной Америки, Колумбии,

Эквадора, Перу и Боливии. Мексиканские ольмеки и андские тиауанаки в совершенстве владели ваянием и кладкой задолго до того, как человек поселился не только на Пасхе, но и в любых других частях Полинезии. Так что наличные хронологические свидетельства на тихоокеанской стороне Америки исключают вероятность внешнего стимула для этого культурного элемента.

А вот на атлантической стороне такого хронологического несоответствия нет. Две разделенные большим промежутком времени даты позволяют предполагать важные события, повлиявшие на жизнь народов по обе стороны Атлантики. Речь идет о трехтысячных и тысячных годах до нашей эры, и, хотя вторая дата представляется в данном контексте более актуальной, нельзя пренебрегать и первой, учитывая ее первостепенное значение в предыстории Старого Света. Как уже говорилось, незадолго до 3000 г. до н. э. достигли полного расцвета великие цивилизации Ближнего Востока. В Египте начало первой династии фараонов датируют 3200–3100 гг. до н. э.; примерно к этому же времени относят первую династию Ура в Двуречье. Если верны новейшие археологические датировки, Мальта была заселена цивилизованными мореплавателями даже раньше этого периода; вскоре наступил черед и Крита. Мы пока что не можем сколько-нибудь точно определить область или области, откуда корабли впервые стали бороздить Средиземное море. Поскольку в силу упомянутых датировок получается, что мегалитические постройки появились на Мальте раньше, чем в Египте, некоторые ученые начинают думать, что первоначальные импульсы цивилизаций Старого Света, возможно, распространялись в бассейне Средиземного моря не с востока на запад, а наоборот. Такие соображения как будто подтверждаются мнением римлян, что древнейшим городом в мире был не Библ в Финикии, а Ликс на берегу Атлантики, а также записанным древними греками египетским преданием об Атлантиде, по которому колыбель средиземноморской цивилизации находилась за Гибралтаром. Если отбросить догадки, основанные на шатких свидетельствах, остается документально подтвержденным фактом, что мореплаватели, хорошо знакомые с мегалитическим зодчеством, развивали свою деятельность по обе стороны Гибралтара до начала письменной истории. Незадолго до 3000 г. до н. э. во Внутреннем Средиземноморье развернулась

небывалая культурная активность, новые династии внезапно пришли к власти и создали передовую цивилизацию в Двуречье и Египте.

Археологический материал, позволяющий судить о сходной активности в Новом Свете в тот же период, пока что довольно скуден. Однако весьма примечательно, что начальная дата древнего календаря майя в переводе на наше летосчисление — 3113 г. до н. э. Календарь майя отличался такой точностью, что астрономический год в нем измерялся в 365,242 дня; это дает потерю всего одного дня за каждые 5 тысяч лет, тогда как в основу нашего современного календаря положен год, исчисляемый в 365,2425 дня, что дает полтора лишних дня за тот же срок. Надпись на древней мексиканской погребальной пирамиде в Паленке гласит, что 81 месяц составляет 2392 дня; стало быть, по наблюдениям древних американских астрономов, месяц в среднем включал 29,53086 дня — это всего 24 секунды отклонения от истинной продолжительности. Теперь спрашивается, почему древние мексиканцы начинали свое точнейшее летосчисление с даты 4 Ахау 2 Кумху, что отвечает нашему 12 августа 3113 г. до н. э.? Кое-кто полагает, что индейцы выбрали эту дату наугад — с чего-то надо было начинать. Другие допускают, что она связана с каким-то астрономическим явлением, которое наблюдалось задолго до возникновения даже ольмекской цивилизации. Тот факт, что эта дата удивительно совпадает с важными событиями в Египте и Двуречье и великими миграциями в Средиземноморье, дает право предположить, что речь идет не о чистой случайности.

Период около 1200 г. до н. э. — еще одна важная веха в предыстории Средиземноморья. Все авторитеты признают, что в это время некая чудовищная катастрофа резко сократила численность населения и повлекла за собой крушение великих цивилизаций этой области. Исчезла минойская цивилизация на Крите, сильно пострадали все области микенского мира. Неизвестные племена, которые египтяне называли «морскими народами», скитались на многочисленных кораблях по Средиземному морю, совершая набеги на берега Малой Азии и Египта. Весь Ближний Восток был поражен стихийными бедствиями; могучие в прошлом приморские державы египтян и хеттов внезапно и безвозвратно пришли в упадок. Финикийские колонисты покидали свои прежние порты, в большом количестве выходили за

Гибралтар и основывали важные поселения на атлантических берегах Испании и Марокко.

В недавно изданном труде Померанц разбирает возможные причины столь широких пертурбаций, которые озадачивают историков и археологов и предположительно приписываются то набегам «морских народов», то редкостно сильным засухам. Начиная с археологии Крита, он показывает, что «около 1200 г. до н. э. повсеместно засвидетельствованы зловещие признаки катастрофы. Почти во всех местах раскопок видим следы разрушений, пожаров, бегства населения и попыток наладить жизнь таких беженцев». Он приводит ряд аргументов, чтобы показать, что последнее разрушительное извержение на лежащем недалеко от Крита Санторине (Тира) датируется неверно — на самом деле оно произошло около 1200 г. до н. э. Вызванные этим геологическим катаклизмом волны достигали чудовищной величины. Померанц считает, что «расходившиеся от Санторина цунами обернулись около 1200 г. до н. э. страшным бедствием для населения и примитивного хозяйства на берегах Эгейского моря и Восточного Средиземноморья». Он продолжает:

«Опустошения, характеризующие период около 1200 г. до н. э., следует понимать не только как следствие агрессии уцелевших людей — „морских народов“, но и как следствие окончательного обрушения санторинской кальдеры. В невероятно короткий срок пало большинство важнейших культур, были забыты процветавшие веками искусства и ремесла... нарушились международные связи и торговля. Именно в это время вдруг пропадают высшие достижения культуры бронзового века. После 1200 г. до н. э. жизнь в Эгейском бассейне на 400 лет погружается в пучину обскурантизма» (Pomerance, 1970[251]).

Поскольку ольмекская культура начала расцветать в мексиканском приморье сразу после периода небывалых потрясений к востоку и западу от Гибралтарского пролива, на атлантической стороне Америки с хронологией все в порядке независимо от того, что на самом деле так сильно ударило по цивилизациям Старого Света.

Изоляционисты видели, как подтверждаются их заключения о несостоятельности тех или иных диффузионистских аргументов. Но если история ольмекской и мексиканской цивилизаций начинается в области подвижных вод Канарского течения, связывающих ее с культурами Средиземноморья, почему не допустить, что какие-то

диффузионистские параллели, хотя бы и не служащие доказательством трансокеанских плаваний, все же объясняются такими плаваниями? Отсутствие доказательств само по себе — не веский контраргумент.

Конечно, параллели в обычаях и изделиях можно отвергнуть порознь как неубедительные доказательства контакта. Иное дело с распространением культурных растений. И негативный подход не оправдывает себя, если все культурные параллели оценивать совместно. Вероятность независимого изобретения поддается примерному определению по следующей приблизительной схеме. Скажем, так: если один процент населения земного шара создавал астрономически ориентированные пирамиды, это равнозначно одному проценту вероятности для людей вообще додуматься до постройки таких сооружений. И нет ничего немыслимого в том, что этот один процент пришелся на два обособленных региона — Двуречье — Египет и Мексика — Перу. Так же можно рассуждать, если один процент человечества придумал изображать своих божеств в облике человека с головой хищной птицы. Мифических птичелюдей тоже можно посчитать независимым изобретением. Однако вероятность того, что в одних и тех же ограниченных регионах додумались и до пирамид, и до птичелюдей, составит уже один процент от одного процента. Продолжая это рассуждение и включая в наши расчеты ритуальное захоронение керамических фигурок на колесах, видим, что область их распространения еще более ограничена и вероятность повторения намного меньше одного процента. Если же поставить их в ряд с пирамидами и птичелюдьми, вероятность повторения такого комплекса совсем уж мала. А так как пристальное исследование выявляет более ста культурных параллелей между двумя названными регионами, притом настолько специфических, что в других местах они присутствуют только в виде явного заимствования, невероятность независимой эволюции достигает подлинно астрономической величины. Конечно, такой способ расчета весьма схематичен и приближителен, и многие из учитываемых параллелей взаимозависимы и взаимообусловлены, и все же остается достаточно примеров, чтобы показать ошибочность позиции изоляционистов, когда они отвергают каждый из множества признаков порознь, вместо того чтобы оценивать их вместе.

Легкость, с какой опытный экипаж папирусного судна мог пересечь Атлантический океан, следуя маршрутом Колумба, побудила меня после тщательных полевых и музейных изысканий в соответствующих районах составить перечень существенных для нашей темы трансатлантических культурных параллелей. Возможно, какие-то элементы покажутся выходящими далеко за пределы рассматриваемых нами регионов, если исходить из их всесветной известности в средние века. Однако следует помнить, что речь идет о чертах, распространившихся в древности из концентрированного источника в афро-азиатской области между реками Нил и Тигр. Как известно, древние греки, а за ними римляне распространили, например, изготовление бумаги и письмо, даже христианскую веру и новые нравы с Ближнего Востока в Европу, а берберы, финикийцы и затем арабы позаботились о переносе культуры из того же источника вдоль североафриканского приморья до берегов Атлантики и Канарских островов. В большинстве случаев диффузия длилась столетиями. На оставшийся шаг до Мексики достаточно было нескольких недель.

Выделяя общие для доевропейских цивилизаций Малой Азии, Египта, Кипра и Крита характерные черты культуры, дающие право говорить о едином культурном регионе, почти неизбежно сталкиваешься с тем, что эти черты типичны и для доевропейских цивилизаций Мексики и Перу. Действительно, тот самый набор культурных черт, который в период экспансии от 3000 примерно до 1200 г. до н. э. распространялся с Ближнего Востока в сторону Гибралтара, появляется в это же время в родственном виде на американском финише Канарского течения. Приводимый ниже перечень примеров относится к этой категории:

1. Иерархия, основанная на солнцепоклонничестве и сложном государственном управлении во главе с абсолютным священным монархом, династия которого называет солнце своим родоначальником.

2. Браки между братьями и сестрами в правящей династии для сохранения чистоты «солнечной» крови.

3. Развитая письменность в период, когда европейские народы еще не знали письма.

4. Изготовление бумаги вымачиванием и сдавливанием перемежающихся слоев растительного волокна; производство книг с

цветными иероглифическими текстами в виде длинных широких лент, которые складывались или свертывались в свитки.

5. Применение огромного количества организованной рабочей силы для постройки колоссальных сооружений, лишенных какой-либо практической функции.

6. Неизвестная в наши дни техника, позволявшая с высочайшей точностью вытесывать огромные каменные блоки, которые независимо от формы и величины пригонялись друг к другу без цементирующего раствора так плотно, что в швы не проходит даже лезвие ножа.

7. Технические знания, позволявшие транспортировать такие блоки весом до 100 т на большие расстояния в пересеченной местности, через болота, реки и озера; умение устанавливать их торчком в виде монолитов или укладывать друг на друга, создавая совершенные мегалитические стены.

8. Установка под открытым небом исполинских антропоморфных каменных статуй, служивших религиозными монументами.

9. Установка мнемонических стел с рельефными антропоморфными изображениями в окружении высеченных иероглифических надписей. Повторение в обоих регионах рельефного изображения бородатого мужчины, сражающегося с опирающейся на хвост огромной змеей (хеттская стела из музея Халеба и ольмекская стела из Ла-Венты, ныне установленная в археологическом парке Вильяхермоса).

10. Оштукатуренные помещения культовых сооружений, стены и колонны которых расписаны многоцветными фресками с изображением священных правителей и процессий, причем люди показаны в профиль, с двумя руками и ногами. Присутствие на фресках обоих регионов специфического мотива: птичеловек, стоящий на спине пернатого змея (многократно повторяется в Долине царей, Египет, и недавно обнаружен в раскопанном храме в Какацтле, Мексика).

11. Сооружение огромных, геометрически совершенных пирамид типа месопотамских зиккуратов; по обе стороны Атлантики такие пирамиды строили или из прямоугольных каменных блоков, или из сырцового кирпича и всегда с точной астрономической ориентировкой. В некоторых случаях на этих пирамидах по обе стороны Атлантики наблюдаются дополнительные параллели: ритуальная лестница на одной или нескольких стенах, подводящая к храму на вершине

пирамиды; запечатанный потайной вход на внутреннюю лестницу, которая ведет в погребальную камеру; шестиугольное сечение крутого хода с длинной и узкой лестницей, спускающейся к двери в погребальную камеру; наличие в камере каменного саркофага, вентиляционного устройства и погребальных даров; технико-архитектурный прием, позволяющий широкому потолку погребальной камеры и более узкому потолку над внутренней лестницей выдерживать чудовищный вес пирамиды, хотя эти доевропейские строители не были знакомы с принципом свода.

12. Большой огороженный храмовый двор у одной из стен пирамиды с параллельными рядами высоких каменных колонн круглого и прямоугольного сечения.

13. Мегалитические саркофаги с многотонной каменной крышкой, иногда оформленной в виде антропоморфной скульптуры.

14. Мумификация покойников высокого ранга с извлечением внутренностей через анус и с применением определенных смол, хлопковой набивки и бинтов.

15. Мумийная маска с отверстиями по краям, чтобы можно было привязать ее поверх обмотанного бинтами лица.

16. Искусное осуществление магико-хирургических трепанаций черепа на живом человеке с высоким процентом выживания пациентов.

17. Ритуальное обрезание мальчиков.

18. Хранение черепов предков с набивкой из глины и инкрустацией глаз морскими раковинами.

19. Накладная борода как ритуальный убор верховных жрецов.

20. Изготовление в прямоугольных деревянных формах сырцового кирпича из специального исходного сырья в смеси с соломой и водой, с последующей сушкой на солнце; этот кирпич шел на сооружение пирамид, храмов и жилищ в один и более этажей.

21. Планировка городов из сырцового кирпича кварталами, которые разделялись улицами и площадями и оснащались водопроводом и канализацией.

22. Подача на большие расстояния воды для ирригации и бытовых нужд через каналы и акведуки; изготовление одинаковых керамических труб с расширенным концом, куда вставлялся более узкий конец предыдущей, вышележащей секции, так что получался сплошной закрытый водовод.

23. Террасное земледелие в больших масштабах с применением органических удобрений и искусственного орошения для возделывания пищевых культур и хлопчатника.

24. Сбор волокна, получаемого не от дикого хлопчатника, а только от искусственно выведенного культурного гибрида; приготовление пряжи из этого волокна вращением веретена со специфического вида керамическим пряслицем, одинаковым по форме и величине в обеих рассматриваемых областях; окраска пряжи; изготовление двух одинаковых типов ткацкого станка для получения из пряжи многоцветной ткани.

25. Отмеченное как изоляционистами, так и диффузионистами сходство одежды из хлопчатобумажной ткани: набедренные повязки и плащи мужчин, платье с поясом и застежками на плече для женщин.

26. Одинаковые веревочные и кожаные сандалии.

27. Чрезвычайно важный венец из перьев, надеваемый воинами и высокопоставленными лицами. (Этот убор, характерный для мексиканской и перуанской знати, многие считают чисто американским обычаем, однако он не менее характерен для Ближнего Востока; это видно как на рельефах, изображающих хеттских воинов, так и на египетских изображениях загадочных «морских народов» Средиземноморья, совершавших набеги на Египет с моря.)

28. Сложная организация постоянных войск; щиты с рисованными символами, позволяющими определить принадлежность воина к тому или иному подразделению; употребление брезентовых палаток в военных лагерях.

29. Применение пращи как важного оружия; сходные типы веревочной и кожаной пращи с одинаковой средней частью для метательного снаряда, прорезью и отверстием для пальцев.

30. Часто отмечаемое сходство и тождество орудий и приспособлений земледельцев, плотников, каменщиков, художников, рыбаков (крючки, сети, грузила), купцов (весы), музыкантов (барабаны, духовые инструменты).

31. Далекие экспедиции в поисках особых моллюсков, высоко ценимых за красную раковину и извлекаемую из тела моллюска красную краску.

32. Тожественные стадии в развитии металлургии. Народы рассматриваемых здесь доевропейских культур обрабатывали одни и те

же металлы, однако железо не использовали. Высоко ценили золото и серебро; руду плавил, металл ковали и формовали в одинаковых керамических формах, изготовляя фигурки и драгоценности подчас поразительно сходного вида. Для получения бронзы, превосходящей твердостью медь, нередко совершались трудные походы в далекие области за необходимым для сплава оловом.

33. Бронзовые зеркала с короткой ручкой, щипцы и маленькие декоративные колокольчики — важные изделия, знаменующие вступление в бронзовый век.

34. Золотые филигранные изделия высочайшего качества. Древние американские украшения с тончайшими узорами равны шедеврам мастеров Ближнего Востока и, подобно тканям высшего качества, превосходили все, что производила тогдашняя Европа.

35. Чрезвычайно совершенная керамика; и тут и там одинаковый специализированный многоцветный погребальный инвентарь. Традиционная треногая ваза, настолько типичная для Ближнего Востока, что ее толкуют как финикийское изделие при раскопках на атлантическом берегу Марокко или на Канарских островах, не менее характерна для области высокоразвитой американской культуры от Мексики до Перу. Столь же характерны для обоих регионов разноцветные фигурные сосуды в виде голов и различных предметов. Хорошо известна по обе стороны Атлантики керамическая ваза в виде обрезанной выше лодыжки, обутой в сандалию человеческой ступни; постоянно повторяются сосуды в форме рыб, птиц и четвероногих с ручкой на спине и носиком; известны кольцевидные вазы, изображающие змею с миниатюрными сосудами на спине; еще один общий мотив — композиция из плодов и шаровидных вместилищ, соединенных поперечными трубками с одним длинным горлышком.

36. Плоская керамическая фигурка, изображающая обнаженную богиню, которой придается важное значение. Общая характерная черта — совершенно плоские туловище и конечности при объемной голове. Из районов Ближнего Востока финикийцы распространили эту фигурку на запад по всему Средиземноморью как олицетворение своей верховной богини Танит, Матери-Земли. Такая фигурка, наделенная теми же чертами, является, пожалуй, наиболее характерным образцом древней керамики от Мексики до Перу.

37. Глиняные изображения бытовых сцен. В обоих регионах видим тождественные фигурки женщины, которая стирает зерно, стоя на коленях; беременной женщины, которая присела на корточки, другая женщина придерживает ее сзади, а третья спереди принимает ребенка; хоровод фигурок, окружающих флейтиста.

38. Погребальный инвентарь в виде фигурок животных на колесиках. Такие фигурки широко распространены на Ближнем Востоке и доставлены на Запад финикийцами по меньшей мере до острова Ивиса, однако в Америке их распространение как будто ограничивается периодом ольмеков в Мексике.

39. Терракотовые печати, как плоские с ручкой, так и цилиндрические, с высеченными на них фигурными или геометрическими мотивами. Цветные символы и узоры наносились плоскими печатями обычным способом; цилиндрические печати катили, получая сплошную узорную полосу. Подчас в обоих регионах видим тождественные специфические мотивы.

40. Обычай вырезывания деревянных фигурок, а иногда и вытесывания больших каменных статуй с углубленными глазницами, которые затем инкрустировались морской раковиной и черным обсидиановым зрачком.

41. Круглый диск, в середине которого изображена человеческая голова с высунутым языком; кромка диска разделена метками на 16 равных частей.

42. Занимающие видное место в религиозном искусстве мифические персонажи, изображаемые в виде человека с птичьей головой; такие птичеловеки часто показаны кормчими или пассажирами камышовых судов; аналогичные фигуры тянут ладьи по воде, впрягаясь в длинные канаты.

43. Наличие в обоих регионах другого мифического персонажа — с телом человека, но с кошачьей головой.

44. Изображение в качестве царственных символов одних и тех же трех животных: змеи, хищной птицы и кошки. В обоих регионах змею подчас рисуют рогатой. На месте орла Старого Света видим в Новом Свете кондора, на месте льва — соответственно пуму.

45. Пернатый змей как символ верховного божества и предка правящей династии. (Змей с пернатым туловищем или с крыльями

встречается в религиозном искусстве от Двуречья и хеттской Сирии до Египта, Мексики и Перу.)

46. Пояс некоторых божеств и знатных лиц показан в виде двуглавой змеи; важна роль двуглавых птиц и млекопитающих в символическом искусстве.

47. Встречающиеся иногда изображения сверхъестественных созданий с трехпалой кистью.

48. Рождение понятия нуля и применение его в математических расчетах.

49. Значение XXXI столетия до н. э. как даты, с которой связывают своих родоначальников.

50. Выбор первого в году появления одного и того же созвездия Плеяд как вехи, обозначающей наступление Нового года, хотя это не обусловлено сезонами, поскольку речь идет о разных географических широтах.

51. Замечательно совершенная система календаря, основанная на весьма точных астрономических знаниях. Если открытые пространства Двуречья и Египта с их чрезвычайно сухим климатом создавали идеальные условия для непрерывного наблюдения звезд, то ольмеки на берегу Мексиканского залива плохо видели небо сквозь лесной полог и тропические тучи, так что локальное развитие календаря выглядит такой же аномалией, как употребление открытых сандалий и длинных халатов в болотистом дождевом лесу.

52. Обычай обрамлять борта судов сплошным рядом круглых раскрашенных боевых щитов. (Этот финикийский обычай отображен также на фресках майя в Чичен-Ице, где нарисованы суда с желтоволосой командой.)

53. Наличие по обе стороны Атлантики одного и того же излюбленного типа судов: камышовой ладьи с морскими серповидными обводами, составным корпусом из искусно связанных спиральной веревкой бунтов и брезентовым парусом на двуногой мачте, опирающейся на основные бунты.

Судя по преданиям и изображениям, по обе стороны Атлантики камышовые суда достигали таких размеров, что подчас снабжались второй палубой. Мы видели, что огромные папирусные и камышовые плоты и в наши дни плавают на озере Чад и в устье Тигра и Евфрата; не меньшие размеры требовались от американских судов, перевозивших

монолиты по реке Тонале для ольмекских сооружений Ла-Венты и через озеро Титикака для Тиуанако. Однако еще важнее, чем размеры, знание приемов, позволяющих серповидным бунтовым ладьям сохранять свои обводы на море. Для этого необходима техника, применявшаяся в прошлом на Ближнем Востоке и известная в наши дни только южноамериканским индейцам озера Титикака. Папирусная ладья «Ра II», связанная в Африке титикакскими индейцами, полностью сохраняла свою форму, не потеряв ни одного стебля, когда ее извлекли из воды в Новом Свете. Лишь после года хранения в Осло веревки ослабли, и, едва осели нос и корма, тотчас пропало изящество обводов. Никакие ученые или мастера не могли помочь нам восстановить прежнюю форму ладьи, пришлось везти в Осло ее строителей — индейцев племени аймара с Титикаки, чтобы они, пользуясь традиционными приемами, придали судну первоначальный вид. Это ли не свидетельство, говорящее о малой вероятности независимого изобретения!

Океанские камышовые суда не единственная специфическая черта, присущая доевропейским цивилизациям по обе стороны Атлантики, которую трудно объяснить гипотезой о независимом творчестве. Зато именно этот элемент культуры может объяснить, как возникли другие трансатлантические параллели.

Глава 4

Бородатые боги до Колумба

Ни одно из обстоятельств первой встречи европейцев с Америкой не озадачивало остальной мир так, как утверждение ацтеков, будто испанцы не были первыми белыми бородатыми людьми, которые пришли к ним через Атлантический океан. На всем пути испанцев от Мексики и Центральной Америки до Перу их встречали с распростертыми объятиями, почтительно отождествляя с легендарными светлокожими пришельцами, носителями высокоразвитой культуры, действовавшими в названных областях в далеком прошлом. Куда бы ни проникали конкистадоры, повсеместно в этом регионе они видели могучие руины и памятники творцов забытой цивилизации, и всюду местные племена приписывали эти памятники великодушным белым бородатым пришельцам. Целые народы хранили такие воспоминания, составляющие основу их исторических преданий и верований. Прибытие и деятельность белых бородатых наставников описаны иероглифами в доколумбовых рукописях, отображены на каменных монументах и в керамическом искусстве. Особенно бороды испанцев, подобные бородам их легендарных предшественников, производили сильное впечатление на индейцев, у которых волосы на лице не росли. Дошедшие через века предания о легендарных странниках повлияли на ход мировой истории, так как помогли Кортесу и Писарро с горсткой воинов покорить две величайшие империи того времени — империи ацтеков и инков, не встретив сколько-нибудь серьезного военного отпора.

Считать ли изображения доколумбовых пришельцев из-за моря выдумкой безбородых индейцев, которые не умели иначе объяснить, кто основал их цивилизации, или же они свидетельствуют о действительном контакте с древними мореплавателями из Старого Света?

Следующая глава первоначально была напечатана в 1971 г. в сборнике «Поиски Америки».

Мой интерес к вопросу, мог ли человек до Колумба переплыть через Атлантику, родился, как ни парадоксально это выглядит, в результате исследований в Тихом океане и знакомства с литературой о загадочном происхождении полинезийцев и их культуры. Писавшие в начале этого столетия Форнандер, Смит, Перри и Бест приводили убедительные, на их взгляд, свидетельства того, что Полинезия, в частности остров Пасхи, была заселена пришельцами из Египта, Двуречья или еще какого-то центра в области высокоразвитой культуры Восточного Средиземноморья. Эти первые полинезианисты подчеркивали, что в двух регионах-антиподах сосредоточены поразительные параллели: совершенная мегалитическая кладка, ступенчатые храмовые пирамиды, монолитные статуи, мумификация, трепанация, священные правители, династические браки братьев и сестер, календарь, генеалогии, боги солнечного происхождения, дощечки с иероглифическими надписями. При этом неизменно предполагалось, что гипотетический путь выходцев из Восточного Средиземноморья пролегал через Индийский океан, Малайский архипелаг, Микронезию или Австралию с Меланезией, наконец, через всю Полинезию до острова Пасхи.

Только на этом ближайшем к Южной Америке полинезийском островке были обнаружены письмо и другие важные черты культуры, перекликающиеся с Восточным Средиземноморьем. Поскольку на огромных сухопутных и океанских просторах, через которые предположительно шли странники, не выявлено никаких следов, более осторожным ученым впоследствии не составило труда отвергнуть первые диффузионистские гипотезы как географически и хронологически неосновательные. Тем не менее такие наблюдения диффузионистов, как совпадение важных имен богов и географических наименований Древнего Египта и Двуречья, с одной стороны, и Полинезии — с другой, оказали прочное влияние на полинезианистскую литературу. Скажем, солнце и бог солнца были известны в Древнем Египте под именем Ра, и так же называли солнце на сотнях островов Полинезии. Далее, полинезийские предания согласно называют важное племя и поселение на далекой исконной родине именем Уру, что толковалось как указание на центр древней культуры Ур в Двуречье. Первоначальные гипотезы о прямой миграции из Ура и Египта были отвергнуты большинством ученых, однако мысль

о том, что древние культуры Восточного Средиземноморья или арабского мира каким-то неясным путем связаны с происхождением народа Полинезии, всегда так или иначе гнездилась в подсознании полинезианистов.

Если посмотреть на глобус, видно, что путь от Двуречья до острова Пасхи короче через Атлантику и Америку, чем через Индийский и Тихий океаны. В области высокоразвитых культур от Мексики до Перу находим уже упомянутые средиземноморско-полинезийские культурные параллели, следов которых не обнаружено на всем индо-тихоокеанском пути. Кстати, именем Уру из полинезийских легенд называется также важное племя, издревле обитающее на озере Титикака в Перу; предполагается, что ранее племя это занимало всю область от мегалитических руин Тиауанако до побережья Тихого океана. Во время испанской конкисты люди племени уру были главными строителями камышовых лодок на Титикаке, и жили они на плавучих островах из камыша тотора. Этот же самый камыш, сугубо южноамериканский вид, был доставлен человеком на остров Пасхи и посажен в местных озерах для постройки лодок, сходных с лодками уру. Пасхальские предания утверждают, что сей пресноводный камыш был привезен на остров из чужих земель богом Уре.

Два из важнейших океанских конвейеров, образующие упомянутые выше маршруты Колумба в Атлантике и Менданьи в Тихом океане, ведут прямо от Средиземноморья к Полинезии, причем Панамский перешеек нельзя считать сколько-нибудь серьезным сухопутным барьером для плывущих по ветру странников. В самом деле, первый европеец, ступивший на полинезийскую землю, — Менданья начал свой путь в Средиземноморье, пешком пересек Панамский перешеек и через Перу добрался до Полинезии.

Хотя мне только много лет спустя удалось на опыте установить, как легко пройти на аборигенном судне от Африки до Америки и от Америки до Полинезии, я довольно рано заподозрил в своих исследованиях, что первые переносчики культуры попали на остров Пасхи и близлежащие полинезийские архипелаги из Южной Америки независимо от того, восприняла или нет тропическая Америка какие-либо импульсы из древнего Средиземноморья. Как и большинство изучающих происхождение полинезийской культуры, я обратил внимание на ее смешанный характер: острова восточной части Тихого

океана приняли не одну группу переселенцев. Изучение географии и практическое знакомство с жизнью аборигенов Полинезии подвели меня к выводу, что культурные элементы Юго-Восточной Азии попали в эту область из Филиппинского моря по течению Курисио и через Северо-Западное побережье Северной Америки, но еще задолго до того на многие из островов восточной части Тихого океана пришли доинкские мореплаватели из Южной Америки.

Но к каким бы берегам Тихого океана ни привязывали родину полинезийцев, расовый состав этого народа оставался загадкой. Он, несомненно, смешанный, однако в целом полинезийцы относятся к самым высокорослым народам мира, велик процент длинноголовых, а светлый оттенок кожи сближает их с жителями Южной Европы. Специалисты по физической антропологии отметили, что по всей Полинезии распространен европеоидный тип, нередко называемый также арабо-семитским, для которого характерны нос с изогнутой спинкой, тонкие губы, борода, иногда рыжевато-коричневые волнистые волосы. Люди такого типа наблюдались первыми европейскими исследователями на всем пути от острова Пасхи до Новой Зеландии и островов Чатем. Сами полинезийцы называли этот компонент населения, составлявший подчас целые семьи, *уру-кеу*, почитая их потомками светловолосых и светлокожих полубогов, первоначальных обитателей островного царства. Физические черты полинезийцев на островах восточной части Тихого океана заметно отличали их от жителей западной части Тихого океана, и европеоидный элемент особенно отклонялся по названным характеристикам от папуа-меланезийцев, негритов, малайцев и индонезийцев, населяющих область, через которую, по мнению большинства современных исследователей, якобы прошли полинезийцы. Загадочный европеоидный компонент в Полинезии не позволял сбрасывать со счетов фантастические на первый взгляд гипотезы о средиземноморском элементе на востоке Тихого океана.

Может показаться, что ссылка на выходцев из Америки не решает вопроса. Южноамериканские индейцы не были наделены европеоидными чертами; они близки к малайцам, с которыми связаны общим древним родством. Если не считать сходства с полинезийцами в целом по группам крови и форме носа, южноамериканские племена отличались от островитян восточной части Тихого океана не меньше,

чем народы Юго-Восточной Азии и западной части Тихого океана. Высокие и рыжеволосые, с пышной бородой были одинаково неизвестны по обе стороны Полинезии, когда сюда впервые пришли европейцы. Малорослые, круглоголовые, смуглые обитатели Малайского архипелага и Южной Америки бороды не имели. Откуда же у островитян Полинезии необычные, европеоидные черты?

На острове Пасхи, самом далеком от Азии и наиболее близком к Новому Свету форпосте Полинезии, известны предания, утверждающие, что древнейшие предки пасхальцев прибыли из большой засушливой страны на востоке, то есть со стороны Южной Америки, и достигли Пасхи, плывя 60 дней в сторону заходящего солнца. Дорожащее своей историей смешанное население острова Пасхи утверждает, что часть предков отличалась белой кожей и рыжими волосами, тогда как другие были темнокожие и черноволосые. Это подтверждается наблюдениями первых европейцев, посетивших остров. Когда голландцы во главе с Роггевеном открыли Пасху в 1722 г., они записали, что среди поднявшихся на борт их корабля островитян был «один совершенно белый» и вообще среди пасхальцев «встречаются и более темнокожие, и совсем белые, а некоторые — розовые, словно они обгорели на солнце» (Behrens, 1722[26]).

Все первые европейские гости отмечали также, что среди пасхальцев попадались люди, приметные не только светлой кожей и высоким ростом, но и мягкими рыжеватыми волосами. Можно ли считать таких людей потомками выходцев из Южной Америки на востоке, где физические характеристики кечуа, аймара и уру объединяют их с черноволосыми, смуглыми, низкорослыми жителями Юго-Восточной Азии? Или же физический облик представителей доинкских культур Перу отличал их от исторически известных невысоких, круглоголовых индейцев этих мест?

Примечательно, что в наиболее древних преданиях, записанных на Пасхе, пасхальцы называют расположенную в 60 днях пути на восток страну, откуда пришли их предки, Местом погребения. И добавляют: «В этой стране климат был настолько жарким, что люди иногда умирали от жары; случались времена года, когда растения и все живое сгорали под палящими лучами солнца» (Thomson, 1889[307]).

Западнее острова Пасхи на всем пути до Юго-Восточной Азии нет ничего, подходящего под это описание, все берега покрыты зеленью, а

то и густым лесом. А вот на востоке в точном соответствии с направлением и расстоянием, указанными пасхальцами, находится известное своими пустынями приморье Перу и Северного Чили, и во всей Тихоокеанской области нет места, более отвечающего описанию пасхальцев и по климату, и по названию. В частности, в перуанском приморье небольшая сезонная влажность позволяет развиваться скудной растительности, которая полностью выгорает под лучами палящего солнца в засушливые месяцы. К тому же пустыни этого южноамериканского побережья изобилуют некрополями, и многие из них занимают огромную площадь в связи с накоплением останков и погребального инвентаря, способных сохраняться сколько угодно в краю, не знающем дождей. Особенности климата и обилие погребений как раз и позволяют нам изучать останки древнего населения, тогда как в прилегающих областях с более влажным климатом — в Центральной Америке, Мексике, на островах Тихого океана — органика быстро разлагается.

В итоге археологи получили прямые свидетельства примечательного факта, что основатели древнейшей доинкской цивилизации Перу практиковали настоящую мумификацию. Более того, мумификация с извлечением внутренностей через анус и обработкой покровов тела консервирующими смолами и маслами производилась не только в Перу, но и в соседней Полинезии, тогда как на Малайском архипелаге она совсем не известна. Но если мы располагаем сотнями мумий из пустынь Перу, то нам остается лишь опираться на записки первых европейских мореплавателей, говорящих о широко распространенном обычае мумифицировать правителей в самых дальних уголках Полинезии — от Пасхи на востоке до Гавайских островов на севере и Новой Зеландии на юго-западе. Столь широкое распространение сложной процедуры в тропической островной области, где влажный климат не способствует долгой сохранности мумий, указывает на то, что этот обычай, видимо, распространился из общего культурного источника с более подходящим для мумификации климатом. Поскольку Юго-Восточная Азия, где мумификации не было, отпадает, особенно знаменательно, что в пещере на Гавайях обнаружены две королевские мумии, удивительно похожие на тиауанакские доинкской поры, в плетеной оболочке из неопознанного волокна внеполинезийского происхождения. Местные ученые

поместили эту загадочную находку в Музей Бишоп в Гонолулу. Даже маска, украшающая верхнюю часть гавайской мумии, напоминает маски на таких же мумиях Древнего Перу и горных областей Мексики.

Влажный климат тропических дождевых лесов Центральной Америки и низменных областей Мексики не позволил сохраниться до наших дней таким же древним останкам, но мумийные маски достаточно известны. Нефритовая маска и куски истлевшей красной ткани на источенном временем костяке под каменной крышкой огромного саркофага в мексиканской погребальной пирамиде в Паленке свидетельствуют о настойчивых попытках осуществить мумификацию.

Видим ли мы на доинкских мумиях Перу те же общие черты — низкий рост, выраженную круглоголовость, жесткие черные волосы, какие присущи индейцам, ныне населяющим эту область? Или же в доиспанские времена население Перу было более разнородным и включало высокорослые и светловолосые этнические типы, подобные загадочным *уру-кеув* соседней Полинезии?

Когда в середине прошлого века обширные раскопки перуанских некрополей стали поставлять науке множество бальзамированных голов, европейских антропологов озадачило, что некоторые из них, судя по форме черепа, а также по цвету и строению волос, вроде бы никак не могли принадлежать исконным жителям Нового Света. Уилсон писал в 1862 г., что изученные им волосы индейцев из других захоронений «сохраняют черный цвет и жесткость, не изменяясь от времени и пребывания под землей». А вот в древнеперуанских погребениях Атакамы он обнаружил мумии с мягкими, волнистыми каштановыми волосами и заключил, что речь идет о «важных отклонениях от одной из наиболее универсальных и стойких характеристик современной американской расы». Он указывал также на «существенное различие в форме черепа».

Особенно поразило Уилсона содержимое одной могилы в Чакота-Бэй на берегу Тихого океана, ниже Тиануако. Здесь лежали мумии мужчины, женщины и ребенка, судя по всему, из знатного рода. Погребальный инвентарь включал великолепно сохранившиеся яркие мешочки с локонами, принадлежавшими, по-видимому, членам той же семьи. О мужской мумии Уилсон пишет: «Волосы почти не подверглись изменениям и заметно отличаются от волос, характерных для индейцев северного континента. Они каштанового цвета и строением подобны

самым тонким англосаксонским волосам». И дальше: «Останки женщины из того же захоронения обладают в основном сходными характеристиками. Волосы покороче и пожестче, однако заметно тоньше волос северных индейцев. Они гладкие, аккуратно заплетенные, цвет светло-каштановый...»

О черепе ребенка Уилсон сообщает, что он «густо покрыт очень тонкими темно-каштановыми волосами». Примечательно описание различных локонов в цветных мешочках: «Все волосы очень тонкого строения, разного оттенка, от нежного светло-каштанового до черного, причем они явно не подверглись изменению». Уилсон обратил внимание на другие образцы волос, «они были мало того что каштановые, но и очень тонкие, волнистые и вьющиеся, почти курчавые».

Одним из первых среди ученых на основе этих и подобных наблюдений он заподозрил, что в Перу доиспанской поры обитало смешанное население. Он подчеркивал, что облик хорошо сохранившихся мумий в перуанском приморье говорит о том, что не было единства физического типа среди обитателей западного полушария в доевропейские времена (Wilson, 1862[318]).

В 1925 г. видные археологи Телло и Лотроп открыли два важных некрополя на полуострове Паракас в южной части центрального приморья Перу. Сотни аккуратно забинтованных мумий знатных лиц покоились в могилах и каменных склепах, относящихся, как позднее показала радиоуглеродная датировка, примерно к III в. до н. э. Примечательно, что по соседству с останками постоянно находят множество датируемых той же порой *гуар*— особого рода швертов из твердой древесины, служащих для управления парусными плотами; эти находки свидетельствуют о развитом мореплавании в доинкские времена. Когда с пролежавших более 2 тысяч лет паракасских мумий сняли яркие, искусно вытканые хлопчатобумажные покровы, оказалось, что физический облик останков заметно отличает их от всех известных южноамериканских индейцев.

Специалист по физической антропологии Стюарт, изучавший костяки паракасских мумий, сравнил их с останками перуанских индейцев и установил, что первые были гораздо выше ростом. А так как до той поры господствовал взгляд, что доинкское население принадлежало к той же этнической категории, что исторически

известные индейцы Перу, открытие Стюарта явилось большой неожиданностью. Не видя анатомического объяснения, Стюарт предположил, что «речь, очевидно, идет об избранной группе высоких мужчин, нетипичных для населения в целом» (Stewart, 1943[297]). Не говоря уже о том, что отбор только высоких особей для мумификации — явление неизвестное, получается, что здесь они исчислялись сотнями. К тому же тщательное бальзамирование и захоронение говорят о том, что на Паракасе погребены не простые рыбаки или крестьяне, а представители знати.

Сравнивая черепа паракасских мумий с известными индейскими, Стюарт обнаружил также, что у первых заметно уже лицевая часть. Не найдя и тут анатомического объяснения, он предположил, что в районе Паракаса практиковалась искусственная деформация черепа. Малоубедительное предположение, если вспомнить, что в принципе искусственная деформация черепа младенцев применялась и в Новом, и в Старом Свете, но лицевая часть от этого уже не становилась.

Во избежание ошибочных заключений, основанных на деформации черепа, Стюарт воздержался от догадок о естественном черепном индексе паракасских мумий, который, как и форма лицевой части, отличался от нормы круглоголовых американских индейцев. Однако через год после исследований Стюарта другой специалист, Крэбер, изучавший доинкские черепа из погребений, раскопанных севернее в том же приморье, заявил, что большинство недеформированных черепов культуры ранняя чиму относятся к разряду длинноголовых (Croeber, 1944). Выходит, древние строители великих доинкских пирамид Перу не идентичны сменившим их исторически известным индейцам, которые все без исключения были круглоголовые, как обитатели Малайского архипелага. Индексы тиауанакских черепов варьируются от $71/97$ до $93/79$; другими словами, представлены как предельно длинноголовые, так и самые круглоголовые. Стало быть, до инков в основных культурных центрах на тихоокеанской стороне Южной Америки сосуществовали народы с самой различной формой черепа *.

Пока Стюарт занимался аномальными скелетными остатками рыжеволосых паракасских мумий, М. Троттер произвела анализ кусочков скальпа с десяти черепов. Она сообщила, что преобладающий цвет волос «ржаво-коричневый», но попадались также «очень светлые,

желтые волосы». Волосы двух скальпов она определила как «несомненно волнистые».

Троттер подчеркивает, что степень волнистости или курчавости человеческого волоса зависит от формы его сечения. Прямые монголоидные волосы современных американских индейцев в сечении всегда круглые, тогда как для волос европейцев типично овальное сечение. Волосы паракасских мумий не поддаются такому четкому разделению: «Форма сечения так разнообразна у мумий, что покрывает весь спектр разновидностей».

Ширина поперечного сечения еще один фактор, применяемый наряду с цветом и формой сечения для определения типа человеческого волоса. Волосы монголоидов и американских индейцев значительно толще волос большинства европейцев. По свидетельству Троттер, волосы паракасских мумий и тут заметно отличаются от ожидавшейся нормы: «Толщина волос намного меньше той, которая установлена для других индейцев...» Несмотря на большие различия в скальпах, Троттер определила, что средняя толщина всех образцов процентов на тридцать меньше цифры, отвечающей стандартным типам американских индейцев. Озадаченная своими результатами, идущими вразрез с господствовавшими в антропологии взглядами, она, как и Стюарт в его исследованиях черепов и скелетов, предположила, что мумии не годятся как материал для выводов, поскольку могут быть нетипичными для жившего в те времена народа. Волосы седовласых индейцев могли пожелтеть в могиле, а черные волосы выцвели и стали рыжими; что же до толщины и формы сечения, то они могли измениться от высыхания (Trotter, 1943[309]).

В ответ на мой запрос Троттер в 1951 г. снова занялась этой проблемой. На сей раз она пришла к выводу, что в ее публикации 1943 г. есть две ошибки: во-первых, она неверно называла лиц, подвергшихся бальзамированию на Паракасе, «индейцами», а второй ошибкой было предположение, что волосы могли выцвести. Наличные свидетельства «не исключают возможности, что первоначальный цвет волос был рыжевато-каштановым и что они были тонкого сечения» (M. Trotter, письмо от 22. VI. 1951).

Не слишком ли много будет совпадений, если мы допустим, что избирательные захоронения, деформация черепов и посмертные изменения придали мумиям черты, резко отличающие их от обычных

индейцев, зато по всем статьям сближающие с похожими на европейцев переносчиками культуры, которых так живо описали испанцам ацтеки и инки. Сознавая, что для науки изучение упомянутых мумий — самая непосредственная возможность определить физический облик основателей высокоразвитых доколумбовых культур, я обратился также к видному английскому авторитету в этой области Доусону, известному своими исследованиями мумий Египта и Перу. Вот что он ответил:

«На мой взгляд, волосы не изменяются сколько-нибудь заметно посмертно. Волнистые или курчавые волосы так и останутся волнистыми или курчавыми, прямые — прямыми. Волосы на мумиях и обезвоженных останках обычно становятся хрупкими и ломкими, но это естественный результат высыхания сальных желез... Весьма сомнительно, чтобы изменялся цвет волос покойника, не лежавшего на свету... Итак, все доступные мне свидетельства говорят о том, что после смерти природа волос не меняется, если не считать, что они делаются сухими и ломкими» (W. R. Dawson, письмо от 21. V. 1951; Dawson, 1928[91]).

Рыжеволосые мумии найдены также на Канарских островах, однако здесь цвет волос не подвергался сомнению, потому что первые пришедшие сюда европейцы воочию видели многих светлокожих гуанчей с рыжевато-каштановыми волосами. Египетские мумии черноволосые; такие же волосы были у древних египтян. Исключение составляет хорошо сохранившаяся мумия фараона Рамсеса II — у нее светлые волосы, но нам известно, что фараон и впрямь был блондином. Это видно на цветной фреске той же поры на стенах Карнакского храма, где изображен желтоволосый Рамсес II. Ввиду этого вряд ли справедливо утверждать, что изученные перуанские мумии дают неверное представление об этнической группе, к которой принадлежат. Если стоять на такой точке зрения, открытие паракасских мумий ничего не дает, по ним не установишь, как выглядели при жизни эти древние люди. Если же допустить, что мумии сохранили действительный облик бальзамированных покойников с немонголоидными, явно кавказоидными чертами, то мы нашли в доинкском Перу искомое: естественный источник этнической прослойки уру-кеуна островах соседней Полинезии и разрешение проблемы светловолосых предков пасхальцев, прибывших, по словам самих островитян, из засушливой страны на востоке, именуемой Местом погребения.

В поисках источника наблюдавшегося в Полинезии кавказоидного элемента нет нужды отправляться на другой конец земного шара, в Европу или Малую Азию: археология собрала достаточно свидетельств, что такой физический тип был представлен на ближайшем к востоку континенте за сотни лет до того, как началось заселение полинезийских островов.

Могло ли Канарское течение доставить из Старого Света в Новый людей, которые затем прошли через тропические области Америки, оставляя на своем пути мумии и элементы культуры Восточного Средиземноморья? Знакомясь с литературой о Перу, быстро обнаруживаешь, что местные источники изобилуют рассказами о белых бородатых пришельцах, которые прибыли неведь откуда и ушли в Тихий океан задолго до прихода испанцев. Когда Франсиско Писарро открыл Перу, сопровождавший его родственник, хронист Педро Писарро, записал для потомства, что некоторые представители местного правящего класса были «белее испанцев» и он видел среди индейцев белокожих блондинов. Этим людей, добавляет он, инки считали потомками богов — виракочами (Pizarro, 1571[247]). В самом деле, не успели испанцы высадиться на побережье, как гонцы инков, сменяя друг друга, доставили обитавшему в горах правителю весть, что виракочи — люди «морской пены» — вернулись, как и обещали, согласно местным преданиям. Хотя жители Перу были безбородыми, в их языке было слово «борода» (*сонкхасана*), а также слово, обозначающее белых чужеземцев (*виракоча*); виракочами нередко называют европейцев и по сей день. Благодаря белой коже и бороде Писарро с горсткой людей смог без помех пройти по укрепленным горным долинам Перу и покорил величайшую в мире империю тех времен, огромная армия которой благоговейно созерцала возвратившихся виракочей, чьи предки играли столь важную роль в устных преданиях инков.

Мнимые виракочи под водительством Писарро в полной мере воспользовались тем, что инки приняли их за других. Они безнаказанно задушили императора на глазах у его воинов и вторглись в священный храм Куско, где обнаружили реалистичные золотые и мраморные изображения правителя подлинных виракочей — Кон-Тики Виракочи, обожествленного инками. Испанцы переплавили золотые личины и разбили на куски мраморные статуи; остались только записи, где

сказано, что эти изображения «волосами, телосложением, чертами лица, одеждой и сандалиями в точности напоминали апостола св. Варфоломея, каким его рисуют живописцы» (*Relati6n An6nima*, 1615[258]).

Конкистадоры продолжали двигаться на юг вдоль Андского плато, грабя и разоряя все на своем пути — от Куско до огромного инкского храма Виракочи в Каче. Внутри этого архитектурного шедевра они увидели огромную каменную статую, опять-таки изображающую священного правителя Кон-Тики Виракочу в виде мужа с царственной осанкой, с бородой, в длинном халате. Хронист тех времен Инка Гарсиласо записал: «Увидя этот храм и эту статую в том виде, как ее описали, испанцы было решили, что, быть может, апостол святой Варфоломей дошел до Перу, чтобы проповедовать среди тех язычников, и что в память о нем индейцы соорудили статую и храм» (Инка Гарсиласо, 1974[1]). Бородатая статуя и рассказы инков о странствующем чужеземце, который в далеком прошлом явился в Перу вместе со своими белыми бородатыми сподвижниками, произвели на испанцев такое сильное впечатление, что они много лет не трогали храм и изваяние. А метисы Куско учредили монашеское братство, считавшее статую «святого Варфоломея» своим покровителем. Однако в конце концов испанцы поняли свою ошибку, и храм был разрушен, а бородатую статую сперва изуродовали, потом унесли и вовсе разбили на куски (там же; Karsten, 1938).

Продвигаясь по обширнейшей инкской империи, испанцы встречали огромные мегалитические сооружения доинкского происхождения, которые были заброшены за много веков до Колумба и обратились в развалины. Один из наиболее замечательных образцов мегалитического зодчества Нового Света находился в Винаке, между Куско и океаном. Испанский хронист Сиеса де Леон писал: «Когда спрашиваешь индейцев, кто соорудил эти древние памятники, они отвечают, что строителями были бородатые белые люди вроде нас самих, которые пришли в эти места за много столетий до начала правления инков и обосновались здесь» (Cieza de Leon, 1553[69]). Насколько прочно укоренились эти предания, лучше всего видно из того, что перуанскому археологу Валкарелю, изучавшему развалины Винаке 400 лет спустя после Сиесы де Леона, говорили то же самое:

дескать, эти сооружения были возведены чужеземцами, «белыми, как европейцы» (Valcárel, устная информация).

Проследовав на юг до озера Титикака, испанцы очутились в самом очаге былой деятельности виракочей. Во всех концах инкской империи предания утверждали, что центр поселения виракочей находился на острове Титикака посреди одноименного озера и в расположенном по соседству городе Тиауанако с его огромными, облицованными камнем пирамидами, мегалитическими стенами и монолитными статуями. Сиеса де Леон пишет:

«Многие индейцы заявляют, что до покорения страны инками в Кольяо было два великих вождя, один — Сапана, другой — Кари, и они захватили много *пукара*, как здесь называют крепости.

И будто бы один из этих вождей высадился на большом острове на озере Титикака и застал там белых бородатых людей; и завязалась такая битва, что все они были убиты...»

Дальше хронист возвращается к той же теме:

«Они рассказывают также то, о чем я писал в первой части, а именно что на острове Титикака в прошлые века жили бородатые люди, белые, как мы сами, и что вождь Кари прибыл из долины Кокимбо туда, где теперь находится Чукито, и после основания новых поселений высадился со своими людьми на том острове. И в жестокой войне с его обитателями всех их убил» (Cieza de Leon, 1553[69]).

В особой главе, посвященной древним строениям Тиауанако, Сиеса де Леон сообщает следующее:

«Я расспрашивал туземцев в присутствии Хуана де Варги, воздвигнуты ли эти сооружения при инках, и они со смехом отвечали, что сооружения построены задолго до правления инков... Из этого, а также из того, что они рассказывают про бородатых обитателей острова Титикака и про других, соорудивших величественное здание в Винаке, можно заключить, что до правления инков пришедшее неведомо откуда одаренное племя свершило эти деяния. Но их было мало, а туземцев много, и возможно, все они были убиты во время войн» (там же).

Когда Бандельер через 350 лет приступил к раскопкам руин острова Титикака, он снова услышал ту же версию. Ему поведали, что в давние времена на острове обитали господа неизвестного происхождения, похожие на европейцев, и они сожительствоваали с

местными женщинами, и дети их стали инками, которые «изгнали господ и сами заняли остров» (Bandelier, 1910[21]).

Все хронисты, сопровождавшие конкистадоров или посетившие Перу сразу после конкисты, упоминают в своих записках доинкских виракочей. Записки различаются в деталях, поскольку сведения собирались в разных концах огромной инкской империи, однако сходятся в основном. Среди информантов испанцев были инкские ученые, хранившие исторические сведения, передаваемые из поколения в поколение иногда при помощи узелкового письма *кипу* или расписных дощечек. Общим для всех рассказов о том, как пришла культура в Перу, было признание, что инки вели более или менее дикий образ жизни, пока некий светлокожий бородатый чужеземец со своей свитой не прибыл в их страну, там он преподавал им основы цивилизации и отбыл дальше.

Инка Гарсиласо приводит следующий выразительный рассказ о древнейшей истории Перу, услышанный им от своего царственного дяди:

«Племянник, я с большой охотой скажу тебе о них, тебе надлежит услышать и сохранить сказанное в своем сердце... Знай, что в древние века весь этот район земли, который ты видишь, был огромными горами, покрытыми зарослями, и люди в те времена жили, как неразумные звери и животные, без религии и порядка, без селений и домов, не возделывая и не засевая землю, не одевая и не прикрывая свое тело, потому что они не умели обрабатывать ни хлопок, ни шерсть, чтобы делать одежду. Они жили парами, по трое, как им случалось соединиться вместе, в пещерах и расщелинах скал и в ямах в земле; словно животные, ели они полевую траву, и корни деревьев, и дикие фрукты, которыми они пользовались, и человеческое мясо. Одни покрывали свое тело листьями, и корой деревьев, и шкурами зверей; другие ходили нагишом. Словом, они жили, как олени и стада диких животных, и даже к женщинам они относились, как скотина, так как они не знали ни собственных женщин, ни знакомых» (Инка Гарсиласо, 1974[1]).

Сиеса де Леон, описывая период «до того, как в этих королевствах стали править инки, когда о них даже еще и не слышали», сообщает, что варварство кончилось с появлением на острове Титикака земного воплощения солнца:

«Впоследствии, говорят они, пришел [в Куско] с юга белый человек большого роста, который своими манерами и внешностью внушал великое почтение и повиновение... Во многих местах он поучал людей, как следует жить, и он обращался к ним с любовью, с большой учтивостью, убеждая творить добро, не делать зла и не вредить друг другу, а быть ко всем добрыми и милосердными. В большинстве мест принято называть его Тикивиракоча, но в провинции Кольяо он известен под именем Туапака, а в других местах — Арунауа. Во многих местах были построены храмы, где устанавливались камни с его подобием...» (Cieza de Leon, 1560[70]).

Хронист Бетансос, участвовавший в открытии Перу, записал:

«Когда я спрашивал индейцев, как же выглядел этот Виракоча, которого видели их предки, они отвечали, что, согласно тому, что они слышали, это был высокий муж в белом облачении до пят, перехваченном поясом, и волосы он носил короткие, с тонзурой наподобие священника, и ступал он торжественно, и держал в руках некий предмет, который теперь кажется им похожим на требники, какие носят священники» (Betanzos, 1551[34]).

Однако ясных указаний, откуда пришел Кон-Тики Виракоча, нет. Хронист Андагойя, также участник конкисты, пишет: «Нет никаких данных, откуда он пришел, если не считать, что Виракоча на языке местного народа означает „морская пена“. Он белый и бородатый вроде испанцев. Жители Куско, видя его великую доблесть, посчитали его богоподобным и приняли как своего вождя...» (Andagoya, 1541–1546[14]).

Хронист Сарате называет местом, откуда, возможно, пришел Виракоча, озеро Титикака и добавляет: «Некоторые склонны считать, что его звали Инка Виракоча, то есть „морская пена“, ибо, не зная, где находится страна, откуда он вышел, полагали, что он явился на свет из того озера» (Zárate, 1555[324]). Однако Гамара писал: «Некоторые престарелые индейцы говорят также, что его звали Виракоча, то есть „морская пена“, и что он привел свой народ по морю» (Gómara, 1553; Bandelier, 1910[123, 21]).

Имя Кон-Тики Виракоча составлено из трех имен одного и того же белого бородатого божества. В доинкские времена он был известен в приморье Перу как Кон, а в горах — как Тики или Тикки; когда же инкское правление и инкский язык (кечуа) распространились по всей

территории, инки убедились, что Кон и Тики — то самое божество, которое они называли Виракоча.

И чтобы угодить всем народам своей империи, они объединили три имени вместе.

В легендах приморских индейцев чиму на севере Перу видим интересную версию о том, что этот бог прибыл по морю с севера. Если в большинстве горных легенд он является вдруг на озере Титикака как олицетворение солнца, более приземленные предания приморья ниже Титикаки говорят просто о белом светловолосом Виракоче, который приплыл с севера и ненадолго задержался среди приморских индейцев, после чего поднялся на озеро Титикака, где обманом утвердил свою гегемонию, представив индейцам своих светловолосых детей как отпрысков солнца.

В человеческом облике рисует Виракочу и одно из горных преданий, где говорится, что он «был очень мудр и хитер и называл себя сыном солнца» (Stevenson, 1825; Bandelier, 1910 [294, 21]). Согласно всем горным легендам, он сперва обосновался на острове Титикака, затем на камышовых ладьях пристал к южному берегу озера и построил там мегалитический город Тиаяанако. Виракочу и его белых бородатых сподвижников называют *митима*— инкское слово, означающее «пришелец, переселенец». Они внедрили культурные растения и научили индейцев выращивать их на орошаемых террасах; показали, как строить каменные дома и жить организованными общинами, подчиняясь закону и порядку; ввели изготовление хлопчатобумажных тканей, солнцепоклонничество, камнетесное дело; строили пирамиды и воздвигали монолитные статуи в честь предков каждого подчиненного им племени.

Из Тиаяанако, согласно легенде, Виракоча разослал во все концы Перу своих белых бородатых посланцев, чтобы поведали людям, что он их бог и творец. Однако дурное поведение и враждебность местных индейцев побудили Виракочу, солнце-короля Тиаяанако, ставшего религиозным и культурным центром доинкской империи, уйти. Вплоть до прибытия испанцев жители всей этой огромной страны помнили маршруты, которыми следовали Виракоча и два его главных сподвижника. Выполняя указания Виракочи, один из сподвижников направился от озера Титикака по горам на север, читая наставления по пути; другой шел точно так же по низменному приморью. Сам Кон-

Тики Виракоча избрал срединный путь на север через Качу, где в его честь изваяли статую, похожую на св. Варфоломея, и через Куско, где ему приписывают сооружение мегалитических стен. Наставив индейцев Куско, как им следует себя вести после его ухода, он спустился на побережье Тихого океана и встретился со своими сподвижниками у порта Манта в Эквадоре, почти в той самой точке, где экватор пересекает Южноамериканский континент, откуда эти солнцепоклонники отплыли на запад в Тихий океан.

Итак, индейцы северного приморья Перу сообщали, что панперуанский культурный герой ушел на запад, то есть в сторону Полинезии, хотя первоначально появился с севера. Севернее инкской империи, на горном плато Колумбии, ко времени прихода европейцев обитал народ чибча, тоже создавший высокоразвитую культуру. Предания чибча объясняют их культурные достижения наставлениями чужеземца, которого они именуют Бочика или Цуэ. Этот пришелец тоже был белый, с бородой до пояса, одетый в длинный халат. Он научил диких чибча строить, сеять, жить в селениях, подчиняясь организованному правлению и законам. Он правил сам много лет, потом удалился, назначив преемника, коему повелел управлять справедливо. Еще одно имя Бочки — Суа, как здесь называют солнце, и, когда появились испанцы, их приняли за его посланцев и называли суа или гачуа, что также означает солнце.

По преданию, Бочика, он же Суа, прибыл с востока. К востоку от земель чибча, в Венесуэле и соседних областях, мы снова встречаем воспоминания о странствующем культурном герое. Его именуют по-разному, где Цума, где Суме, и всюду он научил народ земледелию и прочим благим вещам. В одном предании говорится, что он собирал людей вокруг высокой скалы, а сам с ее вершины читал свои наставления и законы. Прожив какой-то срок с народом, он уходит. В одних местах предание сообщает, что он ушел по своей воле, в других его изгоняют строптивые слушатели, которым надоели наставления.

Прямо на запад от Колумбии и Венесуэлы, у панамских индейцев куна, вырезавших письмена на дощечках, сохранилось предание, что после катастрофического потопа «явился великий муж, который... учил людей, как жить, как именовать вещи и как ими пользоваться. С ним следовали сподвижники, распространявшие учение...» (Stout, 1948[300]).

Северо-западнее Панамы, в Мексике, ко времени прибытия испанцев процветала высокоразвитая цивилизация ацтеков. Их огромная военная империя, как и инкская, намного превосходила Испанию и любое другое европейское государство той поры. Тем не менее, когда Эрнан Кортес в 1519 г. высадился на мексиканском берегу, небольшой его отряд без помех проследовал через густые леса до ацтекской столицы в горах, где они расправились с могущественным правителем и подчинили себе его государство с такой же поразительной легкостью, с какой Писарро несколькими годами позже покорил империю инков. И вышло так вовсе не из-за военного превосходства испанцев или слабости индейцев, а потому что «возвращение» белых бородатых чужеземцев повергло в смятение религиозное население. На всем пути от Анахуака в Техасе до границ Юкатана ацтеки рассказывали о белом бородатом Кецалкоатле, как инки рассказывали о Виракоче. С момента высадки на мексиканском берегу белых бородатых испанцев ацтеки принимали их за возвратившихся людей Кецалкоатля.

В своей «Карта Сегунда», изданной в 1520 г., Кортес так излагает речь, с которой повелитель ацтеков Монтесума обратился к нему после того, как испанцев окропили кровью от человеческого жертвоприношения: «Нам известно с давних пор из записей, полученных от наших предков, что ни я, ни кто-либо другой из обитателей этой страны не являемся ее коренными жителями, а мы пришельцы из далеких краев. Нам известно также, что привел нас сюда некий правитель, коего подданными все мы были, а он вернулся в свою страну и после долгого отсутствия снова прибыл сюда, чтобы увести свой народ. Но люди успели обзавестись женами и домами, не хотели никуда уходить и не признавали его больше своим властителем, поэтому он вновь удалился. Мы всегда верили, что люди его рода когда-нибудь возвратятся и объявят эти земли своими владениями, а нас — своими вассалами. И вы пришли с той стороны, где восходит солнце, и поведали мне о пославшем вас великом господине, и мы верим и не сомневаемся, что он наш естественный властитель, тем более что ему, по вашим словам, давно ведомо о нас. Вот почему можете не сомневаться, что мы будем повиноваться вам и почитать вас как заместников великого господина, и во всех подвластных мне землях вы можете распоряжаться по своему усмотрению, и ваши приказы будут

выполнены, и все, чем мы располагаем, будет к вашим услугам. И так как вы пришли в свои наследственные земли и свой родной дом, то располагайтесь и отдыхайте после тягот вашего путешествия и битв на вашем пути».

В своем труде о религиях американских аборигенов Бринтон комментирует:

«С таким необычным приветствием обратился самый могущественный вождь Американского континента к испанцу, сопровождаемому горсткой воинов. Оно означало полное повиновение без боя. И оно выражало всеобщее настроение. Когда испанские корабли впервые пристали к мексиканским берегам, индейцы целовали их борта и приветствовали белых бородатых чужеземцев с востока как богов, как сынов и братьев Кецалкоатля, вернувшихся из небесной обители, чтобы предъявить свои права на земли и вернуть местным жителям райские дни, — надежда, которая, как сухо отмечает Патер Мендиета, быстро улетучилась, едва несчастные индейцы ощутили на себе деяния пришельцев».

Похоже, что первоначально Кецалкоатль, как и Виракоча, было наследственным именем, вернее, титулом сменявших друг друга священных правителей, которые поклонялись носившему то же имя верховному солнечному богу и называли себя его потомками. Но со временем все Кецалкоатли — и все Виракочи — слились в одно, единое олицетворение бога-творца, культурного героя и смертного благодетеля.

Составное имя Кецалкоатль часто вольно переводится как «пернатый змей»; *кецал* (*Trogon splendens*) — наиболее почитаемая ацтеками птица, а *коатль* (змей) — священный символ света и божества как в Мексике, так и в Перу. Кецалкоатль был верховным божеством ацтеков, подобно тому как Виракоча у инков. Тем не менее, указывает Бринтон, «в мыслях ацтеков преобладал не бог Кецалкоатль, таинственный творец видимого мира, а верховный жрец Кецалкоатль в славном городе Толлане (Туле), учитель искусств, мудрый законодатель, благородный правитель, искусный зодчий и милостивый судья».

Кецалкоатль запретил жертвоприношения людей и животных, говоря, что богам довольно хлеба, цветов и благовоний. Он решительно выступал против войн, потасовок, набегов и других видов насилия, за что перед ним искренне преклонялись не только его подданные, но и люди далеких племен, совершавшие паломничество в его столицу. То,

что ацтеки, широко применявшие человеческие жертвоприношения у своих пирамид и храмов, помнили великодушного, миролюбивого культурного героя, чье учение перекликалось с библейскими заповедями, произвело на испанских монахов такое впечатление, что они отождествляли Кецалкоатля с апостолом Фомой, точно так же как в Перу Виракочу смешивали со св. Варфоломеем. Бринтон сообщает, что бог Кецалкоатль в своем земном воплощении был также известен как Тонака текутли, то есть вождь Тонака.

Это тем более примечательно, что сходное слово Тонапа — одно из имен странствующего белого бородача Виракочи в Перу. Алонсо Рамос утверждает, что Тонапа — имя легендарного белого человека, убитого на острове Титикака, а хронист Пача-кути из племени кечуа отождествляет Тонапу со странствующим культурным героем, известным также под именем Виракочи с приставками Пача или Кан, и заявляет, что он спустился по реке Чакамарке и удалился в Тихий океан.

Описывая Кецалкоатля, предания сходятся в том, что он был белый, высокого роста, носил большую бороду, по мнению некоторых хронистов, рыжеватого цвета. На нем была необычная одежда, отличная от тех одежд, которые носили принимавшие его индейцы; историк Вейтиа записал, что он был «одет в длинный белый халат, расписанный красными крестами, и держал в руке посох». В странствиях его сопровождали зодчие, живописцы, астрономы и ремесленники; он строил дороги, насаждал цивилизацию и, переходя из одной области в другую, в конце концов исчез. По некоторым преданиям, он умер на берегу Мексиканского залива и прах его был предан сподвижниками земле тут же, на побережье, после того как они сожгли его тело и все имущество. Однако другие предания утверждают, что Кецалкоатль и его свита сели на волшебный плот из змей и уплыли, торжественно обещав вернуться и снова вступить во владение страной.

Соседями ацтеков были майя, занимавшие тропические низменности полуострова Юкатан, который выступает в Мексиканский залив. Хуан Грихальва, переправившийся с Кубы на Юкатан за год до высадки Кортеса на берегу Мексиканского залива, был принят воинственными индейцами так же почтительно, как в свой черед Кортес и Писарро. Великая цивилизация майя рухнула до прибытия испанцев, но разрозненные племена все еще хранили детальные предания о начале культуры, процветавшей при их предках. В

преданиях говорилось о двух культурных героях — Ицамне и Кукулькане; оба были бородатые, но прибыли в разное время и с противоположных сторон привели предков майя на Юкатан.

О потомках майя Бринтон говорит:

«Они не считали себя исконными жителями, говоря, что их предки пришли из далеких краев двумя волнами. Наиболее древняя и многочисленная группа под водительством мифического носителя цивилизации Ицамны пришла с востока, через, а точнее, сквозь океан, потому что боги открыли 12 путей сквозь океан. Вторая, поздняя и не столь многочисленная группа во главе с Кукульканом прибыла с запада. Первое событие называлось Большим пришествием, второе — Малым пришествием... Древнего предводителя Ицамну народ почитал своим проводником, наставником и цивилизатором. Это он наименовал все реки и части страны, он был первым священником и научил людей, какими ритуалами ублажать богов и умерять их гнев; он был покровителем исцелителей и прорицателей и открыл им тайные свойства растений... Ицамна первым изобрел знаки или буквы, которыми майя писали свои многочисленные книги и которые они в таком обилии вырезали на камне и дереве своих сооружений. Он также составил календарь, еще более совершенный, чем мексиканский, хотя в общих чертах схожий с ним. Словом, об Ицамне — правителе, священнике, наставнике, вне сомнения, говорили как об историческом лице; таким он представлен у различных историков вплоть до самых недавних. После Большого пришествия следует Малое; вторым по значению героическим мифом майя был миф о Кукулькане. Он никоим образом не связан с мифом об Ицамне и, вероятно, возник позднее, в нем меньше национальных черт... Местный люд, по словам Лас Касаса, утверждал, что в стародавние времена прибыли в страну 20 чужеземцев, предводителя которых звали Кукулькан... Они носили длинные халаты и сандалии, у них были длинные бороды, голова обнаженная, и они повелели людям исповедываться и поститься...»

Кукулькан в памяти народной был великим зодчим и строителем пирамид; он основал город Майяпан и повелел возвести важные сооружения в Чичен-Ице. Он учил людей отказываться от употребления оружия даже для охоты, и при его милосердном правлении народ жил в мире и процветании, собирая обильные урожаи.

Сам факт, что жестокие и воинственные майя придумали такое миролюбивое учение, какое приписано мигрирующему священному правителю Кукулькану, не менее поразителен, чем утверждение безбородых индейцев, что у культурного героя и его спутников была светлая кожа, большая борода, длинные халаты. Как бы то ни было, гуманное учение и культурная активность Кукулькана во всем совпадают с тем, что рассказывали о Кецалкоатле. Больше того, если в ацтекском предании Кецалкоатль удаляется из Мексики на восток, в сторону Юкатана, то в предании майя Кукулькан приходит с запада, со стороны Мексики; не исключено, что речь идет об одном и том же персонаже. Бринтон отмечает, что одна из хроник майя начинается с упоминания Тулы и Ноноаля — двух имен, неразрывно связанных с преданием о Кецалкоатле, — и заключает: «Представляется вероятным, что Кукулькан — исконно майяское божество, один из божественных героев майя, миф о котором настолько перекликается с мифом о Кецалкоатле, что священники двух народов стали их отождествлять». В самом деле, слово «кукулькан» — попросту перевод слова «кецалкоатль». На языке майя *кукул* — название птицы кецаль, а *кан* — змей.

В конце концов, как было в Мексике и Перу, белый бородатый священный правитель покидает Юкатан. Бринтон пишет:

«Он собрал вождей и изложил им свои законы. В свои преемники он выбрал среди них члена древнего состоятельного рода Кукумов. После чего, как говорят некоторые, он направился на запад, в Мексику или некую другую область на закате».

Человек, направившийся с Юкатана на запад, неизбежно должен был очутиться в области цендалей, в лесах Табаско и Чиapasа в Мексике. Цендальская легенда, посвященная культурному герою Вотану, пришедшему со стороны Юкатана, была записана со слов представителя этого племени на его родном языке. Ссылаясь на эту рукопись, Бринтон сообщает:

«Трудно назвать другой героический миф, который дал бы повод для таких фантастических догадок, как миф о Вотане... В некие давние времена Вотан пришел откуда-то с востока. Он был послан всевышним, чтобы разделить между разными народами землю, на которой они обитали, и даровать каждому народу свой язык. Землю, откуда он явился, называли просто *уалум уотан* — страна Вотана. Его проповедь

была обращена прежде всего к цендалям. До его прихода они были невежественными варварами, не знавшими постоянной обители. Он собрал их в селения, научил возделывать маис и хлопчатник, изобрел иероглифические знаки, которые они стали вырезать на стенах своих храмов. Говорят также, что он написал этими знаками свою собственную историю. Он ввел гражданские законы, которыми они руководствовались, научил их надлежащим религиозным ритуалам... Именно ему они приписывали создание их календаря».

Его же почитали градостроителем и основателем Паленке, известного своими большими каменными пирамидами, две из которых, подобно древнеегипетским, содержали погребения. Цендальский текст продолжает:

«По одной версии, Вотан привел с собой, по другой — за ним последовали с его родины некие сопровождающие или подчиненные, называемые в мифе *цекиль*, то есть одетые в юбку, потому что они носили длинные свободные халаты. Они помогали ему распространять цивилизацию... Когда наконец пришло время ему уходить, он удалился не через долину смерти, как надлежит всем смертным, а через пещеру проник в преисподнюю и обрел путь к „корню небес“» Словами об уходе в преисподнюю люди Чиапаса завершают свое повествование о Вотане. Однако с высокогорного плато Чиапаса нам достаточно спуститься не в преисподнюю, а на приморские низменности, населенные народом соке, где вновь появляется Вотан, но теперь уже под именем Кондоя. Бринтон пишет:

«Соке, чья мифология нам, к сожалению, очень мало известна, были соседями цендалей и постоянно общались с ними. Древняя мифология этих племен известна нам лишь фрагментами, однако сохранились легенды, из которых видно, что они тоже разделяли столь распространенную среди их соседей веру в милостивого бога, насаждавшего культуру. Миф повествует, что их праотец, он же верховный бог, вышел из пещеры на высокой горе в их стране, чтобы править ими и наставлять их... Они не верили, что он умер; по их версии, после некоторого времени он вместе со своими служителями и пленниками, которые несли ярко сверкающее золото, удалился в пещеру и запечатал вход в нее не для того, чтобы там оставаться, а чтобы явиться вновь в какой-то иной части мира и

облагодетельствовать таким же образом другие народы. Имя — или одно из имен — этого благодетеля — Кондой...»

К югу от майя, цендалей и соке жили гватемальские киче, чья культура в своих истоках родственна культуре майя. Предания киче сохранились для потомства в списке с их народной книги «Пополь-Вух». Из этого источника видим, что киче хорошо знали «странника», который явно не однажды проходил по их землям. Известный в Гватемале под разными именами, одно из них — Гукумац, он просвещал и цивилизовал аборигенов этой страны, учил их развивать собственную цивилизацию. Бринтон заключает: «Однако, как было с Виракочей, Кецалкоатлем и другими героями этого ряда, местные жители не очень почтительно относились к нему, и, разгневанный такой неблагодарностью, он покинул их навсегда, чтобы искать более благородный народ» (Brinton, 1882[43]).

Итак, испанцы слышали одно и то же предание о белых бородатых переносчиках культуры по всей Центральной Америке, от мексиканских гор на юге до горных плато Перу и Боливии, — другими словами, всюду, где им встречались величественные руины забытой цивилизации. Однако многие современные комментаторы, привыкшие путешествовать поездом, на автомашинах и самолетах, не могут себе представить, чтобы некий «странник» мог покрыть такие огромные расстояния в доколумбовы времена. Они забывают, что средневековые испанцы тоже не располагали ни поездами, ни автомашинами, ни самолетами. Тем не менее за каких-нибудь два десятилетия после первой высадки в Мексике сравнительно небольшие отряды испанцев исследовали территорию Нового Света от Атлантического до Тихого океана, от Канзаса до Аргентины. В рамках того же периода Кабеса де Вака с тремя товарищами, после кораблекрушения у берегов Флориды, безоружный, босой, почти голый, восемь лет (1528–1536) пробирался через неизведанные болота, пустыни и горы от одного индейского племени к другому, пересек материк и в районе Калифорнийского залива вышел к только что основанным испанским поселениям. В пределах тех же двух десятилетий Орельяна, отплыв из Испании, пересек Панамский перешеек, поднялся на Анды с тихоокеанской стороны, прошел к истокам Амазонки и спустился по реке через весь континент к месту ее впадения в Атлантический океан, после чего вернулся на родину. Допускать, что немногочисленные группы

испанцев могли совершить такие переходы по горам и лесам, и в то же время отрицать, что основателям доколумбовых империй было под силу одолеть те же леса и горы за 200 лет или 2 тысячелетия, — значит сильно недооценивать возможности последних. Это не вяжется с тезисом о единообразии людского поведения.

Многие годы предпринимаются отчаянные усилия объяснить кажущееся парадоксальным присутствие одетых в длинные халаты белых бородатых мужей в преданиях смуглых, безбородых, не знавших подобной одежды индейцев на всем пути от Мексики до Перу. Бринтон и другие предполагали, что пышные бороды и широкие халаты, возможно, служат естественному для солнцепоклонников аллегорическому изображению бога Солнца в ореоле лучей. Высказывались также догадки, что на самом деле перед нами не доколумбовы предания, что они возникли под влиянием прихода испанцев.

Оба этих предположения отражают присущую европейцам недооценку интеллекта дороживших своей историей носителей передовой цивилизации по ту сторону Атлантики и необоснованное убеждение, будто никто, с виду похожий на нас, не мог раньше нас достичь Америки. Достаточно напомнить, что рассказы о древних пришельцах, похожих на испанцев, передавались испанским путешественникам не только устно, они вошли уже в письменную историю Нового Света, как подчеркивал правитель ацтеков в обращенной к Кортесу приветственной речи. С развитием современной археологии утверждения индейцев исторической поры подтвердились: в погребениях и древних храмах найдены чрезвычайно реалистичные скульптуры и цветные изображения, многие из которых созданы не только до прибытия испанцев, но и задолго до возникновения культуры ацтеков и инков. Облик ранних пришельцев ярко передан в реалистическом искусстве ольмеков, мочика и других народов — основателей различных цивилизаций от Мексики до Перу. Пренебрегать этими древними свидетельствами, подтверждающими устную и письменную историю людей, принимавших испанцев, так же неправомерно, как заявлять, будто высокий рост доинкских мумий мог объясняться избирательным бальзамированием, европеоидная форма черепа — деформацией в младенчестве, рыжеватые и желтые волосы с европейским сечением — посмертными изменениями.

Доколумбово искусство подтверждает то, о чем свидетельствуют древние предания и особенности мумий.

Большинство из обнаруженных испанцами среди руин Тиауанако многочисленных статуй, изображавших родоначальников различных племен во владениях Кон-Тики Виракочи, были уничтожены католиками-конкистадорами, которые называли их языческими идолами. Однако несколько изваяний были спрятаны индейцами и спасены. В 1932 г. американский археолог Беннет, занимаясь раскопками в Тиауанако, нашел неповрежденную статую Кон-Тики Виракочи с бородой, в подпоясанном халате. Одевание было украшено изображением рогатого змея и двух пум — общих для Мексики и Перу символов верховного божества. Беннет указывает, что эта скульптура была почти тождественна другой бородатой статуе, найденной на берегу озера Титикака, на полуострове неподалеку от острова Титикака, где высадился Виракоча, когда покинул свое убежище, направляясь в Тиауанако (Bennett, 1934[28]). Другие бородатые статуи, также доинкского происхождения, раскопаны в разных точках вокруг озера Титикака (Heyerdahl, 1952[148]). В пустынях на тихоокеанском берегу Перу почти не было пригодного для ваения камня, но представители культур чиму и наска изображали древнего культурного героя с усами и бородой как в лепной керамике, так и в росписи на глиняных сосудах. Такие изображения Виракочи, известного здесь под именем Кон, особенно часто встречаются в северном приморье Перу, где предание говорит, что бородатый бог, придя с севера, поднялся в область, впоследствии управляемую инками. Керамические сосуды относятся к периодам раннего чиму и мочика, когда были заложены основы местной цивилизации и построены самые великолепные перуанские пирамиды. И во всех случаях мы видим изображение мужа с такими неамериканскими предметами одежды, как чалма и длинный халат, с усами и спускающейся на грудь заостренной бородой.

Керамические головы и фигурки, реалистично изображающие того же бородатого деятеля, обычны и дальше на севере, в Эквадоре и Колумбии, встречаются они и на Панамском перешейке, и в Мексике. Более того, чрезвычайно реалистичные иллюстрации бородатого мужа, подчас очень близкого к арабо-семитскому этническому типу, сплошь и рядом находят по всей Мексике, от Герреро до Юкатана, от Мексиканского высокогорья и северных лесов района Веракрус до

Чиапаса, и дальше — в Гватемале и Сальвадоре. Его изображали в скульптуре, резным рельефом на плоских каменных стелах, в объемной керамике, в золоте, в росписи на глиняных сосудах и оштукатуренных стенах, на страницах испещренных пиктограммами складных рукописей доколумбовой поры. Борода — или короткая, или длинная, черная или каштановая, подстриженная или нетронутая, заостренная, круглая, даже раздвоенная и курчавая, подобно тому что мы часто видим в искусстве древнего Двуречья. В некоторых случаях безбородые майяские священники и другие представители знати носили накладную бороду в подражание божественным основателям их религии [8].

В мощном пласте лесной почвы подходящего камня не было, и ольмеки совершали далекие переходы, чтобы добыть монолиты.

Судя по дошедшим до нас произведениям искусства, ольмеки сочетали два контрастных этнических типа. Один — типично негроидный, с толстыми губами, широким плоским носом и круглым лицом, хранящим простодушное, даже туповатое выражение. Археологи обычно называют этот тип «бэби фейс» (младенец). Второй тип — совсем другой, подчас весьма похожий на средиземноморский, с четким профилем, выступающим носом с изогнутой спинкой, узким лицом, тонкими губами и бородой, прямоугольной или козлиной, притом такой длинной, что археологи шутливо называют это изображение «дядя Сэм».

Ни один из этих двух контрастных типов не похож на известные нам этнические группы, которые проследовали через область Берингова пролива. Зато они удивительно близки к двум физическим типам создателей доевропейских цивилизаций в афроазиатской части средиземноморского региона. Эти автопортреты, выполненные основателями цивилизации Нового Света и сохранившиеся в тропических лесах приморья, там, куда природный конвейер приносит океанские воды от Северной Африки, разожгли фантазию диффузионистов и просто любителей истории, зато изоляционисты упорно обходили их молчанием. Как во времена испанских монашеских братств, так и теперь религиозные секты делают вывод, что библейские и мормонские персонажи некогда достигли берегов Мексиканского залива. Такие гипотезы вносили путаницу, вредили делу диффузионистов и сильнее любого другого фактора побуждали многих серьезных исследователей присоединяться к более осторожным, по

видимости, изоляционистам. Да только можно ли считать осторожностью, когда люди намеренно закрывают глаза на такие своеобразные свидетельства, как ольмекские портреты и настойчивые утверждения всех цивилизованных народов аборигенной Америки? Осторожно ли пренебрегать очевидной возможностью, что цивилизованный человек мог до 1492 г. свершить то, что европейские наследники его цивилизации проделали тысячи раз в последующие за этой датой десятилетия? Вправе ли разумный исследователь игнорировать тот факт, что представители высокоразвитых цивилизаций из афро-азиатского региона Средиземноморья плавали буквально в тех самых атлантических водах, которые непрерывно омывали берега Мексиканского залива, когда ольмеки закладывали основы американской цивилизации? Ныне, как и в дни древних солнцепоклонников, солнце Марокко через несколько часов становится солнцем Мексики, и так же марокканские воды через несколько недель становятся мексиканскими.

Океан занимал особое место в сознании даже самых сухопутных цивилизаций Мексики. Это видно из того, что жители гор — ацтеки, подобно населявшим приморье майя, хранили предания о том, что основатели их культуры пришли через Атлантику. Больше того, в сердце Мексики, в важном культовом центре Теотихуакане, на высоте около 2250 м над уровнем моря, пирамида, посвященная Кецалкоатлю, украшена изображением этого мексиканского культурного героя в виде пернатого змея, плывущего среди сотен морских раковин, выполненных в цвете и рельефом на всех гранях пирамиды от основания до самого верха. Недавно в полутора километрах от Мехико, в Какацтле, на горе обнаружен и раскопан важный храм. Его оштукатуренные стены были расписаны большими многокрасочными фресками, удивительно напоминающими искусство майя. Одно из главных изображений — некий муж, почти в натуральный рост, несомненно божество, с темной кожей и черными волосами — держит под мышкой огромную морскую раковину. А из раковины наполовину высунулся белый человек с длинными рыжевато-каштановыми волосами. Напрашивается вывод, что аллегория подразумевает рождение человека морем. Несомненно, эта фреска была полна глубокого смысла для доколумбовых священнослужителей на Мексиканском нагорье.

В одной из самых главных пирамид майя, в Чичен-Ице на Юкатане, лет сорок назад был обнаружен вход, ведущий во внутреннюю камеру, оштукатуренные стены и прямоугольные колонны которой были расписаны цветными фресками наподобие царских гробниц Восточного Средиземноморья. Тщательно скопированные археологами Моррис, Шарлотом и Моррисом, эти росписи затем погибли от влаги и от рук туристов. Среди наиболее важных мотивов — морской бой с участием представителей двух разных расовых типов. Белые люди с длинными желтыми волосами прибыли на ладьях с океана, символически обозначенного крабами, скатами и другими крупными морскими тварями. Одни из белых — голые, с признаками обрезания, другие одеты в туники. Один из них явно бородатый. Моррис, Шарлот и Моррис осторожно замечают, что необычайная внешность желтоволосых мореплавателей «дает повод для весьма интересных догадок об их личности» (Morris, Chariot and Morris, 1931[229]). Представители другого этнического типа — темнокожие, на них набедренные повязки и перьевые венцы. Темнокожие явно берут верх над белыми и некоторых со связанными руками уводят в плен. На другой части фрески двое темнокожих совершают жертвоприношение белого пленника с длинными, до пояса желтыми волосами. Еще один белый, преследуемый хищными рыбами, пытается спастись вплавь с опрокинутой ладьи, и длинные золотистые волосы его стелятся по волнам. Новый сюжет: белый мореплаватель спокойно идет куда-то, неся на спине подобие скатки и другое имущество, а неподалеку от берега стоит его желтая ладья с изогнутыми вверх носом и кормой, очень похожая на камышовые ладьи озера Титикака.

Камышовые лодки описаны после прихода Колумба в восьми мексиканских штатах, но на Юкатане их не наблюдали. Изображенное на майяской пирамиде судно напоминает камышовые ладьи Ликса на атлантическом берегу Марокко, откуда океанское течение направляется к мексиканским берегам. Сходные фрески в древнеегипетских гробницах изображают бои с участием папирусных ладей на Ниле. Рельеф из древней Ниневии показывает, что и месопотамцы вели морские бои на камышовых ладьях; мы видим бородатых воинов с длинными волосами, которые спасаются вплавь, причем океан, как и в Чичен-Ице, символически обозначен крупными крабами и другими морскими тварями. На ниневийском рельефе часть камышовых ладей

уходит через море, унося мужчин и женщин, которые молитвенно воздели руки к солнцу.

Надо думать, битвы и бегство от врага приводили мореплавателей в неведомые воды с незнакомыми течениями несколько не реже, чем штормы, туманы и другие стихийные бедствия. Участь спасающихся солнцепоклонников на ниневийском рельефе разделяли многие другие мореплаватели Малой Азии и Африки от самого начала цивилизации. Сходство основных черт людской природы ведет к тому, что история повторяется. Нам не дано узнать, что именно — война, случайный дрейф или намеренные исследования — привело высокорослых бородатых блондинов через морской простор из Африки на Канарские острова задолго до прихода туда европейцев. Из письменных сообщений об открытии Канарских островов европейцами за сто с лишним лет до плаваний Колумба мы знаем, что эта земля в Атлантике была населена смешанными этническими группами, получившими название гуанчей. Некоторые канарские аборигены были темнокожие, низкорослые, негроидного типа, другие — высокие, белые, светловолосые. На акварели Торриани, выполненной в 1590 г., видим шестерых гуанчей с очень белой кожей, желтыми волосами и бородой. У одних бороды длинные и нестриженные, у других аккуратные, заостренные; желтые волосы спадают на спину — совсем как у желтоволосых мореплавателей на фресках майяской пирамиды на Юкатане.

Следы исчезнувшей культуры, включая керамические печати и искусство трепанирования, четко связывают гуанчей с древними афро-азиатскими цивилизациями, распространенными от Двуречья до атлантических берегов Марокко. Марокканские берберы тоже неоднородны по этническому составу, подобно гуанчам и ольмекам. Среди берберов, населявших до вторжения арабов Марокко и прилегающие области Северной Африки, были и ярко выраженные негроиды, и высокорослые голубоглазые блондины, причем оба этих компонента и по сей день можно наблюдать в изолированных общинах от Атласских гор до Атлантического побережья.

Нередко светловолосых людей ошибочно ассоциируют с Северной Европой, где они преобладают в нынешнем населении. Но современная антропология подтверждает данные норманнских саг о том, что норманны вышли с прилегающих к Малой Азии равнин Прикавказья,

где блондины и рыжеволосые встречаются достаточно часто. Особенно много рыжеволосых в Ливане, на родине древних финикийцев. Древние египтяне тоже знали средиземноморский народ, отличавшийся желтыми и рыжими волосами. Фараон Рамсес II был блондином; когда открыли гробницу невестки фараона Хеопса у подножия пирамиды ее супруга, Хефрена, оказалось, что она изображена голубоглазой блондинкой. Каштановые, а порой и желтые волосы видим у богов и простых мореплавателей на стенах древнеегипетских гробниц, как и на мексиканских фресках, так что кажущиеся «северными» черты такого рода были распространены в Средиземноморье задолго до того, как достигли Скандинавии.

Кем были светловолосые мореплаватели, заселявшие Канарские острова до прихода европейцев? Как смогли они из Марокко дойти до островов в струе сильного течения, направленного на запад, если островитяне не знали лодок, когда были открыты европейцами? Финикийцы, выходя из своих портов в Малой Азии и Северной Африке, обосновались на Канарских островах за много веков до нашей эры. Острова служили местом сбора, когда они отправлялись в поставляющие пурпур колонии, следы которых обнаружены к югу от Марокко вплоть до берегов нынешнего Сенегала.

Нередко высказывались предположения — может быть, верные, может быть, нет, — что бородатые финикийцы были светлокожими блондинами. Если так, без труда объясняется присутствие светлокожих и светловолосых гуанчей на Канарских островах. Если нет, стало быть, еще какие-то древние афро-азиатские мореплаватели, светлокожие, бородатые, с желтыми волосами, подобно легендарным героям аборигенов Мексики и Перу, выходили в Канарское течение вместе с негроидами и положили начало племени гуанчей.

Воды гуанчей через несколько недель становятся ольмекскими водами, и в такой же короткий срок перуанские воды становятся пасхальскими. Мне самому довелось пройти по этим путям на папирусной ладье и на плоту. Конвейеры, катящие в наши дни на запад вдогонку за солнцем, существовали и во времена гуанчей и ольмеков, и было бы опрометчиво полагать, что суда не могли пересекать океаны до 1492 г. а плоты — до наших дней.

Глава 5

Колумб и викинги

Сохранностью саг, в которых запечатлены древнейшие воспоминания народа, Норвегия обязана потомкам тех, кто бежал в Исландию более тысячи лет назад. Норвежские саги были тщательно записаны от руки латинскими буквами на пергаменте после официального введения христианства в Исландии в 1000 г. и образовали основу скандинавской литературы в века, предшествующие плаваниям Колумба. С принятием латинского алфавита было оставлено и забыто исконное норвежское письмо — руны. «Сага об Инглингах», посвященная начаткам норвежской истории и первоначальному заселению Скандинавии, была записана ученым-исландцем Стурлусоном (Holtmark and Seip, 1942[162]). Обнаруживая основательное знание географии, автор предания о происхождении и миграциях первых скандинавских правителей помещает исконную родину этих полубогов у восточных берегов Черного моря, на границе Азии и Европы. На территории Прикавказья, от реки Дон до северо-восточной Турции, говорит сага, жили древние норвежцы, управляемые династией Инглингов. В те времена они подверглись натиску бесчинствующих римских легионов, и бегство было единственным способом уцелеть. Снорри подробно описывает странствие через Европу, переход из Саксланда (Саксония) в Данию, Швецию и Норвегию. По древней саге, эти первые переселенцы из Причерноморья несли с собой идею рунического письма.

Естественно, при таком историко-географическом прошлом викингам после их крещения было нетрудно находить путь в святую землю, и они часто ее посещали, спускаясь на многочисленных судах по русским рекам до Черного моря или огибая Испанию и входя в Средиземное море через Гибралтарский пролив. Викинги проходили Гибралтар со стороны Атлантики спустя 2 тысячелетия после того, как финикийцы шли через тот же пролив в противоположную сторону. Но хотя эти два народа объединяет не только мореходное искусство, хотя их открытые суда с резными фигурами на носу, с прямым парусом и щитами вдоль бортов так похожи, что не различишь на изображениях,

викинги не могли свершить того, что, возможно, удалось сделать финикийцам, — проплыть по Канарскому течению достаточно рано, чтобы повлиять на аборигенную ольмекскую культуру Америки. Сама хронология свидетельствует, что бородатые светловолосые благодетели, отображенные в текстах и иконографии доколумбовых цивилизаций Центральной Америки, не могли быть викингами.

Настоящая глава содержит доклад, прочитанный на норвежско-американском юбилейном торжестве 12 октября 1975 г. в Миннеаполисе (штат Миннесота). Сенат США единогласно постановил включить ее в «Вестник конгресса» от 30 октября 1975 г.

Кое-кто пытается умалить подвиг Христофора Колумба, заявляя, что он не первый ступил на берег Нового Света. Однако достижения Колумба и их радикальное воздействие на весь мир сохраняют свое значение независимо от того, сколько людей до или после него ступало по американской земле.

Согласимся тем не менее, что до Колумба пришли в Америку другие. Ацтеки, инки и сотни иных племен и народов уже обитали там, когда к берегам Нового Света впервые причалили европейцы. Пирамиды, города с улицами, монументами и величественными дворцами строились в Америке еще до нашей эры. В некоторых областях умеренного пояса ландшафт был испещрен архитектурными сооружениями и руинами, пересечен мощеными дорогами, зеленел полями хлопчатника и пищевых культур. В Мексике майя и ацтеки запечатлели на бумаге свою историю за сотни лет до рождения Колумба. Правители в Мексике и Перу располагали армиями, намного превосходящими вооруженные силы современных им европейских королей; астрономия, медицина и многие искусства и ремесла достигли уровня, до которого Старому Свету подчас было далеко.

Разумеется, все это нисколько не умаляет заслуг Колумба. Его место в истории не становится меньше от того, что ко времени его прихода из Европы земли Нового Света были основательно исхожены людьми.

Мы никогда не узнаем имя первого странника, пришедшего в Америку: в мире не было еще письменности, когда этот человек каменного века вместе со своим родом в поисках пищи где-то в Арктике перебрался из Азии на Аляску. Это никем не

документированное начальное открытие состоялось по меньшей мере за 30 тысяч лет до н. э., а то и намного раньше.

Спустя тысячелетия, но все еще за много веков до Колумба внезапно начался расцвет замечательных культур в ограниченной сплошной полосе от Мексики по Перу. Народы Мексики стали высекать монументы и записывать тексты в память о выдающемся мореплавателе Кецалкоатле. Согласно иероглифическим текстам, этот белый бородатый основатель мексиканской иерархии пришел из-за Атлантического океана, как это впоследствии сделали испанцы.

Хотя предводитель ацтеков Монтесума в первый же день прибытия испанских конкистадоров к его двору поведал им об их предшественнике Кецалкоатле и его спутниках, европейцы никогда не признавали Кецалкоатля соперником Колумба. Его история была записана не понятными им латинскими буквами, а в языческих ацтекских кодексах, большинство которых тщательно собрали и сожгли, как дьяволово творение, сопровождавшие конкистадоров европейские священники.

Иначе вышло с появившимися много позднее записями о Лейфе Эйриксоне, сыне Эйрика Рыжего из Братталида в Гренландии. Письменные источники не ставили ему в заслугу каких-либо культурных подвигов или прочного влияния в Новом Свете, как это было с Кецалкоатлем. Все достижения Лейфа ограничивались короткими разведочными вылазками из дома, который он и его люди построили в приморье. Но его сага была записана латинскими буквами норманнскими поселенцами-христианами в Исландии и Гренландии, а потому значила для европейских умов больше, чем иероглифы ацтеков. В итоге Лейф Эйриксон, европеец, исторически известное лицо, а не Кецалкоатль, нечаянно оказался в глазах многих своего рода соперником Христофора Колумба.

Разумеется, никто не может лишить Лейфа Эйриксона и Христофора Колумба заслуженных ими лавров. Их деяния вообще несопоставимы. Тут не приходится говорить о каком-либо состязании или сравнивать их историческую роль; нет ни нужды, ни причин принижать одного, чтобы вполне оценить достижения другого. Попытаемся разобрать причины, породившие представление о каком-то «соперничестве», и воздадим каждому из этих двух исторических лиц по заслугам: Лейфу Эйриксону как первому европейцу, о котором точно

известно, что он ступил на землю Нового Света в арктическом и субарктическом поясе, и Христофору Колумбу как человеку, открытие которым тропической зоны Америки распахнуло ворота для европейского завоевания Нового Света и становления известных ныне американских наций. Было бы одинаково несправедливо подвергать сомнению открытие Лейфа Эйриксона как выдумку языческих викингов и отрицать, что плавания Колумба изменили облик мира более, чем какое-либо иное событие христианского летосчисления.

Говоря об этих двух морепроходцах, попробуем взглянуть на них в истинном историческом свете. Коль скоро отпадает вопрос о каком-либо соперничестве, зачем нам теперь из национальных или религиозных побуждений смотреть на их плавания как на подобие гонки Амундсена и Скотта к Южному полюсу? Если сопоставлять этих двух мореплавателей так, словно перед нами и впрямь два соперника, получится искаженная картина, невыгодная для Лейфа Эйриксона. Он предстанет перед нами свирепым языческим викингом на открытой ладье, а рядом — ослепительный Колумб с его изящными каравеллами. Такой аберрации можно избежать, если рассмотреть их независимо, памятуя, что почти полтысячелетия разделяет две экспедиции. Срок, равный тому, который отделяет каравеллы Колумба от океанских лайнеров XX в. Если, устранив этот разрыв, взять уровень культуры испанцев X в., то норманнские мореплаватели мало в чем им уступали. Возможно, некоторым кругам трудно оценить по справедливости Лейфа Эйриксона и его деяния, потому что принято изображать его варваром в рогатом шлеме, с широким мечом в руках, выходящим в океан, чтобы грабить и избивать христиан, тогда как Колумб плыл под флагом святого креста, задавшись целью — не считая поиска золота и славы — принести христианскую веру заморским язычникам. Такое сопоставление несправедливо, надуманно и в корне неверно. Хотя Лейф Эйриксон намного опередил во времени Колумба, он взял на борт своей ладьи католического священника, и целью его трансатлантического плавания было принести христианскую веру в языческие поселения Гренландии.

Попробуем же восстановить страницы древненорвежской истории, позволяющие понять Лейфа Эйриксона и его мирную миссию. Представлять себе всех норманнов той поры викингами столь же ошибочно, как рисовать всех англичан XVIII в. буканьерами или всех

римлян — воинами экспедиционных войск. Большую часть населения средневековой Норвегии составляли крестьяне, рыбаки, купцы; было немало искусных ремесленников и художников. В этом смысле норвежский народ не отличался от жителей других стран Европы. Викинги, в подлинном смысле этого старинного слова, составляли подвижные дружины, совершавшие морские набеги на чужие земли, от Руси на востоке до Ирландии на западе, от Шотландии на севере до Сицилии и мусульманского мира. Никто в наши дни не станет оправдывать эти жестокие рейды, но, если на то пошло, другие европейцы, от римских легионеров до испанских конкистадоров, когда позволяла сила, вторгались в чужие страны ничуть не менее свирепо, чем викинги. Однако словом «викинги» постепенно привыкли обозначать всех средневековых обитателей северных стран, откуда выходили боевые ладьи; иногда этим сомнительным прозвищем награждают и ныне живущих.

Английский историк Дэвид Уилсон писал:

«Хотя с британской точки зрения наиболее впечатляющи морские авантюры викингов, не менее важны и налаженные ими сухопутные связи с Востоком. Они играли главенствующую роль на великих торговых путях через земли, известные в наш век под названием Польши и западной части России, на юг — до Византии и на восток — до Волги и Персии. Косвенно викинги причастны и к торговым связям с Китаем по знаменитому „Шелковому пути“, который вел через Центральную Азию... Викинги были великими путешественниками, и на их счету выдающиеся достижения в мореплавании; их города были крупными торговыми центрами; их самобытное полнокровное искусство повлияло на другие народы; они обладали прекрасной литературой и развитой культурой».

Ему же принадлежат такие слова:

«Опустошительные набеги VIII и IX вв. принесли викингам прочную славу пиратов и разорителей, однако их культура во многом была такой же развитой, как и культура подверженных их набегам стран... В конечном счете они не уничтожили западную цивилизацию, а обогатили ее. Элементы их правовых установлений, традиции личной свободы, страсть к исследованиям и великие исландские саги, отражающие героическую эру, — все это стало частью нашего североевропейского наследия» (Wilson, 1970[319]).

Таково суждение английского историка. Древнейшая родина предков викингов неизвестна. Разумеется, они в Скандинавии — пришельцы. Большинство ученых полагает, что они пришли туда по суше или приплыли по великим русским рекам откуда-то с Кавказа. В пользу такой версии говорят записанные Снорри в XIII в. исторические предания, по которым родиной первого сохранившегося в народной памяти норвежского вождя было Причерноморье, к востоку от Дона. Отсюда и впрямь нетрудно было подняться по рекам, преодолевая небольшие волоки, до Балтийского моря и Скандинавии. И уж совершенно точно, что после принятия христианства норвежские викинги быстро проложили обратный путь в святую землю через Черное море и пролив Босфор. По Снорри, вождя викингов, приведшего свой народ на север из Причерноморья, звали Одином; после его смерти он был возведен викингами в ранг бога. Владения Одина распространялись вплоть до Турции, пока, как говорит тот же Снорри, римские императоры не стали повсеместно наступать, покоряя все страны. Тогда-то великий пращур норманнских королей ушел со своим народом на север и заселил сперва Данию, потом Швецию и, наконец, Норвегию. Снорри называет три десятка королей и описывает их деяния, прежде чем настает очередь Харалда Хорфагера, создавшего в Норвегии единое королевство. Здесь мы ступаем на твердую историческую почву, так как объединение произошло в 872 г., в разгар наиболее бурной поры эры викингов. Победа Харалда Хорфагера над многочисленными местными корольками и вождями вызвала смуту в стране. Многие видные мужи со своими семьями и приверженцами покидали Норвегию и заселяли ранее открытые острова в океане, которые до тех пор служили викингам лишь временным убежищем во время их походов. Среди тех, кто обосновался на берегах далекой Исландии, были родившийся под Ставангером Эйрик Рыжий и его жена Тьодхильд, мать Лейфа Эйриксона. Приблизительно через десять лет после бегства из Норвегии Эйрик Рыжий открыл Гренландию.

Называя этот остров «Зеленой землей», он поступил, как поступают в наши дни агенты по продаже недвижимости, рекламируя свой товар. Правда, обогнув суровый Южный мыс, он и впрямь увидел пригодные для пастбищ просторные луга у подножия высоких ледников на западной стороне острова, обращенной к Девисову проливу.

Возвратившись в Исландию, Эйрик Рыжий организовал и возглавил одну из самых смелых известных нам арктических экспедиций. Подробности этого предприятия записал Ари Фруде со слов своего дяди, который в свою очередь слышал рассказ одного из товарищей Эйрика. Тридцать пять открытых грузовых ладей, шире и массивнее, чем стройные и быстроходные ладьи викингов, участвовали в этом тщательно подготовленном походе переселенцев на запад через Атлантику. Целые семьи, несколько сот мужчин, женщин и детей со всем своим имуществом, включая лошадей, коров, овец, свиней и собак, вышли в море. Только четырнадцати судам с добровольными эмигрантами удалось обогнуть штормовой Южный мыс Гренландии и благополучно высадиться на более приветливом западном берегу. Здесь они построили селение, остатки которого сохранились до наших дней, и заложили основу общины, веками жившей в соседстве с эскимосами, всего в нескольких сотнях километров от американских индейцев, населявших другой берег Девисова пролива.

Пока юный Лейф Эйриксон в Западной Гренландии мирно подрастал на ферме отца, названной «Братталид», один молодой норвежский королевич странствовал по Европе как настоящий викинг. Звали его Улав Трюгвасон. Улав родился в Норвегии, но вырос на Руси при дворе князя Владимира. Вместе с другими викингами он побывал в странах Прибалтики, в Германии, Англии, Шотландии, Ирландии, Франции, но когда его флот стоял на якоре у острова Силли в Атлантическом океане, к западу от Корнуолла, в жизни Улава произошла внезапная перемена. В это время, медленно распространяясь по Европе, до Силли дошло христианство. Встреча с местным христианским отшельником произвела на знатного викинга такое впечатление, что он вскоре крестился вместе со всей своей дружиной. Возвращаясь на родину после долгих странствий, они захватили с собой ученых мужей и священников. Еще до того датский король посылал в Норвегию вооруженный отряд, призванный насаждать христианскую веру, но эта миссия мало преуспела. Вернувшись теперь из похода и став королем Норвегии, Улав возвестил своему народу, что отныне христианство будет единственной законной религией в стране. Он лично разъезжал по королевству, проверяя, чтобы подданные крестились как положено, и повелел строить церкви на месте украшенных драконьей головой храмов Тура и Одина.

К этому времени Эйрик Рыжий со своей многочисленной группой переселенцев уже покинул Исландию и обосновался в Гренландии, по другую сторону Атлантического океана. Короля Улава не устраивало, что норманнская колония в далекой Гренландии остается языческой, тогда как все его подданные в странах вокруг Северного моря исповедуют христианскую веру. И вскоре выдался случай христианизировать Гренландию тоже. Гренландская колония повела более или менее регулярную торговлю с Бергеном и другими норвежскими портами, и одним из первых привел гренландское купеческое судно в Норвегию Лейф, сын открывшего Гренландию Эйрика Рыжего. Незадолго до конца правления Улава Трюгвасона, летом, Лейф Эйриксон приплыл в тогдашнюю столицу Норвегии — Нидарус (ныне Тронхейм). В рукописи «Флатэйбук», созданной за два столетия до плаваний Колумба, читаем:

«Лейф пришел со своим кораблем в Нидарус и тотчас отправился к королю. Король Улав изложил ему вероучение, как он делал это со всякими посещавшими его язычниками. Королю было нетрудно убедить Лейфа, и тот крестился вместе со всеми своими товарищами. Лейф всю зиму провел у короля, и тот оказал ему отменное гостеприимство» (Gray, 1930[126]).

Другие подробности содержатся в рукописи «Хаукбук» той же доколумбовой поры: «Однажды, беседуя с Лейфом, король спросил его: „Ты намереваешься летом плыть в Гренландию?“ „Да, таково мое намерение, — сказал Лейф, — если на то будет твоя воля“. „Я полагаю это благим делом, — ответил король, — и ты отправишься туда с моим поручением утвердить там христианство“».

Весной Лейф вышел в обратное плавание через Атлантику, и на борту его судна были католический священник и проповедники. Было это незадолго до смерти короля Улава, который скончался в 1000 г. Возвратившись в Гренландию, Лейф осуществил взятую на себя миссию [9].

Согласно доколумбовым записям Снорри, Лейф на обратном пути из Норвегии в Гренландию случайно обнаружил ту часть Нового Света, которую исследовал и назвал Винландом. Другие, более древние рукописи позволяют предположить, что сперва вернулся на отцовскую ферму в Гренландии, а уже потом отправился искать плоский лесистый край, увиденный Бьярни Херьюлфссоном с корабля в Девисовом

проливе. Как бы то ни было, все доколумбовы рукописи, повествующие об открытии Нового Света Лейфом Эйриксоном, согласны в том, что он первым ступил на его берега. Ступил как приверженец той же веры, которую много веков спустя исповедовал Колумб.

Нет необходимости повторять здесь все подробности, записанные доколумбовыми авторами в Гренландии и Исландии вскоре после состоявшегося открытия. Как известно, суда Лейфа подходили к трем разным районам побережья по ту сторону Девисова пролива. Он назвал эти районы Хеллюланд, Маркланд и Винланд и детально описал их географические особенности. Непосредственно открытие Лейфа не возымело фундаментальных последствий для внешнего мира, разве что внесло некоторое оживление в достаточно однообразную жизнь селений Гренландии с ее скудной природой. Надо взглянуть на его поход в более широком плане всей гренландской эпопеи, чтобы убедиться, что экспедиция Лейфа, возможно, повлияла на мировую историю больше, чем принято считать. Рукописи сообщают, что сперва Лейф и его товарищи, занимаясь разведкой нового края, построили себе небольшие хижины, но потом соорудили настоящий дом, в котором и перезимовали, прежде чем возвращаться на северо-восток, к своим семьям в Гренландии. Роль нового источника леса, дорогих мехов и других ценных товаров для соотечественников Лейфа очевидна и четко отражена в литературе той поры.

Едва Лейф вернулся с грузом леса и ягод, как его брат, Турвалд Эйриксон, тоже взял курс на новую землю. Его поход был неудачным: норманны убили немало местных жителей, но и Турвалд погиб и был похоронен в Новом Свете. Попытка третьего брата, Торстейна, забрать его тело провалилась, однако затем целый ряд судов из Гренландии ходили порознь через Девисов пролив и на юг вплоть до выстроенного Лейфом дома в Винланде, причем некоторые путешественники брали с собой женщин. Наиболее примечательны подробности плавания Турфинна Карлсефни. Он отправился в новый край с отрядом из 60 мужчин и пяти женщин и захватил скот, вознамерившись основать постоянное поселение. Вскоре появились аборигены; они говорили на непонятном языке, но в знак дружелюбия принесли шкурки белок, соболей и других животных, неизвестных в Гренландии, прося в обмен молоко и красную материю.

Эти аборигены — норманны называли их «скрелингами» — в испуге разбежались, увидев здорового мычащего быка. Норманны обнесли поселение прочной оградой. Вскоре Гюдрид, жена Карлсефни, родила мальчика, получившего имя Снорри; это был первый младенец европейского происхождения, родившийся в Новом Свете. Мирные поначалу торговые отношения с аборигенами продолжались недолго, и дело дошло до настоящей войны, когда с юга пришло столько лодок, что они, как сообщают рукописи, заполнили весь залив. Хотя скрелинги располагали только пращами и каменными топорами, а у викингов были мечи и железные секиры, под натиском превосходящих сил норманнам пришлось на время укрыться в лесу. Двое из отряда Карлсефни были убиты; аборигены понесли большие потери. Сага откровенно говорит о неудачах малочисленных викингов, и «Хаукбук» продолжает: «И стало ясно для Карлсефни и его людей, что, как ни привлекателен этот край, они обречены жить в постоянном страхе и тревоге из-за коренных обитателей, и они приготовились уйти оттуда и вернуться в собственную страну» (там же). Перед отплытием норманны захватили в плен двух юношей, которых крестили. Этих парней привезли в Гренландию и научили норвежскому языку, и они много поведали гренландцам про аборигенов нового края. Несомненно, это был первый в истории акт крещения обитателей Нового Света. Сыну Карлсефни, Снорри, было три года, когда незадачливые колонисты возвратились в Гренландию.

Важность подробных сообщений об этой бесплодной попытке утвердиться в Новом Свете заключается в том, что мы ясно видим, почему норвежская экспансия на запад через Исландию остановилась в Гренландии, хотя до лесов Америки было всего два-три дня плавания через Девисов пролив. Были предприняты и другие, столь же неудачные попытки заселить новые земли; к ним относится несчастливая экспедиция Фрейдис, внебрачной дочери Эйрика Рыжего. Вскоре плавания через Девисов пролив приняли иной характер, вылившись в торговые экспедиции купцов, которые предпочитали не порывать со своими родными домами в Гренландии.

Обширные следы непрерывного четырехсотлетнего пребывания норманнов в Гренландии не утрачены, хотя сами норманны исчезли из этих областей около 1500 г. Датским археологам было где потрудиться, и они проделали превосходную работу, раскапывая сосредоточенные в

двух обширных районах норманнские дома доколумбовой поры. Однако следы норманнских поселений на американском берегу были потеряны и забыты, пока энергичный норвежский исследователь Хельге Ингстад, руководствуясь описаниями в древних гренландских и исландских сагах, не сумел отыскать знаменитую ныне стоянку викингов в Л'Анс-о-Медоу у северной оконечности Ньюфаундленда. В начале 1960-х годов его супруга, археолог Анна Стина Ингстад, к которой затем присоединились другие скандинавские и американские ученые, раскопала еле заметные фундаменты построек. Были найдены норманнские изделия, включая типичную бронзовую булавку, стеатитовое пряслице и куски железных игл, а также кузница скандинавского типа. Больше того, в каменных очагах характерных норманнских домов сохранились угольки, и радиоуглеродный метод показал даты, близкие к 1000 г. и вполне подтверждающие данные саг о Лейфе Эйриксоне, Карлсефни и других мореплавателях той поры. Ни один профессиональный археолог не станет оспаривать, что Ингстады нашли в Америке древнее норманнское поселение. Можно сомневаться, в самом ли деле речь идет о доме Лейфа Эйриксона. В пользу такого вывода говорит тот факт, что Ингстад нашел стоянку, следуя точным географическим указаниям в саге о Лейфе.

За недолгим пребыванием гренландских норманнов на американских берегах последовал длительный период торговых связей. Америка была ближайшим соседом гренландцев, и короткий торговый путь через Девисов пролив давал возможность жить благополучно, ведь по нему шли драгоценный лес, пушнина и бивни, которые регулярно отправлялись морем в торговые центры Норвегии. Как будет показано дальше, по велению папы римского гренландцы были обязаны вносить натурой дань для финансирования крестовых походов, собираемую церковью на судах, приходивших в Норвегию из Гренландии. Среди этих товаров в списке архиепископа Эрика Вальккдорфа значатся шкуры черного медведя, бобра, выдры, горноста, соболя, росомахи и рыси — североамериканских животных, которые в Гренландии не водились. Американский историк Энтерлайн показывает, что белые кречеты, столь популярные среди венценосных охотников средневековой Европы, тоже могли поставляться только гренландскими купцами, так как эти птицы водятся исключительно в Гренландии и на крайнем севере Америки (Enterline, 1972[107]).

Скотоводство, охота, рыбная ловля и торговля способствовали процветанию и росту основанной Эйриком Рыжим гренландской колонии; об этом ясно говорят и археология, и старинные письменные источники. Католическая церковь, интродуцированная Лейфом Эйриксоном в 1000 г., стала в период с XII по XIV в. заметной силой и крупным землевладельцем в Гренландии. Многие удивятся, услышав, что в эту доколумбову пору на западном берегу острова, обращенном к Америке, за проливом, было построено 17 церквей. Старания норвежского монарха в XI в. услужить римско-католической церкви настолько пришлись по душе папе, что монарх был причислен к лику святых, — честь, которой не удостоились впоследствии король Фердинанд и королева Исабелла.

Все это я подчеркиваю лишь потому, что нам очень важно учитывать тесные связи в рассматриваемый период между Норвегией с ее колониями и римско-католической церковью, поскольку эти связи неизбежно должны были отразиться на последующих событиях более глобального значения. Вряд ли можно назвать страну, где хватка римской церкви сказывалась сильнее, чем в Норвегии, где правил король Улав Святой и его преемники вплоть до лютеранской Реформации. Раскол произошел только в XVI в., через несколько десятков лет после времен Христофора Колумба.

Тесные связи Колумба с Ватиканом хорошо известны. Пожалуй, менее известны контакты между жившими дальше норманнами и Ватиканом вплоть до эры Колумба. Прямые связи Норвегии с Римской империей восходят к давним временам. Сперва они осуществлялись через Русь и Босфор; впоследствии норманнские колонисты, основавшие около 840 г. город Дублин в Ирландии, проникли в Средиземноморье с другого конца, через Гибралтарский пролив. К началу XII в. визиты викингов в Средиземное море были настолько частыми, что норвежский король Сигюрд Магнюссон, подойдя на 60 кораблях к Гибралтару, вынужден был сразиться с другими, враждебными викингами, которые шли ему навстречу.

Как только христианство достигло Норвегии, норвежские короли и вельможи стали совершать регулярное паломничество в Рим и святую землю. Так, королевский бард Улава Святого Сигват Скальд узнал о кончине своего повелителя, возвращаясь на родину через Рим из святой земли, а Туре Хюнд, вассал короля, умер в Палестине. Брат и преемник

Улава на норвежском троне — Харалд Хардроде много лет провел в Средиземноморье на службе у правителя Восточной Римской империи, командуя смешанным норманнским и латинским войском. Со своим христианским флотом он атаковал мусульманские укрепления на островах и вдоль побережья Северной Африки. Богатую добычу, включая золото, полученное от императора в награду за служение христианству, Харалд и его викинги доставляли в Иерусалим и приносили в дар церкви. Не удивительно, что в древнейшей части храма на горе Елеонской до сих пор рядом с иудейским, латинским, арамейским и другими библейскими текстами «Отче наш» можно прочесть и древненорвежский, ведь Норвегия была одним из самых рьяных участников битв в защиту христианских интересов в Палестине. ^[10]Норвежский историк Алескандер Бюгге называет католическую церковь главной силой в Норвегии той поры.

На фоне столь прочных связей между Римом и Норвегией в XII в. рассмотрим теперь роль гренландской колонии. Мы уже увидели, что король Улав направил в Гренландию католического священника вместе с Лейфом Эйриксоном, перед тем как тот в 1000 г. открыл Винланд. К 1112 г. Гренландия уже удостоилась первого епископского визита. К тому времени церковь отлично знала об открытии новых земель к западу от Гренландии; в исландских летописях указано даже, что епископ Эйрик Гньюссон, посетив гренландский приход, оттуда направился с визитом в Винланд Лейфа Эйриксона. Вскоре после этого гренландская колония послала несколько кораблей с моржовым клыком, мехами и живым белым медведем королю Сигурду, прося его назначить в Гренландию постоянного епископа. Король тотчас исполнил их просьбу, и с 1126 г. в Гренландии жил епископ. А затем к нему прибавился и второй, поскольку усадьбы и церкви норманнов в Западной Гренландии были разбросаны на огромных расстояниях. Ватикан, конечно же, знал об этих христианских приходах. Однако географическая изоляция гренландской колонии от католического мира на европейской стороне Атлантики неизбежно осложняла для местных норманнов исполнение некоторых обрядов и норм.

Папским декретом было запрещено бракосочетание людей, разделенных меньше чем семью коленами родства, но при малочисленном населении молодой гренландской колонии было трудно избежать браков между более близкими родственниками. И Норвегия

отправила в Рим посланцев просить папу Александра III, чтобы было сделано послабление, ведь гренландцам надо было совершить опасное двенадцатидневное плавание через океан, чтобы найти себе христианскую супругу. Папа пошел на то, чтобы норвежский архиепископ в исключительных случаях разрешал браки между родственниками в пятом колене.

Еще одна проблема возникла в связи с тем, что для причастия требовался хлеб и вино, но в этой арктической области не было ни винограда, ни своего зерна. И гренландский приход снова обратился в Рим, прося дозволения заменять хлеб мясом или еще чем-нибудь, а вино — пивом или соком вероники. Однако папа Григорий в личном послании норвежскому архиепископу в 1237 г. потребовал, чтобы гренландские прихожане для причастия непременно употребляли хлеб.

Позднее, в 1276 г., папа Иоанн XXI отклонил просьбу норвежского архиепископа, который пытался избавиться от недавно возложенной на него обязанности лично отправляться в Гренландию, чтобы взимать с заморских епископов «крестоносную» дань. Только в 1279 г. папа Николай III разрешил архиепископу послать вместо себя доверенное лицо в столь долгое и опасное плавание. Через три года поверенный возвратился в Норвегию, и архиепископ сообщил папе, что гренландский приход беден, есть только шкуры и моржовый клык, вряд ли представляющие собой большую ценность. Тем не менее папа не освободил Гренландию от дани и в послании от 1282 г. настаивал на том, чтобы сия норманнская колония по ту сторону Атлантики и впредь вносила в натуре «крестоносную» дань, которую церкви надлежало обращать в деньги в Норвегии.

До тех пор пока в норманнских поселениях Гренландии жили люди, Ватикан последовательно охранял там свои интересы. А норманны оставались в Гренландии и некоторое время после того, как Колумб отплыл через океан. Там еще были поселенцы около 1500 г., однако уже намечался быстрый упадок. В начале XVI в. хозяева покинули последнюю из многочисленных ферм; процветавшая ранее колония совсем разорилась. Точная причина не установлена. Высказывались разные предположения: эпидемии, голод, изменение климата, попытки перебраться на земли американских индейцев, где были более тучные пастбища. Но всего вероятнее, что миролюбивые гренландские потомки свирепых викингов были перебиты английскими

пиратами, которые в ту пору совершали набеги на незащищенные гренландские селения. В Англии хорошо знали о существовании гренландской колонии; в 1432 г. был даже заключен договор между норвежским и английским королями, чтобы положить конец налетам английских пиратов на далекую христианскую колонию норманнов.

Пагубное появление европейских пиратов в Девисовом проливе между Гренландией и Америкой задолго до плаваний Колумба свидетельствует, что не только в Норвегии и Ватикане народ знал о гренландских поселениях. Грамотные европейцы располагали этой географической информацией четыре сотни лет; даже открытие Винланда упоминается в «Географии северных земель» немецкого историка Адама Бременского около 1070 г. Возрастающее внимание к изолированной гренландской колонии послужило ей больше во вред, чем на благо, как это видно из папского послания двум исландским епископам. В 1448 г. папа Николай V писал о пиратских набегах в Гренландию:

«От близлежащих языческих берегов 30 лет назад явился флот варваров, которые совершили жестокое нападение на местных жителей и разорили огнем и мечом их земли со священными постройками, так что осталось лишь девять церквей в наиболее глухих и недоступных гористых местах. Несчастных жителей обоего пола, особенно тех, кого посчитали достаточно крепкими и здоровыми для несения тяжелого бремени рабства, тираны угнали в неволю в свою страну. Но... со временем многим удалось вернуться из неволи в родные пределы, и кое-где дома восстановлены. А потому они теперь желают возродить и продолжить богослужение» (Kolsrud, 1913[190]).

Несмотря на большие расстояния, христианский мир не терял из виду гренландский приход, пока он существовал. Под конец XV в. до Ватикана дошло, что уцелевшие обитатели гренландских поселений вконец обеднели, кормятся в основном вяленой рыбой и молоком. Об этом сказано в папском послании, написанном в 1492 году — том самом году, когда Колумб отплыл в Америку. Стало быть, трансатлантические плавания норманнов отнюдь не были забыты средиземноморским миром, когда Колумб начинал свою историческую миссию.

Есть ли тут связь? Или Колумб вовсе не знал о регулярных плаваниях норвежских и исландских крестьян, купцов, священников, монахов, монашенок и епископов, а также о вылазках английских

пиратов через северную область того самого океана, который он сам намеревался пересечь?

Колумб был не только отважным, смелым мореплавателем. Прежде всего он был блестящим организатором и для своего времени весьма просвещенным географом, а не каким-нибудь наглым и пустым авантюристом. Во всех биографиях Колумба подчеркивается, как тщательно он перед выходом в океан собирал все данные о течениях, дрейфах, жертвах кораблекрушений и разных открытиях, лично странствуя вдоль атлантических берегов Европы и Африки. Не все согласны, что он побывал в Исландии, хотя его сын писал, что такое плавание состоялось, однако документально установлено, что Колумб поддерживал связи с наиболее учеными мужами Англии и Рима, накапливал географическую информацию, которая могла пригодиться в его расчетах, и собирал он ее в период, когда Англия и Рим вели дипломатическую и церковную переписку с Норвегией касательно судьбы чахнувшей гренландской колонии. Он не мог не слышать о ее существовании.

Только согласившись, что Колумб знал о точном местоположении Гренландии не меньше, чем глава его собственной церкви и английские пираты, мы в полной мере можем воздать должное отлично продуманной и основательно рассчитанной экспедиции, приведшей к открытию тропической Америки. Колумб не пошел по стопам норманнов, не повторил их маршрутов и открытия, а совершил вполне самостоятельное плавание, всецело основанное на его примечательных расчетах.

В одном Колумб оспаривал религиозные догмы своего времени: он был убежден в шарообразности Земли. Хотя церковь в XV в. все еще цеплялась за представление о плоской Земле, мысль о ее шарообразности была высказана еще древнегреческими астрономами, которые с поразительной точностью вычислили ее окружность — около 40 тысяч км. Эти классические данные, основанные на астрономических наблюдениях, были хорошо известны ученым во времена Колумба, который хотя и признавал взгляд Птолемея на Землю как на шар, однако сомневался в верности определения ее размеров. Колумб не был астрономом; стало быть, у него были какие-то особые географические причины полагать, что окружность Земли составляет только $\frac{1}{5}$ цифры, на которой остановились древние греки. Столь

огромная ошибка, тем не менее приведшая его к успеху, может быть объяснена лишь тем, что Колумб знал об открытиях норманнов и положил указанную ими долготу в основу своих вычислений. Другими словами, если пренебречь норманнскими открытиями, мы никогда не сможем оценить величие Колумба и понять причину его торжества.

До Колумба европейцы продвигались через моря сперва на запад, в Гренландию, затем на восток, в Азию, оставляя и тут и там поселенцев, которые поддерживали торговые и религиозные связи с Европой. Подобно всем своим современникам, Колумб верил, что есть лишь один большой Мировой океан. Соответственно европейцам по ту сторону этого единственного океана виделась на севере Гренландия, на юге — Индия. Марко Поло, уроженец Северной Италии, как и Колумб, но живший двумя столетиями раньше, исследовал морские берега далекой Азии. Затем испанцы и португальцы учредили важные торговые фактории в Малайском архипелаге, и во времена Колумба европейцы хорошо знали, что где-то на северо-востоке Азия заходит в субарктическую зону. Поскольку царило убеждение, что Гренландия и Азия расположены по ту сторону одного и того же океана, логически вытекало, что первая является северной оконечностью второй, тем более что северо-восточное положение Азии, по Марко Поло, во всем было похоже на субарктические берега, открытые Лейфом Эйриксоном. Как тут не заключить, что они совпадают!

Колумб достиг Америки в тот самый день и в том самом месте, когда и где он рассчитывал прийти в Азию. Тихий океан занимает половину земного шара, так что Колумб прошел лишь $\frac{1}{5}$ расстояния до Индии, и, однако, же земля оказалась именно там, где он ожидал. Трижды успешно пройдя через Атлантику, Колумб тем не менее умер в твердом убеждении, что пересек единственный Мировой океан и дошел до Индии. Из-за этого заблуждения острова Карибского моря по-прежнему именуется Вест-Индией, а американских аборигены, которых норманны называли скрелингами, навсегда остались индейцами, хотя Индия расположена предельно далеко от них, на другом конце земного шара.

Что же могло внушить Колумбу такую уверенность, что он найдет землю там, где его и впрямь ждала Америка? Только твердое убеждение, что Азия составляет продолжение области в Северной Атлантике, где обосновались норманны. Только представление об Азии

Марко Поло как о юго-западном продолжении Винланда Лейфа Эйриксона могло породить в сознании Колумба значительно уменьшенную картину мира, с которой он вышел в Атлантический океан и с которой не расставался до самой смерти. И, только зная направление и расстояние до северо-восточного угла Атлантики так же хорошо, как их знали норвежские купцы и английские пираты, мог он определить долготу заокеанского материка с такой точностью, с какой он сделал это перед началом плавания.

Участник третьего плавания Колумба знаменитый хронист Лас Касас подчеркивал, что Колумб был так уверен в местоположении заветной земли, словно она находилась «в его собственной комнате». Более того, по словам некоторых участников первого плавания, Колумб наперед заверил их, что земли следует ждать, когда будет пройдено всего 800 испанских миль; так и вышло. Колумб упорно следовал вдоль 28-й северной параллели — широта Флориды, которая подходит к азиатским берегам намного севернее Индии и Малайского архипелага. Тем не менее он был настолько уверен в курсе, что наотрез отказался повернуть на юго-юго-запад, как того требовали упавшие духом офицеры и матросы, уверяя, что заметили признаки суши в той стороне. Как видно из личного дневника Колумба и из судового журнала, в который он заносил преуменьшенные данные о пройденных расстояниях, чтобы экипаж думал, что до дома не так уж далеко, Колумб твердо стоял на том, что избранный им курс — кратчайший путь к суше. Кратковременное отклонение от курса, предпринятое во избежание мятежа, готовившегося помощником Колумба, только подтвердило его правоту. 11 октября 1492 г., когда уставшая команда потеряла надежду на успех, а до берегов подлинной Индии оставалось в 4 раза больше пути, уже пройденного экспедицией, Колумб объявил, что земля покажется завтра. И в самом деле, на другой день был открыт островок, расположенный у берегов Флориды. Дальнейший путь преграждали многочисленные острова и материк скрелингов.

Колумбу было что предложить католическим правителям Испании, когда он уговаривал их финансировать его дорогостоящее предприятие. Мысль о шарообразности Земли была далеко не нова, советники испанского двора могли и отвергнуть ее, не дожидаясь визита Колумба. Но у него на руках были козыри, без которых ослабленные войной правители Испании ни за что не дали бы иностранцу из Генуи то, что

он запросил. А запросил — и получил — Колумб три полностью снаряженных корабля, команду в 120 человек, включая дворян, чиновников и солдат, 2 миллиона мараведи наличными, звание испанского дворянина, титул Великого адмирала, должность вице-короля и пожизненного губернатора всех островов и материков, какие он сам или кто-либо из его людей откроет и покорит в океане, наконец, заверение, что все эти привилегии будут переходить по наследству к старшему сыну из поколения в поколение. Столь огромная цена, названная в собственном обращении Колумба «Во имя господ нашего Иисуса Христа» к королю Фердинанду и королеве Исабелле, лучше всего показывает, что иностранец из Генуи мог предложить в обмен не одно красноречие.

То, что продал Колумб, могло быть продано любым другим открывателем той поры, но сделал это именно он, и всем нам известна история про колумбово яйцо. Отнюдь не везение, а пытливый ум, тщательная подготовка и логические расчеты обусловили успех великого предприятия. Тот, кто пытается принизить значение древних норманнских открытий, указывая на последующие достижения Колумба, невольно делает ему плохую услугу. Если бы он не знал об уходящих на юго-запад берегах Винланда, мы вправе были бы назвать его безответственным командиром, который взял на свои корабли всего $\frac{1}{5}$ потребного провианта и вел людей на верную смерть, подтасовывая данные в судовом журнале. Но Колумб умер, искренне веря, что Индия и впрямь находится так близко от Европы, как он предсказывал. Примечательно и поучительно, что это его убеждение побудило Колумба изменить взгляд на шарообразность Земли. Зная, что путь в Индию гораздо дольше для тех, кто плывет в противоположную сторону в южном полушарии, он после своего третьего, и последнего, плавания в Америку пришел к странному выводу. Вот его слова: «Я убедился, что она не такая круглая, какой ее описывают, а похожа формой на грушу, на круглой поверхности которой есть заметная выпуклость со стороны черешка; или ее можно сравнить с круглым мячом, на котором есть нечто вроде женского соска, и эта выступающая часть поднимается наиболее высоко и находится ближе всего к небесам» (Caddeo, n. d.[58]).

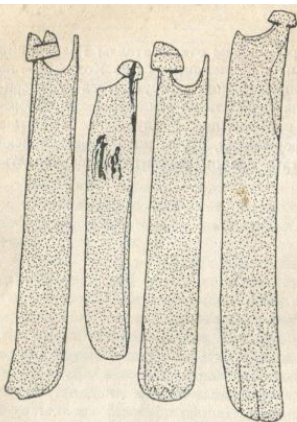
Колумба высмеивали за эту идею, звучащую абсурдно в устах человека, которому повсеместно воздают должное за то, что он делом

доказал шарообразность Земли. Однако он сделал вполне оправданный и логический вывод, если помнить, что, в его представлении, норманнские поселения находились на севере Азии. Колумб верил, что дошел до находящихся к востоку от Индии «островов пряностей», плывя через «верхнюю», северную часть грушевидной планеты более коротким путем, нежели тот, который проделывали следовавшие через «нижнее», южное полушарие.

Только воздав должное норманнским открывателям Гренландии и Северной Америки, видим мы в надлежащем свете Колумба — не как безрассудного мореплавателя, случайно наткнувшегося на Америку, потому что она преградила ему путь на Индию, а как человека, сочетавшего творческое воображение с глубокой ученостью и располагавшего нужной информацией, чтобы планировать поиски земли, оказавшейся именно там, где он рассчитывал ее увидеть.

ЧАСТЬ III

Проблема Тихого океана

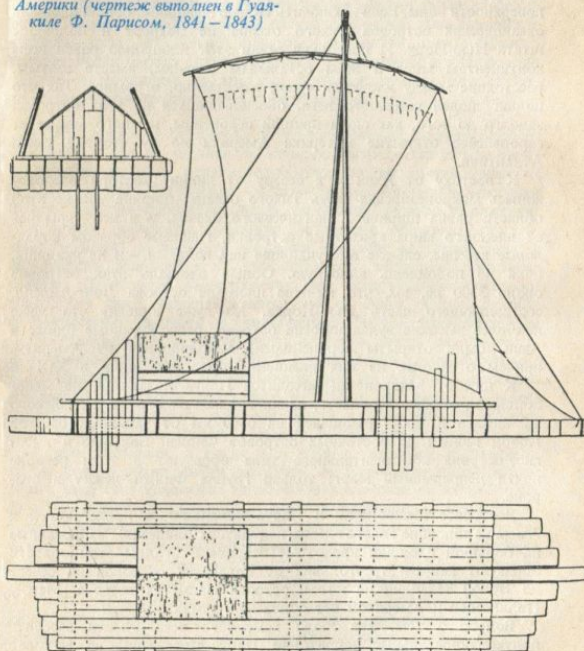

Утилитарная гуара без орнамента
(найдена при раскопках погребения
в приморье Южного Перу) (Хейер-
дал, 1952, табл. 74)

Старинный рисунок бальсового плота
из Гуаякиля (Хуан и Ульва,
1748)

Принцип строительства бальсового
плота на северо-западе Южной
Америки (чертеж выполнен в Гуая-
киле Ф. Парисом, 1841–1843)

Глава 6

Благоприятный путь из Азии в Полинезию

Масштабы тихоокеанской проблемы определяются масштабами Тихого океана. Он один охватывает половину поверхности земного шара; на экваторе его азиатское и американское побережья занимают антиподальное положение. В отдаленные геологические эпохи два типа малых островов поднялись на поверхность этого морского полушария: одни были образованы бурлящей лавой из подводных вулканов, другие медленно складывались коралловыми полипами на гребнях кратеров, которые не дотянулись до поверхности воды. Если исключить Новую Зеландию, общая площадь океанических островов Тихого океана не покрывает и половины штата Нью-Йорк. И поскольку океан этой площадью равен всем континентам мира и всем остальным океанам, вместе взятым, расстояние между клочками суши, естественно, огромное. Так что подвиг людей каменного века, обосновавшихся на этих островах задолго до того, как сюда пришли европейцы, намного затмевает европейское открытие материка Америки по ту сторону узкой Атлантики.

К востоку от Азии и к северу от линии экватора расположилась микронезийская часть Тихого океана; ширина только этой области равна ширине Атлантического океана, и в ней укрылись от внешнего мира крохотные островки, главным образом коралловые атоллы, еле-еле выступающие над волнами, — и не увидишь, пока не подойдешь вплотную. Общая площадь этих островов около 3500 кв. км, что меньше площади острова Лонг-Айленд, составляющего часть Нью-Йорка. Мы уже видели, что даже наиболее высокие вулканические острова, расположенные ближе к Азии, были открыты европейцами, выходящими из Америки, причем о многих из них внешний мир узнал лишь в XIX в.

К югу от Микронезии находится Папуа-Меланезия, не менее обширная океанская область, начинающаяся от окраин Малайского архипелага и простирающаяся на 6500 км от западных берегов Новой Гвинеи до восточных островов Фиджи. Большие и высокие острова

континентального типа образуют в этом регионе почти непрерывный мост; только группа Фиджи лежит в стороне.

Восточнее Микронезии и Папуа-Меланезии, в прилегающей к Америке половине Тихого океана, находится Полинезия. Разбросанные на большой площади крохотные острова и атоллы этой области образуют как бы треугольник от Гавайских островов на севере до Новой Зеландии на юге и острова Пасхи на востоке. Между Полинезией и Америкой нет обитаемой земли.

Вопрос о том, как люди каменного века сумели заселить полуконтинентальные территории Папуа-Меланезии, не вызывал особых споров среди ученых, хотя археология показывает, что человек начал осваивать эти острова чрезвычайно давно. Не вызывало сомнения, что темнокожее негроидное население Папуа-Меланезии, подобно аборигенам Австралии и Тасмании, могло прийти чуть ли не пешком из Южной Азии и Индонезии в геологический период, когда эти кучные участки суши разделялись еще меньшими водными пространствами, чем в наши дни. Если исключить, пожалуй, Фиджи, здесь не было никаких мореходных проблем.

Вопрос о том, как Микронезия в гораздо более поздние времена была заселена примитивными племенами, мало заботил ученых, которые довольствуются наблюдением, что микронезийские племена, судя по всему, представляют собой смесь некоего неопознанного народа с последующими пришельцами из Меланезии на юге и Полинезии на востоке. Ветры и течения благоприятствуют дрейфам из названных соседних областей.

А вот вопрос о заселении Полинезии вызвал больше споров, чем любая другая загадка в истории антропологических наук. Множество взаимно исключаящих гипотез выдвинуто учеными разных областей, еще больше — псевдоучеными и популяризаторами. Во всех этих гипотезах видим лишь два общих основных положения: Полинезия — последняя заселенная человеком обширная область земного шара, и выходцы из Азии сыграли ведущую роль в постепенном освоении всего тихоокеанского полушария, включая далекую Полинезию. Одновременно все исследователи искали и предлагали свои варианты маршрутов из Азии, в обход 6500-километрового расового и культурного буфера Микронезии и Папуа-Меланезии или через него,

которые могли использовать полинезийцы при заселении уединенных островов за этими областями.

Предлагаемый здесь миграционный путь из Азии в Полинезию впервые был намечен мной еще в 1941 г. в статье о происхождении полинезийцев, опубликованной в «International science» (Нью-Йорк). Из-за второй мировой войны эта публикация не привлекла внимания, а когда я в 1946 г. вернулся в Америку, чтобы годом позже выйти из Перу на бальсовом плоту «Кон-Тики», азиатский компонент гипотезы был оттеснен на второй план из-за повышенного внимания к самому плаванью и неожиданно острого интереса широкой публики, которая узнала об экспедиции из книги и фильма. Повсеместно ученые и популяризаторы обвиняли меня в том, что я пренебрегаю Азией и пытаюсь доказать, будто Южная Америка — единственный источник населения Полинезии. В опубликованной в 1952 г. монографии «Американские индейцы в Тихом океане» я еще раз попытался исправить широко распространенное недоразумение, всецело посвятив первые 178 страниц разбору наиболее благоприятных путей для азиатского компонента в, несомненно, смешанном населении полинезийских островов. В разделе «Новый Свет — трамплин для маори-полинезийцев: новый путь, но не новый источник» содержалось такое объяснение:

«Я отнюдь не намерен отрицать, что у полинезийцев в известной степени есть дальние родичи среди малайских народов. Сомневаюсь только, чтобы прямые предки полинезийцев обитали на островах Малайского архипелага. Мне непонятно, почему, обсуждая малайско-полинезийский вопрос, мы всегда должны рассматривать полинезийцев как пришельцев в Полинезии, а малайцев — как стационарных жителей Малайского архипелага. Хорошо известно, что малайцы не автохтоны в этом архипелаге, они пришли туда с континента. А потому весьма возможно, даже очень вероятно, что нынешние малайцы в той же мере, что и полинезийцы, основательно перемещались за века, минувшие с тех пор, как соприкасались их предки. В таком случае ни Малайский архипелаг, ни полинезийские острова нельзя считать географической областью, где сливаются генеалогические линии этих двух народов. Происхождение малайцев, как и полинезийцев, восходит в континентальной Азии. Не Малайский архипелаг, а малайский

народ обнаруживает рудиментарные следы древнего контакта с палеополинезийским племенем.

Предки полинезийцев покинули приморье Восточной Азии на неолитической стадии, до того как в этой области сложилась высокоразвитая цивилизация. Это же относится к малайцам и ко всем американским индейцам. Мы не погрешим против известных фактов и утвердившихся принципов полинезийской антропологии, если предположим, что предки полинезийцев, выйдя из Восточной Азии в свое долгое неолитическое странствие до Полинезии, не обязательно плыли (медленно или быстро) через воды Микронезии, а следовали вдоль азиатского побережья или по направленному на восток течению Курисио — от материка Юго-Восточной Азии (или даже с Филиппинских островов) до временной обители в более высоких широтах Тихого океана, откуда и начали заключительный этап» (Heyerdahl, 1952[148]).

О предложенном тогда маршруте из Юго-Восточной Азии и пойдет речь в этой главе; он составлял главное содержание доклада «Морские пути в Полинезию», прочитанного в музее Пенсильванского университета в апреле 1961 г. и затем опубликованного в музейном бюллетене. Этот же маршрут из Азии был темой доклада «Примитивное мореходство», представленного XIII Тихоокеанскому конгрессу в Ванкувере (Британская Колумбия) в августе 1975 г. и позднее опубликованного в трудах конгресса, а затем и в «Научно-футурологическом ежегоднике Британской энциклопедии» за 1976 г. Нижеследующая глава составлена из двух названных публикаций.

Двести лет назад было принято мнение, что полинезийские племена уединенных островов на востоке Тихого океана — американские индейцы, которых, как и всех первых в этих краях европейцев, доставили туда господствующие восточные ветры и течения. Мы видели, что 500 лет, от времен Марко Поло до путешествий капитана Кука, ни одно европейское судно не могло пробиться в какую-либо часть Полинезии из Азии или из колоний в Малайском архипелаге. Все без исключения плавания в полинезийские воды совершались от Америки в сторону Азии, а чтобы вернуться из Азии, надо было от Малайского архипелага идти вдоль Японии до высоких широт между Алеутскими и Гавайскими островами.

Странствуя в Тихом океане, капитан Кук первым обнаружил, что некоторые полинезийские слова родственны словам, обозначающим аналогичные понятия в малайских языках. Одновременно Кук, подобно его современникам Ванкуверу и Диксону, отметил в физическом облике и культуре жителей полинезийских островов примечательные черты сходства не с малайцами, а с индейцами, населяющими континентальный архипелаг у побережья Северо-Западной Америки. Исследователи XVIII в. заинтересовались заморскими связями трех островных народов, живущих в разных областях одного и того же океана. В XIX в. этнологи установили, что не одни лишь неясные лингвистические свидетельства связывают Полинезию со Старым Светом: полинезийцы разводили кур, свиней, выращивали хлебное дерево, банан, сахарный тростник, ямс, таро, они пользовались лодками с аутриггером — все это бесспорные элементы азиатской культуры.

Общепринятая точка зрения изменилась. Теперь казалось, что этнографически проблема происхождения полинезийцев решается просто: достаточно найти район Малайского архипелага, откуда предки полинезийцев шли от острова к острову до своей нынешней обители. Гипотеза «от острова к острову» получила широкую поддержку кабинетных исследователей, знакомых с огромным тихоокеанским полушарием лишь по испещренным островами картам, на которых неизбежно преувеличенные пятнышки и крупные названия образуют сплошной ковер от Малайского архипелага почти до острова Пасхи. Людей, воочию изведавших водные просторы этой половины земного шара, было не так-то легко убедить. Географы указывали на обстоятельство, рассмотренное выше, в главе 2: острова Тихого океана расположены на пути постоянно движущихся стихий, диктовавших всем первым европейским мореплавателям маршруты в этой области. Географы понимали также, что маленькие листы бумаги — карты, на которых они размещали всю информацию о тихоокеанском полушарии, неизбежно будут вводить в заблуждение и питать гипотезы о продвижении от острова к острову. В своем труде «География Тихого океана» Грегори предусмотрительно подчеркивает: «Однако океанические острова не создавали благоприятных условий для миграции. Они вовсе не обозначают какие-либо маршруты. Острова эти малы, неравномерно разбросаны на большом удалении друг от друга, и

требовались исключительные обстоятельства, чтобы растения и люди могли на них попасть» (Gregory, 1927[129]).

Затруднения этнологов, поддерживавших гипотезу «от острова к острову», еще более усугубились, когда археологи не смогли найти никаких следов пребывания полинезийцев в Малайском архипелаге и других районах на западе Тихого океана, откуда те будто бы вышли, а специалисты по физической антропологии принялись искать западнее малайской обители народ, чье телосложение и облик лучше отвечали бы характеристикам высоких полинезийцев с их четко очерченными лицами, нежели физические особенности низкорослых плосколицых малайцев. Так в конце XIX в. родилась полинезийская проблема, и представители разных областей науки принялись спорить, выдвигая противоречивые догадки и гипотезы. Чуть ли не каждую страну на материках за Индонезией, от Китая и Индокитая до Индии, Двуречья и Египта, даже до Скандинавии, совершенно серьезно называли возможной родиной предков полинезийского народа. Проблема еще более осложнялась тем, что большинство исследователей видели в Полинезии следы повторных миграций и эта область представлялась им, так сказать, расовым и культурным тиглем.

Сто лет филологических исследований подтвердили основательность лингвистических данных, однако никуда не привели. Давно обнаружено, что по структуре полинезийский и малайский языки сильно отличаются друг от друга и что менее одного процента лексики этих двух народов восходит к близким или тождественным корням, причем в полинезийском языке нет ни подлинно малайских, ни рано проникших на Малайский архипелаг санскритских слов. К тому же реалии предположительного корневого родства с Полинезией распределены в рамках Малайского архипелага настолько редко и беспорядочно, что ни один конкретный остров не годится на роль места предположительного племенного контакта. В итоге сложились две различные лингвистические школы. Одни стали искать общий малайско-полинезийский праязык в пределах континентальной Азии, откуда могли независимо выйти малайцы и индонезийцы; ведь за много веков островной изоляции эти два народа могли сохранить больше от некогда общего праязыка, чем их родичи, оставшиеся на материке, где они были гораздо сильнее подвержены завоеваниям, а также расовым и языковым примесам. Другие предположили, что полинезийский язык

вообще складывался не в Азии и не на Малайском архипелаге, а в Океании, где-то на соседствующих с нынешней Полинезией архипелагах. Дескать, отсюда полинезийцы, носители общего языка, распространились по всем отдельным островам и островным группам, разбросанным по Восточной части Тихого океана; из того же эволюционного центра в Океании какие-то реалии проникли в противоположном направлении, в область малайцев. Словом, лингвисты приблизили нас к решению сложной проблемы не больше, чем обе существующие противоположные гипотезы, которые вместе противостоят тем, кто ищет исконную родину полинезийцев в Малайском архипелаге.

Хотя язык, таким образом, не может служить надежным ключом, есть другие пути преодоления тупика в малайско-полинезийской проблеме. Физическую антропологию принято считать более надежным указателем расового родства, чем лингвистику, поскольку лексика не обусловлена так сильно в своем распространении родственными связями. Полвека назад видный американский специалист по физической антропологии Салливен провел первое систематическое сопоставление соматологии полинезийцев и малайцев. Он установил, что эти два физических типа заметно различаются по степени пигментации, волосатости тела и лица, толщине губ, рисунку глаз, и объявил индонезийца антиподом полинезийца, если говорить о росте, форме головы, лица и носа. По Салли вену, тесное физическое родство исключалось, поскольку налицо «заметное расхождение чуть ли не всех изученных черт» (Sullivan, 1922[301]).

Никто из специалистов по физической антропологии не оспаривал впоследствии этих наблюдений, напротив, они подтверждены недавними исследованиями групп крови. Сотрудники серологической лаборатории в Мельбурне (Австралия), в частности Симмонс, Грейдон и их ассистенты, тщательно изучили распространение групп крови в Тихоокеанской области и установили, что полинезийцы по этому признаку заметно отличаются от всех народов Юго-Восточной Азии и западной части Тихого океана. Доминантные факторы вроде *B*, которые, согласно закону Моргана о наследственности *, не могут совершенно исчезнуть в семье, где они отмечены, полностью отсутствуют среди всех чистокровных полинезийских племен, хотя мировой максимум их приходится на Юго-Восточную Азию, включая Индонезию, Меланезию

и Микронезию. Изучение систем антигенов *ABO*, *MNS*, *Rh*, *P*, *Le^a*, *Fy^a* и *K* выявило отчетливо выраженную грань, отделяющую полинезийцев от всех их соседей на западе, и явное сходство с типами крови американских индейцев (Simmons et al., 1955[281]).

Поскольку полинезийцы в силу кровногенетических факторов не могли быть потомками нынешнего населения Юго-Восточной Азии и характер их крови не мог измениться путем смешения с занимающими промежуточное положение островитянами Меланезии и Микронезии, возникла новая дилемма. До тех пор преобладало мнение, что предки полинезийцев прошли от острова к острову через 6500-километровую буферную меланезийско-микронезийскую территорию так быстро, что не успели утратить светлую кожу и европеоидные признаки при смешении с народами, отличающимися еще более темной кожей и негроидностью, чем малайцы. Но состав крови исключал вероятность столь быстрого прохождения, ведь фундаментальное вытеснение индонезийских признаков полинезийскими потребовало бы больше времени. И наиболее ревностные сторонники миграции из Индонезии на восток теперь предложили прямо противоположный вариант: дескать, предки полинезийцев проходили через Микронезию так медленно, что по пути факторы крови и другие физические характеристики вполне могли измениться в ходе «микроэволюции». По этой гипотезе, небольшое число мужчин и женщин, почему-то не обладавших доминантным фактором *B*, расстались где-то в Азии со своими родичами, имеющими этот антиген, и заселили необитаемый атолл в Микронезии. Далее, только те их потомки, которые также не обладали фактором *B*, продвинулись на следующий остров. Если всякий раз отделялась малочисленная группа таких людей, оставляя позади родичей с фактором *B*, «микроэволюция» избранных индивидуумов могла в конечном счете привести к тому, что заключительный отряд переселенцев достиг Полинезии и распространился по ее островам, почти совсем лишенным фактора *B*, столь характерного для их предков в Юго-Восточной Азии.

У этого предположения много слабых мест. Во-первых, мы не наблюдаем постепенного уменьшения повторяемости антигена *B*, продвигаясь с запада на восток через область Микронезии или Меланезии. Фактор *B* исчезает в том месте, где кончаются эти острова и начинается Полинезия. Во-вторых, очень уж мала вероятность, что

только супруги без антигена *B* всякий раз отплывали на восток в неведомые дали, и уж вовсе исключено, чтобы одновременно происходила такая же «микроэволюция» систем *MNS*, *Rh* и прочих, а также черт физического облика, присущих полинезийцам и столь заметно отличающих их от народов западной части Тихого океана.

Обратившись к сомнительным предположениям о длительном пребывании полинезийцев в Микронезии или Меланезии, мы возвращаемся к исходной точке всех проблем; к тому же мы наталкиваемся на археологические препятствия. Микронезийские атоллы очень малы по площади, сухой коралловый грунт ничего не скрывает, и, однако, здесь не найдено никаких следов пребывания полинезийцев. Исключение составляют юго-восточные атоллы Капингамаранги и Нукуоро, однако лингвисты и этнологи установили, что эти острова были заселены подлинными полинезийцами, приплывшими сравнительно недавно по ветру с Самоа. Не обнаружив каких-либо признаков прохождения полинезийцев через Микронезию, некоторые исследователи отвергли вариант с этими голыми атоллами в пользу больших, покрытых лесом, гористых островов Меланезии. Но о какой долговременной полинезийской «микроэволюции» можно говорить, когда речь идет о протянувшейся на 6500 км враждебной территории, издревле густо населенной негроидами!

Следы недавних полинезийских колоний отмечены на восточных берегах ряда островов Меланезии, а также на восточном мысу Новой Гвинеи, но эти поселения, как и два названных микронезийских очага, также, как установлено, возникли в результате плаваний по ветру из районов Самоа или Тонга в самой Полинезии (Murdock, 1949; Те Ранги Хироа, 1959[232, 6]).

Питер Бак (он же Те Ранги Хироа), наиболее видный сторонник гипотезы о миграции из Малайского архипелага на восток, решительно не признавал меланезийский маршрут и писал: «Веским аргументом в пользу микронезийского пути являются те самые соображения, которые говорят против пути через Меланезию» (Те Ранги Хироа, 1959[6]). Других аргументов в пользу микронезийского пути у него не нашлось, причем, отвергая меланезийский маршрут, он отверг также долго ценимые флористические доводы в пользу малайской родины полинезийцев. На сухом, песчаном грунте микронезийских атоллов росли только кокосовая пальма и таро, известные также в аборигенной

Америке, тогда как другие, более влаголюбивые пищевые культуры Океании здесь совершенно отсутствовали. Бак вполне отдавал себе отчет в этом пробеле и сделал вывод:

«Микронезийский путь, следовательно, не годился для растений... хотя полинезийцы и прибыли в Центральную Полинезию микронезийским путем, такие важные пищевые культуры, как хлебное дерево, банан, ямс и менее грубое таро, были сначала завезены из Индонезии на Новую Гвинею и затем распространены меланезийцами вплоть до их крайнего восточного форпоста — Фиджи».

Заслуга Бака в том, что он показал: названные пищевые культуры не были доставлены первоначальными полинезийскими переселенцами, а приобретены путем пограничных связей между Полинезией и Меланезией, после того как между Самоа — Тонга на полинезийской стороне и Фиджи на краю Меланезии надолго установились хорошо известные торговые отношения. Так же решил Бак вопрос о домашних животных, которых многие почитали свидетельством индонезийского происхождения полинезийцев: «В старину коралловые атоллы представляли собой барьер, препятствовавший распространению домашних животных. Они, по всей вероятности, были перевезены по меланезийскому пути и перешли на Самоа с островов Фиджи».

Более того, Бак указывает, что в самоанском предании прямо говорится: предки островитян не знали свиньи, впервые они увидели ее, когда один самоанец побывал на Фиджи и привез оттуда поросят. Бак утверждает:

«Значение острова Фиджи как торгового центра нельзя переоценить. Западный треугольник Самоа — Тонга — Фиджи стал важным районом обмена и диффузии... Изменения в области культуры, которые произошли в западном треугольнике, первоначально были вызваны торговлей и обменом пищевыми культурами и домашними животными... растения и животные были перевезены в Центральную Полинезию, однако фиджийские обычаи укоренились только на западных островах» (там же).

Животные, о которых идет речь, — свинья и курица. Далее мы увидим, что третье, и последнее, полинезийское домашнее животное — собака осталась неизвестной в Меланезии и Микронезии, зато она сходна с древними американскими породами. Тем примечательнее, что

маори Новой Зеландии собаку знали, а свиней и кур нет. Мы увидим также, что собака упоминается в древнейших преданиях и мифах, но о курице и свинье в племенных легендах маори почему-то не говорится ни слова. Впрочем, это объяснить нетрудно. Изучение генеалогий показывает, что новозеландские маори прибыли из Восточной Полинезии в начале нашего тысячелетия и после ограниченного периода тесных контактов с островами на северо-востоке полностью обособились от остальной Полинезии и не воспринимали никаких импульсов из внешнего мира вплоть до прибытия Тасмана в 1642 г. Оттого-то пищевые культуры, куры и свиньи, которые в пору торговой и мореплавательской активности в Центральной Полинезии распространились от Фиджи, не дошли до племен изолированной Новой Зеландии. Эти племена во всех смыслах оставались наиболее чистыми представителями исконно полинезийских родов. Чрезвычайно важно помнить, что межостровная диффузия, влиявшая на полинезийскую культуру в последние столетия перед приходом европейцев, не затронула маори. А потому не менее важно учитывать, что даже такое полезное и нужное изобретение, как аутриггер, не дошло ни до маори, ни до их соседей — мориори на островах Сан-Кристоваль (Чатем), хотя вместе с другими фиджийскими достижениями распространилось почти на всех остальных островах Полинезии.

Перед лицом прямых свидетельств, что полинезийцы первоначально прибыли на свои острова без растений и животных Старого Света, не зная даже двойного и одинарного аутриггера, мы не только лишаемся последних аргументов в пользу гипотезы о движении из Малайского архипелага на восток, но и должны искать совсем другой район, откуда маори-полинезийцы могли попасть в Восточную Полинезию, будучи незнакомыми с аутриггером — самым необходимым для мореплавателя азиатским изобретением. По всему Малайскому архипелагу, от Суматры и Филиппин до ближайшей к ним оконечности Новой Гвинеи, малайцы и индонезийцы издревле применяли *двойной* аутриггер — другими словами, прикрепляли к своим лодкам для устойчивости плавучие балансиры с обеих сторон. Микронезийцы и меланезийцы применяли *одинарный* аутриггер, поэтому микронезийцы даже строили асимметричные челны. Когда полинезийцы научились оснащать свои *симметричные* каноэ одним

балансиром, они следовали не микронезийскому, а фиджийскому образцу. Иначе говоря, ни индонезийский, ни микронезийский тип лодки с аутриггером не дошел до восточной части Тихого океана. Гипотеза о миграции из Индонезии, обусловившей заселение Новой Зеландии и прочих островов в период, согласующийся с известными данными о расселении полинезийцев, наталкивается и на другие препятствия. В частности, исследователи указывают, что распространившиеся по своим островам в нынешнем тысячелетии полинезийцы представляли культуру каменного века, однако на Филиппинах знали не только бронзу, но и железо уже ко II в. до н. э., а вскоре после того и по всей Индонезии.

Крисчен, кроме того, обратил внимание на отсутствие колеса в Полинезии, хотя в Индонезии оно было известно так же рано, как и железо (Christian, 1910[65]). Некогда отсутствие колеса в древней Америке служило главным аргументом против контактов со Старым Светом; почему этот же аргумент не был признан для Полинезии?

Петри в своем труде о денежных системах Тихоокеанской области показывает, что для неолита Юго-Восточной Азии характерно применение камней и раковин как платежного средства и эта система распространилась повсеместно в Индонезии, Микронезии и Меланезии. Его поражало неожиданно полное отсутствие какой-либо денежной системы в Полинезии; за неимением других объяснений он писал о возможном «культурном регрессе» (Petri, 1936[245]).

Продолжая исследования своего коллеги Зееманна, ботаник Кук заявил, что незнание аборигенами Полинезии алкоголя говорит о том, что эти островитяне не могли быть выходцами из какой-либо части малайской области, «потому что переселенцы из Азии, несомненно, владели бы азиатским приемом подсочки пальм для получения из сока сахара и напитка. Подобные факты склоняют к выводу, что земледельческие навыки исконных обитателей островов Тихого океана не связаны с азиатскими источниками... коль скоро полинезийцы не знали употребления пальмового сока» (Cook, 1910–1912[80]).

Еще примечательнее, что аборигены Полинезии не только не знали алкоголя, им был не знаком обычай жевать бетель, присущий миллионам жителей Юго-Восточной Азии. А ведь это был чрезвычайно древний обычай на островах западной части Тихого океана, как подчеркивает Фридеричи; от Индии он через Малайский архипелаг

распространился до восточных рубежей Меланезии, а дальше вдруг исчез. Зато по всей Полинезии наблюдается ритуальное потребление *кавы*, приготавливаемой следующим образом: женщины пережевывают корни определенных растений, выплевывают жвачку в теплую воду, дают забродить и фильтруют, после чего напиток готов. По мнению Фридеричи, способ приготовления *кавы* сопряженные с ее потреблением ритуалы настолько схожи с древней процедурой в Южной Америке, что «явно говорят в пользу связей между этими двумя областями» (Friederici, 1929[118]). Первые европейские исследователи Тихого океана тоже отмечали это сходство; так, Мэренхут писал о полинезийской каве: «Американские индейцы приготавливают такой же напиток, только из других растений» (Moerenhout, 1837[223]). Браун ссылается на записки Броувера о путешествии в Чили в 1643 г., из коих следует, что здесь словом *кава* называли напиток, приготавливаемый женщинами, которые пережевывали определенный корень и выплевывали жвачку в сосуд с водой (Brown, 1924[46]). Характеризуя потребление полинезийцами *кавы* вместо алкоголя и бетеля, Браун заключает:

«Еще одна загадка — почему переселенцы, захватив с собой кокосовый орех, отказались от одного из его главных применений, предпочли гораздо менее крепкий и соблазнительный напиток кава в центральных областях Тихого океана, приготавливаемый из выплевываемой жвачки... Напиток этот родствен чиче на тихоокеанском побережье Южной Америки; на запад он распространился только до юго-восточной части Новой Гвинеи, где встретился с продвигавшимся на восток обычаем жевать бетель» (Brown, 1927[47]).

Итак, полинезийцы вместо принятого в Старом Свете обычая пить алкоголь и жевать бетель осуществляли ритуальное потребление *кавы*, совсем как в областях высокоразвитых американских культур, где аналогичный напиток у инков назывался *чича*; другие местные названия — *а'каи* или *акка* (Перу), *кавау* (Чили), *аба* (Колумбия) и *касава* (Бразилия).

Джонстон отметил, что способы толчения камнями в Полинезии «указывают на давнее отделение от Азиатского материка, до того как там стало обычным пользоваться ступой» (Johnston, 1921). Такой же вывод напрашивается, когда видишь, что по всей Полинезии не знали таких древних азиатских элементов материальной культуры, как арка в

каменных строениях, уключины, руль и деревянные гвозди при строительстве лодок. Отсутствие всех этих древних изобретений сближало полинезийцев с Новым Светом. С другой стороны, полное незнание также с гончарством и ткачеством ко времени прибытия европейцев настолько отличает полинезийцев от их соседей как на западе, так и на востоке, что для удовлетворительного решения полинезийской проблемы необходимо вполне объяснить историю этих примечательных и существенных черт маори-полинезийской культуры.

Обнаруженная европейцами полинезийская культура повсеместно основывалась на немногих и достаточно простых элементах: неолитический четырехгранный топор с наточенным краем и коленчатой рукояткой, каноэ, специфические рыболовные крючки, колотушка для луба, пест для *пои*, земляная печь, ритуальное потребление *кавы*. Поскольку речь идет о чертах панполинезийского распространения, все они, очевидно, присутствовали в той области, откуда пришли предки нынешних жителей полинезийского треугольника.

Общеполинезийский четырехгранный топор — существеннейшая черта полинезийской культуры и вместе с тем одна из ее наиболее противоречивых черт. Бейер первым отметил в 1948 г., что четырехгранники, сходные с полинезийскими, найдены в древних археологических слоях на севере Филиппин, а в других частях Малайского архипелага не встречены. «Но на Филиппинах, — пишет он, — эти топоры были в ходу между 1750 и 1240 годами до н. э.» (Beyer, 1948[35]). Спрашивается, как они могли попасть в Полинезию. В Меланезии четырехгранники неизвестны, сечение топора всегда цилиндрическое. Хейне-Гельдерн, тщетно пытаясь наметить маршрут через эту область, признает, что четырехгранный топор с наточенным краем не мог здесь оказаться ввиду «коренного различия между полинезийскими и меланезийскими формами» (Heine-Geldern, 1932[144]). Бак, также в поисках маршрута переселенцев, заключил, что полинезийские топоры не могли пройти через Микронезию по той простой причине, что на ее атоллах не было камня и микронезийцам приходилось делать все режущие орудия из раковин. Он писал, что полинезийские формы топора вообще не могли происходить из Юго-Восточной Азии, ведь на микронезийской территории, протянувшейся на 6500 км, не было сырья и полинезийцы, добравшись до своих

вулканических островов на востоке Тихого океана, были вынуждены сами изобретать свои топоры (Buck, 1949[55]).

Мы видели, однако, в главе 2, что есть другой вполне удобный морской маршрут из Юго-Восточной Азии в Полинезию — единственный путь, оказавшийся пригодным для первых в здешних водах европейских парусников. Этот маршрут совершенно минует микронезийско-меланезийскую буферную территорию; начинаясь от Филиппинского моря, он следует с течением Куроисио и западными ветрами к изобилующим островами прибрежным водам Северо-Западной Америки, где стихии дружно поворачивают и направляются к Гавайским островам. Стоит заменить Микронезию и Меланезию этой областью в роли промежуточной станции для азиатских мореплавателей, следующих в восточную часть Тихого океана, как мы тотчас находим трамплин для четырехгранного топора с наточенным краем, который был важнейшим орудием индейцев Северо-Запада вплоть до прибытия европейцев. Капитан Кук первым отметил, что эти племена пользовались такими же топорами, как жители Таити и других полинезийских островов (Cook, 1784[77]), а затем капитан Диксон записал, что топоры индейцев приморья, «сделанные из яшмы, такие же, как применяемые новозеландцами» (Dixon, 1789[94]). Капитан Якобсен подчеркивал: «Деревянная рукоятка и способ крепления к ней топора у полинезийцев те же самые, что у индейцев Северо-Запада» (Jacobsen, 1891[175]).

В XX в. специалисты подтвердили эти первые наблюдения. Холмс указывал, что четырехгранные топоры индейцев Северо-Запада похожи больше на океанические, чем на орудия других американских племен (Holmes, 1919[161]), а Олсон в своем исследовании северо-западного топора с коленчатой рукояткой писал: «Тот факт, что он присутствует в Полинезии почти в таком же виде, как в Америке, указывает на его древний возраст и внеамериканское происхождение» (Olson, 1927–1929[237]). Очень может быть, что четырехгранный топор с наточенным краем, характерный лишь для весьма раннего периода в Азии и на северных Филиппинах, много позже распространился в Полинезии, пройдя естественным морским путем через Северо-Западную Америку.

Как уже говорилось, Тихий океан образует полушарие, экватор — не прямая, и то, что на карте представляется кружным путем на севере,

на самом деле требует лишь малую часть усилия и времени, потребных для движения прямо на восток от Малайского архипелага. И если мы просто минуем чреватые проблемами области Микронезии и Полинезии, войдем в Полинезию через Гавайские острова, а не через Самоа, исчезают, как это получается с четырехгранным топором, не только перечисленные антропологические, но и все навигационные затруднения. Прежде всего, если острова у северо-западного побережья Америки послужили трамплином на пути из Азии в Полинезию, то физический тип полинезийца из проблемы превращается в логическое следствие. Мы видели, что щуплые обитатели Малайского архипелага относятся к самым малорослым в мире, тогда как полинезийцы стоят в ряду самых высоких. Индейцы материкового Северо-Запада несколько выше малайцев, зато хайда на островах Королевы Шарлотты и квакиютли на острове Ванкувер — одни из самых высокорослых на земном шаре. Цифры, приводимые Боасом (Boas, 1895[41]) для индейцев северо-западного побережья, и данные Шапиро (Shapiro, 1940[277]) о полинезийцах совпадают: для наиболее высокорослых племен средняя цифра превышает 170 см, причем в обеих областях нередко встречались аборигены ростом до 180 см.

Индонезийцы и их соседи — брахицефалы (короткоголовые), как и большинство американских индейцев. Однако на северо-западном побережье археологи часто находили черепа долихоцефалов (длинноголовых), и такие же черепа постоянно встречаются в ряду смешанных черепных форм Полинезии. По Хрдличке (Hrdlička, 1944[168]), средний черепной индекс индейцев северо-западного побережья для мужчин 81, 19, для женщин — 81, 4. Это достаточно близко к 81, 27, что, согласно Шапиро, составляет средний черепной индекс шести главных полинезийских групп, а именно гавайской, островов Общества, самоанской, тонганской, маркизской и новозеландской.

Присущие большинству полинезийцев европеоидные черты вызвали еще более фантастические догадки, чем высокий рост, так как светлая кожа, густая растительность на лице, часто мягкие и волнистые волосы, иногда разных оттенков каштанового цвета, тонкие губы и обычно тонкий орлиный нос сильно отличают их от жителей Малайского архипелага и еще сильнее от народов, населяющих промежуточные области. Почему-то, как подчеркивали все первые

европейские мореплаватели — Кук, Диксон, Ванкувер, у аборигенных обитателей островов Северо-Западной Америки кожа также намного светлее, чем у других представителей индоамериканской семьи. И для волос типичны те же немонголоидные особенности, что у полинезийцев: далеко не всегда они черные и жесткие, часто встречаются мягкие, нередко разных оттенков каштанового цвета. Еще одно наблюдение, поражавшее первых европейских посетителей: среди совершенно безбородых, как американские индейцы и индонезийцы, в северо-западном приморье встречались усачи и, как писал Кук, мужчины «с густой и широкой прямой бородой» (Cook, 1784[77]). Узкий, часто ярко выраженный орлиный нос, отличающий большинство полинезийцев от жителей Малайского архипелага с их широкими, плоскими носами, не менее обычная черта у индейцев северо-западного побережья, чем в других частях Нового Света, и то же можно сказать про тонкие губы и немонголоидные глаза — черты, которые опять-таки придают полинезийцам сходство с европеоидами. Капитан Ванкувер так писал о морских племенах центральной части северо-западного побережья до их смешения с европейцами: «Их выпуклые лица правильностью черт напоминают северных европейцев» (Vancouver, 1798[312]).

Учитывая совпадение черепных и лицевых характеристик, волосы, рост и телосложение, не удивимся, что столь хорошо знавшие племена Северо-Запада исследователи XIX в., как капитан Якобсен и профессор Хилл-Тут, с трудом отличали посетителей с полинезийских островов от местных аборигенов. Пораженный, по его словам, примечательным сходством хайда, квакиутлей и гавайцев, Якобсен писал: «Так, я однажды встретил на островке по соседству с Ванкувером гавайца, который обзавелся семьей на новом месте. Невозможно было отличить его от его детей и соседей...» (Jacobsen, 1891[175]). Хилл-Тут добавляет: «Мне встречались люди племени скамиш, которых я лишь с трудом отличал от самоанцев, возвращавшихся с Чикагской ярмарки и временно обитавших в селении скамишей» (Hill-Tout, 1898[159]). Мне самому довелось провести зиму 1939/40 г. в долине Белла-Кула на северо-западе Америки, после того как я год прожил среди полинезийцев Маркизского архипелага, и меня поражало, до чего некоторые чистокровные индейцы племени селиш похожи на моих полинезийских друзей на Таити и Маркизах.

В 1952 г., снова посетив обе области, я впервые собрал вместе все наличные данные о группах крови *ABO* *, чтобы показать, что полинезийцы, решительно отличающиеся от жителей Юго-Восточной Азии по кровногенетическим характеристикам, вполне могли быть выходцами из северо-западного угла Северной Америки. Мне доводилось в прошлом заниматься биологией, а в данном случае меня подтолкнуло опубликованное в 1946 г. Мэтсоном открытие, что у североамериканских индейцев черноногих и кроу повторяемость фактора Атакая же, как у исконных гавайцев (Matson, 1946[212]). Этим вопросом тотчас занялся специалист по серологии Тихоокеанской области Грейдон, который к моим наблюдениям добавил группы *MNi* *Rhi* и заключил, что серологические данные говорят в пользу американо-полинезийского родства, «причем вероятно, что острова Полинезии были преимущественно заселены выходцами из континентальной Америки» (Graydon, 1952[127]). В 1954 г. Муран свел воедино все накопленные к тому времени данные по группам крови и тоже заключил: «...генетическая конституция полинезийцев во многом может быть отнесена за счет американского, особенно северо-западного, происхождения...» (Mourant, 1954[230]). Подстегнутые этими наблюдениями, Симмонс, Грейдон, Семпл и Фрай провели полное исследование систем A_1A_2BO , *MNS*, *Rh*, *P*, Le^a , Fy^a и *Ki* и пришли к выводу, «что налицо тесное кровногенетическое родство между американскими индейцами и полинезийцами, но такого родства не обнаруживается при сравнении полинезийцев с меланезийцами, микронезийцами и индонезийцами, исключая в основном сопредельные районы прямого контакта» (Simmons et al., 1955[281]). Этот важный вывод был затем подтвержден в 1972 г. международной рабочей группой в составе Э. и А. Торсбю, Коломбани, Доссе и Фигероа (Thorsby et al., 1972[308]).

К сожалению, язык индейцев Северо-Запада, которых принято считать потомками кого-то из последних азиатских пришельцев в Америке, настолько изменился, что теперь невозможно сказать, каким он был первоначально. Близкие по физическому типу и культуре племена, хотя они и жили рядом друг с другом, говорят на языках, которые никак не кажутся родственными; кое-кто объясняет это, во-первых, смешением с континентальными племенами, во-вторых, местной практикой табу на отдельные слова. Несомненно, жесткая,

горловая речь северо-западного побережья, особенно континентальных жителей, резко отличается от мягкой, вокализованной речи полинезийцев. Было бы, однако, интересно, если бы кто-нибудь из современных лингвистов принял вызов, брошенный лингвистами прошлого столетия Кемпбеллом и Хилл-Туттом. Кемпбелл пришел к выводу, что язык хайда в центральной части северо-западного побережья вместе с полинезийским должен быть отнесен к океанийской группе (Campbell, 1897–1898[59]). А Хилл-Тут нашел столько структурального и лексического сходства в языках индейцев Северо-Запада и полинезийцев, что говорил о «цепи свидетельств общего происхождения, начисто исключающих случайность» (Hi 11-Tout, 1898[159]).

Индейцы северо-западного побережья жили на покрытых могучими лесами островах, разделенных проливами и отгороженных от внутренних областей Американского континента обрывами и дикими горами. Как указывал Годдард, «северо-западное побережье Америки крайне благоприятствует развитию культуры, почти всецело зависящей от лодок для транспорта и передвижения и от моря как поставщика пищи» (Goddard, 1924[122]). Народ, который в далеком неолитическом периоде вышел из Азии и заселил эти берега, был облагодетельствован мягким климатом, обусловленным постоянно омывающим здешние острова теплым течением из Филиппинского моря, так что можно было круглый год ходить босиком и в лубяных одеждах. Культура местных индейцев ко времени прихода европейцев во всем отвечала неолитической культуре рыбаков Полинезии, их непосредственных соседей в море на юго-западе.

Второе место по значению после общего для обеих областей специфического топора с коленчатой рукояткой занимает морское каноэ; оно особенно важно для изучения полинезийских миграций в восточной части Тихого океана. Долго соприкасавшийся в прошлом веке с обитателями северо-запада Америки Ниблак красочно писал: «Каноэ для северо-западного побережья — то же самое, что верблюд для пустыни. Для местного индейца оно значит столько же, сколько конь для араба. Оно — зеница его ока, предмет постоянного внимания и заботы. Оно достигло своего наивысшего развития у индейцев хайда на островах Королевы Шарлотты» (Niblack, 1888[234]).

В самом деле, некоторые здешние морские суда достигают 20 м в длину, 2 м в ширину, 1,5 м в глубину и вмещают до 100 человек (Dreyer, 1898). На таких больших каноэ хайда, квакиутли и индейцы долины Белла-Кула смело выходили в чрезвычайно бурное море между Ванкувером и островами Королевы Шарлотты. Уже в наши времена капитан Фосс прошел на каноэ северо-западного побережья от острова Ванкувер до Тонгаревы в Центральной Полинезии (Voss, 1926[313]).

Мы уже видели, что ни проа, ни характерная для Малайского архипелага лодка с двойным аутриггером не дошли до восточных островов Тихого океана. Полинезийцы прибывали на свои острова на больших симметричных каноэ — одинарных или двойных, соединенных поперечными жердями, что обеспечивает очень устойчивую, надежную конструкцию. Мы видели также, что неизвестный маори и мориори аутриггер был со временем освоен полинезийцами через соседей на Фиджи. За пределами Полинезии обычай выходить в открытый океан на двух соединенных вместе одинаковых лодках отмечен только у индейцев северо-западного побережья, а они, согласно Олсону, могли перенять этот прием у пользовавшихся менее совершенными лодками юкагигов и коряков Северо-Восточной Азии (Olson, 1927–1929[237]). Среди народов, плававших в Тихом океане на каноэ, самым удобным путем в Полинезию располагали моряки Северо-Запада. Браун говорит об их лодках: «...из всех примитивных судов они лучше всего приспособлены для трудностей океанского плавания и очень похожи на военные каноэ маори...» (Brown, 1927[46]).

Сходство северо-западных каноэ с большими лодками маори распространялось на размеры, принцип конструкции и орнаментации. Проявлялось оно и в отсутствии киля, руля, банок, уключин, шипов для соединения досок. В обеих областях наращивали нос, корму и — при надобности — борта сшиванием, вырезали и раскрашивали сложные носовые украшения, применяли также для украшения раковины «морское ухо». Совпадение усиливается общим для названных областей обычаем для дальних плаваний связывать две лодки борт к борту и накрывать одной дощатой палубой. На лодках маори и северо-западного побережья не было постоянной мачты; только при попутном ветре поднимали подобие плетеного паруса.

На Северо-Западе и в Новой Зеландии был отмечен своеобразный обычай: приставать к берегу полагалось кормой, ибо только небожители могли причаливать к суше носом (Best, 1925; Swanton, 1905[33, 304]).

Весла одинаковы в обеих областях, аналогичны и приемы маневрирования. Бэнкрофт пишет об индейцах северо-западного побережья: «Когда они отчаливают, один сидит на корме, правя веслом, другие попарно опускаются на колени на дно каноэ и, сидя на пятках, гребут веслами у ближайшего к ним борта. Таким способом они преспокойно преодолевают самую высокую волну и бесстрашно выходят в море при волнении, которого другие суда и моряки не выдержали бы ни одной минуты» (Bancroft, 1875[20]). А вот слова Беста о маори: «Команда военного каноэ опускается попарно на дно на колени, садится на пятки и работает веслами длиной от метра с четвертью до полутора метров; у рулевого на корме весло длиной 2 м 70 см. Военные каноэ скользят через бурные волны, словно морские птицы» (Best, 1925[33]).

Несомненно, большую роль для полинезийских мореплавателей, когда они осваивали острова, играли и три основных типа рыболовных крючков: составной со стержнем из камня или раковины и костяным острием, цельный из раковины или кости с загнутым внутрь острием, большой составной из дерева и кости для лова акул или руветы. Распространение этих разновидностей по всей Полинезии, отчасти в Микронезии и в прилегающих районах Меланезии говорит в пользу их внеокеанического происхождения. Поражает, что рыболовные крючки вообще не были известны на Малайском архипелаге и во всей Юго-Восточной Азии. Малайцы и их соседи никогда не ловили рыбу на лесу с крючком. В бассейне Тихого океана этот способ применялся лишь в Северной Азии, откуда через Аляску распространился на юг до Перу и Чили. Организованная Экхольмом и Хейне-Гельдерном в 1947 г. выставка в Американском музее естественной истории впервые показала, что два типа археологически известных рыболовных крючков тихоокеанского побережья Северной и Южной Америки полностью совпадают с полинезийскими: цельным из раковины с загнутым внутрь острием и составным из камня и костяного острия. Особенно примечательно совпадение чрезвычайно специализированного составного крючка: в основании сигаровидного каменного стержня есть

продольный желобок для крепления костяного острия, а заостренные концы опоясаны бороздами — вверху для крепления лесы, внизу для приманки из перьев. Широко распространенный в Орегоне, а также на южноамериканском побережье прямо на восток от Полинезии, этот тип недавно обнаружен археологами в мусорных кучах на территории индейцев Северо-Запада, причем образцы в музее на острове Ванкувер (Британская Колумбия) очень похожи на крючки из новозеландских раскопок. Если такие крючки, а также цельные из раковины или кости могли проникнуть в Океанию из Северной или Южной Америки, то большой составной крючок с загнутым внутрь под острым углом костяным острием на деревянном стержне известен за пределами Полинезии только у индейцев Северо-Запада, которые ловят на него палтуса. И тут сходство настолько велико, что Гаджер включил северо-западные образцы в свой труд о крючках Океании именно из-за «примечательного совпадения материала и конструкции» (Gudger, 1927[132]).

Еще одна характерная черта общеполинезийской культуры — рифленая колотушка для *тапы* (материи из луба), сделанная из дерева или китовой кости. Это примитивное орудие — прямой результат отсутствия в Полинезии ткацкого станка и подлинного ткачества. Ткацкий станок издревле известен по обе стороны Тихого океана, особенно среди народов с развитой мореходной культурой. Колотушка тоже была широко распространена по обе стороны, но только среди отсталых или изолированных племен, не выходивших в море. Исключение составляет северо-западное побережье Америки, здесь племена приморья не знали ткацкого станка до прибытия европейцев и, подобно полинезийцам, пользовались рифленой колотушкой из дерева или китовой кости, выколачивая ею луб подходящих древесных пород. Колотушки из китовой кости найдены при раскопках в мусорных кучах Северо-Запада, и сходство их с костяными колотушками Полинезии поразительно. Луб бумажной шелковицы и хлебного дерева, полученных полинезийцами с Фиджи, позволял изготавливать волокнистую материю выколачиванием и валянием крест-накрест, но у маори и мориори далеко на юге таких деревьев не было, они вынуждены были сплести пальцами отбитое растительное волокно, полученное из луба местных деревьев, совсем как это делали племена северо-западного побережья. Эта параллель также была впервые

подмечена капитаном Куком, когда он посетил острова Северо-Запада: «В большинстве домов мы видели женщин за работой, они делали одежду из упомянутого выше растения или коры — делали точно так же, как изготавливают свою одежду новозеландцы» (Cook, 1784[77]). Капитан Якобсен писал о готовом продукте: «Их предметы одежды почти тождественны одежде новозеландских маори как по форме, так и по материалу и способу изготовления. Сходство настолько велико, что некоторые покрывала из двух названных областей почти нельзя различить, когда повесишь их рядом» (Jacobsen, 1891[175]). В своей работе о Самоа Шойрманн указывает, что лубяные покрывала или циновки использовались для расчетов с местными плотниками. Он сообщает: «Эти циновки... самоанский символ благосостояния. У кого много хороших циновок, тот богач, у кого мало — бедняк» (Scheurmann, 1927[274]). Да и Петри в уже упомянутой работе о денежных системах Тихоокеанской области показывает, что полинезийцы заметно отличаются от своих западных соседей отсутствием платежных средств в виде камней и раковин, зато во всяких сделках таким средством в разных частях Полинезии служили циновки. Он пишет: «Многие авторы называют плетеные циновки своего рода деньгами полинезийцев» (Petri, 1936[245]). Нетрудно определить, откуда мог прийти этот своеобразный обычай. У индейцев Северо-Запада тоже не было *вампумаи* и иных денег, но Дрейер писал в конце прошлого века, что они рассчитывались с плотниками лубяными покрывалами (Dreyer, 1898[99]).

Кроме плетеных циновок на земляном полу в домах аборигенов Северо-Западной Америки и Полинезии не было никакой обстановки, да и утварь не отличалась разнообразием. Однако всякий работавший в Полинезии археолог знает столь важные в хозяйстве великолепно исполненные традиционные песты для *пои*, сделанные из твердого шлифованного камня. Вместе с каменными топорами и рыболовными крючками это общеполинезийское изделие чаще всего встречается при раскопках, и наряду с большими каменными рыболовными крючками острова Пасхи это орудие считают вершиной океанийского каменотесного искусства. Известны три специализированных типа: колоколовидный, с длинной и тонкой рукояткой, оканчивающейся маленьким диском или шишечкой (наиболее совершенные образцы найдены на Рапаити и Маркизских островах); Т-образный с

горизонтальной рукояткой и загнутыми вверх «ушками» (характерен для островов Общества); наконец, D-образный, который существует на Гавайских островах наряду с колоколовидным. Все эти три специфические формы были основным орудием для приготовления пищи также у индейцев Северозападного побережья; здесь тоже их сплошь и рядом находят при раскопках. Американские формы отличаются от полинезийских лишь плоским основанием; ими продукт растирали, а слегка выпуклыми полинезийскими пестами колотили. Однако Стоукс показал, что гавайские археологические образцы позволяют проследить эволюцию от пестов для сухого продукта до пестов для измельчения таро и плодов хлебного дерева с целью приготовления *pou* (Stokes, 1932[297]). Важное наблюдение, поскольку расположение Гавайских островов делает их естественным трамплином на пути от архипелагов Северо-Запада к тропическим островам, где выращивали таро и хлебное дерево.

Общеполинезийское пользование земляной печью связано с тем, что в Полинезии (поразительный факт) не знали гончарства. Гончарный круг был известен по всей Юго-Восточной Азии, включая Малайский архипелаг; в большей части Нового Света и в Меланезии с раннего неолита знали налепную керамику. Судя по тому, что археологи находили черепки налепной керамики и на восточной, и на западной окраине Полинезии, первые обитатели этой области, очевидно, владели техникой ее изготовления. И тот факт, что исторические и протоисторические племена на всех островах Полинезии вовсе не применяли керамики и не варили пищу, а пекли ее в обложенных камнем земляных печах, настолько примечателен, что требует объяснения, ведь в подходящей для гончарных изделий глине недостатка не было. Снова мы видим: в отличие от всех других народов на берегах Тихого океана, исключая огнеземельцев, индейцы северо-западного побережья тоже не знали гончарства. Вплоть до прибытия европейцев они пользовались точно такими же земляными печами, как полинезийцы. Одним из первых оценил значение этого своеобразного географического распространения земляной печи отважный исследователь Макмиллан Браун, который писал:

«...это одна из наиболее типичных черт полинезийской культуры, она следовала за полинезийцами повсюду. Родилась эта конструкция, вероятно, в мерзлой почве Севера с его суровыми зимами, и, поскольку

мы видим ее у жителей северо-западного побережья Америки, она может служить одним из свидетельств родства между ними и полинезийцами» (Brown, 1924[46]).

У племен маори видим мало характерных черт, которые нельзя назвать общеполинезийскими, да и то родственные следы находим по всей Полинезии. Чрезвычайно интересна изумительно сделанная традиционная короткая боевая палица из камня и китовой кости. Индейцы Северо-Запада, как и полинезийцы, знали столь распространенный среди их соседей лук со стрелами, но на войне им не пользовались, предпочитая рукопашные схватки с применением традиционного типа коротких палиц, дающих одинаковые шансы обеим сторонам. Великолепно выполненные, шлифованные палицы высоко ценятся коллекционерами со времен первых европейских плаваний в Тихом океане, и капитан Якобсен писал: «Среди оружия маори видим боевую палицу, которая прежде была общеупотребительной. Обычно ее делали из китовой кости, из нефрита или другого камня. Точно таким же оружием пользовались обитатели островов Ванкувер и Королевы Шарлотты. Сходство формы и размеров так очевидно, что даже великий путешественник капитан Кук был этим поражен, когда впервые увидел оружие маори, а затем — американских индейцев» (Jacobsen, 1891[175]).

Отталкиваясь от утверждения Ратцеля и других основоположников этнологии, которые отмечали почти полное тождество боевых палиц двух упомянутых районов, Имбеллони провел специальное исследование и пришел к выводу, что вряд ли можно считать случайным совпадением, если воины маори и Северо-Запада вырезали однотипные палицы из однотипного материала, а именно *пату онева* из камня и *пату параоа* из китовой кости. Он показал, что просверленное в тонкой рукоятке каменной палицы отверстие для ремня требовало от мастера такого умения и терпения, что независимая эволюция мало вероятна. Далее, он обратил внимание на то, что толстый конец костяных палиц обеих областей обычно украшен стилизованным профильным изображением птичьей головы, и отметил наличие на Северо-Западе таких специфических маорийских типов палицы, как *мере онева*, *мере поунамуи мити*. И он заключил: «...достаточно вспомнить топоры, песты, рыболовные крючки и т. п. Полинезии и

северо-западного побережья Америки, чтобы доказать перенос неотъемлемого наследства» (Imbelloni, 1928[172]).

Однако Имбеллони предположил, что палицы северо-западного побережья первоначально были созданы маори и попали на северо-запад Америки с Новой Зеландии. Специалисту по культуре маори Скиннеру не стоило труда опровергнуть эту гипотезу, показав, что в Новой Зеландии нет никаких стратиграфических свидетельств местной эволюции названных типов, а потому сам он считал, что маори восприняли их из некоего неопознанного источника в Азии (Skinner, 1931[282]). Недавние исследования выявили большую древность и ряд переходных форм в пределах Северо-Западной Америки, однако ни Имбеллони, ни Скиннер не подумали о том, что распространение могло идти в противоположном направлении.

В самом деле, удивительно, как это все занимавшиеся американо-океанийскими параллелями мыслили «донорами» только полинезийцев. Для нас очевидно, что главная проблема маори-полинезийцев — вопрос об их происхождении. Мы знаем также, что обитатели северо-западного приморья Северной Америки, как и жители Малайского архипелага, — потомки народов восточноазиатского приморья и что течение от их континентального архипелага в отличие от течений в области Микронезии устремляется прямо к Полинезии с такой мощностью, что гавайцы строили свои самые большие каноэ из огромных стволов, приплывших от северо-западного побережья. Далее, в 300–400 км от этого побережья вступают в силу северо-восточные пассаты, которые большую часть года дуют через всю Полинезию в сторону Новой Зеландии. И однако, подсознательно мы настолько пленены былой лингвистической гипотезой о происхождении полинезийцев от малайцев, что, найдя район, изобилующий полинезийскими параллелями, отвергаем их лишь потому, что Полинезия явно не могла быть их источником.

В статье «Контакты с Америкой через южную часть Тихого океана» видный этнолог Диксон подчеркивает, что сходство культур северо-западных индейцев и маори-полинезийцев стало очевидным с тех пор, как европейцы начали исследовать окружающие океан берега:

«Многие первые английские исследователи северо-западного побережья, например Кук и Ванкувер, прежде занимавшиеся Южными морями, были поражены при встрече с индейцами этой области

сходством некоторых черт их культуры с культурой новозеландских маори. Прочные дощатые дома с замысловатым резным и расписным орнаментом, крепости, искусно сплетенные плащи, короткие костяные и каменные палицы тотчас заставляли вспоминать аналогичные элементы у маори и родили предположения о возможном родстве между обоими народами» (Dixon, 1933[97]).

Не совсем ясно, почему эти суждения, встречаемые не только у Диксона, но и у других современных этнографов, неизменно подразумевали, что Океания была «донором», а не восприимчивым; ведь такой подход порождает лишь новые проблемы, не решая прежних. Конечно, полинезийцы, народ неизвестного происхождения, могли принести древним аборигенам северо-западного приморья Америки какие-то идеи и изделия, но не их же винить в том, что здесь не знали ткацкого станка и гончарства и не могли они повлиять на северо-западные племена так основательно, что физический облик, группы крови и все важнейшие стороны местной культуры уподобились маори-полинезийским категориям! По отношению к культуре племени Северо-Запада культура маори-полинезийцев выглядит скорее дочерней, чем материнской.

Последовательно сопоставляя племена квакиютль, хайда, сэлиш Северо-Западной Америки и маори-полинезийцев, мы увидим, что различия не выходят за рамки тех, которые наблюдаются от острова к острову внутри самих этих сопредельных областей. Перечень совпадений выходит далеко за грань того, что бросается в глаза с первого взгляда, но и то ранние исследователи подметили, а иногда и подчеркнули достаточно много.

Примечателен обычай маори устанавливать под открытым небом высокие деревянные столбы, изображающие фигуры, которые стоят на голове друг у друга. Полак видел у маори такие старинные столбы высотой до 10 м (Polack, 1838[250]). Подобное чередование фигур известно и на Таити. Налицо прямое повторение типичного для северо-запада Северной Америки обычая устанавливать вблизи своих селений так называемые тотемные столбы. В труде, посвященном тотемным столбам Северо-Запада, Барбо показывает, что характерные для этой области роскошные столбы последних десятилетий появились с введением европейского железного инструмента, а доевропейские образцы были скромнее, обычно ограничивались двумя фигурами, как

это было принято в Новой Зеландии. Он говорит даже об «ошеломляющем сходстве» с новозеландскими столбами, подкрепляя свои слова иллюстрациями крупных маорийских образцов в одном ряду с северо-западными (Barbeau, 1929[22]). В обеих областях резные столбы иногда украшали дома; узкий просвет между расставленными ногами нижней фигуры играл роль двери.

Одинаково выглядели в обеих областях тщательно построенные жилища: большие, просторные, в плане — прямоугольные. Стены и кровлю набирали из толстых широких досок. Опирающаяся на крепкие угловые столбы крыша нависала коньком над низкими боковыми стенами. Окон не было, дверь в передней стене делали маленькую, и саму стену охотно украшали резьбой или росписью. На земляном полу лежали плетеные циновки, другой обстановки не было. В селениях Северо-Запада такие дощатые дома достигали в длину 20 м; Бахманн описывает дощатый дом маори длиной 25 м, шириной 10 м и высотой под коньком 7 м (Dreyer, 1898; Bachmann, 1931[99, 15]). В больших домах и у маори, и у северо-западных индейцев можно было видеть внутри подпирающие кровлю резные столбы. Такие селения, обнесенные деревянным частоколом и окруженные группами старинных столбов, резко выделялись на фоне других селений Тихоокеанской области; в жарком климате остальной Полинезии островитяне предпочитали легкие постройки из крытых соломой жердей.

Сходен общественный строй в обеих областях; в отличие от всех других племен севернее Мексики у индейцев северо-западного приморья было три сословия: правящая верхушка, рядовые члены общины и рабы. То же видим у маори и у многих других полинезийских племен. Полинезийская община была патриархальной, тогда как на Малайском архипелаге и в Меланезии преобладал матриархат. На Северо-Западе наблюдались обе формы, но у квакиютлей центрального приморья господствовал патриархат. Сопоставляя общество двух областей, Ниблак заключал: «Политическая организация племени, форма землевладения и законы кровной мести одинаковы» (Niblack, 1888[234]).

Еще одна общая для обеих областей черта — наличие не только знахарей, но и *ареоии хамеце*, своеобразных религиозных обществ, нечто вроде странствующего объединения искусно татуированных

шаманов, которых повсюду принимали с великими почестями и гостеприимством, хотя они совершали жестокие, каннибальские ритуалы и устраивали необузданные оргии. После них и племенных вождей следующими по рангу в общинах были ораторы. Красноречие ценилось высоко, и речи произносились по всяким поводам. Оратор отлично знал местные предания; нередко он выступал перед народом с каким-нибудь знаком отличия вроде ритуального жезла. В своем труде об аборигенной культуре северо-западного приморья Дракер пишет:

«В связи с системой многостепенного, отчасти наследственного статуса повышается интерес к историческим преданиям. Генеалогии тщательно сохранялись в памяти, и ораторы в торжественных случаях перечисляли предков. Родовые предания, охватывавшие историю рода со времен древнейших предков, отнюдь не сводились к перечню имен и степеней родства; они повествовали о войнах и набегах, о переселении рода с одного места на другое. В них говорилось о действительно существовавших, давно оставленных селениях. Эти предания настолько реалистичны и внутренне последовательны и, главное, родовые генеалогии так хорошо согласуются с преданиями соседей, что ни один работавший в этой области этнограф не отрицал их исторической ценности» (Drucker, 1943[100]). То же самое вполне можно сказать о всех маори-полинезийских племенах. Живя в прошлом веке среди квакиютлей, населяющих северную часть острова Ванкувер и соседнее приморье, Доусон записал их главные племенные предания, вращающиеся вокруг странствующего культурного героя, к младшему брату которого вожди относят свое божественное происхождение:

«Имя этого героя, подобно другим словам их языка, звучит неодинаково в разных диалектах. Слыша его на севере Ванкувера и на западном побережье, я остановился на варианте „Кан-э-а-ке-лук“ как наиболее верном. В произношении людей клана навитти имя это больше похоже на „Кан-э-а-кве-а“».

Вместе с тем Доусон цитирует миф, где имя того же божества дано с другим суффиксом: Кāни-кē-лāk. Легенды о Кан-э заканчиваются тем, что он женился на «женщине с моря» и уплыл через океан, навсегда покинув круг смертных, так что «люди почитают солнце его воплощением».

«Тесная связь культурного героя Кан-[□]э-а-ке-луха с солнцем и раньше выражалась в относящихся к нему преданиях вместе с верой,

что вожди — или некоторые из них — состоят с ним в родстве как потомки его младшего брата. Несомненно, с этим связано и то, что солнце — на-ла — под именем Ки-а-кун-ā-э, что означает „наш вождь“, прежде обожествлялось и к нему обращали молитвы о добром здоровье и других благах» (Dawson, 1888[90]).

Боас в своей монографии «Предания квакиютлей» также указывает, что герой, именуемый им Кāнекелак или Кане-ке-лак, был старшим богом и божественным предком местного народа, но в конце концов удалился, объявив, что отправляется в более южные широты (Boas, 1935[42]). Достаточно продвинуться на юг до Гавайских островов, и мы, подобно Форнандеру, увидим, что племенные предания приписывают открытие этих островов мифическому «странствующему вождю», прибывшему с огромного острова или материка на севере, который называли не конкретным именем, а «утраченным домом Кане». Солнце — на языке квакиютлей *на-ла*, у гавайцев просто *ла* (в других полинезийских диалектах — *ра*) — на Гавайских островах называли также «местом упокоения Кане». Гавайцы видели в Кане своего старшего бога и прямого предка правящих родов, а квакиютли, как мы отметили, вели свое происхождение от младшего брата Кан-э. Записывая в прошлом веке гавайские предания, Форнандер отмечал:

«Вера в „Кане“ гавайских преданий, потускневшая от времени и последующих наслоений, остается тем не менее ценнейшим пережитком духовного склада, религиозных воззрений и исторических воспоминаний древних полинезийцев. Насколько я мог убедиться при своих расспросах, нигде больше в Полинезии она не сохранилась в такой полноте; вообще же ее следы встречались мне чуть ли не повсеместно, пусть в более или менее искаженном виде, и в этом случае я полагаю, что всеобщность предания среди столь далеко разбросанных племен доказывает его древность» (Fornander, 1878[114]). Одно из полных имен Кане на Гавайских островах — Кане Уакеа, то есть «Кане-свет» (Malo, 1898[209]), что тесно перекликается с называемым Доусоном Кан-э-а-кве-а квакиютлей.

Нет нужды подробно рассматривать другие верования и обычаи, в которых маори-полинезийские племена близки к своим северо-западным соседям, как-то: потирание носами в знак приветствия, пучок волос в мужской прическе, украшение волос перьями крупных птиц, уплощение черепа, татуировка, отсечение

пальцев, хождение по огню, боевое снаряжение, показ языка в знак неповиновения и изготовление оружия в виде стилизованной головы, где высунутый язык служит клинком, незнакомство со струнными музыкальными инструментами, главный мировой центр которых располагался между Индией и Малайским архипелагом, ударные инструменты и деревянная флейта в виде гротескного человеческого лица, испускающего звуки широко открытым ртом, система табу, погребальный обряд: в обеих областях предпочитали не зарывать покойника в землю, а класть его на возвышенную деревянную платформу, после чего высохшие останки завертывали в лубяные покрывала и помещали в сидячем скорченном положении в пещерах, на деревьях или в части челна (Heyerdahl, 1952[148]).

Казалось бы, северо-западный архипелаг во всем отвечает роли трамплина на пути из более древней обители в какой-то не опознанной еще области Юго-Восточной Азии и подходящего географически, антропологически, хронологически источника населения и культур на крайнем востоке Тихого океана. Однако это не так. Мы видели, что полинезийская проблема достаточно сложна и сами маори-полинезийские племена утверждали, что их предки застали на всех этих островах других людей. Как указывает Бак, «...предания утверждают, что прибывшие позже полинезийцы застали более древних обитателей на Гавайских островах, островах Кука и в Новой Зеландии... Пришельцы покорили предшественников, но не истребили их, а поглотили» (Buck, 1933[51]). В разных концах Полинезии генеалогические датировки, исходящие из продолжительности жизни одного поколения в 25 лет, свидетельствуют, что в зависимости от расположения различные острова заселялись нынешними маори-полинезийскими племенами в первые века нынешнего тысячелетия. Видный знаток полинезийских генеалогий Форнандер, всю жизнь посвятивший изучению истории местных племен, полагал, что 30 поколений назад, считая от конца прошлого столетия, «правлящая верхушка всех племен, так сказать, снова тронулась в путь». После этого на протяжении нескольких поколений родословные правителей прерываются и сменяются новыми: «Волна переселений захлестнула островной мир Тихого океана, увлекая в своем водовороте все основные племена и, вероятно, все мелкие». «Она оставила глубокие, неизгладимые следы. Она изменила древние обычаи, верования и образ

правления. Она повлияла даже на язык». Форнандер показывает, что на смену старым божествам пришли новые, изменились географические названия и, похоже, что в это время прекратилось строительство пирамидальных каменных платформ (Fornander, 1878[114]).

Сто с лишним лет назад собиравший племенные предания маори Шортленд писал: «Из этого авторитетного источника мы узнаем, что предки нынешнего народа пришли с далекого острова Гавайки, лежащего к северу или к северо-востоку от Новой Зеландии, либо с группы островов, один из которых носил это имя» (Shortland, 1856[280]). Такое же предание существовало на Таити, но там остров называли «Гавай'и», помещая его на севере. Легенда о пришествии предков из Гавайки или Гавай'и широко распространена в Центральной и Южной Полинезии, однако совсем отсутствует на Гавайских островах. Кроме Гавайи на северо-востоке Тихого океана только Савайи (острова Самоа) мог превратиться в Гавайки в маорийской речи. Предположение, что в преданиях подразумевается Савайи, высказывалось давно, поскольку его местоположение хорошо согласовывалось с гипотезой о расселении из малайской обители от острова к острову. Но в преданиях маори говорится о дальних плаваниях, которые их предки совершали между Гавайки и Самоа, и, кроме того, Раротонга в Центральной Полинезии фигурирует как промежуточная остановка на пути от Гавайки до Новой Зеландии, поэтому савайский вариант был отвергнут, и все современные исследователи согласны, что маори пришли не с Самоа, а откуда-то из Восточной Полинезии.

Нетрудно отождествить легендарный Гавайки маорийских преданий с Гавайскими островами, логическим географическим трамплином для мореплавателей из Северо-Западной Америки. Изучая ранние маорийские генеалогии, Форнандер сделал такое открытие:

«...в числе других важных имен, фигурирующих в преданиях до того, как маори покинули Гавайки, видим четыре, которые встречаются также в гавайской генеалогии Улу между именами *Аиканакаи Паумакуа*. В новозеландских легендах эта четверка выступает в роли вождей или *арики* Гавайки и сменяет друг друга в той же последовательности, что и в гавайской родословной. Вот эти имена с указанием гавайского произношения в скобках: *Хема*(Хема), *Тавхаки*(Кахаи), *Вахиероа*(Вахиелоа), *Рака*(Лака)».

Форнандер признает: «Вряд ли вероятно, что были два ряда вождей... с тождественными именами в одинаковой последовательности; за одним исключением, такое же тождество наблюдается для имени жен троих из них...» Он установил также, что у гавайцев сохранилось предание о местном вожде, который в давние времена покинул Гавайи, чтобы искать новую обитель в далеких краях; сравнивая это гавайское предание с воспоминаниями маори о событиях из жизни предков в Гавайки, он обнаруживает такое сходство, «что обе легенды, как это сразу видно, излагают две версии одного и того же события» (Fornander, 1878[114]).

Другой хорошо известный специалист по полинезийским генеалогиям, Перси Смит, обнаружил, что среди видных гавайских вождей, покинувших Гавайи между 1100 и 1200 гг. в поисках новой обители на юге, был некто Олопана, жену которого звали Лу'укана. «По известным правилам смены букв имена Олопаны и его жены на языке маори превратятся в Коропанга и Рукутия. Так вот, в маорийской истории мы находим Ту-те-Коропангу и его жену Рукутия, которые жили в Гавайки...» (Smith, 1910[291]).

Но если легендарный остров Гавайки и Гавайи племенных преданий маори и Центральной Полинезии — Гавайские острова, то северный угол великого полинезийского треугольника оказывается воротами, через которые проходили нынешние обитатели Полинезии. Мы уже видели, что Самоа на западе треугольника затем стали важным узлом контакта, воспринимая меланезийские достижения с Фиджи и направляя по ветру переселенцев в сопредельные части Микронезии и Меланезии. Третий угол, остров Пасхи, — одинокий восточный форпост на полпути к Южной Америке. Мы возвратимся к нему дальше в этой книге в поисках недостающего компонента смешанной полинезийской культуры, поскольку видели, что есть еще один, более мощный морской путь в восточную часть Тихого океана, который заслуживает наибольшего внимания в связи с постоянно возникающим аргументом о наличии субстрата некоего более древнего народа в Полинезии. Есть убедительные физико-антропологические и культурные свидетельства, позволяющие верить в настойчивые утверждения дорожащих своей историей островитян от Пасхи до Гавайских островов и Новой Зеландии, что другие люди уже обитали на этих островах, когда 30 поколений назад через Гавайки сюда пришли

предки нынешнего населения. Прежние жители и многие их верования и обычаи не столько искоренялись, сколько абсорбировались пришельцами. Они не были плотниками, мастерами резьбы по дереву и изготовления досок, как исторически известные маори-полинезийские племена и их северные соседи в лесистом приморье северо-западной части Северной Америки, зато это были искусные каменотесы, которые вырубали огромные глыбы на склонах гор, обтесывали и подгоняли камень для своих храмовых построек и монументов, подобно обитателям безлесных районов Андской области. Руками этих древних поселенцев созданы мегалитические сооружения и исполинские антропоморфные изваяния, воздвигнутые и потом заброшенные на ближайших к Южной Америке окраинных островах; это они интродуцировали употреблявшуюся в пищу маори-полинезийскую собаку, распространили в Полинезии выведенный человеком 26-хромосомный американский хлопчатник, и батат вместе с его южноамериканским названием *кумара*, и бутылочную тыкву, которую использовали в качестве сосуда, погремушки или поплавок для рыбацких сетей; интродуцировали также целый ряд других полезных американских растений, к которым мы вернемся в главе 9, в том числе важный пресноводный камыш тотора, применявшийся пасхальцами для вязания бунтовых лодок наподобие древнеперуанских и для кровли круглых каменных домов неполинезийского типа, опять-таки перекликающихся с южноамериканскими. По всей Полинезии находим мы элементы этого протополинезийского субстрата не обязательно в виде археологических остатков, очень часто в виде культурных черт, воспринятых новыми переселенцами и дошедших через века вплоть до исторических времен.

Могучий поток стихий от берегов Перу не обрывается в Полинезийском треугольнике, он проникает также в Меланезию, и многие черты на Фиджи и других окраинных островах этой области лучше всего объясняются иммиграцией по ветру из Южной Америки во времена первого заселения необитаемых тогда клочков суши. Сложное искусство трепанации черепа, известное в Азии только на Ближнем Востоке, — один из веских примеров; уже упомянутое ритуальное потребление *кавы* — еще одна черта, непрерывно присутствующая от Центральной и Южной Америки до западных рубежей Полинезии, где она вдруг сталкивается с продвигавшимся из Азии обычаем жевать

бетель. Праща как боевое оружие неизвестна на Малайском архипелаге, а в Южных морях описаны три специфических типа, в точности повторяющие перуанские. Мумификация не применялась на Малайском архипелаге, однако, невзирая на неблагоприятные климатические условия, попытки мумифицировать останки предпринимались в разных частях Полинезии, и процедура аналогична древнеперуанской. Искусно выполненные яркие головные уборы и плащи из перьев для знатных лиц, типичные для обширной области полинезийской культуры, не наблюдались на востоке Азии, включая Малайский архипелаг, зато они характерны для древней Америки, особенно для Мексики и Перу. Деревянные дощечки с бустрофедонными надписями (бустрофедон чередует строчки, написанные слева и справа налево) и полинезийские *кипона* — сложная мнемоническая система узелкового письма — не имеют близких параллелей на западе Тихого океана, зато такие параллели есть в Новом Свете. Поклонение богу-прародителю Тики, которому на большинстве полинезийских островов соответствует Кане, дальше на запад не известно, зато оно составляло основу доинкских верований Америки. Этот список может быть значительно расширен (см. главу 13).

Свидетельством культурного субстрата в Полинезии считают также, как уже говорилось, черепки керамики, найденные при раскопках как на Маркизских островах, так и на островах, сопредельных с Фиджи. На тех же Маркизах и вообще в Полинезии вплоть до Фиджи европейцы застали одичавший длинноволокнистый хлопчатник — очевидное свидетельство прошлой культивации народом, который умел и прясть и ткать. Гончарство и ткачество, как мы уже видели, теоретически могло попасть на эти острова в дополинезийские времена как из Старого, так и из Нового Света. В Юго-Восточной Азии и на Малайском архипелаге применяли гончарный круг, тогда как в Новом Свете керамическую посуду изготавливали кольцевым налепом стенок валиками. Полинезийские черепки, а также сосуды прилегающих островов Меланезии свидетельствуют об использовании здесь, как и в Америке, налепного способа, причем на Фиджи, где европейские коллекционеры еще застали целые образцы, специфические формы настолько похожи на древнеперуанские фигурные и гроздевидные сосуды, что их можно было бы принять за местные варианты, будь они раскопаны в

доинкском погребении в северном приморье Перу. ...Гончары, которые, не располагая гончарным кругом, лепили сосуды из валиков, и ткачи, которые изготавливали пряжу из 26-хромосомного американского хлопчатника, вполне могли приплыть на острова из Перу, но никак не из Малайского архипелага.

Подытожим. Полинезийская океанская область огромна, общая площадь суши мала, культура, несомненно смешанная в пределах треугольника, один угол которого вторгается в Меланезию, а два других расположены на пути океанских конвейеров, движущихся один со стороны Перу, другой — с Северо-Западной Америки. Древний культурный субстрат из Перу, наиболее типично представленный на востоке на острове Пасхи, обогащенный краинным контактом с Фиджи, сосредоточенный на западе на Самоа и перекрытый последующей маори-полинезийской миграцией через Гавайские острова на севере, — вот возможный ответ на часто предполагаемое тройное происхождение смешанной культуры восточной части Тихого океана. Можно сказать и так: с востока пришел американский батат, с запада — меланезийское хлебное дерево, а с севера пришли захватчики, собравшие урожай. Эти победители представляли в Полинезии азиатский элемент, потомков выходцев из Юго-Восточной Азии, они обошли и Микронезию, и Меланезию.

Глава 7

Инки указали европейцам путь в Полинезию

Во всем Тихом океане не было ни одного пригодного для обитания островка, который не был бы освоен человеком до прибытия европейцев. Тем не менее мы приписываем открытие каждого из них тому или иному европейскому мореплавателю. Дескать, испанец Альваро Менданья де Нейра открыл Маркизские острова в 1595 г., голландский адмирал Роггевен — остров Пасхи в 1722 г., английский капитан Кук — Гавайские острова в 1778 г. и т. д. На самом деле первые европейцы, узнавшие про обитаемые острова в Тихом океане, пользовались указаниями, которые они получили от аборигенов Перу.

Со времен конкисты у европейцев повелось смотреть на людей иной культуры чуть ли не как на животных, во всяком случае пока те не восприняли христианскую веру и не научились письму, которое мы сами получили из Азии. Переймут наши верования и обычаи — тогда они нам ровня, тогда они заслуживают защиты и признания их собственных открытий. При встрече с другими представителями человеческой расы в Новом Свете, а затем в Океании чувство превосходства белого человека, подкрепляемое его оружием, усугублялось смиренным поведением namного превосходивших его числом великодушных мужчин и женщин. Мы видели в главе 4, что от Мексики до Перу первых европейских гостей повсеместно принимали с благоговением и почестями, как возвратившихся посланцев белых бородатых предшественников, которые некогда облагодетельствовали местных жителей различными достижениями цивилизации. И такой же прием ожидал белого человека, когда он, руководствуясь указаниями инкских информантов, отправился к ближайшим островам в океане.

Видный специалист по древнеполинезийским легендам Перси Смит писал:

«Где бы мы ни встречались с этой расой, всюду видим прослойку светлокожих людей, которые не являются альбиносами, однако у них очень светлые волосы и белые лица. У маори такие люди прослеживаются подчас через многие поколения; иногда похоже, что перед нами реверсия к исходному типу, давшему начало этому

элементу. У маори есть даже предания о расе „богов“, именуемых пакепакеха, будто бы они всегда живут на море и кожа у них белая; оттого маори называли белых пакеха, когда впервые узнали нас в XVII в. ...Мы видим, таким образом, что в полинезийских преданиях сохранилось некое смутное воспоминание о белом, или светлокожем, народе. Пытаясь разобраться в происхождении этой версии, вполне естественно приписать ее контакту со светлокожей расой в незапамятные времена» (Smith, 1910[91]).

В своей статье «Полинезийская религия» Хэнди, долго проживший на Маркизских островах, писал, что местные жители верили в двух различных богов-прародителей — Тане, который, «по их словам, был „белый“ и светловолосый и считался праотцем „белых“ чужеземцев (хао'э), в отличие от Атеа, праотца самих маркизцев, такого же смуглого и темноволосого, как и они». Хэнди указывает, что на Мангаиа рыжевато-песчаные волосы приписывали другому полинезийскому богу — Тангароа (Тана Великий), отчего на этом острове людей капитана Кука приняли за светловолосых сынов Тангароа (Handy, 1927[139]). [\[11\]](#)

Лишь на таком историческом фоне можно понять, почему великие народы древней Америки и прилегающей области океана с такой готовностью покорялись европейским пришельцам, позволяя им выступать в роли суперменов и открывателей.

Настоящая глава основана на докладе, прочитанном в Барселоне в 1964 г. на XXXVI Международном конгрессе американистов и затем опубликованном в трудах конгресса.

19 ноября 1567 г. из гавани Кальяо в Перу вышла испанская экспедиция — 150 человек на двух каравеллах. Король Испании Филипп II повелел мореплавателям отыскать в Тихом океане еще не известные европейцам острова и обратить в христианскую веру их обитателей. Начальником экспедиции был назначен племянник вице-короля Альваро Менданья де Нейра; вместе с ним плыл знаменитый мореплаватель и хронист Сармьенто де Гамбоа, по инициативе которого было затеяно все дело. Проведя два года в Мексике и Гватемале, Сармьенто де Гамбоа в 1559 г. прибыл в Перу. Здесь он первые семь лет изучал аборигенную культуру и составил для Филиппа II важные записки по истории инков. Сармьенто настолько увлекся устными

преданиями инков, что вице-король Перу называл его «наиболее сведущим человеком в этой области, какого я нашел в стране» (Amherst, Lord and Thomson, 1901[12]), хотя именно он буквально подвел черту под историей инков, собственноручно выследив и схватив последнего инку, Тупака Амару. И тот же Сармьенто первым доложил о повторных утверждениях инков, что далеко в Тихом океане лежат обитаемые острова. Он настолько уверовал в истинность этой информации перуанцев, что в конце концов убедил правителя снарядить экспедицию, чтобы проверить древние навигационные указания индейцев.

Известно, что обе экспедиции Менданьи прошли успешно, однако мало кто задумывался над вкладом инков в успех испанцев. Может быть, это не так уж и удивительно, ведь обнаруженные экспедицией Соломоновы острова лежали не в том районе, о котором говорили инки, и нынешние исследователи полагали, что суда древних инков вообще не годились для океанских плаваний. Тем не менее в 1722 г., через полтора года после попытки Сармьенто последовать навигационным указаниям инков, голландский адмирал Роггевен нечаянно наткнулся на обитаемый остров как раз там, где его надлежало искать испанцам; правда, к тому времени, когда Роггевен открыл остров Пасхи, его современники давно забыли сообщения инков, сохранившиеся для будущих поколений только в записках Сармьенто и его спутников. Открытие Роггевена и установленный в наше время факт, что бальсовые плоты с инкскими *гуарамим* могут ходить в любую часть Тихого океана и возвращаться обратно, дают основание вернуться к предыстории экспедиций Менданьи, вновь обратиться к исконным инкским сообщениям и выяснить, почему Сармьенто верил в перуанские рассказы о дальних плаваниях в Тихом океане.

Испанцы общались с перуанскими аборигенами уже 40 лет, когда Сармьенто убедил свое правительство в реальности утверждений инков. В эти десятилетия, предшествовавшие полному крушению местной культуры, конкистадоры единодушно поражались размаху аборигенного мореходства. Естественно, внимание всех хронистов в основном привлекали важные центры в высокогорных районах, где были сосредоточены несметные богатства правящей инкской верхушки. Но до нас дошли исторические источники, подтверждающие также данные археологии о жизни многочисленного сословия отважных

рыбаков и торговцев, которые обитали в крупных поселениях вдоль открытого побережья и почти всецело зависели в своем хозяйстве от даров морского течения.

Сармьенто и его современники хорошо знали, что их соотечественники почти за год до первой высадки на перуанском побережье встречали далеко в море перуанские суда с инкскими командами. У северных берегов Эквадора с передовой каравеллы водоизмещением 40 т с десятью испанцами на борту заметили идущий встречным курсом бальсовый плот, который вез 30 т груза и около 20 перуанцев обоего пола. Испанцев поразили отменная оснастка и хлопчатобумажные паруса, подобные в действии их собственным (Sáamanos, 1526[268]). На пути к Перу каравелла Писарро обогнала еще пять торговых парусных плотов, а на подходе к Тумбесу испанцы увидели целую флотилию бальсовых плотов, направляющихся с инкским войском на остров Пуна, расположенный в 40 милях от берега.

Когда Сармьенто в 1559 г. сам попал в эти области, бальсовые плоты все еще использовали в торговле и транспорте вплоть до Центрального и Южного Перу, за три с лишним тысячи километров от всех бальсовых лесов. Жители долины Чикама ходили в расположенный в 800 км на севере Гуаякиль на бальсовых плотках с провиантом и другими грузами. На бальсовых плотках инки доставляли в разные области приморья гуано с островов Чинча, что лежат поблизости от Писко и Паракаса. Современники Сармьенто восхищались мореходным искусством аборигенов и качествами их своеобразных плотов. С большой похвалой отзывались они о стройных мачтах и реях, называли «превосходной» местную хлопчатобумажную парусину, говорили о веревках, что они «прочнее испанских» (Andagoya, 1541–1546[14]).

Вплоть до времен Сармьенто испанцы охотно использовали бальсовые плоты с инкской командой, потому что на плотках можно было пройти над отмелями и через прибой, где не было доступа европейским судам. Овьедо рассказывает, как во времена конкисты индейцы на парусных плотках перебросили через море на остров Пуна конный отряд Франсиско Писарро (Oviedo, 1535–1548[241]). Сарате записал, что до 50 солдат с тремя лошадьми грузились на один парусный бальсовый плот с особыми веслами, предоставляя управление плоту индейцам, «потому что индейцы сами превосходные

моряки» (Zárate, 1555[324]). Педро Писарро сообщал в 1571 г., что перуанцы столкнули его, Алонсо де Месу, капитана Сото и многих других видных конкистадоров с плотов прямо в волны сильного прибоя и они с великим трудом выбрались на берег, меж тем как искусные инкские моряки ушли в море (Pizarro, 1571[247]). Сиеса де Леон и Сарате писали, что индейцы прибрежных областей столько времени проводят в море, что сами уподобились рыбам; нередко они отделяли бревна от плотов, так что их менее привычные к морю враги проваливались в воду и тонули (Zárate, 1555; Cieza de Leon, 1553[324, 69]). Инка Гарсиласо сообщал, что этот коварный прием часто применялся в прошлом, когда жителей приморья заставляли перевозить по морю горных инков. Весело переключаясь, они обрезали веревки и сталкивали врага в воду, «потому что жители побережья, так много упражнявшиеся на море, имеют такое же преимущество над жителями материка как на воде, так и под водой, как морские животные над сухопутными» (Инка Гарсиласо де ла Вега, 1974[1]). Приморские жители каждый день выходили в море на своих больших плотках, а подчас отправлялись в плавание на целые недели со всей семьей и скарбом. Эти люди и еще более многочисленные владельцы малых камышовых судов добывали в коварном течении в 20–50 милях от берега столько даров моря, что даже горные инки получали свежую рыбу, доставляемую им за два дня сменяющимися друг друга гонцами *каска* (Cobo, 1653[72]).

Инка Гарсиласо показывает, что морское рыболовство и дальние перевозки и торговля составляли неотъемлемую часть хозяйственной системы инков, когда испанцы завоевали Перу (Инка Гарсиласо де ла Вега, 1974). Об этом, хотя бы вскользь, говорят все тогдашние хронисты, хотя основное их внимание сосредоточено на богатстве и могуществе владык высокогорья. По данным Сармьенто и его испанских современников, инкские моряки на бальсовых плотках выходили в неведомые дали так же смело, как европейцы на своих судах; это объясняет, почему конкистадоры охотно верили информации инков о морских предприятиях.

Приводя ниже записанные примеры слухов, преданий и исторических сведений, которые в XVI в. были в ходу в Перу, мы видим, что они вполне могли раздражить воображение такого моряка, как Сармьенто, и побудить его к действию. Ведущий знаток истории

инков, он заинтересовался тем, что устные предания изобилуют рассказами об убывающих и прибывающих бальсовых плотах, а то и о дальних плаваниях туда и обратно, совершаемых целыми флотилиями.

Важную роль в рассказах инков о морских путешествиях играет район порта Манта на крайнем севере Инкского государства (нынешний Эквадор). Отсюда будто бы ушел в Тихий океан их главный культурный герой Кон-Тики-Виракоча, и отсюда же впоследствии выходил со своим флотом искать острова в океане Инка Тупак Юпанки (он же Тупак Инка). Тем примечательнее, что Сармьенто и его товарищи избрали не этот северный район, а стартовали в Центральном Перу, направляясь еще дальше к югу.

Тупак Инка был дедом братьев-правителей, которых застали испанцы, и Сармьенто созвал 42 виднейших инкских историка, чтобы с их слов записать наиболее точную версию о его походе. Таким образом, Сармьенто отлично знал, что Тупак Инка начал плавание на севере. О захвате Тупаком северного побережья он писал в 1572 г., что тот «воевал на суше и сражался на море на *бальсас*от Тумбеса до Хуанапи, Хумао, Манты, Туруки и Кисина. Продвигаясь вперед, Инка захватил в приморье район Манты, и остров Пуна, и Тумбес, и в это время в Тумбес пришли с запада купцы на парусных *бальсас*». Сармьенто приводит историю о том, как эти купцы рассказали о виденных ими обитаемых островах и как этот рассказ соблазнил горного инку попытать счастья на море. «Однако он не сразу поверил купцам-мореплавателям, ибо этим людям, великим болтунам, не следует слишком доверять».

Но когда собственный прорицатель Тупака сообщил ему дополнительные сведения, Инка решил посетить далекие острова.

«Он велел построить огромное количество *бальсас*, на которых разместилось более 20 тысяч избранных людей, и капитанами он взял с собой Хуамана Ачачи, Кунти Юпанки, Кихуала Тупака (это все хананские куско), Янкана Майту, Кису Майту, Качимапака Макуса Юпанки, Лымпиту Уску Майту (это все хуринские куско), и его брат Тилька Юпанки был командиром всего флота. Апу Юпанки был назначен командовать войском, оставшимся на берегу. Тупак Юпанки плывал до тех пор, пока не открыл острова Ава-Чумби и Нина-Чумби...»

Одни информанты говорили Сармьенто, что морской поход длился девять месяцев, другие — год. Возвратившись, Тупак привез «черных людей» и иную добычу, которая хранилась в крепости Куско до прибытия испанцев. Сармьенто даже опрашивал сторожа, охранявшего эти сокровища (Sarmiento, 1572[271]).

О том, что Инка выходил в океан на севере, сообщал также патер Мигуэль Кабельо де Бальбоа, прибывший в Перу за год до того, как Сармьенто отправился искать острова Инки. Бальбоа писал о Тупаке Инке, называя его королем Топой:

«...и обсудив свои планы и замыслы с офицерами, он вышел в поход с несметным войском и разместился в Манте, и в Чарапуку, и в Пикуаре, ибо не было возможности разместить и прокормить на меньшей площади такое множество людей, какое было с ним. Именно здесь король Топа Инка впервые увидел океан, после чего повелел надлежащим образом поклоняться ему, назвав его Мамакоча, что означает „мать озер“. Он приказал снарядить большое количество судов, какими пользовались местные жители, и делались такие суда из сотен бревен особенно легкого дерева, связанных вместе одно за другим, и на эти бревна настилали сотни сплетенных вместе камышовых циновок, так что получались очень надежные и удобные суда, называемые нами „бальсас“. Приготовив затем обильные запасы всего необходимого для многочисленного войска, которое должно было его сопровождать, и отобрав среди жителей приморья самых опытных кормчих, вышел он в океан с тем же мужеством и отвагой, которые всю жизнь приносили ему успех. Об этом плавании я не хочу говорить больше того, что представляется вполне достоверным, но те, кто рассказывали о подвигах сего храброго Инки, уверяют, что в этом походе он провел в море год, по словам некоторых — и больше, и что он открыл острова, получившие наименования Хагуа-Чумби и Нина-Чумби, и лежат эти острова в Южном море, от берегов которого отчалил Инка».

Бальбоа тоже сообщает, что на плотках Инки были привезены в Южную Америку «многочисленные пленники с черной кожей» (Balboa, 1576–1586[17]).

Бетансос, попавший в Перу с первыми испанцами до прибытия Сармьенто, записал гораздо более старинную легенду о выходе в океан из того же района Манты народа белых виракочей; это предание

занимало воображение жителей Инкской империи куда сильнее, чем недавний поход Тупака Инки. Люди твердо верили, что легендарный культурный герой Виракоча вместе со своим доинкским народом проследовал из Тиуанако на север и через Куско достиг эквадорского побережья. Собравшись у Пуэрто-Вьехо, вблизи Манты, они отплыли в Тихий океан (Betanzos, 1551[34]). Сармьенто сопоставил эти широко распространенные инкские предания с исторически известным ему и всем конкистадорам фактом, что первых испанцев здесь приняли за вернувшихся из Тихого океана белых бородатых виракочей, — ошибка, которая, как мы видели, помогла Писарро с его отрядом захватить без боя всю обширную инкскую империю с ее мощной армией и укреплениями (Sarmiento, 1572[271]).

Вероятно, Инка Тупак не случайно избрал для старта северный порт, откуда вышел в море его легендарный предшественник: Манта лежит почти точно на экваторе, а Тупак, подобно Виракоче, поклонялся солнцу, почитая его своим предком и покровителем. К тому же Эквадор был единственным поставщиком бальсы, которая шла на строительство плотов по всему приморью инкской империи, и, чтобы добыть нужное количество бальсовых бревен и бамбука для целого флота морских плотов, Инке пришлось отправиться со своими людьми в этот лесной край. Из сообщений инкских информаторов следует, что флот затем взял курс на южную часть океана; это и побудило Сармьенто идти из Кальяо на запад-юго-запад.

В 1100 км к югу от Манты, на засушливом побережье Северного Перу, испанцы слышали не менее яркие рассказы о плаваниях представителей культуры мочика на бальсовых плотках. Патер Мигуэль Кабельо де Бальбоа записал:

«Люди из Ламбайеке говорят — и все обитающие по соседству подтверждают, — что в незапамятные времена пришел с большим флотом *бальсасиз* Северного Перу основоположник рода, муж великой отваги и большого ума, по имени Наймлап, и привез с собой много наложниц, но главной его женой называют Сетерни. Его сопровождало много людей, которые называли его капитаном и своим предводителем» (Valboa, 1576–1586[17]).

По преданиям жителей северного приморья, прибытие этих мореплавателей привело к основанию династии и культуры чиму.

Сходные версии о становлении инкской династии рассказывались индейцами побережья Центрального Перу еще в прошлом столетии (Stevenson, 1825[294]). Предания племен, обитающих вокруг Лимы, говорят, что первые королевские Инки обманом пришли к власти, внушив горным народам, будто происходят от солнца. Раньше других это обвинение записал иезуит Анельо Олива, поселившийся в XVI в. среди равнинных племен. Ему поведали, что первые королевские Инки на самом деле были потомками моряков, приплывших из Эквадора (Oliva, 1631[236]).

Патер Иосеф д'Акоста записал, что индейцы Ики, а также лежащей в 1250 км южнее Арики рассказывали испанцам, будто в прошлом моряки выходили в южные моря и посещали какие-то острова далеко на западе (Acosta, 1590[9]). Акоста полагал, что эти доиспанские экспедиции совершались на плотках из наполненных воздухом тюленьих шкур, однако многочисленные шверты из твердой древесины и модели бревенчатых плотов, найденные при раскопках соответственно в Ике и Арике, подтверждают, что эти две области были старейшими доинкскими центрами мореплавания на бревенчатых плотках (Heyerdahl, 1952[148]).

Капитан де Кадр записал указание мудрого старого индейца Чепо (ему будто бы было 115–120 лет), что Арика и Ило, две важнейшие гавани на побережье ниже Тиауанако, считались особенно удобными исходными пунктами для плаваний к обитаемым тихоокеанским островам. По словам Чепо, индейцы обычно начинали плавание в Арике и Ило и после двухмесячного перехода на запад подходили сперва к необитаемому острову Коату с тремя высокими горами и множеством птиц. Чтобы попасть на лежащую за ним обитаемую землю, надо было продолжать путь, оставляя Коату слева. Следующий уединенный остров, называемый Кюэн, был густо населен; на нем жил вождь по имени Кюэнтике и еще два вождя — Укенике и Каманике. В десяти днях пути на запад от Кюэна находился другой, еще более крупный обитаемый остров — Акабана. Когда Чепо пригрозили смертью, если он не скажет всей правды, старик стал расписывать капитану великие богатства этих далеких островов. Под конец он по собственной воле добавил, что для плавания использовали деревянные плоты. Испанцы полагали, что Чепо подразумевает Соломоновы острова (так они называли все острова, будто бы расположенные к

западу от Перу), однако Амхерст и Томсон, издавшие в 1901 г. английский перевод старой рукописи, полагали, что старик пересказал искаженную версию о действительно состоявшемся индейском плавании. В сноске они указывают, что Пасха и предшествующий ему голый островок Сала-и-Гомес удивительно подходят к описанию, полученному капитаном де Кадром (Amherst, Lord and Thomson, 1901[12]).

На самом деле задолго до случайного открытия Пасхи Рогтевенем старик Чепо сообщил испанцам точное навигационное описание пути до этого острова от самых удобных гаваней на побережье Южного Перу. Теперь нам досконально известно: чтобы достичь на плоту ближайшего обитаемого острова, надо из Ило или Арики идти сперва на скалистый птичий базар Сала-и-Гомес, лежащий прямо на пути к Пасхе. Плавание с попутным пассатом вдоль южного изгиба Перуанского течения и впрямь, как утверждал старик индеец, займет около двух месяцев. Его описание Сала-и-Гомеса также отвечает истине. Голый остров кишит птицами, которых видно издали. И при подходе с востока в самом деле кажется, что из воды торчат три горы.

Если из Ило или Арики идти строго на первый обитаемый остров — Пасху, Сала-и-Гомес действительно надлежит оставить слева; следующий обитаемый остров — Мангарева.

Не менее интересно имя Кюэнтике, которым Чепо называл верховного вождя острова Кюэн: первые испанцы, посетившие Пасху в 1770 г., записали, что вождь у пасхальцев называется *текетеке* (возможный вариант — *тики-тики*) (Agüera, 1770[10]). Так что Кюэнтике вполне можно перевести как «вождь» острова Кюэн.

Итак, аборигены Южного Перу точно знали направление и расстояние до острова Пасхи, указали даже характерные приметы единственного ориентира на этом пути. Такие же сведения получил в 1600 км к северу, в Кальяо, Сармьенто; стало быть, древние перуанцы были в состоянии определить позицию острова Пасхи с помощью крьюйс-пеленгов. Как известно, внутренние разногласия привели к тому, что экспедиция Менданди изменила первоначальный курс, намеченный Сармьенто по указаниям индейцев; разберемся вкратце, что же произошло.

В своем превосходном труде об этой экспедиции Амхерст и Томсон показывают, что с утверждением организованного управления в

Перу испанские авантюристы стали жадно прислушиваться к ходившим среди индейцев и моряков Кальяо рассказам о неведомых островах и даже целом континенте на западе. Кабацкие сплетни превратились в тему дворцовых бесед, и Педро Сармьенто де Гамбоа «объявил во всеуслышание, что может определить местоположение островов, о которых местные ученые согласно говорили, что они суть аванпосты южного материка, простирающегося от Огненной Земли на север до широты 15° , примерно в 600 лигах от Перу».

Действительно, все считали, что следует идти примерно 600 лиг от Перу. Недаром, как пишут те же авторы, провиант экспедиции Менданьи был взят с учетом того, что земля лежит в 600 лигах от гавани Кальяо (Amherst and Thomson, 1901[12]). Примечательно, что испанцы, которые 200 лет спустя дошли до острова Пасхи из Перу, так определили его положение: «около 600 лиг от Кальяо и примерно столько же от чилийского побережья» (Gonzalez, 1770–1771[124]). Шестьсот лиг — это немногим больше 2 тысяч морских миль, что как раз соответствует расстоянию до Пасхи. Члены экспедиции Менданьи не сомневались также и в том, что ближайший остров должен лежать точно на запад-юго-запад от гавани Кальяо. Достаточно сопоставить отчет Сармьенто с дневниками его противников — официального летописца экспедиции Катофыры, руководителя экспедиции Менданьи и первого штурмана Гальего, а также с анонимной рукописью еще одного члена команды, чтобы убедиться: все явно считали, что искома земля находится на запад-юго-запад от Кальяо, ибо из дневников видно, что 10 дней (у Гальего — 12) корабли неуклонно следовали этим курсом, который должен был привести их к острову Пасхи. Однако в конце ноября, когда корабли достигли $15^{\circ}45'$ ю. ш., начались распри. Сармьенто, хотя и слыл человеком вздорным, по праву считал себя компетентным в вопросе о местоположении островов. Говоря о себе в третьем лице, он пишет, что это он, Педро Сармьенто де Гамбоа, представил правителю Перу «сведения о многочисленных островах и о континентах, находящихся в Южном океане, и лично вызвался открыть их именем Его Величества, с каковой целью он собрал свидетельства и изготовил карты... Предполагалось, что они будут следовать курсом запад-юго-запад до 23° , то есть до широты, определенной Педро Сармьенто...».

Если бы намерение Сармьенто искать в океане землю в 600 лигах, то есть примерно в 2 тысячах морских миль к западу-юго-западу от Кальяо, осуществилось, корабли пришли бы почти к самому острову Пасхи. Правда, рассчитывая широту острова, он промахнулся на четыре градуса — простительная ошибка, если вспомнить, что первый штурман определил координаты хорошо известной им гавани Кальяо в $12^{\circ}30'$ ю. ш., тогда как на самом деле они равны $11^{\circ}56'$. Так или иначе, этот самый главный штурман, дойдя до $15^{\circ}45'$ ю. ш., внезапно свернул с прямого курса на остров Пасхи и повел корабли на запад. Сармьенто был в ярости и пишет в своем отчете: «Педро Сармьенто со всей решительностью обратился к генералу [Менданье] по поводу этой перемены курса и заявил ему во всеуслышание, что с этим нельзя соглашаться, это нужно отменить, иначе он не совершит открытия и собьется с пути...»

Но молодой Менданья поддержал штурмана, и экспедиция 20 дней шла примерно вдоль пятнадцатого градуса на запад. Всем было ясно, что главный штурман свернул с намеченного курса задолго до установленной Сармьенто отметки в 600 лиг, однако никто не возражал. Причина заключалась в том, что Гальего, долго ходивший штурманом у берегов Перу и Чили, получил другую информацию в Кансильерии в Лиме. Вот как Гальего обосновывал потом свои действия: «Я следовал вдоль этой широты, так как сеньор президент сказал, что на пятнадцатом градусе широты в 600 лигах от Перу находится множество богатых островов». И в самом деле, главный штурман теперь взял курс на самое сердце Полинезии, ведь большая часть архипелага Туамоту, острова Общества, Самоа, Фиджи и множество других обитаемых островов группируются в полосе между 10° и 20° ю. ш.

Вместо того чтобы плыть на уединенный остров Пасхи, корабли теперь шли в гущу островов Туамоту. Однако буквально на пороге архипелага, когда оставалось совсем немного до островов Пукапука и Рароиа (к которому пристал плот «Кон-Тики»), своенравный штурман опять внезапно повернул и лег на северо-западный курс. В итоге оба корабля прошли в конце декабря через просвет между Маркизами и Туамоту. Спустя три недели был замечен остров Нукуфетау в архипелаге Эллис, а на 80-й день с начала плавания экспедиция причалила к одному из Соломоновых островов в Меланезии. После этого испанцам понадобилось почти 400 дней на то, чтобы пробиться

обратно в Перу. Характерные для Полинезии западные ветры и течения вынудили их плыть в высоких широтах севернее Гавайских островов (Amherst and Thomson, 1901[12]). Двадцать шесть лет спустя вторая экспедиция Менданти снова вышла из Кальяо и достигла Маркизских островов; как уже упоминалось, это было первое европейское открытие Полинезии.

Если бы штурман следовал инструкциям Сармьенто, у первой экспедиции Менданти были все шансы открыть остров Пасхи; будь он чуть более последователен в своих собственных решениях, они попали бы на Туамоту. А так из-за его колебаний суда экспедиции миновали ближайшие острова и очутились в далекой Меланезии.

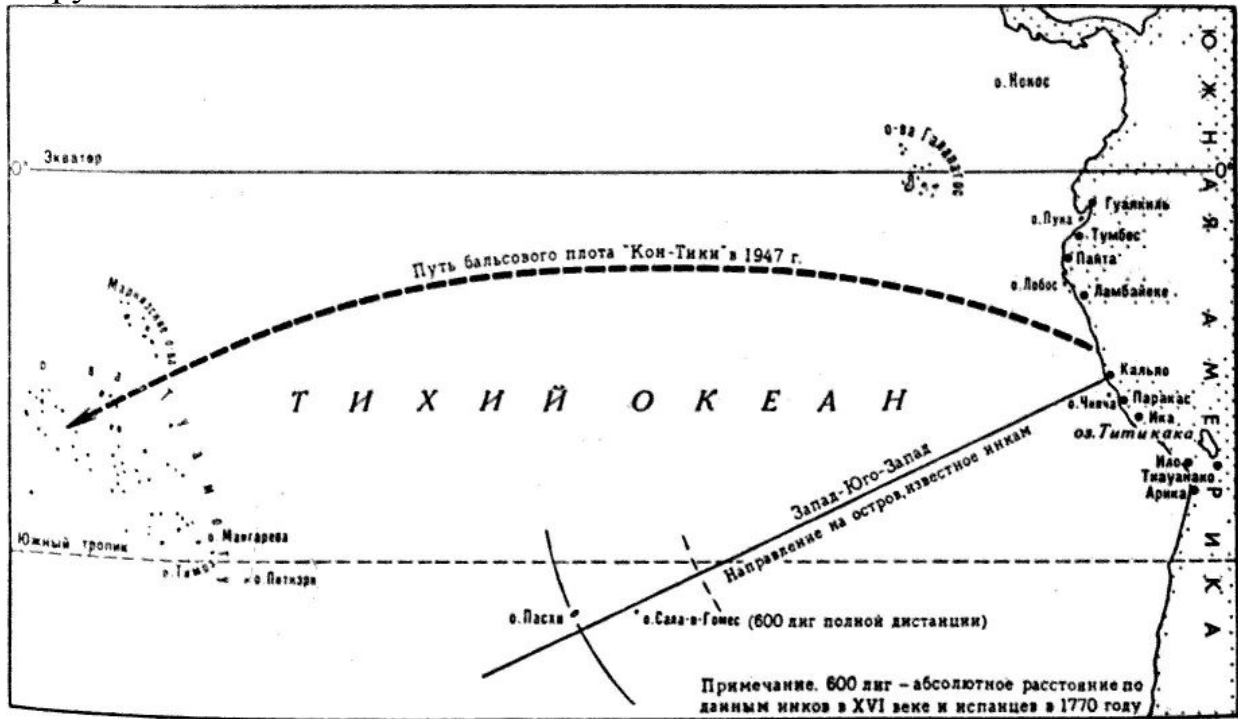
Тупак Инка в своем доевропейском плавании тоже вполне мог дойти до Меланезии; это объяснило бы, откуда взялись доставленные им обратно в Перу чернокожие пленники. Но скорее можно полагать, что он в отличие от маленького отряда Сармьенто шел на многочисленных плотках веерным строем и обнаружил ближайшие острова. Мы уже видели, что последующие обитатели империи Тупака знали направление и расстояние до Пасхи от Ило и Арики, а также от Кальяо, и надо думать, кормчие самого Тупака за два-три поколения до прихода испанцев были осведомлены не хуже. Следующий за Пасхой обитаемый остров — Мангарева в юго-восточной оконечности архипелага Туамоту. Его жители подтверждают, что Тупак со своим флотом доходил сюда: главные их предания рассказывают о визите чужеземного короля Тупы. Первым эти рассказы опубликовал в 1924 г. Крисчен, который не знал истории инков: «Есть у мангаревцев предание о рыжеволосом вожде по имени Тупа, который пришел с востока на судах неполинезийского типа, скорее напоминающих плот, — несомненно, тут отразилось воспоминание о каких-то перуанских *бальсас*» (Christian, 1924[66]). В 1928 г. Риве, ссылаясь на Крисчена, первым предположил, что мангаревцы сохранили память о визите Тупака Инки (Rivet, 1928[260]). Далее, Бак опубликовал дополнительные подробности из старинной, так называемой Тирипонской рукописи, составленной через несколько десятилетий после прихода европейцев сыном мангаревского вождя: «Одним из видных посетителей Мангаревы был Тупа. Согласно местному преданию, он прибыл, когда правили короли-братья Тавере и Тарои... Тупа подошел к Мангареве через юго-восточный пролив, названный

потом Те-Ава-нуи-о-Тула (большой пролив Тулы)». И дальше: «... мореплаватель Тула... подошел к самой Мангареве и остановился в большом проливе Тулы. Он ступил на берег островка Те-Кава». В той же полинезийской рукописи говорится, что Тула, прежде чем возвращаться на родину, «поведал мангаревцам про обширную страну... где живет большой народ, управляемый могущественными королями» (Buck, 1938[53]).

Кава, островок в восточной части барьерного рифа, где, по преданию, сошел на берег Тула, и большой пролив Тулы, где была стоянка его плотов, заставляют вспомнить слова инков про остров Ава, или Ава-Чумби, — один из островов, на которых побывал флот Тулака. Второй назывался Нина-Чумби, то есть Огненный остров, — меткое наименование для острова Пасхи, каким он представлялся мореплавателям. Все первые европейские путешественники, от Роггевена и Гонсалеса до Бичи, пишут, что пасхальцы разжигали по всему побережью множество костров, посылая к небу столбы дыма, очевидно сигнализируя приближающимся судам. Некоторые исследователи полагали, что название «Огненный остров» подразумевает Галапагосы с их дремлющими вулканами, однако, как будет показано в главе 10, инки хорошо знали острова Галапагос, к тому же на них не было постоянного населения (Heyerdahl and Skjölsvold, 1956; Heyerdahl, 1961[157, 151]). «Чернокожих» вполне можно было найти среди мангаревцев, ведь первый европейский посетитель острова, Бичи, обнаружил среди чрезвычайно пестрого по составу населения людей с такой же темной кожей, как у меланезийцев (Beechey, 1831[25]). Темнокожие пленники — единственная примечательная добыча, которую могущественный Инка мог привезти с тихоокеанских островов, населенных бедными представителями каменного века. Наверно, он вернулся в Перу не менее разочарованный, чем жадная до золота экспедиция Менданы, и, возможно, он возвращался тем же северным путем, с заходом в Мексику или Центральную Америку, где к темнокожим пленникам можно было добавить металлический трон и другие диковины, виденные испанцами во времена внуков Тулака.

Отсутствие золота и других сокровищ на открытых островах и чрезвычайно трудный обратный путь в Перу — достаточно ясные причины, из-за которых открытия Менданы почти два столетия

пребывали в забвении, пока во второй половине XVIII в. их не повторили другие европейцы. Бедные острова не соблазнили инков, не привлекли они и следовавших по их стопам испанских правителей Перу.

Указанный инками маршрут к ближайшему обитаемому острову в Тихом океане.

Глава 8

Плавание на бальсовых плотях

Посетителям современной Полинезии обычно представляется, что долбленка с одинарным аутриггером — единственный известный аборигенам этих островов вид судна. Мы видели, однако, в главе 6, что полинезийцы пришли на восток Тихоокеанской области вообще не зная аутриггера. Типичный для Малайского архипелага двойной аутриггер так и не дошел до полинезийских племен, но если новозеландские маори вовсе не оснащали аутриггером свои лодки, то племена тропических островов со временем восприняли меланезийский одинарный аутриггер через соседей на Фиджи.

А как насчет плотов? Вот уж, наверно, неподходящая конструкция для таких мореходов, как полинезийцы? Перед нами еще одно ошибочное мнение, распространенное среди тех, кто подходит к проблеме поверхностно. Когда «Кон-Тики» пристал к острову Рароиа в архипелаге Туамоту, обнаружившие нас островитяне сразу воскликнули: «Паэпаэ!» (так в Полинезии называют плоты). Кстати, тот, кто считает, что плот чужероден для Полинезии, с таким же успехом мог спросить, когда много лет спустя по моей просьбе на острове Пасхи поднимали упавшую статую: «К чему заниматься каменными исполинами в Полинезии, если всем известно, что полинезийские племена занимались только плотницким делом и резьбой по дереву и никогда не работали с камнем?» И ведь это утверждение верно. Тем не менее, если нынешние полинезийцы обрабатывают только дерево и ловят рыбу с лодок, оснащенных одинарным аутриггером, это вовсе не исключает возможности древнего субстрата ваятелей и плотоводителей в той же области. Не будем забывать о смешанном характере полинезийской культуры; в островной регион на востоке Тихого океана проник не один народ.

В обширном трехтомном труде «Каноз Океании» Хэддон и Хорнелл ссылаются на сообщения о бытовавших в прошлом на островах Общества плотях, похожих на бальсовые, и добавляют:

«Эти сведения ставят острова Общества в ряд с Маркизскими островами, а также с Мангаревой, Самоа, Тонга, Фиджи и Новой

Зеландией, обитатели которых хорошо знакомы с плаванием на плотах. Они подтверждают мнение, что плоты широко применялись, во всяком случае при некоторых передвижениях от острова к острову первых поселенцев в Океании».

Продолжая затем говорить о пропускающих воду плотах, которые были единственными судами на островах Сан-Кристоваль (Чатем), авторы отмечают, что это «подкрепляет гипотезу, по которой многие древнейшие передвижения в Тихом океане совершались людьми, применявшими какого-то вида парусный плот в своих плаваниях от острова к острову» (Haddon and Hornell, 1936[135]).

В специальной работе о южноамериканских бальсовых плотах Хорнелл затрагивает и прилегающую островную область:

«Повсеместно в Океании мы находим свидетельства пользования плотами в настоящем или в прошлом. На Мангареве... по существу самом восточном из сколько-нибудь значительных островов Полинезии, если не считать Пасху, употребляются или употреблялись до недавнего времени плоты, довольно похожие на парусные бальсовые конструкции Эквадора» (Hornell, 1931[165]).

В самом деле, на Мангареве — том самом острове, где сохранилась память о визите чужеземного короля Тупы, — только плотами и пользовались, когда капитан Бичи в 1825 г. наткнулся на этот остров, идя со стороны Южной Америки. Он не увидел лодок ни на одном из островов Гамбье, зато опубликовал рисунок бревенчатого плота с 13 мангаревцами на борту и сообщил, что такие плоты достигают в длину от 12 до 15 м и могут перевозить до 20 человек (Beeschey, 1831[25]).

Наряду с бревенчатым плотом в прошлом в Полинезии тут и там, во всех углах треугольника, была в ходу камышовая лодка. Кнудсен в своей статье «Следы камышовых лодок в Тихом океане» показывает, что в гавайском фольклоре не раз упоминаются лодки из камыша. Важные легендарные предки вроде Каны и светловолосого бога Лоно, за которого приняли Кука, тоже упоминаются в связи с лодками из камыша и плетенок (Knudsen, 1963[189]).

На Пасхе камышовые лодки наподобие перуанских по-прежнему употреблялись для ритуальных состязаний, когда на остров впервые пришли европейцы, причем, как будет показано в следующей главе, камыш был тот же самый, из какого вязали лодки в Перу, а именно *тотора*. В 1956 г. Кастро привез с озера Титикака в тихоокеанское

приморье для испытания лодку из *тоторы*, пролежав в соленой воде 14 месяцев, она совсем не намокла, не было также следов гниения или обрастания морской фауной. Этот обладающий высокой плавучестью камыш похож на папирус, однако речь идет о сугубо американском пресноводном растении, произрастающем за пределами материка только в кратерных озерах Пасхи. И хотя на Новой Зеландии с камышом плохо, даже здесь, далеко на западе, сохранялась традиция вязки камышовых лодок, когда сюда прибыли европейцы. Торговец Полак, живший среди маори с 1831 по 1837 г., писал:

«В старину обитатели Новой Зеландии делали лодки только из камыша. Между Каипарой и Хокиангой мы видели одну из этих старинных лодок длиной около 20 м, способную поднять столько же людей, но они совсем вышли из употребления. Они были очень толстые, всецело, кроме банок, сделаны из камыша и во всем напоминали линии каноэ. Их отличала поразительная легкость... хотя на конструкцию уходило немало бунтов, и они шли, подгоняемые веслами, с большой скоростью, пока не намокали и не погружались глубоко в воду. Таких судов больше не делают, и сохранилось чрезвычайно мало образцов» (Polack, 1838[250]).

В статье «Каноэ маори» Бест воспроизводит старый рисунок маорийской камышовой лодки, называемой *мокихи*, вместе с рисунком южноамериканской камышовой лодки с озера Титикака, чтобы показать их поразительное сходство (Best, 1925[33]). Хорнелл тоже обратил внимание на сходство с перуанскими лодками и добавляет по поводу второго типа маорийского камышового судна: «Еще более примитивная форма *мокихи*, как называли эти плоты, аналогична перуанской *кобальито*, на которую рыбак садится верхом и гребет веслами». Он продолжает:

«Одна деталь, которая может существенно помочь в объяснении рассматриваемой проблемы, заключается в том, что для связывания камышовых бунтов титикакских *бальсасис* используют не веревки, а плетеные камышовые жгуты. Точно так же полинезийцы использовали для всякой вязки плетеные жгуты, но из кокосового волокна — наиболее подходящего из доступных им материалов. „Сеннит“, как называют эти жгуты, изготавливаются точно тем же способом, что и камышовые жгуты в Перу» (Hornell, 1931[165]).

Поскольку каноэ, таким образом, отнюдь не были единственным известным в Полинезии судном и поскольку Полинезия, несомненно, лежит в пределах досягаемости для южноамериканских судов, как это доказано плаваниями 13 плотов за последние десятилетия, вполне уместно, исследуя происхождение полинезийцев, рассмотреть мореходную активность перуанских аборигенов.

Данная глава основана на моей статье «Бальсовый плот в аборигенном мореплавании у берегов Перу и Эквадора», напечатанной в 1955 г. в «Southwestern Journal of Anthropology» (т. II, № 3) университета Нью-Мексико, и на докладе «Маневрирование гуарами, свойственное Южной Америке», который был прочитан на XXXIII Международном конгрессе американистов в Коста-Рике в 1958 г. и затем опубликован в трудах конгресса.

Мореходные качества бальсовых парусных плотов в древней Южной Америке

Современные судостроители и этнологи мало знают и неверно судят о мореплавании аборигенов Перу и прилегающих областей на северо-западе Южной Америки. Причина ясна: местное судостроение основывалось на совсем иных принципах, чем те, которыми руководствовались наши собственные предки. Как уже говорилось выше, в представлении европейца, единственный тип мореходного судна — наполненный воздухом водонепроницаемый корпус, достаточно высокий и большой, чтобы его не могли захлестнуть волны. Для древних перуанцев размеры не играли такой роли; с их точки зрения, мореходным было судно, которое вообще не могло быть затоплено волнами, ибо открытая конструкция не создавала вместилища, способного удержать воду. И они достигали своей цели, строя обладающие превосходной плавучестью суда типа плотов из бревен бальсы или другой легкой древесины, либо из связанных в виде лодки бунтов камыша или тростника, либо из образующих подобие понтона, наполненных воздухом тюленьих кож, на которые настилали своего рода палубу.

Человеку, не знакомому с мореходными качествами такого судна, оно может показаться примитивным, громоздким и ненадежным; только этим можно объяснить широко распространенное ошибочное мнение, будто у народов древнего Перу, страны с морским побережьем

протяженностью 3200 км и с выдающейся почти во всех отношениях культурой, не было мореходных судов и умелых моряков.

Когда я в 1941 г. (Heyerdahl, 1941[147]) впервые попытался привлечь внимание к возможностям древнеперуанского мореплавания, те немногие этнологи, которые знали, что бальсовый плот составлял один из элементов доевропейской культуры, не придавали ему особого значения; многие даже упускали из виду, что эти плоты ходили под парусами. В других частях древней Америки употребление парусов не отмечено. Преобладающее мнение явно совпадало с приговором Хатчинсона в его труде «Антропология доисторического Перу», где бальсовый плот назван «плавучей связкой пробкового дерева» (Hutchinson, 1875[171]). Три современных автора — Лотроп (Lothrop, 1932[206]), Минз (Means, 1942[213]) и Хорнелл (Hornell, 1945[166]) — опубликовали интересные статьи о древнеперуанских судах и мореходстве, в которых превосходно описали конструкцию бальсового плота, но, как мы увидим дальше, чисто умозрительно заключили, что бальса впитывает воду и не годится для плаваний в открытом море.

Все эти скороспелые суждения побудили меня лучше изучить и реабилитировать перуанское мореходство, потому что на основе других данных я полагал, что перуанские бальсовые плоты ходили за 4 тысячи миль на острова Полинезии.

Первые записи о перуанском бальсовом плоту сделаны еще до открытия Инкской империи. Когда Франсиско Писарро в 1526 г. вышел с Панамского перешейка во второе, более успешное плавание на юг вдоль тихоокеанского побережья Южной Америки, его экспедиция встретила в море перуанских купцов далеко от их родины. Штурман Писарро, Бартоломео Руис, шел первым, исследуя берега у экватора, и, когда его корабль поравнялся с северным побережьем Эквадора, испанцы неожиданно увидели плывущее навстречу им парусное судно, мало уступавшее по размерам их собственному. Это был большой плот, и команду составляли перуанцы — первые перуанцы, увиденные европейцами. Хуан де Сааманос тогда же отправил донесение Карлу V, так что случай этот был описан еще до того, как испанцы достигли Перу (Sáamanos, 1526[268]). В 1534 г. об этом же писал личный секретарь Писарро — Франсиско де Херес (Xeres, 1534[321]). Оба источника сообщают, что бальсовый плот с командой из 20 индейцев был захвачен испанцами. Одиннадцать человек бросили за борт,

четверых оставили на плоту, а двух мужчин и трех женщин взяли на каравеллу, чтобы сделать из них переводчиков, имея в виду дальнейшие плавания.

Бальсовый плот оказался торговым, на нем был большой груз. Испанцы определили его грузоподъемность примерно в 36 т; водоизмещение их собственного судна равнялось 40 т, и команда каравеллы составляла лишь половину команды плота. Испанцы сделали подробную опись груза и обнаружили такие товары, которые могли быть только из Перу (Murphy, 1941[233]).

По словам Сааманоса судно представляло собой плоский плот, бревенчатая палуба покрыта тростниковым настилом, поднятым настолько, что груз и команда не смачивались водой. Бревна и тростник были крепко связаны веревкой из генекенового волокна. О парусе и такелаже Сааманос писал: «Он был оснащен мачтами и реями из очень хорошего дерева и нес хлопчатобумажные паруса такого же рода, как наш корабль. Отличные снасти сделаны из упомянутого генекена, который напоминает пеньку; якорями служили камни, подобные мельничным жерновам» (Sáamanos, 1526[268]).

Руис вернулся с пленниками и добычей к Писарро, и через несколько месяцев новая экспедиция во главе с Писарро вышла на юг, к северным берегам Инкской империи. По пути к острову Санта-Клара в открытом Гуаякильском заливе Писарро за два дня нагнал пять бальсовых плотов и провел успешные переговоры с их командами. Пересекая залив, он взял курс на перуанский порт Тумбес, откуда были родом некоторые из пленников. Недалеко от берега испанцы увидели идущую им навстречу целую флотилию бальсовых плотов с вооруженными инками на борту. Поравнявшись с плотами, Писарро пригласил к себе на каравеллу нескольких инкских капитанов, установил с ними дружеские отношения с помощью переводчиков (тех самых пленников, что были захвачены ранее) и выяснил, что флотилия направляется к подвластному перуанским правителям острову Пуна.

Из бухты вышли другие бальсовые плоты с дружественными дарами и провиантом для испанцев, и двоюродный брат Франсиско Писарро, Педро, сообщает, что, продолжая следовать на юг вдоль перуанского побережья, экспедиция вскоре настигла плоты, на которых были драгоценные металлы и одежда местного производства, и все это

испанцы забрали, чтобы доставить в Испанию и показать королю (Pizarro, 1571[246]).

Но еще до того, как Руис у берегов Эквадора захватил первый торговый плот, испанцы слышали от аборигенов Панамы рассказы о перуанском мореходстве. Хронист Лас Касас, сын историка, сопровождавшего Колумба, записал, что у аборигенов Перу есть бальсовые плоты, которыми управляют с помощью парусов и весел, и что об этом еще до конкисты знал старший сын Комогре, видного панамского вождя, поведавший патеру Кабельо де Бальбоа о могущественном приморском государстве на юге, чьи жители выходили в Тихий океан под парусом и с веслами на судах, немногим уступавших по величине испанским (Las Casas, 1559[195]).

Подробные описания плотов, принадлежавших жителям приморья Эквадора и Северного Перу, оставили современники Писарро — Овьедо, Андагойя и Сарате (Oviedo, 1535–1548; Andagoya, 1541–1546; Zárate, 1555[241, 14, 324]). Все они сообщают, что для плотов брали нечетное число — пять, семь, девять или одиннадцать — «длинных легких бревен» и связывали их вместе поперечинами, на которые настилали палубу, что для передвижения служили паруса и весла, что самые большие плоты могли перевезти до 50 человек и трех лошадей и что на палубе было особое место для приготовления пищи.

Итальянский путешественник Джироламо Бенцони, прибывший в Перу около 1540 г., опубликовал очень примитивную зарисовку небольшого перуанского плота из семи бальсовых бревен, с маленьким парусом на двуногой мачте и с индейской командой из восьми человек. В тексте сообщается, что мореходные плоты делали и гораздо больших размеров — из девяти или одиннадцати бревен, с парусами, соответствующими размерам судна (Benzoni, 1565[30]).

Инка Гарсиласо де ла Вега, сам из инкского рода, выехавший из Перу в Испанию в 1560 г., останавливается в своих записках на пропускающих воду рыбачьих лодках из камыша или тростника, которые явно преобладали в перуанском приморье; он сообщает, что они выходили в море на четыре — шесть лиг (15–24 английских мили), а то и больше, если необходимо. Гарсиласо добавляет, что для перевозки тяжелых грузов в открытом море применяли деревянные плоты с парусами (Инка Гарсиласо де ла Вега, 1974).

Патер Реджинальдо де Лисаррага, прибывший в Перу в тот год, когда оттуда уехал Инка Гарсиласо, сообщает о жителях долины Чикама: «Эти индейцы — замечательные мореплаватели; у них есть большие плоты из легких бревен, на которых они выходят в океан, и во время рыбной ловли они удаляются от берега на много лиг». Он пишет также, что купцы из долины Чикама поддерживали сношения с расположенным в 800 км к северу Гуаякилем, перевозя на бальсовых плотях продукты моря и другой груз (Lizarraga, 1560–1602[205]).

Мы уже видели, что патер Кабельо де Бальбоа, прибывший в Перу в 1566 г., услышал от инкских историков, что за два-три поколения до появления в этой стране Писарро в приморье спустился Инка Тупак Юпанки, отобрал самых лучших местных кормчих и вышел с большой армией в море на многочисленных плотях. Прошел почти год, прежде чем он вернулся в свою империю (Balboa, 1586[18]). Хронист Сармьенто де Гамбоа в 1572 г. также записал рассказы инков о походах бальсовых плотов к далеким тихоокеанским островам; мы видели, как этот знаменитый мореплаватель признавал, что, убеждая вице-короля Перу снарядить экспедицию Менданьи, он опирался на сообщения о плаваниях перуанских купцов и об экспедиции Инки Тупака Юпанки (Sarmiento, 1572[271]).

Один из первых историков, писавших о Перу, Бернабе Кобо, очень подробно описывает достоинства бальсовых бревен, применяемых для мореходных плотов, и называет аборигенов искусными навигаторами и пловцами. Он добавляет:

«Самые большие плоты перуанских индейцев, живущих вблизи лесов, скажем в портах Паита, Манта и Гуаякиль, состоят из семи, девяти и даже большего числа бревен. Вот как их делают: лежащие рядом бревна связывают друг с другом лианами или веревками, которые захватывают также другие бревна, положенные поперек. Среднее бревно в носовой части длиннее остальных, по обе стороны от него укладывают все более короткие бревна, так что видом и соотношением они придают носу плота сходство с пальцами вытянутой руки, а корма ровная. Поверх бревен кладут настил, чтобы вода, проникающая снизу в щели между большими бревнами, не намочила людей и одежды. Этими плотами индейцы управляют в море с помощью парусов и весел, и есть такие большие плоты, что без труда перевозят 50 человек» (Cobo, 56[72]).

Грубая зарисовка бальсового плота под парусами была затем сделана художником голландского адмирала Йориса ван Шпильбергена, совершившего кругосветное плавание в 1614–1617 гг. Шпильберген сообщает, что на этом плоту команда из пяти аборигенов выходила на два месяца ловить рыбу, и улова, доставленного в Паиту, что лежит примерно в 200 км южнее перуанского порта Тумбес, хватило, чтобы снабдить все голландские корабли, стоявшие в бухте (Spilbergen, 1619[292]). Рисунок Шпильбергена интересен тем, что команда показана в работе: два индейца заняты парусами, остальные трое рулят, поднимая и опуская шверты, просунутые в щели между бревнами. Применение таких швертов было освоено европейскими судостроителями лишь через 250 лет, в 1870 г.

Первая, неудачная попытка ввести употребление швертов в Европе была предпринята в 1748 г. испанскими военными моряками Хуаном и Ульоа. Двенадцатью годами раньше они провели в Гуаякильском заливе интересное исследование остроумных приемов управления аборигенным бальсовым плотом. Хуан и Ульоа опубликовали превосходный рисунок бальсового плота в море, передав такие детали, как устройство двуногой мачты с парусом и такелажем, крытую камышом рубку в средней части судна, «камбуз» с открытым очагом и запасом воды в кувшинах на корме, выдвигаемые шверты на носу и на корме. Они решительно утверждали, что индейская команда, владеющая искусством маневрирования швертами, при любом ветре могла заставить бальсовый плот идти не хуже настоящего корабля (Juan and Ulloa, 1748[182]).

Далее Лекалье опубликовал рисунок большого плота из девяти бальсовых бревен с просторной рубкой посередине; команда управляла в море плотом при помощи швертов и большого квадратного паруса на двуногой мачте. Труд Лекалье, напечатанный в 1791 г. по велению французского короля как наставление для кадетов, включал основательное описание аборигенного бальсового плота и своеобразных способов управления, применявшихся только индейцами северо-западного побережья Южной Америки. Ссылаясь на Хуана и Ульоа, Лекалье подчеркивал: будь принципы такого управления швертами известны в Европе, многие жертвы кораблекрушений могли бы спастись, дойдя на плотках до ближайшего порта (Lescallier, 1791[201]).

В 1801 г. Чарнок в своем большом труде о судостроении также предпринял бесплодную попытку заинтересовать остальной мир остроумными принципами управления выдвижными швертами; он тоже писал, что этот способ применяется индейцами перуанского и эквадорского приморья, а в Европе еще неизвестен (Charnock, 1801[63]).

Александр Гумбольдт опубликовал в 1810 г. великолепную акварельную иллюстрацию большого парусного бальсового плота со швертами и с очагом на корме (Humboldt, 1810[169]), а в 1825 г. Стивенсон напечатал превосходное описание крупных бальсовых плотов, все еще ходивших вдоль побережья в области древней культуры чиму вплоть до Хуанчако, южнее Чикамы. На самых больших плотах стояли крытые соломой бамбуковые хижины с четырьмя-пятью помещениями; такие плоты «ходили против ветра и течения на расстояния, равные четырем градусам широты, с грузом пять-шесть кинталей (25–30 т), не считая индейской команды и ее провианта». Стивенсон тоже описывает шверты и сообщает: «Поднимая или опуская эти доски в разных частях плота, аборигены могут выполнять все маневры, которые выполняются на настоящем корабле с совершенным такелажем...» (Stevenson, 1825[294]).

В неизданной рукописи 1840 г. Джорджа Блэксленда, хранящейся в библиотеке Митчелла в Сиднее, воспроизведена зарисовка бальсового плота из девяти бревен, который управляется парусом и выдвижными швертами. Рукопись содержит также рапорт офицера одного из кораблей британского флота, встретившего целое перуанское семейство на бальсовом плоту около острова Лобос-де-Афуэра, примерно в 60 милях от побережья Перу. Индейцы как раз готовились идти против ветра к скрытому за горизонтом матерiku.

«...Они вышли из родной деревни три недели назад и теперь возвращались с грузом вяленой рыбы; семья состояла из девяти человек, с ними были еще собаки и весь скарб... Судно, на борту которого я находился, — шхуна водоизмещением 40 т, — направлялось в тот же пункт, и нас поразило, как круто шел плот против ветра, развивая скорость до четырех-пяти узлов. Некоторое время мы шли рядом и прибыли на следующий день с разрывом в несколько часов... На отдельных участках побережья все морские перевозки осуществляются такими плотами, а в Ламбайеке из-за сильного прибоа

только на них можно подойти к берегу. Они перевозят также соль из порта в порт на расстояние 200–300 миль, что еще раз доказывает их надежность» (Blaxland, 1840[40]).

В 1841 г. подробный технический чертеж привел Пари в своем труде о судостроении неевропейских народов. Он еще застал в Южной Америке перуанские бальсовые плоты до того, как на стыке столетий их сменили европейские суда, однако изучал их только на якорной стоянке в заливе. Хотя Пари тщательно зарисовал и описал шверты, или *гуары*, как их называли местные жители, он не совсем разобрался в их действии, ограничившись указанием: «Их выдвигают больше или меньше на носу или на корме, чтобы приводиться к ветру или разворачиваться. Других способов управления плотами в океане нет...» (Paris, 1841[244]).

Совершенно очевидно, что *гуара*, или шверт, в отличие от гребного или рулевого весла могла действовать только в союзе с парусом. Без паруса в шверте нет смысла. Об этом уже говорили Лотроп и другие, и факт этот очень важен, если учесть, как много швертов найдено при раскопках погребений в пустынях северного и южного приморья Перу. Изумительно орнаментированные шверты из твердой древесины, обнаруженные в многочисленных погребениях Паракаса и Ики на юге Перу, показывают, что парусные плоты были существенным культурным элементом и в этих южных широтах, притом задолго до появления письменных источников, даже до инков. Так, Беннет приводит иллюстрацию, на которой изображен украшенный замечательной резьбой и росписью шверт из доинкского погребения в южном приморье Перу (Bennett, 1954[28]). Археология позволила нам также узнать мелкие, но достаточно существенные детали, не отмеченные ранними хронистами и исследователями, а именно как крепились найтовы к скользким стволам и какую форму придавали бревнам на носу и на корме, чтобы уменьшить сопротивление воде. Эту информацию дают крохотные модели плотов, так сказать «духи плотов», найденные в больших количествах в погребениях Арики на засушливом тихоокеанском берегу ниже озера Титикака. Речь идет о доисторических изделиях, захороненных за тысячу с лишним лет до прибытия Писарро и первых европейцев; на них видно, что найтовы из пенькового каната или из кожаных ремней (применялись кожи тюленей) входили в опоясывающие бревна желобки. Видно также, что на носу и

на корме для меньшего сопротивления воде плот заострялся наподобие лодки (Bird, 1943; Heyerdahl, 1952[37, 148]). Маленький плот, найденный при раскопках Уле, и опубликованный в 1922 г., был оснащен прямоугольным парусом из камыша вроде тех, какими поныне пользуются по соседству горные индейцы на озере Титикака (Uhle, 1922[310]). Эта находка из могилы на месте примитивного рыбацкого селения была датирована первыми веками нашей эры, что побудило Норденшельда заключить: «На побережье Перу парус, вероятно, был известен раньше гончарного ремесла и ткачества...» (Nordenskiöld, 1931[235]).

Как мы уже видели у Инки Гарсиласо, в засушливом приморье древнего Перу самым распространенным судном был камышовый плот рыбака; парусные деревянные плоты использовались только для перевозки тяжелых грузов и для плаваний в океане. В инкские времена главными перуанскими гаванями были Паита, Тумбес и другие селения на северном побережье, поблизости от обширных бальсовых лесов Эквадора, однако вплоть до 1900 г. важные порты находились также в Секуре, Ламбайеке, Пакасмайо и Хуанчако, в 800 км к югу от Гуаякиля. Во времена инков бальсовыми плотами пользовались в 800 км южнее; на них в разные области Перу перевозили гуано для удобрения с островов Чинча в районе Писко. Инки транспортировали по суше в дальние концы своей империи бальсовые бревна для плотов. Когда первый испанский отряд под предводительством Эрнандо Писарро, выйдя из Куско, продолжал движение через Анды, он нашел в нынешней Боливии множество длинных бревен, доставленных местными носильщиками и предназначенных для строительства бальсовых плотов на озере Титикака по велению Инки Капака (Valverde, 1879[311]).

Таким образом, сочетание исторической и археологической информации дает нам довольно полное представление о принципах строительства и о значении своеобразного плота, который обеспечил возможность аборигенного мореплавания в Перу и в прилегающих областях Тихого океана. И когда известный американец Лотроп в 1932 г. собирал материал для своей интересной статьи «Мореходство аборигенов у западных берегов Южной Америки», он смог дать хорошее описание бальсового плота. Правда, оценивая его возможности, Лотроп утверждал, что бревна «быстро впитывают воду и

через несколько недель совершенно теряют плавучесть... Поэтому приходилось время от времени разбирать *жангаду*[бальсовый плот] и вытаскивать бревна на берег, что бы как следует их просушить». И он заключил, что бальсовый плот не годился для заморских плаваний, не мог дойти не только до Полинезии, но даже до островов Галапагос, лежащих в 1000 км от материка (Lothrop, 1932[206]).

Лотроп ссылаясь на Байема; однако Байем, английский путешественник XIX в., сам не изучал бальсовые плоты. В его книге, изданной в 1850 г., читаем, что парусник, на котором шел Байем, встретил бальсовый плот в районе Кабо-Бланко (Северное Перу). Он наблюдал издали, как плот идет против свежего ветра южным курсом, и все данные о плавучести этого судна были почерпнуты им из слов капитана парусника (Byam, 1850[56]). Так Лотроп невольно внес в этнологическую литературу ошибочное суждение, возымевшее немалые последствия.

В остальном же исследование Лотропа было достаточно ценным, и после него мало кто из этнологов углублялся в этот вопрос. Кое-какой дополнительный материал представил в 1942 г. видный знаток инкской истории Минз. В интересной статье «Доиспанское мореходство у Андского побережья» он, ссылаясь на Лотропа, разделяет его негативную умозрительную оценку бальсового плота: «...несомненно, этот тип судна мог вызвать только пренебрежение у судостроителей едва ли не любой другой мореходной нации мира». И он заключает:

«Итак, мы вправе сделать вывод, что в перуанском аборигенном мореходстве до завоевания страны испанцами плот из бальсовых бревен, с парусами, рубкой и грузовой палубой был наименее жалким и наименее несовершенным среди известных судов. Что и говорить, невелика похвала, но таковы уж факты, что лучшего отзыва не заслуживает судостроительное искусство древних жителей Анд, предельно чуждых морю» (Means, 1942[213]).

Крупный авторитет по вопросам судов и мореходства аборигенов Хорнелл тоже обратился к этому предмету, сперва в статье 1945 г. «Были ли доколумбов контакт между народами Океании и Южной Америки?», затем в статье 1946 г. «Как попал батат в Океанию?». Хорнелл не сомневался, что древние перуанцы оказали влияние на земледелие полинезийских островов, а потому был осторожен в оценке бальсового плота, однако заключил: «Обыкновенный, ничем не обработанный

бальсовый плот никак не мог совершить дальнего океанского плавания, разве что инкские моряки знали действенный способ пропитки гигроскопичных бревен каким-то водоотталкивающим составом...» (Hornell, 1946[166]).

Уверенно негативная оценка немногих американистов, действительно изучавших основные принципы перуанского судостроения, сильно повлияла на современную этнологию. Заклеймив бальсовый плот как «немореходный», упомянутые исследователи лишили аборигенов Перу важнейшего навигационного средства и создали о них впечатление как о чуждом мореплаванию, сугубо сухопутном народе. Это однобокое представление о ранних высокоразвитых культурах тихоокеанского побережья Южной Америки проникло как в специальную, так и в общую литературу и вскоре отразилось также на изучении важных проблем полинезийской этнологии.

В 1932 г. видному знатоку Тихоокеанской области Диксону удалось доказать, что батат вместе с его кечуа-перуанским названием *кумара* был доставлен человеком из Перу в Полинезию до прихода испанцев в Южную Америку. Указывая на бальсовый плот, он предположил, что переносчиками были перуанские или иные американские индейцы (Dixon, 1932[96]). В том же году Лотроп опубликовал свое упомянутое выше исследование перуанского мореплавания, и двумя годами позже Диксон в новой статье вернулся к этому вопросу уже с другим мнением: «Поскольку у нас нет никаких свидетельств, что индейцы тихоокеанского побережья Южной Америки, где возделывался батат, когда-либо располагали судами или навыками дальних морских плаваний, приходится заключить, что растение перенесли полинезийцы» (Dixon, 1934[98]).

Знарок полинезийской археологии Эмори в 1933 г. писал по поводу древних мегалитических сооружений острова Пасхи, островов Общества, Маркизских, Гавайских, Тубуаи и Тонга:

«Вполне правомерно предположить американское происхождение такого специализированного элемента культуры, как каменная кладка. Этот очень приметный элемент сосредоточен в той части Америки, которая находится ближе всего к Полинезии и откуда течения устремляются в сторону острова Пасхи и архипелага Туамоту... Разве не мог какой-нибудь мореходный плот древних инков, подхваченный

этим течением, доставить уцелевших за 2 тысячи миль, на остров Пасхи на западе?»

Но в 1942 г. в одной из своих последующих статей Эмори отказался от этого взгляда, ибо, как он писал, Диксон указал ему, что бальсовый плот тихоокеанского приморья Южной Америки быстро пропитывается водой (Emory, 1942). В свою очередь Морган в 1946 г. ссылается уже на Эмори, который сообщил ему, что «бальсовые плоты в несколько дней пропитываются водой, если их не вытаскивать на берег для просушки» (Morgan, 1946[228]).

К этому времени вынесенный бальсовому плоту приговор превратился в аксиому, и, издавая в 1945 г. свое «Введение в полинезийскую антропологию», Бак сбросил со счетов половину прилегающих к Тихому океану областей, заявив: «Поскольку у индейцев Южной Америки не было ни судов, ни мореходных навыков, необходимых, чтобы пересечь просторы океана, отделяющие их берега от ближайших полинезийских островов, их никак нельзя считать переносчиками» (Buck, 1945).

Столь же убежденно Уэклер заявил в 1943 г. в своей монографии «Полинезийские исследователи Тихого океана», что «у американских индейцев не было морских судов, способных на такие переходы, как плавание в Полинезию» (Weckler, 1943[315]).

Этот взгляд так утвердился среди американистов и тихоокеанистов, что, когда я в 1941 г. попытался оспорить его (Heyerdahl, 1941[147]), моя статья, как и следовало ожидать, не вызвала отклика. Стало очевидно, что есть лишь один способ разрешить спор, а именно построить судно, о котором идет речь, и на деле получить удовлетворительный ответ. А потому в 1947 г. я организовал и возглавил экспедицию «Кон-Тики».

Плот «Кон-Тики», названный в честь ушедшего в море культурного героя Перу и общеполинезийского бога-прародителя Тики, состоял из девяти бревен полуметровой толщины длиной от 10 до 15 м; самым длинным было среднее бревно. Основа была связана с поперечинами, на которых лежала бамбуковая палуба и стояла открытая надстройка. Конструкцию довершали двуногая мачта для прямоугольного паруса, пять *гуар* (швертов) и рулевое весло. 28 апреля 1947 г. плот вышел из перуанского порта Кальяо с командой из шести человек; спустя 93 дня он миновал первые обитаемые полинезийские

острова. Пройдя за 101 день 4300 миль, «Кон-Тики» сел на риф атолла Рароиа в архипелаге Туамоту, доставив в полной сохранности к цели команду и почти весь груз.

Задача экспедиции состояла в том, чтобы изучить и проверить на деле качества и возможности бальсового плота и, главное, получить ответ на старый спорный вопрос: были ли острова Полинезии досягаемы для плотоводцев древнего Перу?

Судно продемонстрировало замечательные мореходные качества и отлично доказало свою возможность перевозить тяжелые грузы в открытом океане. Из всех его ценных свойств нас больше всего удивила и поразила исключительная надежность и остойчивость при любой погоде. После уникальной способности всходить на волну стоит, пожалуй, назвать грузоподъемность; впрочем, тут удивляться не приходилось, ведь еще первые испанцы описывали бальсовые плоты, перевозившие 30 т и более.

Теоретики считали бальсовый плот непригодным для мореплавания, ссылаясь на то, что из-за гигроскопичности бревен он затонет без регулярной просушки его частей; к этому добавляли, что веревки, соединяющие бревна и всю остальную конструкцию, будут истерты при качании бревен на волнах. Считалось также, что легкая пористая древесина слишком хрупка, не выдержит сосредоточенной в центре нагрузки (команда и груз), если нос и корму одновременно поднимет на двух волнах. И наконец, полагали, что при высоте надводного борта всего в 0,5 м команда и груз на открытом плоском плоту окажутся не защищенными от ярости океана.

Наш опыт дал ответ на эти вопросы и показал, что у представителей древних культур Перу и Эквадора были все основания создать именно такой тип мореходного судна и сохранить ему верность.

Известная нынешнему покупателю коммерческая сухая бальса чрезвычайно гигроскопична и не подходит для строительства плотов, а вот древесина только что срубленных стволов почти не впитывает морской воды. Хотя вода постепенно проникает в просушиваемые солнцем внешние слои, внутрь ее не пускает сок самого ствола. Когда «Кон-Тики» через год с лишним после экспедиции извлекли из воды, чтобы поместить его в музей в Осло, он еще мог поднять не одну тонну груза.

Бальсовые бревна не истирали найтовы по той простой причине, что их поверхность стала мягкой, губчатой и веревки в желобах оказались словно утопленными в пробку. Полуметровой толщины было достаточно, чтобы бревна устояли против двух штормов, во время которых волны вздымались выше плота; они выдержали даже столкновение с рифом в Полинезии.

Секрет надежности и остойчивости открытого бальсового плота, несмотря на незначительную высоту надводного борта, объясняется его исключительной способностью прилаживаться к волне. Плот легко переваливал через грозные горы воды, которые подмяли бы почти любое другое малое судно. Вторая причина — остроумная конструкция, позволяющая воде тотчас уходить, как сквозь сито. Ни могучие валы, ни разбивающиеся ветровые волны не могли одолеть плот, и мы испытывали чувство безопасности, какого не могло дать ни одно известное нам до тех пор открытое или малое судно. Больше того, малая осадка и обусловленная независимыми креплениями гибкость конструкции позволили посадить плот прямо на риф с наветренной стороны коварного архипелага Туамоту. Как уже сказано в главе 2, после экспедиции «Кон-Тики» много других бальсовых плотов прошли от берегов Южной Америки до Полинезии, Меланезии и даже Австралии.

Во время плавания было проведено несколько опытов с упомянутыми выше швертами, которые индейцы называют *гуарами*. Выяснилось, что пяти надежно закрепленных *гуар* длиной 180 см и шириной около 50 см достаточно, чтобы плот мог идти почти под прямым углом к ветру. Подтвердилось также, что можно править плотом без рулевого весла, если поднимать или опускать *гуаруна* носу или на корме.

Но попытка идти галсами против ветра кончилась полной неудачей, поэтому команда временно склонилась к общепринятому взгляду, что перуанский бальсовый плот, подобно любому другому плоскодонному судну, может ходить только в общем направлении попутных ветров. Однако после экспедиции я постепенно начал склоняться к мнению, что наша неудача объясняется скорее неопытностью команды плота, чем недостатками древнеперуанской конструкции. Эта мысль побудила меня организовать второй

эксперимент с бальсовым плотом, о котором пойдет речь в следующем разделе.

Техника управления гуарами

За сведениями о способах управления древними судами у западных берегов Южной Америки мы в основном обращаемся к записям ранних хронистов и в какой-то мере к археологии, в частности к предметам изобразительного искусства приморских жителей доиспанской поры. Некоторые детали, не отмеченные хронистами, во всяком случае не отраженные в их писаниях, иллюстрированы на реалистично выполненных фигурных сосудах или нарисованы на керамике, даже отражены в текстильных изделиях доевропейских художников Перу. Многие, а то и большинство таких мореходных мотивов относятся к доинкским временам. Чаще всего внушительные камышовые суда и бревенчатые плоты показаны в искусстве культур раннего чиму или мочика, созданных древними строителями пирамид, одними из основателей южноамериканской цивилизации. Большие камышовые суда с множеством пассажиров и с грузом, нередко с двойной палубой и раздвоенной кормой представлены в керамике мочика. Встречаются также, хотя и намного реже, фигурные сосуды, изображающие мореплавателей на бревенчатых плотках.

Старейшие письменные сообщения о применении паруса на аборигенных судах Перу видим у Сааманоса, Хереса, Андагойи, Овьедо, Сарате, Лас Касаса, Бальбоа, Гамбоа, Гарсиласо, Бенсони и Кобо. Все они указывают, что в инкской империи знали парус и пользовались им в море на бальсовых плотках. В горах под парусом ходили камышовые ладьи даже на озере Титикака, а о жителях приморья Инка Гарсиласо говорит: «Они не ставили парус на лодках из тростника... На плоты из дерева они ставили парус, когда плавали по морю» (Инка Гарсиласо де ла Вега, 1974).

Мы уже видели, что первый встреченный европейцами бальсовый плот — тот самый, который захватил штурман Писарро, — шел с грузом более 30 т против ветра и сильного течения Эль-Ниньо. Трудный морской маневр осуществлялся не гребными веслами, да это практически было бы невозможно на широком бревенчатом плоту с 20

пассажирами и 30 т груза. Из сообщения Сааманоса королю Карлу V в 1526 г. мы узнаем, что огромный грузовой плот был оснащен всем необходимым для активного плавания. На нем были мачты и реи из отменного дерева, превосходные снасти из генекеновой конопли, и он «нес паруса такого же рода, как наш корабль».

И после этого хронисты указывали, что инкские рыбаки и торговцы могли совершать активные плавания на плотам, идя против ветра, — маневр, который современные специалисты по плотам и мореходству считали невозможным. Опыты военного времени с резиновыми шлюпками и спасательными плотами из дерева или алюминия убедили военные и гражданские инстанции, что на парусном плоту нельзя идти к определенной цели, потому что плоскодонное судно окажется беспомощной жертвой стихий, будет плыть по прихоти ветра боком или задом наперед. Дескать, как ни надежен плот на сильной волне, никакие рули и рулевые весла не позволяют управлять им так, как управляется спасательная шлюпка с полым корпусом и килем. Тем примечательнее свидетельства очевидцев, что инкские моряки ходили под парусом против ветра к Панаме, к острову Пуна, к островам Лобос и Чинча и т. д., заплывали даже в коварные стремнины течений Гумбольдта и Эль-Ниньо, чтобы через много дней вернуться с тяжелым грузом вяленой рыбы.

Не секрет, что инкские мореплаватели совершали свои морские экспедиции, применяя уже упоминавшиеся *гуары*, шверты из твердого дерева, испытанные нами с ограниченным успехом на «Кон-Тики». *Гуары* бальсовых плотов сильно отличаются размерами соответственно габаритам и типу судна, зависят также от размеров имеющейся древесины. Обычная длина — 120–210 см, ширина — 12,5–25 см; впрочем, у лесистых берегов Эквадора они достигали 3–4 м в длину и 0,5 м в ширину. *Гуара* представляет собой прямоугольную доску без рукоятки, но с выступом или вырезом на верхнем конце. Если для изучения древнеперуанских судов мы располагаем только записками хронистов и более или менее условными изображениями в аборигенном искусстве, то для знакомства с *гуарамик* нашим услугам подлинны экземпляры, которыми пользовались древние мореплаватели. Обычно вырезанные из твердой и долговечной древесины альгарробо, *гуары* принадлежат к наиболее многочисленным находкам в доиспанских погребениях на побережье Перу. Некоторые из них,

мастерски вырезанные и художественно оформленные, присутствуют в перуанских разделах музеев всего мира. Но большинство *гуар* были сделаны просто, без всяких украшений, а так как представляющие чисто прикладной интерес изделия не привлекали коллекционеров, непросвещенные кладоискатели *хуакеро* часто выбрасывали их. Пожалуй, можно сказать, что соотношение между профессиональной археологией и простым кладоискательством в перуанском приморье прямо пропорционально соотношению примитивных и роскошно украшенных *гуар* или соотношению между гладкой перуанской керамикой и спасенными для музейных коллекций декорированными фигурными сосудами.

Наиболее искусно украшены образцы из районов Писко, Паракаса и Ико в южной части побережья Центрального Перу. Но и здесь при раскопках находят гладкие, грубо сделанные *гуары* из альгарробо. Если на орнаментированных гуарах из района Чиму на севере Перу мы обычно видим только объемное изображение одной птицы или одного животного в верхней части (как и на местных веслах), то на самых роскошных образцах из Паракаса резные или рисованные изображения птиц, рыб, людей или символические орнаменты расположены в два-три ряда. Часто верхний ряд составляют фигуры шести — восьми мужчин, которые стоят бок о бок, держась за руки так, что получается волнообразная линия.

Высказывались предположения, что некоторые особенно искусно оформленные *гуары* были ритуальными эмблемами ранга; вероятно, это так и есть. Однако я не видел еще ни одного образца, который нельзя было бы использовать по прямому назначению: в каждом случае взята достаточно твердая древесина и резные изображения размещены так, что не могли помешать пользованию *гуарой*. Резьба, как правило, ограничивается верхней частью; в тех редких случаях, когда орнамент спускается ниже, он нанесен на боковую грань так, чтобы доска все равно могла свободно ходить в прорези или щели между мягкими бальсовыми бревнами. Примечательно, что резьбой украшали только ту часть *гуар*, которая оставалась на виду над палубой, а погружаемую часть, скрытую от глаз команды и пассажиров, оставляли гладкой. Естественно ожидать, что чисто ритуальный предмет будет украшен во всю длину, как это делали с рукоятками обрядовых топоров или жезлов. Учитывая функции *гуары*, верхняя часть которой остается на виду и не

изнашивается, можно уверенно предположить, что подавляющее большинство даже наиболее богато орнаментированных образцов использовалось по прямому назначению — вероятно, более высокопоставленными членами приморской общины.

Когда в конце прошлого столетия в музеи и частные коллекции впервые поступили добытые при раскопках искусно обработанные доски из Писко, их просто посчитали замечательными образцами доинкской резьбы по дереву, и, хотя Гретцер в 1914 г. заключил, что речь идет о морских *гуарах*, впоследствии мало кто задумывался над подлинным назначением этих досок.

Гретцер, проживший не один десяток лет в приморье Перу, имел полную возможность наблюдать, как последние, уходящие в прошлое бальсовые плоты с *гуарамив* все еще доставляли тонны вяленой рыбы на север, в Эквадор, а оттуда везли на юг строительный лес и другие грузы. При раскопках в долинах Писко и Ики он сразу же определил назначение обнаруженных им в большом количестве *гуар*, хранящихся теперь в Берлинском музее этнографии. Гретцер видел в этой находке убедительное доказательство того, что жители приморья уже в доинкские времена регулярно выходили в океан и совершали плавания, подобные тем, которые засвидетельствовали первые в этих краях испанцы (Gretzer, 1914[130]).

Тому, кто не знаком с примечательными мореходными качествами инкских камышовых и бальсовых плотов, может показаться, что жители приморья делали только первые шаги в судоходстве.

На самом деле древние перуанцы хорошо знали долбленку и лодку с нормальным корпусом (Cobo, 1653[72]) и все-таки предпочитали выходить в море на специально созданных для этого судах, которые, как уже говорилось, были великолепно приспособлены к особенностям местных географических условий. Широко распространившаяся недооценка якобы примитивной ладьи из камыша *тотораи* бальсового плота, возможно, была одной из причин того, что до сих пор поразительно мало внимания уделялось источникам, трактующим вопрос о мореходстве аборигенов. Даже после публикации Гретцера нередко можно было увидеть в музеях перуанские *гуарыс* биркой «ритуальная лопата» или что-нибудь в этом роде, хотя всякий мог на деле убедиться, что *гуары* никак не подходят для земляных работ. По мере того, как все больше образцов не просто приобретали у

коллекционеров, а находили в раскопках, стало очевидно, что речь идет о принадлежности морской оснастки, ибо в погребениях *гуары* обычно лежали вместе с рыболовными снастями или иными предметами, указывающими скорее на морской промысел, чем на земледелие. Бросалось также в глаза, что узоры в верхней части *гуари* местных весел повторяют друг друга, а потому с недавних пор *гуары* стали экспонировать с бирками «весло особого рода» или даже «руль».

Однако достаточно взглянуть на ручку, чтобы сразу понять, что это своеобразное изделие не могло быть ни тем, ни другим. Важнейшее свойство весла — безупречный баланс: рукоятка должна симметрично венчать центральную ось, чтобы лопасть не вертелась при гребке. А ручка широкой *гуары* во все не сбалансирована, она отнесена к самому краю, поэтому грести такой доской невозможно. И нигде не ухватишься для баланса второй рукой. На большинстве *гуар* южного побережья видим всего лишь прорезь для пальцев, получается нечто вроде ручек полиэтиленовой сумки. Ясно, что специализированная ручка *гуары* рассчитана только на вертикальный подъем и опускание широкой доски одной рукой, а не на сбалансированные гребки двумя руками. Столь же мало ручка *гуары* годится на роль румпеля; совершенно очевидно, что *гуара* по своему назначению не может быть сравнима ни с какими частями оснастки обычных европейских плавучих средств.

Совсем недавно, в 1963 г., Айслеб провел систематическое исследование обширной археологической коллекции гладких и орнаментированных перуанских *гуар*, хранящихся в запасниках Берлинского музея этнографии. Он установил, что у всех этих досок есть общая характерная черта: они подобны ножу, одна грань острее и уже другой, что позволяет *гуар* рассекать воду с минимумом сопротивления (Eisleb, 1963[103]). Такая форма окончательно доказывает, что перед нами именно шверт.

Когда Лотроп в 1932 г. опубликовал первое систематическое исследование аборигенного перуанского мореходства, он одинаково хорошо знал вопросы парусной навигации и мореплавания, с одной стороны, и местную археологию — с другой, и, подобно Гретцеру, определил, что необычный предмет морской оснастки — *гуара* — особый вид шверта, которым пользовались в северном приморье вплоть до начала нашего столетия. Он подчеркнул также, что наличие *гуар* в погребениях доиспанского периода в перуанском приморье служит

археологическим свидетельством того, что здесь ходили под парусами в доколумбовы времена. Он говорит: «...очевидно, что шверт ни к чему на судне без парусов» (Lothrop, 1932[206]). Словом, в отличие от руля или рулевого весла выдвижная *гуара*— принадлежность только парусного судна, она вовсе не нужна на судне, приводимом в движение веслами.

Впервые придя в эту область на своих каравеллах, испанцы не обратили внимания на *гуары* как таковые, хотя отмечали, с каким искусством местные моряки управляют своими плотами. Но голландский адмирал Шпильберген на опубликованной в 1619 г. зарисовке бальсового плота в Паите (Перу) изобразил двух индейцев в плащах: маневрируя парусом, они подают команды трем другим, которые, сидя на корточках, держат каждый свою *гуару*, просунутую вертикально в щели между бревнами. Ни руля, ни рулевого весла не показано. В тексте Шпильбергена о *гуарах* ничего не сказано; он сообщает лишь, как отмечали до него испанцы, что бальсовый плот — превосходное судно: данный экипаж на два месяца выходил в море на рыбную ловлю и вернулся в Паиту с таким уловом, что его хватило для всех стоявших в порту голландских кораблей (Spilbergen, 1619[292]).

Важно учитывать, что Шпильбергену *гуары* ничего не говорили, поскольку в тогдашней Европе вообще не были известны шверты. Потому-то он, хотя оставил потомству самое первое изображение принципов управления швертами, никак не комментировал этот факт, ограничившись словами об отменном качестве парусов и плота.

Прошло 130 лет, прежде чем два испанских военных моряка, Хуан и Ульоа, настолько заинтересовались приемами навигации южноамериканских индейцев, что решили вплотную заняться тайнами местных *гуар*. В составленном ими в 1748 г. превосходном описании виденных в Гуаякиле бальсовых плотов различных типов и размеров они говорили:

«До сих пор мы касались только конструкции и применения этих плавучих средств, но главная их особенность заключается в том, что они ходят под парусом и поворачивают при противных ветрах не хуже кораблей с килем и очень мало подвержены сносу. Достигается это не рулем, а другим способом управления, а именно при помощи досок длиной 3–4 м, шириной около полуметра, называемых *гуарами*, которые помещаются вертикально на носу и на корме между бревнами основы.

Погружая одни из этих досок глубоко в воду и поднимая другие, они спускаются под ветер, приводятся к ветру, лавируют, ложатся в дрейф, выполняя все те же маневры, какие выполняет обычный корабль. Неизвестное до сих пор большинству просвещенных народов Европы изобретение... *гуара*, если опустить ее в носовой части, заставляет судно приводиться к ветру, если же ее поднять, оно спускается под ветер. Далее, если опустить *гуару* на корме, судно спустится под ветер, а если поднять, оно приведется к ветру. Таков способ, при помощи которого индейцы управляют бальсовым плотом; иногда они применяют пять или шесть *гуар*, чтобы предотвратить снос — естественно, чем больше площадь погруженных *гуар*, тем сильнее сопротивление боковому ветру, так что *гуары* выполняют роль шверцов, применяемых на малых судах. Метод управления *гуар* настолько легок и прост, что, когда плот ложится на нужный курс, достаточно маневрировать одной доской, поднимая и опуская ее при надобности, и таким образом плот все время идет в заданном направлении» (Juan and Ulloa, 1748[182]).

Перуанские навигационные приемы произвели на Хуана и Ульоа такое впечатление, что они настоятельно рекомендовали ввести эту же систему в Европе. Однако когда Лекалье и Чарнок опубликовали свои труды по истории мирового мореходства (соответственно в 1791 и 1801 гг.), они могли сослаться только на сделанные в Эквадоре наблюдения Хуана и Ульоа и подчеркнуть, что способ управления швертами применяется лишь индейцами южноамериканского приморья, а в Европе все еще неизвестен. Как уже говорилось, Лекалье в своем наставлении для французских кадетов выступил за оснащение европейских спасательных плотов *гуарами*, но его рекомендация осталась втуне.

Впоследствии о перуанских способах маневрирования *гуарами* писали Гумбольдт в 1810 г. и Стивенсон в 1825 г.

В 1832 г. Морелл сообщал, что бальсовые плоты все еще можно наблюдать в 80 км от суши и они «лавируют против ветра подобно лоцманским катерам...» (Morell, 1832[227]).

До того как Пари в 1841–1843 гг. издал свой обширный труд о неевропейских судах, он отправился на северо-запад Южной Америки, чтобы изучить бальсовые плоты. Вот его слова: «В Перу по-прежнему употребляются плоты древней конструкции, настолько

приспособленные к местным условиям, что их предпочитают всем прочим судам». Он опубликовал приведенный здесь чертеж бальсового плота с *гуарами*, однако сам не видел, как плоты лавируют в море. Суждения Хуана и Ульоа о неограниченных возможностях управления *гуарам* он воспринял скептически: «Нам не пришлось наблюдать эти остроумные плоты настолько, чтобы с уверенностью сказать, что они и впрямь выполняют все эти маневры...» И все же признал: «Других устройств для управления в океане на плотах нет» (Paris, 1841[244]).

Несколько позже, в 1852 г., Скугман видел бальсовые плоты с *гуарам* вдали от берегов Северного Перу и сообщил, что они ходят на острова Галапагос, расположенные примерно в 1000 км от материка (Skogman, 1854[284]).

Прошло еще 20 лет, прежде чем на европейских судах впервые установили шверты, причем никто не воздал должного древним народам, столетиями применявшим эту систему. По Лотропу, опыты применения швертов на некоторых малых судах делались в Англии в 1790 г., но по-настоящему шверты вошли в употребление в Англии и США около 1870 г. До тех пор европейские моряки пользовались только шверцами, единственное назначение которых, подобно киллю, уменьшать снос.

К началу нашего столетия использование плотов с *гуарам* прекратилось вместе с исчезновением последних остатков аборигенной культуры в приморье Перу и Эквадора. Секреты управления *гуарам* были утрачены прежде, чем эту систему могли перенести на европейские спасательные плоты.

Когда плот «Кон-Тики» в 1947 г. был оснащен *гуарам*, этнологи и специалисты по мореходству в один голос твердили, что эти доски не позволяют маневрировать судном. Членам экспедиции удалось показать, что с пятью *гуарам* можно спускаться под ветер и идти почти под прямым углом к ветру, но все наши попытки поворачивать на обратный курс и лавировать против ветра кончились неудачей. И мы вернулись из экспедиции, разделяя мнение Пари и последующих исследователей, что плот может идти только с попутными ветрами.

Однако в 1953 г. при любезном содействии Эмилио Эстрады (Гуаякиль) нам предоставилась возможность продолжить опыты с бальсовым плотом нормальных размеров в районе залива Плаиас в Эквадоре, где местные рыбаки и поныне используют маленькие,

связанные из трех бревен плоты типа бразильской жангады. С помощью рыбаков был построен бальсовый плот из девяти бревен с бамбуковой палубой, чуть поменьше «Кон-Тики», но такой же конструкции. Вместе с Эстрадой и мной на борту находились археологи Рид и Шельсволд. Снова был поднят прямоугольный парус на двуногой мачте, и между бревнами воткнули шесть *гуар*: две на самом носу, две на корме, еще две наугад, поскольку они должны были играть роль неподвижных шверцов. Без руля, без гребных или рулевых весел мы вышли под парусом в море, руководствуясь наставлениями, полученными Эстрадой от рыбаков. После некоторых попыток согласованное маневрирование парусом и *гуар*ами на носу и на корме позволило нам лавировать против ветра и в конечном счете вернуться к той самой точке берега, откуда мы вышли. Когда освоишь способ управления *гуар*ами, невольно поражаешься его простоте и действенности. На «Кон-Тики» мы уже установили: если, идя под парусом, вынуть из воды рулевое весло, плот сам ляжет на устойчивый курс под определенным углом к направлению ветра, и этот угол зависит от соотношения погруженной части *гуар*на носу и на корме. При боковом ветре плот поворачивался вокруг точки опоры, роль которой играла мачта, и, чтобы прекратить поворот, надо было сильнее погружать *гуар*ы в той части плота, которая уваливалась, или поднимать *гуар*ы на другом конце. На первых порах единственной проблемой было совершить полный поворот и лавировать против ветра, но и эта задача решилась, когда мы подняли рею прямоугольного паруса до места соединения колен двуногой мачты, чтобы она могла свободно разворачиваться в разные стороны. Быстро разворачивая парус и так же быстро изменяя соотношение погруженной части *гуар* перед мачтой и позади нее в критический момент, когда судно принимало ветер с траверза, мы добились того, что плот послушно выполнял полный поворот и ложился на новый курс, против ветра. После этого оставалось только подправлять *гуар*ы, чтобы лавировать в нужном направлении под теми же углами, под какими лавирует обычный килевой парусник (Heyerdahl, 1954[149]).

Итак, теперь нам известно, что нет никаких пределов дальности плаваний аборигенных южноамериканских судов в Тихом океане. Древние жители Эквадора и Перу, которые умели лавировать под парусом на своих вместительных и устойчивых бальсовых плотях,

прекрасно освоили морское дело, так что современным исследователям надлежит в корне пересмотреть свое предвзятое отношение к искусству судождения Андской области. Тогда мы уже не будем поражаться сообщению историков о том, что люди Писарро встретили большой перуанский бальсовый плот с товарами для Панамы, что вместе с моряками на борту находились женщины, что рыбаки, воины и исследователи надолго выходили в далекие плавания в Тихом океане.

Среди поистине выдающихся представителей древних культур Перу были племена, даже целые народы, приросшие душой скорее к морю, чем к суше, и основывавшие свое существование на давней мореходной традиции.

Глава 9

Культурные растения и древние мореплаватели

Американский этнолог и специалист по географии растений Картер сказал однажды по поводу независимой эволюции: «Всякий дурак может сделать наконечник для стрелы, но только богу под силу сделать батат». Аргумент этот был призван обратить внимание ученых других областей на исключительное значение биологии при поисках утраченных следов древних мореплавателей в Тихом океане. В этом духе высказывался и другой этнолог — Фердон, когда после археологических раскопок в Восточной Полинезии он произвел тщательное исследование источников, собирая наблюдения первых посетивших острова этой области европейцев. Он записал, что к числу самых интересных найденных им свидетельств относится запись в путевом дневнике Байрона, сделанная на атолле Такароа, расположенном как раз там, куда с наибольшей скоростью подходит Перуанское течение со стороны Южной Америки: «Среди виденных нами на берегу птиц были попугаи и попугайчики, а также дивные голуби, такие ручные, что они подлетали к нам вплотную и часто заходили в хижины туземцев» (Byron, 1764–1766). Попугаи в Полинезии не водятся. Что же до тихоокеанского побережья Южной Америки, то эти птицы сопровождали человека даже в море, судя по акварельной иллюстрации в книге Гумбольдта, где на огромном бальсовом плоту с грузом плодов и других товаров видим сидящего на штате зеленого попугая. Когда «Кон-Тики» выходил в плавание из Перу, нам подарили попугая; как известно, «Кон-Тики» финишировал в том же архипелаге, в который входит Такароа. Птицы эти были чрезвычайно популярны в Перу; в доевропейских погребениях находят и чучела и перья попугаев. Всякий художник может нарисовать попугая, но только мореплаватели могли доставить неспособную к дальним перелетам лесную птицу за тысячи километров на клочок суши в океане.

Собака еще один биологический указатель людских миграций в Полинезии. Полинезийская собака *Canis maori* не родственна дикой

динго Австралии, дворняжке Юго-Восточной Азии или арктической лайке, зато по найденным на Маркизах скелетным остаткам, собранным в Новой Зеландии шкурам и описаниям первых европейских мореплавателей установлено близкое генетическое родство с упоминавшимися выше аборигенными породами Мексики и Перу. Если свинья и курица, как отмечалось, распространились в Полинезии через Фиджи после того, как обособились маори, то собаку полинезийцы не могли получить из Меланезии, ибо там ее, судя по всему, до прибытия европейцев не было. Плававший вместе с Куком Форстер записал, находясь в самом центре Меланезии: «Вот их домашние животные: свиньи и обыкновенные куры; мы добавили к этому собак, продав им пару щенков, захваченных с островов Общества. Они приняли их с явным выражением высшего удовлетворения, но, так как называли их свиньями (*пуаха*), мы не сомневались, что собаки здесь совершенная новость» (Forster, 1777[115]).

Маори считают, что собака прибыла вместе с бататом (*кумара*) во время исходных плаваний с родины их предков. Уайт в труде «Древняя история маори, его мифология и предания» показывает, что воспоминания о собаке и батате восходят к временам, предшествующим выходу предков маори в море к их последующей полинезийской обители. По преданию, предки у себя на родине срубили «деревья с легкой древесиной и собрали бревна в истоках реки Тохинга. Они связали вместе бревна лианами *пиритаи* веревками и сделали очень широкий плот (*моки*)». Далее, они «построили дом на плоту и припасли в нем много продовольствия, корни папоротника, *кумаруи* собак» (White, 1889[317]).

Открывая в 1961 г. этноботанический симпозиум на X Тихоокеанском конгрессе в Гонолулу, председатель симпозиума ботаник Барро предложил заново пересмотреть все наличные свидетельства о родстве и распространении флоры тихоокеанских островов с учетом новых указаний, что аборигенные мореплаватели на плотках могли пересечь океан между Южной Америкой и Полинезией до прибытия европейцев.

Данная глава представляет собой дополненную версию статьи, первоначально опубликованной под названием «Флористические свидетельства доколумбовых контактов с Америкой» в «Antiquity» (т. 34, 1964).

Ботаника, как никакая другая область науки, ощутила на себе влияние предвзятых мнений среди этнологов относительно возможной дальности аборигенных плаваний. Ботаники, как правило, не считают себя знатоками древнего мореплавания и примитивных судов, а потому обращались к этнологам за квалифицированными суждениями по морским делам. И этнологи охотно давали свои заключения, после чего пользовались ответными выступлениями ботаников, чтобы подкрепить свои изоляционистские взгляды на древнюю историю Америки.

Видный ботаник де Кандоль издал в 1884 г. основополагающий труд «Происхождение культурных растений» и стал как бы отцом этноботанической науки. Обобщая все наличные в то время ботанические свидетельства, де Кандоль заключил: «В истории культурных растений я не нашел ни одного указания на связи между народами Старого и Нового Света до открытия Америки Колумбом» (Candolle, 1884[60]). Эти слова оказались важнейшим биологическим аргументом в происходившей тогда дискуссии между этнографами и специалистами по древней истории. Хотя де Кандоль был осторожен в своих выводах, тот факт, что он не обнаружил признаков обмена пищевыми культурами через Атлантический и Тихий океаны в доколумбовы времена, вполне согласовывался с растущей тенденцией к изоляционизму в оценках путей культурной эволюции. С той поры все большее число этнологов задавало вопрос: если кто-то до Колумба плывал между Америкой и Старым Светом, почему ни одна из зерновых культур Старого Света не была интродуцирована в древней Мексике или Перу и почему другие континенты не знали американской кукурузы?

В начале XX в. другой видный ботаник, Меррилл, безоговорочно принял сторону изоляционистов, всецело положившись на обоснованность их аргумента, что до появления европейских каравелл ни одно судно не могло пройти через океан до Америки. Верный последователь де Кандоля, на учении которого он основывал свои взгляды, Меррилл воспринял и развил тезис о том, что до норманнов и Колумба не было никаких контактов между Старым и Новым Светом. Убежденность и энергичная борьба Меррилла за свои взгляды сделали его одним из ведущих поборников новой гипотезы, будто великие океаны, омывающие тропическую и умеренную зоны Нового Света,

были сплошным непреодолимым барьером для древних мореплавателей. Однако если де Кандоль ограничился заключением, что доступный ему ботанический материал не говорит в пользу контактов между Старым Светом и аборигенами Америки, то Меррилл настаивал, что негативные флористические свидетельства доказывают отсутствие таких контактов.

В числе первых ботаников, утверждавших, что ботанические свидетельства говорят в пользу контактов между Америкой и Полинезией, были американские коллеги Меррилла — О. и Р. Кук. В первые два десятилетия нашего столетия они выдвинули ряд примеров, говорящих о распространении американского земледелия в Полинезии (O. Cook and R. Cook, 1918; O. Cook, 1901, 1903, 1910–1912, 1916 *a*, 1916 *b*, 1925[84, 78, 79, 80]). Меррилл ответил на их ботанические аргументы аргументом из области этнологии: «Господствующая среди этнологов гипотеза подразумевает распространение культуры через Тихий океан *на восток*, а не *на запад*». Дескать, если и были какие-либо американо-полинезийские контакты, то «гораздо логичнее говорить о движении со стороны Тихого океана в Америку, чем отстаивать миграцию из Америки в Тихий океан» (Merrill, 1920[216]).

Уже в 1937 г. Меррилл писал: «Поскольку земледелие в Америке было автохтонным, мы вправе предположить, что автохтонными были и культуры, на которых оно основывалось». Это категорическое, вновь и вновь повторяемое утверждение видного ботаника, к тому же одного из немногих пионеров этноботаники, не могло не произвести впечатление на современных ему этнологов.

Однако выводы Меррилла постепенно подвергались сомнению другими ведущими ботаниками и специалистами по географии растений, придерживающимися других взглядов. Наиболее видные среди них — О. и Р. Кук, к которым со временем присоединились Зауэр, Картер, Хатчинсон, Силоу, Стефенс, Стопор и Андерсон. Все они представили исторические или генетические свидетельства того, что древний человек *переносил* культурные растения через тропическую зону океанов, окружающих Новый Свет. Благодаря успехам современной археологии была получена важная ботаническая информация, неизвестная во времена де Кандоля, и Мерриллу становилось все труднее отстаивать категорические взгляды, которые он так упорно защищал в 20-х и 30-х годах.

Сила и убедительность негативных суждений Меррилла покоились на тезисе о полном и безусловном отсутствии в обоих полушариях культурных растений общего происхождения. Это негативное свидетельство, пусть не окончательное, казалось веским аргументом против трансокеанских плаваний. Однако стоило найти хотя бы одно исключение из правил Меррилла, и рухнула бы вся его аргументация. Так что Мерриллу надо было, фигурально выражаясь, следить за тем, чтобы его бочка нигде не протекала. Потеря даже одной клепки сделала бы всю бочку непригодной, и негативное суждение, обратившись позитивным свидетельством, ударило бы по нему с удвоенной силой.

Одно из культурных растений, чье повсеместное присутствие в Полинезии ко времени прихода европейцев давно озадачивало этнологов, — батат *Ipomoea batatas*. Сугубо американское растение это задолго до прибытия испанцев в Новый Свет проникло на полинезийские острова и от Пасхи до Новой Зеландии было основной пищевой культурой. Ни одно другое растение не занимает столь видного места в маори-полинезийских легендах о древних предках-мореплавателях и исконной родине, и во всей Полинезии, от Пасхи до Гавайских островов и Новой Зеландии, батат называли *кумарас* небольшими диалектными вариациями. *Кумарана* называли этот американский вид также аборигены древнего Перу; дальше на север, включая Панаму, видим названия *ккумара*, *кумар*, *умар*, *кумал*, *умалаи куала* (Heyerdahl, 1952[148]).

Этнологи не раз пытались исключить батат из ряда аргументов в пользу доевропейских контактов между Полинезией и Америкой. Ученые совершенно серьезно высказывали предположение, что батат был захвачен корнями упавшего дерева в перуанском приморье и без участия человека доплыл до Полинезии. Эта гипотеза не объясняет, как же название приплыло вместе с растением, а потому не встретила большой поддержки. Более убедительным казалось предположение, что батат вместе со своим перуанским названием попал в Полинезию, когда в конце XVI и начале XVII в. первые испанские каравеллы выходили из Перу в Восточную Полинезию. Однако в 1932 г. видный этнолог Диксон опубликовал исследование «Проблема батата в Полинезии», где смог показать, что *кумара* прочно укоренился во всем полинезийском треугольнике задолго до того, как там появились испанцы (Dixon, 1932[96]).

Меррилл не мог ничего возразить против исторических свидетельств Диксона, и, понимая, что уязвимый клубень батата мог пересечь океан только с помощью человека, он сдался, поскольку речь шла о сугубо американском культурном растении, неизвестном нигде в диком виде. В 1946 г. он выбил первую клепку из собственной бочки, признав, что аборигенные мореплаватели во всяком случае доходили из Нового Света до островов Полинезии. Меррилл писал: «...они ввезли в Полинезию одно важное пищевое растение американского происхождения — батат — и распространили его от Гавайских островов до Новой Зеландии... задолго до прихода европейцев в Тихий океан». Затем он пошел еще дальше и в 1954 г. подчеркнул, что для успешного переноса батата требовался тщательный уход за клубнями, аборигенные мореплаватели должны были везти из Америки живое растение кумара в соответствующей почве, иначе никакие клубни больше 1–1,5 месяцев не сохранили бы жизнеспособность во влажной атмосфере на уровне моря. Меррилл, отметив, что «Кон-Тики» потребовалось три месяца на то, чтобы пересечь океан, добавил: «Было бы нелепо утверждать, что до Магеллана не было никаких сообщений через Тихий океан...» — и заключил, что общеполинезийское возделывание американского батата служит положительным свидетельством доевропейских контактов (Merrill, 1954[220]).

Тем временем в новом освещении предстал также вопрос о доевропейском распространении кокосового ореха. В высшей степени полезная кокосовая пальма впервые была встречена европейцами в Юго-Восточной Азии и на Малайском архипелаге, почему ее почитали азиатским видом. Позднее, когда европейцы дошли также до Вест-Индии и тропической зоны Америки, они и тут застали ту же пальму; больше того, дикорастущие кокосовые пальмы встречались им в тропических лесах на севере Андов, а культурные рощи — на всем пути от Эквадора до Гватемалы. В своем труде о пальмах Марциус уже в 1823 г. заключил, что кокосовые орехи из района Гуаякиля в Эквадоре и с островов вблизи Панамы доплыли с течением через тропические широты Тихого океана до Азии (Martius, 1823[211]).

Де Кандоль первым признал весомость ботанических свидетельств в пользу американского происхождения кокосовой пальмы *Cocos nucifera*. Многочисленные виды подсемейства *Cosoinae* типичны для тропического пояса Америки, и ни один из них не известен в Азии.

Только полезный культивируемый вид с его съедобной костянкой был встречен европейцами в аборигенных поселениях от Месоамерики через весь Тихий океан до приморья Азии. Наличие дикой пальмы в Южной Америке вместе с данными преданий и историческими сведениями о сравнительно недавней интродукции в азиатском приморье вызвало шквал противоречивых гипотез в среде ботаников, и главенствующая роль принадлежала тут де Кандоллю:

«Обитатели азиатских островов были куда более отважными мореплавателями, чем американские индейцы. Очень может быть, что лодки с азиатских островов с кокосовыми орехами в качестве провианта по воле шторма или из-за неверных маневров были прибиты к островам или к западным берегам Америки. Обратное в высшей степени невероятно» (Candolle, 1884[60]).

Английский ботаник Геппи, лично занимавшийся четыре года исследованиями в Тихом океане, способствовал в 1906 г. возрождению первоначальной точки зрения Марциуса. Понимая, что географические условия не допускали переноса кокосового ореха на дрейфующих судах из Малайского архипелага до Южной Америки, он писал: «Остается... заключить, что он первоначально вышел из Америки — родины этого вида, возможно, в виде дара, доставленного Экваториальным течением из Нового Света в Азию» (Guppy, 1906[133]).

Вследствие этого многие ботаники начала XX в. считали возможным естественное проникновение кокосового ореха через Тихий океан. Но и эта гипотеза встретила сопротивление. К 1941 г. была закончена серия опытов с плавающими орехами на Гавайских островах. Они опровергли давнее убеждение, будто кокосовый орех, пройдя любое расстояние в океане, может прорасти, когда его вынесет на берег. Было установлено, что глазки плывущего в море ореха заражаются гнилостными бактериями, поэтому при длительном плавании, например между Новым Светом и Полинезией, он утрачивает жизнеспособность (Edmondson, 1941[102]).

Пришлось Мерриллу расставаться со второй клепкой: «...добавим еще одно утверждение, каким бы ошеломляющим оно ни показалось: вряд ли подлежит сомнению, что полинезийцы интродуцировали кокосовый орех на западном побережье Америки между Панамой и Эквадором сравнительно незадолго до прихода испанцев». Борясь до последнего против гипотезы об американском происхождении

кокосовой пальмы, он стоял на своем: «Мы не знаем окончательно, откуда происходит вид... Одно несомненно: кокосовая пальма прочно утвердилась на влажном тихоокеанском побережье Панамы и сопредельной Колумбии до прибытия испанцев» (Merrill, 1954[220]). Не успел Меррилл заявить, что вынужден пересмотреть свои ранее опубликованные взгляды о перевозках человеком батата и кокосового ореха между доколумбовой Америкой и Полинезией, как из его бочки выпало еще одно важное культурное растение — тыква *Lagenaria siceraria*. Эта тыква считалась одним из важнейших культурных растений, получивших общеполинезийское распространение в доевропейские времена.

В противоположность Линнею де Кандоль, а за ним и Меррилл полагали, что до Колумба коренное население Америки вовсе не знало бутылочной тыквы. Но вот археологи начали находить в древних погребениях Перу и Чили тыквенные семена и изделия из высушенных бутылочных тыкв, и это растение стало этноботанической проблемой. В 1931 г. Норденшельд указал на большое сходство таких изделий Океании и доиспанской Южной Америки и назвал бутылочную тыкву «главным доказательством доколумбовых связей между Океанией и Америкой» (Nordenskiöld, 1931[235]).

В 1938 г. Бак воспринял взгляд на бутылочную тыкву как свидетельство того, что полинезийские мореплаватели, совершая на лодках дальние плавания в начале нынешнего тысячелетия, несомненно, доходили до Южной Америки. В 1945 г., за два года до плавания «Кон-Тики», он повторил это утверждение и заявил: «Поскольку у индейцев Южной Америки не было ни судов, ни мореходных навыков, необходимых, чтобы пересечь просторы океана, отделяющие их берега от ближайших полинезийских островов, их никак нельзя считать переносчиками» (Buck, 1945[54]).

Мнение сего часто цитируемого этнолога снова повлияло на ботаников, и в 1943 г. Имз и Сен-Джон писали: «Ныне полагают, что до XIII в. полинезийские мореплаватели с Мангаревы или Маркизских островов ходили на восток до Перу, потом возвращались. Такое плавание может объяснить интродукцию батата... в Полинезии и бутылочной тыквы... в Южной Америке» (Eams and St. John, 1943[101]).

В 1950 г. даже Меррилл признал, что распространение бутылочной тыквы не может подтвердить его прежних взглядов, «ибо очевидно, что это культурное растение присутствовало в обоих полушариях до Магеллана». И еще: «Возможно, оно обязано своим присутствием в доколумбовой Америке полинезийским мореплавателям...» (Terrill, 1950[219]). Однако и это предположение было поколеблено постепенно накапливающимися свидетельствами. Одновременно с экспедицией «Кон-Тики», доказавшей возможность плаваний на плотках из Перу, археолог Джуниус Берд раскопал на перуанском побережье мусорную кучу и обнаружил, что представители одной южноамериканской рыбацкой культуры выращивали и использовали для изготовления разных предметов бутылочную тыкву свыше 3 тысяч лет назад, задолго до того, как полинезийцы поселились в Океании (Bird, 1948; Whitaker and Bird, 1949[38, 316]). Хронологическое свидетельство говорило о том, что тыква появилась в Перу раньше, чем в Полинезии; стало быть, она была доставлена в Полинезию из Перу, а не наоборот. В 1954 г. Меррилл отказался от идеи, что бутылочная тыква интродуцирована в Америке полинезийцами. Теперь он предложил считать исконной родиной этой тыквы Африку, откуда она-де попала в древнюю Америку через Атлантический океан. Он объявил, что распространением в Америке и Полинезии тыква также обязана человеку.

Отстаивать изоляционизм, цепляясь за оставшиеся от бочки клепки, было бессмысленно. И под напором свидетельств Меррилл перестал отрицать, что банан не был интродуцирован в Новом Свете португальцами, как он ранее полагал, а культивировался в Перу и Бразилии еще до плаваний Колумба. В 1954 г. он написал:

«С полным основанием можно признать, что одна или несколько из многочисленных полинезийских разновидностей банана были доставлены самими полинезийцами в Южную Америку, поскольку „глазки“ легко поддаются транспортировке на большие расстояния и сохраняют жизнеспособность, не требуя особого ухода. Возможно, одна разновидность, интродуцированная в приморье Перу, была перенесена через Анды и достигла верховий Амазонки» (Merrill, 1954[220]).

В это время в орбиту дискуссии было вовлечено еще одно полинезийское растение, которое раньше все упускали из виду. Когда европейцы впервые пришли на Маркизские острова, острова Общества, Гавайские острова и подверженные полинезийскому влиянию Фиджи,

они нашли там дикорастущий хлопчатник. Много лет это растение не беспокоило этноботаников: ведь исторически известные полинезийцы не знали ткачества, материал для своей одежды изготавливали, подобно некоторым племенам Малайского архипелага и всем индейцам северо-западного приморья Америки, отбивая колотушками луб. Никому не приходило в голову, что здесь мог существовать четко определяемый культурный субстрат, знакомый с ткацким станком и даже с гончарством. Хотя европейцы установили, что из хлопчатника островов Общества и Маркизских можно получить пряжу, островитяне безучастно отнеслись к их попыткам наладить организованное возделывание сей непищевой культуры и трудоемкое прядение и ткачество. И много лет единственной примечательной особенностью полинезийского линтерного хлопчатника почиталось лишь его географическое распространение: никаких видов дикого или культурного хлопчатника не было в других частях Тихоокеанской области, включая Австралию и Малайские острова, зато он рос на необитаемых островах Галапагос, перебрасывая тем самым мостик к диким и культурным хлопчатникам Нового Света.

В 1947 г. Хатчинсон, Силоу и Стефенс опубликовали цитированное выше генетическое исследование диких и культурных разновидностей хлопчатника всего мира. Ко всеобщему удивлению, они обнаружили, что полинезийский хлопчатник относится к 26-хромосомному неамериканскому виду, выведенному гибридизацией аборигенными селекционерами Мексики и Перу. Все дикие хлопчатники Америки насчитывают 13 хромосом; столько же хромосом у всех культурных и диких разновидностей Старого Света. А древним селекционерам Америки, как уже говорилось, удалось скрещиванием вывести разновидность, сочетающую 13 больших и 13 малых хромосом; получился 26-хромосомный, тетраплоидный, линтерный хлопчатник. Вместе с полинезийскими разновидностями это единственные тетраплоиды во всем роде хлопчатника. А потому из чисто ботанических соображений три названных ботаника вынуждены были предположить, что линтерный хлопчатник достиг Полинезии «после того, как в тропическом поясе Америки развилась цивилизация» (Hutchinson, Silow and Stephens, 1947[170]).

Зауэр показал в 1950 г., что сравнительно позднее, но все же доевропейское распространение культурного хлопчатника из Америки

в Полинезию нельзя приписать ни морским птицам, которые не едят семян *Gossipium*, ни океанским течениям, поскольку хлопчатник отнюдь не приспособлен к дальним плаваниям. Он показал также, что *дикий* 13-хромосомный хлопчатник мог попасть в Америку естественным путем в отдаленные геологические периоды, когда география земного шара была иной, однако такое объяснение не годится для «гораздо более поздних времен, когда возникла тетраплоидная группа. И эта гипотеза никак не позволяет объяснить присутствие хлопчатника явно американского происхождения в области от островов Галапагос до Фиджи. Волей-неволей мы должны допустить посредничество человека в географическом распространении рода *Gossipium*. Речь идет всецело о линтерных формах, используемых человеком» (Sauer, 1950[272]).

Картер спрашивал в 1950 г.: «Может быть, хлопчатник первоначально переносили как источник масличных семян, как полагают Хатчинсон, Силоу и Стефенс? Или же в тихоокеанской области было ткачество, от которого затем отказались в пользу лубяных материй?» (Carter, 1950[62]).

Словом, полинезийский линтерный хлопчатник вторгся в сферу этноботаники так же решительно, как батат, кокосовый орех и бутылочная тыква. Даже Меррилл, касаясь опознания в полинезийском хлопчатнике американского гибрида, заявил в 1954 г.:

«Этот гибрид вполне мог достичь Таити с помощью человека до того, как прекратились плавания полинезийцев».

Перед лицом растущего числа свидетельств прямых американо-полинезийских контактов в доколумбовы времена Меррилл был вынужден выдернуть все клепки из своей изоляционистской бочки: «Приходится согласиться, что случайные контакты время от времени возникали между народами Полинезии и Америки и даже между американскими индейцами и жителями островов Восточной Полинезии...» Не считая больше полинезийцев единственными мореплавателями Тихого океана, он добавлял: «Мы должны признать... что аборигены Южной Америки смогли достичь некоторых тихоокеанских островов на бальсовых плотках» (Merrill, 1954[220]).

Признание Меррилла в его последней, предсмертной публикации явилось вехой и обозначило поворот в американской и полинезийской этноботанике. Никто не отстаивал доктрину полной изоляции Америки

до Колумба с такой страстной убежденностью, как он. Меррилл и его сподвижники любой океан, несмотря ни на какие течения, считали барьером для перемещения человека, а не подвижной средой, способствующей активным плаваниям и дрейфам. Критический подход сторонников этой точки зрения, несомненно, сыграл ценнейшую роль плотины, без которой американскую этнологию в наши дни захлестнула бы волна диффузионистских гипотез. Необходимо подчеркнуть, что уступки по поводу трансокеанских контактов, обусловленные накопленными свидетельствами, ограничиваются аборигенными плаваниями через сравнительно короткие открытые пространства между Южной Америкой и Полинезией. Ботанические свидетельства прямого контакта с Азией или Малайскими островами отсутствуют. В Полинезии не обнаружено ни одно пищевое растение азиатского происхождения, кроме уже называвшихся ранее культур, полученных из Меланезии путем контакта с Фиджи.

И еще одно важное для всей Полинезии растение стало предметом горячих споров среди этноботаников. Только тот, кому доводилось жить среди полинезийцев и участвовать в их повседневной борьбе за существование, поймет, почему такое невзрачное на вид растение, как *Hibiscus tiliaceus*, играло важнейшую роль в жизни островной общины. В отличие от упоминавшихся до сих пор растений гибискус дает семена, приспособленные для естественного распространения по морю, поэтому он вполне мог раньше человека попасть в Полинезию. Тем не менее целенаправленное возделывание гибискуса в этой области, а также некоторые лингвистические наблюдения послужили причиной того, что и он стал предметом этноботанической дискуссии. Ботаник Браун справедливо говорит о гибискусе: «Одно из самых полезных растений, возделывавшихся древними полинезийцами» (Brown, 1935[45]). О. и Р. Кук первыми подняли вопрос о гибискусе, или *махо*, заявив в 1918 г.: «Хотя многие ботаники называют *махо* космополитическим растением морских берегов, возможно, что своим широким распространением он, как и кокосовая пальма, в большой мере обязан посредничеству человека». Они показали, что этот кустарник в диком виде встречается в изобилии и даже преобладает в растительности многих районов Центральной Америки и дальше на юг, до берегов реки Гуаякиль на тихоокеанском побережье Южной Америки, где аборигенное население изготовляло из его луба

материю и не боящиеся воды веревки, использовало его для разведения огня. О. и Р. Кук установили, что у полинезийцев гибискус нашел в общем то же применение и назывался похоже. Если в тропической зоне Америки он был известен как *махоили махагуа* (с некоторыми вариантами), то в полинезийских диалектах видим названия *мао, мау, вау, фау, хауи ау*. Названные авторы заключают:

«*Махо, махагуа*, или липолистный гибискус, — хозяйственное растение, о котором следует помнить, когда изучаешь проблему доисторических контактов между обитателями тропического пояса Америки и тихоокеанских островов. Хотя его считают уроженцем Америки, оно распространилось на островах и берегах Тихого и Индийского океанов явно до прихода европейцев. Простота размножения кустарника и перевозки черенков облегчила его разведение и распространение первобытными народами. Хотя для расселения *махо* участие человека не столь необходимо, как для батата и других растений, размножаемых черенками, его названия являют собой почти такое же убедительное свидетельство контактов, как и в случае с общим для полинезийцев и перуанских индейцев названием батата — *кумара*. Название *махоили махагуас* многочисленными местными вариантами широко распространено в тропической зоне Америки, и на многих тихоокеанских островах встречаем сходные обозначения либо самого растения, либо важнейших областей его применения (для волокна, лубяной материи, разведения огня)... Очевидно, первобытные полинезийцы знали *махо* до того, как познакомились с аналогичными азиатскими растениями; это следует из того, что полинезийские названия других важных культурных растений — бумажной шелковицы (*Papugius* или *Broussonetia*), китайской розы (*Hibiscus rosa sinensis*) и винтовой пальмы (*Pandanus*) — суть производные от *махо*. Добывание огня трением, изготовление материи отбиванием луба рифлеными колотушками — специальные приемы, которые, возможно, распространились вместе с *махо* из Америки в тропические области Старого Света» (О. Cook and R. Cook, 1918[84]).

Меррилл тогда оспаривал этот взгляд, утверждая, что названный вид никогда не *возделывался* за пределами Полинезии. Дескать, если его возделывали в Полинезии, то потому, что гибискус был лучшим или одним из лучших волокнистых растений, доступных первобытным полинезийцам. Он настаивал, что *Hibiscus tiliaceus* — вид, получивший

естественное пантропическое распространение, и что его семена разнесли морские течения. Ссылаясь на господствовавшую в ту пору этнологическую доктрину, будто американские аборигены не были мореплавателями, Меррилл утверждал, что, если человек и впрямь был причастен к распространению, разумнее полагать, что растение попало с островов в Америку, а не наоборот (Merrill, 1920[216]).

В 1950 г. Картер вернулся к изложенным выше противоречивым гипотезам:

«Эти аргументы представляются мне яркими примерами того, к чему приводят навязчивые идеи. Кук так старался доказать американское происхождение земледелия, что неосторожно, чтобы не сказать неразумно, сослался на галофит, семена которого хорошо приспособлены для переноса водой, как на *доказательство* того, что человек перевозил растения через океан. В свою очередь Меррилл то ли был очень возмущен настоятельным заступничеством Кука, то ли вообще не переносил мысль о транстихоокеанских контактах (а может быть, и то и другое) настолько, что, ослепленный своими страстями, не видел достоинств аргументации Кука... Судя по ветрам и течениям, если растение в самом деле было перенесено через Тихий океан естественным путем, то именно в направлении из Америки в Полинезию. Однако естественный перенос оставляет нерешенным вопрос о применении и названии... Совпадающие в Полинезии и в Америке названия и способы использования кустарника вкупе с положительным свидетельством в виде батата позволяют утверждать, что независимо от того, естественным или искусственным путем пересекло это растение океан, название его и скорее всего способы применения были перенесены через этот самый океан человеком. Очень похоже, что и растение доставил человек».

Картер пишет там же: «Трудно назвать более ясное доказательство контактов между народами Тихого океана и Центральной Америки, чем то, которое дают нам батат и гибискус, известный под названием махо» (Carter, 1950[62]).

Как мы уже видели в главе 6, Бак в поисках маршрута для миграции из Малайского архипелага признавал, что ни одно из полинезийских растений не могло прийти оттуда, поскольку сухие песчаные атоллы Микронезии служили барьером. Он показал, что все культивируемые в Полинезии пищевые культуры Старого Света

(хлебное дерево, влаголюбивое таро, сахарный тростник и пр.) были получены полинезийцами в недавнем прошлом, в пору оживленных межостровных контактов, когда посещавшие Фиджи гости через Самоа и Тонга распространили эти растения почти по всему Полинезийскому треугольнику. Вместе с фиджийским аутриггером, вместе с курицей и свиньей меланезийские растения постепенно переходили с острова на остров после того, как маори обособились от родственных племен в собственно Полинезии. Рис, с древнейших времен основная пища на Малайском архипелаге и в Юго-Восточной Азии, не был известен на Фиджи и других островах Меланезии, а потому так и не дошел до полинезийцев.

Хотя соседство Фиджи сильно влияло на экономику Полинезии в столетия, предшествующие появлению здесь европейцев, далеко не все полезные растения, которые распространились в разных частях Полинезии в доевропейские времена, можно привязать к этому архипелагу. Хорошо известно, что исконная флора до прихода человека, несомненно, была чрезвычайно бедна полезными растениями, однако европейцы застали уже совсем другую картину. Мы видели, что общеполинезийское возделывание батата, бутылочной тыквы, кокосовой пальмы, а также наличие в треугольнике хлопчатника и гибискуса вызвали оживленную дискуссию ученых, привыкших считать, что эти острова были недосыгаемы для южноамериканских аборигенных судов. Но к этому списку можно добавить еще много растений той же немеланезийской категории; правда, они распространены в Полинезии не так широко.

Три островные территории, образующие фасад Полинезии со стороны Америки, считая с юга на север, — остров Пасхи, Маркизские острова и Гавайские острова. Во всех этих местах обнаружены примечательные ботанические свидетельства, озадачившие ботаников и требовавшие непредвзятого объяснения.

Ближайшая к Южной Америке полинезийская территория — остров Пасхи. Его хозяйство ко времени прихода европейцев, как и хозяйство Гавайских островов и Новой Зеландии, всецело основывалось на возделывании южноамериканского батата. Пасхальцы выращивали несколько разновидностей, известных здесь под общим перуанским названием *кумара*. Голландцам преподнесли большое количество батата (Roggeveen, 1722; Behrens, 1722[263, 26]); отряд Кука

наблюдал обширные плантации этого растения (Forster, 1778[116]). Первые обосновавшиеся на Пасхе миссионеры писали: «Вечно они варят этот батат. Батат — повседневное блюдо, основная, неизменная пища аборигенов, взрослых и детей... ненарушимое однообразие: всегда батат, всюду батат...» (Eyraud, 1864[109]).

Первые на Пасхе европейцы видели также на полях бутылочную тыкву (Hervé, 1770[146]), и, когда прибыл Томсон, чтобы провести важные исследования для Национального музея США, он отметил: «Распространена дикая бутылочная тыква, она служит единственным сосудом и предметом домашней утвари, известным островитянам». И еще: «Эти калebasы растут в изобилии на острове, но заслуживают внимания еще и потому, что занимают большое место в преданиях, так как первые семена были привезены исконными поселенцами» (Thomson, 1889[307]).

Интересно, что прибывшим из Перу испанцам пасхальцы поднесли «бананы, чилийский перец, батат и птицу» (Hervé, 1770[146]). Все названные растения были известны в доевропейском Перу; их находят в древних, доинкских погребениях на побережье материка. Чилийский перец (*Capsicum*), похоже, рано попал также на Маркизские острова, где его часто можно видеть дикорастущим у заброшенных селений, но наиболее точные исторические сведения дает нам остров Пасхи. Все виды *Capsicum* американского происхождения; ни один не числится уроженцем Старого Света.

Заинтриговало ботаников также присутствие в чрезвычайно скудной пасхальной флоре мелкого томата и низкорослой разновидности ананаса. Томсон писал в прошлом веке: «Были также найдены дикорастущие томаты, и во многих случаях они вносили ценное разнообразие в наши нехитрые припасы» (Thomson, 1889[307]). Однако в начале XX в. Кнохе, отметив наличие на Пасхе чилийского перца, добавляет: «...мелкий томат (*Solanum lycopersicum*) ...исчез с острова Пасхи». Он пишет также, что из-за отсутствия ухода почти вовсе исчез полудикий низкорослый ананас (Knoche, 1925[187]).

Томат и ананас — сугубо американские растения, они не могли попасть в Полинезию с Фиджи. Оба росли в диком виде в районах домиссионерских поселений на восточном берегу Пасхи, откуда пасхальцы перебравшись в Хангароа на западном берегу, когда на острове впервые поселились европейцы. В тех же районах росли также

озадачившие ботаников маниок, маранта и табак; все это американские виды, и, однако, местные предания приписывают их интродукцию предкам в отличие от других растений, привезенных чужеземцами. В первые десятилетия европейской колонизации Томсон записал: «Мы видели растущий в глухих местах табак, но не могли определить, кем и когда он интродуцирован. Туземцы утверждали, что семена были в числе тех, которые привезли на остров первые поселенцы» (Thomson, 1889[307]). Местное название табака — *ава-ава*, из чего следует, что листья жевали, как жуют листья *аваили кава*, тогда как табак европейцев называли *одмо-одмо* (всасывать) или *пухи-пухи* (дуть). В Андской области, пока европейцы не перенесли сюда с севера обычай курить табак, его выращивали для жевания.

Важно отметить, что первые чужеземные растения, успешно интродуцированные на острове Пасхи, были доставлены миссионерами, прибывшими за два десятилетия до Томсона. А первая вообще документированная попытка была предпринята Лаперузом в 1786 г.: его огородник посадил на Пасхе капусту, морковь, свеклу, кукурузу, тыкву, грушу, сливу, вишню, апельсин, лимон и хлопчатник (La Pérouse, 1797[194]), но пасхальцы уничтожили посевы, не дав растениям укорениться.

Когда на Пасху впервые приплыли из Перу испанцы, они обратили внимание еще на одно важное американское растение. В их записках читаем, что для строительства своих жилищ пасхальцы собирали на плантации тот самый камыш *тотора*, который культивировали и использовали аборигены Перу (Hervé, 1770; Agüera, 1770[146, 10]). Этот камыш *Scirpus girardii* и поныне играет важнейшую роль в хозяйстве острова, но растет дико на частично заболоченных кратерных озерах Пасхи. Ко времени прихода европейцев он был главным строительным материалом не только для жилищ, но и для лодок; помещения обставлялись только циновками из *тоторы*; из нее же плели шляпы и корзины; чрезвычайно прочные волокна шли на изготовление рыболовных сетей, веревок и толстых плетеных канатов; покойников хоронили в обертке из *тоторы*. Этот пасхальный камыш — единственный за пределами Нового Света представитель сугубо американского вида. Углеродная датировка оберток, анализы пыльцы и документальные источники — все говорит о том, что данное растение интродуцировано на Пасхе до прихода европейцев (Smith, 1961[290]).

Поскольку речь идет о пресноводном растении с орошаемых полей в приморье Перу, корневища его не переносятся морскими течениями, морские птицы не едят его семян и не могли перенести их на своих перьях за три тысячи с лишним километров. И так как пасхальцы вязали из *тоторы* такие же лодки, какими пользовались древние рыбаки вдоль всего тихоокеанского побережья Южной Америки, ботаники и в этом случае предоставили этнологам искать ответа на загадку. Первоначально пасхальский камыш получил латинское наименование *Scirpus riparius* var. *paschalis*, но в 1956 г. видный знаток пасхальской флоры Скоттсберг провел новое исследование и пришел к выводу, что речь идет не о варианте, а о растении, тождественном перуанскому *Scirpus riparius*. Ученый заключил, что это растение было интродуцировано аборигенами: «Трудно представить себе прямой перенос семян через океан без участия человека, а говорить о сухопутных мостах несерьезно» (Scottsberg, 1956[287]).

Пасхальское предание утверждает, что один из древних предков островитян, Уре, привез с собой первые корневища *тоторы* и посадил их в кратерном озере Рано-Као. Отметим, что «уру» — название племени в области озера Титикака, чье хозяйство особенно зависит от камыша *тотора*. Большинство уру в наши дни живут на плавучих островах из камыша, строят свои лодки и жилища из того же материала.

Единственный спутник *тоторы* в кратерных озерах Пасхи, если не считать торфообразующего мха, — *Polygonum acuminatum*, еще одно ввезенное аборигенами сугубо американское пресноводное растение. Его трансокеанское распространение наводит на такое же размышление, как *тотора*. Древние пасхальцы и обитатели бассейна Титикаки использовали его как лекарственное растение.

Дикая или предположительно дикая флора уединенного острова Пасхи была чрезвычайно бедна. В 1934 г. Скоттсберг насчитал здесь всего 31 цветковое растение, из них 11 пантропических или широко распространенных в тропической зоне, а остальные 20 известны в ограниченной полосе к востоку или к западу от острова. Только семь играли существенную роль в хозяйстве пасхальцев, причем два были принесены из Полинезии и пять из Южной Америки [12]. Присутствие двух полезных полинезийских видов вполне объясняется тем, что предки нынешних пасхальцев, как известно, пришли из Полинезии, зато пять полезных южноамериканских растений основательно

озадачили ученых. В 1934 г. Скоттсберг писал: «С ботанической точки зрения эти растения, исключая американские виды, не представляют большой проблемы, если признать, что в самом деле была трансокеанская миграция... однако наличие американского элемента вызывает недоумение». Когда экспедиция «Кон-Тики» показала способность южноамериканских бальсовых плотов проходить расстояние, по меньшей мере вдвое большее того, которое требовалось, чтобы доставить на Пасху семена и корневища, Скоттсберг с новых позиций вернулся к загадочному происхождению пасхальской флоры и заявил, что интродукция аборигенами во всяком случае двух пресноводных видов вполне вероятна и такое допущение намного упрощает сложную ботаническую проблему трансплантации в доевропейские времена (Skottsberg, 1934, 1957[286, 288]).

Установив, что на острове Пасхи предостаточно биологических свидетельств древнего привоза растений с Американского материка, обратимся теперь к Маркизским островам; до них от Южной Америки вдвое дальше, зато они омываются главным потоком Перуанского течения. Флора Маркизских островов тщательно изучена Брауном; его трехтомный труд издан Музеем Бишоп в 1931–1935 гг. Браун установил, что важное хлебное дерево и влаголюбивое таро — неизвестные на Пасхе пищевые культуры маркизцев — были привезены аборигенами с Фиджи; вместе с тем из чисто ботанических соображений он оспаривал господствующие среди этнологов взгляды, утверждая, что другие растения маркизской флоры столь же убедительно свидетельствуют о доевропейских плаваниях из Южной Америки.

Мы увидим в главе 11, что племенные предания на Маркизских островах ясно говорят о далекой стране на востоке (где лежит Южная Америка), откуда предки маркизцев привезли первые кокосовые орехи. Далее, здесь, как и всюду в Полинезии, единственным сосудом была бутылочная тыква. Батат — *кумара* — возделывался тут, как и на других островах, хотя не играл такой роли, как на Пасхе и на Гавайских островах, поскольку его оттеснило гораздо более удобное в культуре хлебное дерево. Культурный линтерный хлопчатник одичал. Браун дополнил этот ряд ананасом (*Ananas sativus*), сугубо американским растением, мелкоплодная разновидность которого свободно произрастает от Бразилии до Андского высокогорья. По его мнению,

доколумбово присутствие ананаса на Маркизах говорило о древних плаваниях аборигенов через восточную часть Тихого океана:

«...уроженец тропической Америки, он явно доставлен в древности аборигенами на Маркизские острова, где его видишь во всех обитаемых долинах. Можно встретить отдельные растения тут и там на малых высотах, но похоже, что чаще его сажали на засушливом нагорье... Одна из самых больших ананасных плантаций на Маркизах — на востоке Фату-Хивы, на сухих, открытых, каменистых склонах Моуна-Натаху, на высоте 900 м» (Brown, 1931[44]).

В 1937 г. я прожил несколько месяцев в совершенно изолированной долине Уиа у подножия названной горы и мог убедиться, что дикие ананасы растут в самом неприступном уголке острова, куда вряд ли забирался кто-нибудь из европейцев, кроме бесстрашного Брауна (Heyerdahl, 1952; Хейердал, 1978[148, 8]). В зажатых горными массивами долинах восточного приморья Фату-Хивы никогда не селились европейцы, и даже сами полинезийцы покинули их вскоре после первого контакта с миссионерами. Мелкие местные ананасы были заброшены в покинутых районах Маркизских островов, когда европейцы интродуцировали более крупную разновидность, и островитяне четко различали их; новый ананас всегда рос около их нынешних поселений. Документально известно, что более совершенная разновидность ананаса на Маркизах впервые была интродуцирована в долине Таиохаэ на острове Нукухива в начале XIX в. (Porter, 1815[252]). Браун приводит и еще свидетельства того, что мелкий ананас произрастал на расчистках доевропейской поры:

«Местные названия *хаа хока*(северный диалект) и *фаа хока*(южный диалект) на Маркизах, *харана* островах Кука... Их мелкие плоды намного превосходят более крупные коммерческие разновидности тонкостью запаха и вкусом. Следующие шесть культивируемых разновидностей, составлявшие неотъемлемую часть древней материальной культуры, очевидно, выведены маркизцами из одного бразильского вида. Это убедительно говорит о том, что древние полинезийцы через контакт с Америкой получили исходный материал задолго до открытия Маркизских островов европейцами» (Brown, 1931[44]).

Папайя *Carica rарауа* — еще одно растение, неспособное распространяться по морю. Принадлежит к роду *Carica*; родина —

тропический пояс Америки; более мелкая разновидность с не такими вкусными плодами произрастала от Колумбии до Перу, где найдено много керамических изображений папайи, выполненных доинкскими гончарами.

Браун пишет: «*Carica papaya* ...на Маркизских островах по меньшей мере две разновидности: *ви инана* (*ви ината*), которую маркизцы считают одной из своих древних пищевых культур, несомненно, привезена аборигенами. Плоды мелкие и не такие вкусные, как у *ви Оаху*, привезенной, по словам островитян, с Гавайских островов первыми миссионерами. Обе разновидности обильно плодоносят. Местные названия: на Маркизах — *ви инана*, *ви ината* или *ви Оаху*, на Таити — *ита*, на Раротонге — *нинита*, на Риматаре — *эита*, на Гавайских островах — *хеи*. Сок папайи, желательно мужского дерева (мамее), применяется для припарок. Происхождение — тропическая Америка; в Полинезии интродуцирована аборигенами» (Brown, 1935[45]).

Наличие заметного южноамериканского элемента в маркизской флоре поразило Брауна не меньше, чем такой же элемент порастил Скоттсберга на Пасхе, и, хотя он допускал прибытие ряда видов естественными путями из Нового Света, Браун подчеркивал, что другие виды намеренно или ненамеренно были доставлены аборигенами. Поскольку его биологические наблюдения не согласовывались с господствовавшими этнологическими гипотезами, он заключал: «Хотя похоже, что основной поток населения Полинезии в отличие от флоры пришел с запада, между аборигенами Американского континента и Маркизских островов, несомненно, происходило какое-то общение» (там же).

Обратимся теперь к Гавайским островам, которые лежат далеко к северу от экваториальной штилевой полосы и за пределами природных конвейеров. Хиллебранд в своей «Флоре Гавайских островов» подчеркивал, что эти острова расположены в области продолжения Куроисио, отраженного северо-западным побережьем Америки; вместе с тем чисто гипотетически он предположил наличие побочной ветви течения со стороны Южной Америки: «Это побочное течение, возможно, причастно к прослеживаемому в гавайской флоре важному американскому элементу из Андского региона» (Hillebrand, 1888[160]).

Андский элемент на Гавайских островах включал уже рассмотренный в связи с Пасхой и Маркизами ананас. Бертони в своей работе, посвященной роду *Ananas*, одним из первых указал, что эта пищевая культура, видимо, попала на тихоокеанские острова из Южной Америки в доколумбовы времена (Bertoni, 1919[32]). В 1930 г. Дегенер в статье о гавайских растениях сослался на письменные источники, удостоверяющие, что первые привезенные европейцами ананасы были посажены на Гавайских островах в 1813 г., то есть через 25 лет после того, как Кук открыл эти острова; однако он же добавил, что «гавайцы выращивали это растение в полудиком виде задолго до того» (Degener, 1930[93]). Коллинз в статье по истории ананаса также обращает внимание на его давнее присутствие на Гавайских островах, где аборигены знали его под названием *хала Кахики* (Collins, 1949[75]). «Кахики» — полинезийское наименование легендарной родины предков, а «хала» созвучно *ха'аи хара*, как аборигены называли то же растение соответственно на Маркизах и на островах Кука.

Гавайские острова — еще одна полинезийская группа, где европейцы застали дикорастущий линтерный хлопчатник. *Gossypium tomentosum* одно время считали гавайским эндемиком, но в 1947 г. уже упоминавшееся исследование, проведенное Хатчинсоном, Силоу и Стефенсом, доказало, что речь идет о прямом деривате 26-хромосомного хлопчатника, искусственно выведенного представителями древних культур Мексики и Перу. Авторы заявляют, что «ввиду его тесного родства с хлопчатниками Нового Света *G. tomentosum* мог попасть на Гавайские острова только после утверждения цивилизации в тропическом поясе Америки» (Hutchinson, Silow and Stephens, 1947[170]).

Еще один примечательный вид в ряду американских пищевых культур, известных гавайским аборигенам, — перувианская вишня *Physalis peruviana*. Хиллебранд считает ее натурализованной и приводит местное название *поха*. На Гавайских островах *Physalis* культивировали в прошлом ради съедобных ягод, которые можно хранить несколько месяцев (Hillebrand, 1888[160]). Родина перувианской вишни — область от Мексики до Перу. В Новом Свете возделывались две разновидности, но попавшая на Гавайские острова *Physalis peruviana* культивировалась преимущественно аборигенами Перу. Картер выделяет в труде Хиллебранда девять американо-гавайских растений и заявляет, что все

они заслуживают изучения с этноботанической точки зрения. О перувианской вишне он говорит: «Подобно хлопчатнику, батату и гибискусу, *Physalis* опять-таки указывает на Перу». И еще:

«Даже эти немногие выдержки из старого труда содержат ключ к вопросу происхождения американского элемента во флоре Гавайских островов. В самом деле, было бы странно, если бы оказалось, что природа доставила на Гавайские острова только те „космополитические травы“, которые использовались человеком в Америке, причем и сам способ употребления совершил то же путешествие, как мы это видим в случае с *Argemone*» (Carter, 1950[62]).

Присутствие на Гавайских островах сугубо американского *Argemone* (*A. alba* var. *glauca*) было отмечено еще капитаном Куком, когда он открыл этот архипелаг, и заставило ученых основательно поломать голову. В статье о роде *Argemone* Прейн пишет, что его присутствие в аборигенной Полинезии «трудно объяснить» (Prain, 1895[253]), и его коллега Федде позднее в параллельном исследовании повторяет следом за ним: «право же, трудно объяснить» (Fedde, 1909[111]).

Ближайший родственник гавайского *Argemone* с белыми цветками растет на тихоокеанском побережье Южной Америки. Аборигены Перу культивировали его ради наркотических и анестетических свойств (Yacovleff and Herrera, 1935[322]), и такое же применение нашел он на Гавайских островах. Не удивительно, что это растение вскоре привлекло внимание этнологов. Сотрудник Музея Бишоп на Гавайских островах Стоукс, один из тех, кого заинтриговала роль американского батата для древних гавайцев, писал: «Если между Гавайскими островами и Центральной Америкой были древние контакты, не так уж и удивительно, что люди Кука обнаружили на островах мексиканский мак (*Argemone mexicana*). Тогда он мог сюда попасть на судах, а не с помощью ветра, как обычно утверждают» (Stokes, 1932[297]).

Наконец Картер сделал решительный шаг:

«Это не сорняк, а растение с определенным применением в рамках данной культуры. Поскольку растение прибыло на острова вместе со специфическими способами его применения, можно предполагать намеренную, а не случайную доставку... Оно используется здесь в медицине так же, как и в Америке: применяют не только масло из семян, но и млечный сок (от хронических кожных заболеваний). Кук

застал это растение, когда открыл острова. Федде давно отмечал, что этот вид произрастает на открытых пространствах, а это, как еще раньше указывал Энглер, характерно для интродуцированных растений на островах. Федде не считал этот вид древнейшей интродукцией. Названные свидетельства убедительно говорят о том, что растение доставлено на Гавайские острова человеком». И еще: «*Argemone* — признак того, что обмен знаниями касался не только пищевых культур, но и медицины с сопутствующими магическими ритуалами» (Carter, 1950[62]).

Как мы уже говорили, неверно представлять себе Полинезию островным раем до прибытия первых поселенцев. Всюду, где сохранились предания, мы узнаём, что люди не застали на островах почти никаких полезных растений. На благодатном ныне острове Мангарева предание говорит: «Когда туда прибыли Миру и Моа, там вовсе не было людей. Не было и высоких деревьев от берега до подножия гор. Земля была голая» (Buck, 1938 b[53]).

Хотя некоторые американские растения вроде камыша *тотораи* папайи, видимо, достигли только ближайших к их родине тихоокеанских островов, другие, как линтерный хлопчатник, распространились через острова Общества вплоть до Фиджи. А такие, как батат, проникли в глубь Меланезии всюду, где были полинезийские колонии, но не дальше. А вот кокосовый орех дошел через Тихий океан до Малайских островов и далее за несколько веков до прихода в эти области европейцев. Причина достаточно ясна: кокосовая пальма хорошо приспособлена для путешествия через сухие коралловые атоллы промежуточной микронезийской территории; стоило ей где-то прижиться, как она становилась верным спутником человека в дальних плаваниях благодаря тому, что содержимое ореха, включая молоко, долго сохраняется.

Мы видели в главе 2, что первые европейские мореплаватели, да и многие бальсовые плоты в XX в., миновав мелкие острова Полинезии, подходили к суше в обители негроидов — Меланезии. То же самое вполне могло происходить в доевропейские времена. Даже если перуанские предшественники маори-полинезийцев в своих экспедициях выходили на какие-то полинезийские острова, они мало что могли там найти помимо рыбы и морских птиц, так что естественно было, оставив необитаемые и невозделанные клочки суши, двигаться

дальше, к большим лесистым островам Меланезии, где весьма древнее полуконтинентальное население могло предложить выращенные им тропические культуры.

В пользу очень давнего прихода в Меланезию аборигенов Америки говорят не только археологические и исторические данные о наличии там налестной керамики американского типа и другие примеры культурных параллелей, но и присутствие линтерного хлопчатника, который в отличие от батата и бутылочной тыквы не мог быть посажен обходящимися *тапой* маори-полинезийцами. К тому же на запад вплоть до треугольника Самоа — Тонга — Фиджи проникли и другие полезные растения Нового Света. В прошлом веке Зеemann установил американское происхождение многих фиджийских растений (Seemann, 1865–1873[275]), и Меррилл признал: «...хотя полинезийцы могли сами вывезти батат из Америки в Полинезию, они могли также интродуцировать некоторые американские сорняки» (Merrill, 1946[216]). Но опять-таки бросается в глаза высокий процент *полезных* растений. Среди них *Heliconia bihai* — сугубо американское волокнистое растение, неожиданно появляющееся в сопредельной зоне Полинезии — Меланезии. Бейкер установил, что тихоокеанская геликония — культурная разновидность, родственная видам, которые выращивались аборигенами Мексики и Перу (Baker, 1893[16]). Ботаник Кук первым предположил, что она была доставлена человеком, ведь листья геликонии шли на кровлю, изготовление шляп, циновок, корзин, а богатые крахмалом клубни употребляли в пищу. Он писал:

«Хотя это растение больше не возделывается полинезийцами, оно прочно обосновалось в горах Самоа и на многих архипелагах дальше на запад. В Новой Каледонии из крепких листьев и в наши дни плетут шляпы, однако уроженец Малайской области панданус больше подходит для всяких хозяйственных нужд, и на полях полинезийцев он вытеснил *Heliconia*» (Cook, 1903[79]).

Этнологи всегда считали, что таро интродуцировано в Полинезию из Меланезии, и это несомненно так в отношении истинного таро *Colocasia antiquorum*, которое произрастает только на сырой почве и на орошаемых полях. Иное дело — предпочитающее сухую почву таро *Xanthosoma atrovirens*, известное на Таити и Маркизах как *тапуа*, — единственная разновидность таро, встречаемая на острове Пасхи на сухой земле среди лавовых глыб (Heyerdahl, 1961[151]). Сухолюбивое

таро могло явиться лишь из Америки, родины всех видов этого рода. Подобно Куку, Зауэр показывает, что *Xanthosoma*, как и истинное таро, обычно культивируют на относительно влажных низменностях. В Перу корни его сушат для длительного хранения.

В той же пограничной полинезийско-меланезийской области видим американские ямсовые бобы *Rachyrrhizus*. Поскольку они тесно связаны в своем распространении с собственно ямсом *Dioscorea*, следует, пожалуй, начать с последнего, у которого более замысловатая история. Принято считать ямс меланезийским растением, доставленным в Полинезию вместе с хлебным деревом. Однако это еще надо доказать. Род *Dioscorea* получил транстихоокеанское распространение в доколумбовы времена; европейцы в своем продвижении встречали его от атлантических берегов Центральной Америки до Малайских островов. Специалист по географии растений Зауэр в своем обзоре культурных растений Южной и Центральной Америки показывает, что в тропиках Нового Света произрастает ряд диких видов *Dioscorea*, в том числе есть виды со съедобными клубнями (Sauer, 1950[272]). Картер сообщает, что ямс (местное название *axec*) подробно описан уже во времена первой высадки испанцев на островах Карибского моря. Самое первое упоминание — в записках Наваррете о плавании Колумба: «Итак, вот еще одно растение, которое, подобно батату, размножается вегетативно, а потому вряд ли способно пересечь морские просторы с ветром, течением, птицами, вообще без помощи человека и, однако же, пересекло океан в доколумбовы времена» (Carter, 1950[62]).

Браун также вполне отдавал себе отчет в том, что аборигенный ямс попал на Маркизы скорее из Нового Света, чем из Меланезии. Узнав от островитян, что они называют эти клубни *пуахи*, он записал:

«Материала для точного определения недостаточно, но это растение как будто близко, если не тождественно *Dioscorea cayenensis* Lamarck, уроженцу Африки, который издавна возделывался в тропической Америке... Его подземные клубни охотно применяются в пищу аборигенами... На Маркизских островах ямс очень редок. Всего один экземпляр найден на Фату-Хиве, самом южном острове архипелага. Несомненно, интродуцирован аборигенами в давние времена. Если это и впрямь *D. cayenensis*, на который он очень похож,

перед нами еще одно указание на контакт с Америкой» (Brown, 1931[44]).

Джейкмен также отнес ямс наряду с бататом, хлопчатником, гибискусом, кокосовой пальмой и *Argemone* к этноботанически общей группе культурных растений, которые возделывались на островах Тихого океана до всякого контакта с европейцами:

«Эти растения, вероятно, уроженцы Америки и оттуда попали на острова... поскольку основные течения Тихого океана направляются от Америки на запад, к островам. Большинство этих растений не просто прибыло на острова случайно с течениями, их сознательно доставили туда переселенцы из древней Америки, это видно из того, что лишь немногие из них, а именно те, которые не боятся соленой воды, могли бы пересечь океан без помощи человека...» (Jakeman, 1950[176]).

В пользу того, что ямс попал на острова скорее из Америки, чем с Малайского архипелага, говорит также упомянутая выше связь с ямсовыми бобами *Rachyrrhizus*. Ямсовые бобы, известные индейцам кечуа под названием *axupa*, обнаружены в Паракасе, в перуанском приморье, при раскопках доинкских могил рыжеволосых мореплавателей, ходивших на швертовых плотках (Yacovleff and Herrera, 1934[322]). Племена Андской области культивировали ямсовые бобы вместе с ямсом как инсектицид (Clausen, 1944[71]). Однако он известен больше как пищевая культура благодаря сочным и сладким клубням. Встреча с ямсовыми бобами в Океании поразила Геппи:

«...родина *Rachyrrhizus* — Америка. Спрашивается, как растение такого происхождения вообще могло попасть на запад Тихого океана?.. Я тщательно искал, однако семян так и не обнаружил. На Тонге, как сообщает Грэффе, его часто сажают, чтобы улучшить почву для собственного ямса...» (Guppy, 1906[133]).

И опять же Кук явно первым среди ботаников понял, что, «если считать время и трудности путешествия, тихоокеанские острова находились ближе к аборигенам перуанского приморья, чем многие внутренние области материка, покоренные доевропейскими правителями этой империи». Он видит здесь объяснение, почему съедобные клубни такого представителя бобовых, как ямсовые бобы, могли распространиться от Перу до Тонга и Фиджи. И отмечает:

«Аборигены островов Тонга больше не выращивают *Rachyrrhizus* для питания, но поощряют его рост на паровых землях, считая, что это

растение помогает быстрее получать более высокие урожаи ямса... иногда это растение почему-то фигурирует в их религиозных ритуалах; видно, в древности оно играло более важную роль» (Cook, 1903[79]).

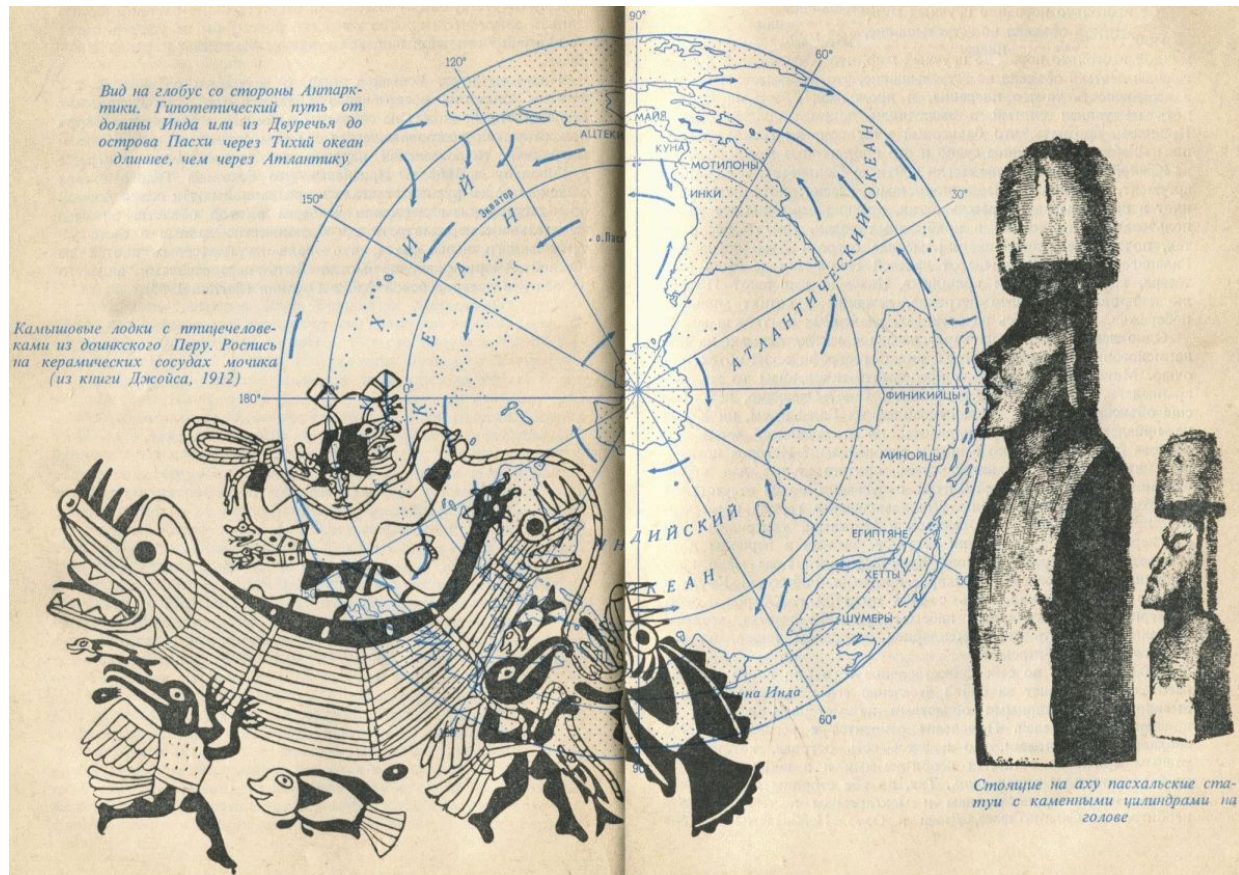
Против комплекса биологических свидетельств, которые говорят о том, что важные элементы древнего земледелия тихоокеанских островов были доставлены человеком из Южной Америки, выдвинут только один аргумент: кукуруза, очень древняя в Новом Свете, классическая американская пищевая культура, не возделывалась в Океании, пока ее не интродуцировали европейцы. Поскольку этот неоспоримый ботанический факт согласовывался с господствовавшим мнением о полной изоляции Нового Света от всех заморских территорий, кроме Сибири, он особенно сильно влиял на позицию этнологов. А потому стоит напомнить, что экспедиция Менданы, вышедшая из Перу и в 1595 г. открывшая первые полинезийские острова — Маркизы, везла с собой кукурузу. Черным по белому было записано, что команда «посеяла кукурузу в присутствии туземцев» (Guigoes, 1609[255]). Тем не менее, когда Кук повторно открыл те же острова в 1774 г., там не было кукурузы, не культивируют ее на Маркизах и в наши дни. Далее, Лаперуз в 1786 г. посадил кукурузу на острове Пасхи, но, прибыв туда почти через сто лет, миссионеры кукурузы не застали и сеяли ее заново. Никто не станет оспаривать исторически известных посещениях Менданьей Маркизских островов и Лаперузом острова Пасхи на том основании, что посеянная ими кукуруза не принялась. Конечно же, о трансокеанских плаваниях следует судить по большому количеству американских пищевых культур, которые росли в полинезийских поселениях до прихода европейцев, а не по одному отсутствующему виду. Если отсутствующее растение можно считать аргументом против контакта, почему бы не уделить такое же внимание основной пищевой культуре Малайского архипелага — рису.

Подведем итог. Всякий ученый, с интересом следивший, как в этом столетии росло число убедительных этноботанических свидетельств, не может не согласиться всецело с заявлением Барро при открытии возглавлявшегося им симпозиума по растениям и миграциям тихоокеанских народов на Тихоокеанском конгрессе в Гонолулу в 1961 г. Признавая, что ботаника Тихого океана слишком долго руководствовалась признанной почти всеми догмой об одностороннем

движении человека в этой области, он счел желательным пересмотреть все ботанические данные в свете установленного ныне факта, что люди на бальсовых плотях из Южной Америки вполне могли быть переносчиками андского элемента в доевропейской флоре Океании (Barrau, 1963[23]).

ЧАСТЬ IV

Ступеньки на Запад из Южной Америки

Глава 10

Использование островов Галапагос до испанцев

Прибытие в Полинезию бальсового плота «Кон-Тики» с командой настолько поразило научный мир, что один видный американский деятель объявил во всеуслышание, что отказывается верить в возможность такого плавания, и продолжал стоять на своем, пока не увидел снятый в экспедиции документальный фильм. Пришлось признать, что бальсовый плот вопреки господствовавшим мнениям мореходное судно и что аборигенные мореплаватели из Южной Америки вполне могли дойти до Полинезии. Следующий аргумент, выдвинутый изоляционистами, гласил: хотя бальсовый плот в принципе мог пересечь океан, древние перуанцы все равно пользовались им только в прибрежных водах. Дескать, если не так, почему же ближайшие к Америке острова Хуан-Фернандес, Галапагос, Кокос в отличие от далекой Полинезии не были обитаемы, когда европейцы пришли в Инкскую империю? Почему люди проплывали мимо островов, лежащих в сотнях миль от побережья, и поселялись на островах, удаленных на тысячи миль?

Одно дело — глядеть на карту океана с напечатанными на ней наименованиями, совсем другое — видеть географический объект воочию. Могли ли эти острова предложить поселенцам то же, что архипелаги, расположенные дальше в океане? Очевидно, нет. Чем еще объяснить, что ни Хуан-Фернандес, ни Галапагосы, ни Кокос не привлекли не только индейцев, но и испанцев, когда эти острова были официально открыты европейцами? История показывает, что острова Галапагос, столь притягательные для игуан, огромных черепах, тюленей и птиц, отпугивали людей отсутствием постоянных источников воды. Лишь маленькая группа переселенцев, преимущественно из Эквадора и Норвегии, ухитрилась кое-как перебиваться в окружении кактусов, запасая в периоды дождей воду в цистерны. Острова Хуан-Фернандес тоже мало кого манили, хотя Александр Селкирк, прототип Робинзона Крузо в романе Дефо, прожил здесь с 1704 по 1709 г. Остров Кокос, подвергавшийся регулярным

набегам искателей счастья, которые надеялись отыскать там легендарное сокровище инков, по сей день остается необитаемым.

Выходит, само по себе существование того или иного острова необязательно влечет за собой заселение его человеком, как это бывало и с обширными областями на материке, которые не привлекли обитателей. Полинезия относится к регионам, всегда соблазнявшим человека. Но и здесь есть острова, которые по разным причинам остаются необитаемыми и в наши дни, хотя по карте этого не определишь. Так, по обе стороны Пасхи лежат хорошо известные пасхальцам и мангаревцам и тем не менее необитаемые Сала-и-Гомес, Дюси и Оэно. Необитаемый остров Хендерсон играет важную роль в экономике жителей Питкэрна, плавающих туда на лодках за древесиной для резных изделий. Да и сам Питкэрн неизвестно почему был безлюден, когда Флетчер Крисчен и другие бунтовщики с «Баунти» прибыли туда в 1790 г. и основали существующую поныне колонию. Между тем аборигенные мореплаватели знали про Питкэрн; это видно из того, что люди Крисчена находили мелкие каменные статуи и другие следы бывшего поселения, включая неполинезийские кварцевые и базальтовые наконечники для копий, хранящиеся ныне в одном из музеев Оксфорда (Heyerdahl and Skjölsvold, 1965[157]).

Можно ли представить себе, что такой крупный архипелаг, как Галапагос, расположенный относительно близко к берегам Эквадора и омываемый главным потоком Перуанского течения, был известен южноамериканским морякам, однако не располагал их к постоянному поселению? Не говоря уже о предельно скудном ландшафте с его вечными кактусами, где все выпадавшие в сезон дождей осадки тотчас уходили в пористую лавовую почву, известно, что действующие вулканы производили опустошения на этих островах и в исторические времена.

Исследование наличной литературы об этом архипелаге выявило единодушное мнение авторов, что на островах Галапагос нет никаких археологических остатков, что до европейцев здесь не ступала нога человека. Однако все эти утверждения основывались не на личных наблюдениях археологов, а исходили от зоологов, ботаников, геологов и авторов путевых записок, которые, судя по всему, просто цитировали друг друга и повторяли суждение, ставшее аксиомой. Выяснилось, что ни один археолог и не пытался заниматься островами Галапагос,

поскольку считалось, что 600-мильное расстояние, отделяющее их от материка, не могло быть преодолено судами южноамериканских аборигенов.

Обстоятельства, которые в конце концов привлекли внимание археологов к Галапагосам, можно назвать забавными. В руки сотрудников Американского музея естественной истории попала фотография странной каменной головы, обнаруженной ботанической экспедицией на острове Санта-Мария (Чарльз) (Orcutt, 1953[239]). Обросшая лишайником и затененная листвой, голова эта выглядела настолько подлинной, что специалист по этнологии острова Пасхи Метро заключил, что этот образец ваяния вдалеке от материка обязан своим рождением полинезийским мореплавателям. Археологи упомянутого музея полагали, что стоит исследовать территорию, где найдена скульптура. Я пригласил заведующего археологическим отделом Управления национальных парков США Рида и главного куратора кафедры археологии в университете Осло Шельсволда, и мы приступили к первым систематическим поискам следов доевропейских поселений на островах Галапагос.

Фотография с Санта-Марии (Чарльз) оказалась сплошным разочарованием: непосредственный осмотр камня позволил установить, что он недавно обработан добродушным немецким поселенцем, который немного подправил естественную поверхность лавы на радость своим детям, и у него не хватило духу сказать об этом, когда он увидел, как ликовали при виде камня приезжие ботаники. Впрочем, не менее забавно, что тот же поселенец, господин Виттмер, узнав о наших планах, отвел нас в курятник, где куры уже давно, на удивление хозяину, выкапывали из земли старые черепки. Не так давно после особенно сильного ливня такие же черепки обнажились на склонах небольшого овражка. Так получилось, что не ученые, а куры первыми открыли археологические свидетельства на островах Галапагос.

Наши исследования были ограничены островами Санта-Мария (Чарльз), Санта-Крус (Индефатигабл) и Сан-Сальвадор (Джеймс). Способ отбора наиболее многообещающих мест для закладки шурфов был очень прост: мы ходили вокруг островов на маленькой лодке и высаживались там, где, как нам представлялось, захотели бы высаживаться наши предполагаемые предшественники. Таких мест на Галапагосах чрезвычайно мало. Эродированные скалы и застывшие

лавовые потоки с острыми гранями не благоприятствовали высадке, а там, где все-таки можно было высадиться, редко удавалось найти подходящий ровный участок для лагеря среди лавовых глыб и острых скал. Тем не менее на всех трех названных островах нашлись исключения, и в каждом случае лопатки археологов подтвердили, что раньше нас на берег сходили аборигенные мореплаватели.

Следующая глава основана на докладе «Археология островов Галапагос», прочитанном на X Тихоокеанском конгрессе в Гонолулу в 1961 г. Полный иллюстрированный отчет о находках Галапагосской экспедиции опубликован мною совместно с Шельсволдом под названием «Археологические свидетельства доиспанских посещений островов Галапагос» в *Memoir of the Society for American Archaeology* (1956, № 12).

Археологическим исследованием островов Галапагос до недавнего времени пренебрегали, полагая, что они находились за пределами досягаемости для примитивных судов как Южной Америки, так и Полинезии. Примечательно, однако, что авторы XVI–XIX вв., знакомые со швертовыми бальсовыми плотами, полагали Галапагосы вполне достижимыми для аборигенных судов Южной Америки. Убеждение, будто сюда могли прийти только европейские суда, возникло после того, как европейцы перестали встречать в море бальсовые плоты.

Мы уже говорили, что и Мигель Кабельо де Бальбоа, и Педро Сармьенто де Гамба знали и лично описали парусные бальсовые плоты еще до того, как были записаны предания о длительном океанском плавании Инки Тупака. Испанцы тогда уже знали Галапагосы, но Полинезии не знали, поэтому Бальбоа предположил, что флот Инки посетил именно острова Галапагос. Однако Сармьенто де Гамба собрал более обширную информацию, в том числе точные навигационные указания, и убедил вице-короля снарядить экспедицию Менданьи на поиски острова в 2400 милях (600 лигах ^[13]) на юго-юго-запад от Кальяо, далеко в стороне от Галапагосов.

Чтобы лучше судить о предыстории этих островов, остановимся сначала на исторически известных первых европейских посещениях архипелага.

Впервые европейцы посетили архипелаг в 1535 г., когда корабль, на котором находился епископ Панамы Томас де Берланга, следуя вдоль

побережья на юг, в Перу, был подхвачен неблагоприятным течением. Там, где течения Эль-Ниньо и Гумбольдта объединяют свои силы, на шесть дней наступило затишье, и парусник Берланги начало быстро сносить в море. Беспомощно продрейфовав 10 дней в экваториальной штилевой полосе, судно в десятый день марта очутилось на расстоянии видимости какого-то острова. В донесении королю Испании, датированном 26 апреля 1535 г., Томас де Берланга сообщает о тщетных поисках воды на новооткрытой земле, где команде встретились странные игуаны, похожие на змей, и такие большие черепахи, что на них можно было ездить верхом. На острове окружностью 4–5 лиг не нашлось ни капли воды, а тут и на корабле кончились ее запасы, отчего сильно страдали испанцы и их лошади. На другой день был обнаружен еще один остров, больше первого и с высокими горами. Из-за течений и штилей шли до этого острова три дня; он насчитывал в окружности 10–12 лиг. Когда корабль бросил якорь, все сошли на берег; одних послали внутрь острова искать воду, другие вырыли колодец, из которого пошла вода «соленая, точно в море». За два дня и тут не было найдено пресной воды; испанцы спасались тем, что выдавливали и потребляли сок кактусов. Здесь, как и на первом острове, водились тюлени, черепахи и игуаны, не говоря уже о разных птицах, таких ручных, что многих ловили руками.

Епископ выражал сомнение, чтобы на этом острове можно было найти клочок, пригодный для посева хотя бы одного бушеля зерна: кругом сплошной шлак с кактусами вместо травы и груды камней в таком количестве, словно «всевышний некогда насрал на эту землю каменный ливень». Из-за безводья испанцы потеряли двух членов команды и десять лошадей. В конце концов удалось в одном овраге найти среди камней воду и набрать в бочонки и кувшины около 2 тысяч литров.

С этого острова было видно еще два: один средних размеров, другой — намного больше всех прочих, по меньшей мере 15–20 лиг в окружности. Было определено, что острова лежат между 0°30' и 1°30' ю. ш. Испанцы не стали исследовать два других острова; вместо этого, полагая, что новый архипелаг, до которого они дошли очень легко, находится всего в 20–30 лигах от перуанского побережья, они взяли курс на материк с уже упомянутым скудным запасом воды. Однако вскоре им снова пришлось убедиться в силе направленного к западу

течения: 11 дней они плыли, не видя суши. На 3° ю. ш. Берланга понял, что взятый курс завел их в еще более сильную струю океанского течения, приказал лечь на другой галс, и еще через 10 дней судно пришло в Каракасский залив в Эквадоре, нисколько не приблизившись к Перу.

Следующее посещение островов Галапагос, еще более кратковременное и поверхностное, чем первое, состоялось в 1546 г. Во время гражданской войны между Писарро и вице-королем Перу капитан Диего де Риваденейра украл корабль в Арике, на северном побережье нынешнего Чили, и взял курс на Новую Испанию, после того как ему не позволили высадиться в Куильке. После 25 дней плавания без приборов и карт корабль приблизился к очень высокому острову, который и обошел за три дня.

Бурное волнение не дало команде высадиться на берег, и судно продолжало бороться с сильными течениями. При этом было замечено еще 12 островов, размерами уступавших первому. Лишь в одном месте людям Риваденейры удалось наконец высадиться для поисков воды, но и то они поспешили вернуться на корабль, боясь, как бы товарищи не бросили их на этом пустынном клочке земли. Разведчики доставили на борт несколько птиц, команда снова подняла паруса и покинула засушливый архипелаг, так и не запасшись водой. Людям Риваденейры пришлось очень туго; наконец сильный ливень помог им утолить жажду. После этого они пристали к берегу в Гватемале, где Риваденейра сообщил о своем открытии и описал виденных на островах огромных черепах, игуан, морских львов и птиц.

В конце XVI в. к Галапагосам подходили и другие испанские каравеллы, но засушливые, бесплодные острова не нашли применения. Местные течения и завихрения постоянно сбивали корабли с курса, так что казалось, эти странные острова перемещаются по поверхности океана. Вот почему их называли Лас-Ислас-Энкантадас — Заколдованные острова. Никто не видел в них никакой пользы, пока под конец XVII в. на архипелаге не высадились английские буканьеры. С той поры колдовство было развеяно, и буканьеры предпочитали называть острова более реалистичным именем — Галапагосы, которое впервые употребил еще в 1570 г. фламандский картограф Абрахам Ортелиус в честь огромных местных черепах, так поразивших первооткрывателей.

Первый отряд буканьеров, задумавший обосноваться здесь в 1680 г., возглавлял капитан Бартоломью Шарп. Поначалу его судно следовало на юг, в сторону Перу, но у мыса Парина свернуло в океан, избегая встреч с испанцами. Оказавшись в районе, где Перуанское течение устремляется к Галапагосам (к тому же дул очень сильный береговой ветер), буканьеры увидели идущий под парусом торговый бальсовый плот. Штурман посоветовал не связываться с командой плота, «потому что было еще не известно, сумеем ли мы их догнать...».

Из тех же записок мы узнаём, что бальсовые плоты «превосходно» ходят под парусом, причем самые большие перевозят до 250 тюков муки из долины Перу до Панамы, не замочив ни одного тюка (Shar, 1704[278]).

В 1684 г. пиратский корабль «Улада холостяка», войдя в Тихий океан, соединился с кораблем «Никлас», и вместе они возле островов Лобос у берегов Перу захватили три испанских торговых судна. Один из пиратов, Уильям Эмброуз Каули, поведал об этом историческом событии в рукописи, хранящейся в Британском музее. Каули сообщает: «...мы пошли на запад, чтобы попытаться найти эти острова под названием Галиполус, а испанцы подняли нас на смех, они называли их заколдованными островами и говорили, что никто, кроме капитана Пориалято, их не видел, да и то он не мог подойти к ним вплотную и бросить якорь, ведь это призраки, а не настоящие острова» (Cowley, 1684[86]).

Приводимые здесь строки были частью опущены, частью искажены, когда Хакке опубликовал рукопись в 1699 г. в «Сборнике настоящих плаваний» под заголовком «Плавание капитана Каули вокруг земного шара».

После трехнедельного плавания Каули и его пиратская шайка нашли острова Галапагос. Они простояли на якоре 12 дней, деля добычу и занимаясь на берегу лечением больного капитана Джона Кука. Пираты посетили несколько островов, и Каули на правах первооткрывателя дал им названия. Он успел также составить первую карту архипелага. Каули и его сподвижники, включая Уильяма Дампира, Эдварда Девиса, Лайонела Уэфера, Безила Рингроуза и Джона Кука, нашли пресную воду только в бухте Джеймс на острове Джеймс, или Сан-Сальвадор (у Каули — залив Олбэни на острове Герцога Йоркского). Здесь им попала «отличная пресная вода», и они

свезли на берег несколько тысяч тюков муки и 8 т айвового конфитюра, составивших часть своеобразной добычи, взятой на испанских кораблях. Последующие посетители часто указывали на множество однотипных больших разбитых «испанских судов», обнаруженных на этом берегу, и нет никакого сомнения, что эти черепки и впрямь представляют остатки сладкой добычи «Услады холостяка».

Освободившись от части груза, пираты снова пошли на север, чтобы поискать еще пресной воды на других островах, однако попали в такое сильное течение, что не смогли даже вернуться на остров Сан-Сальвадор (Джеймс), чтобы пополнить убывающие запасы. Пришлось взять курс на северо-северо-восток, который и привел их в конце концов к берегам Новой Испании.

В последующие месяцы 1684–1685 гг. «Услава холостяка» вместе с другими пиратами, вошедшими в Тихий океан, грабила испанские корабли у северо-западных берегов Южной Америки. Вице-король Перу проведал о том, что английские пираты хранят на Галапагосах провизию и держат там коз, и послал отряд с заданием уничтожить провиант и отвезти на берег собак, чтобы те расправились с козами. В 1685 г. «Услава холостяка», вернувшись на заколдованные острова, смогла забрать всего лишь 500 тюков муки, да и те были отчасти попорчены птицами. На сей раз пиратам больше повезло с водой благодаря необычно сильным ливням, и они заметили участки хорошей почвы.

В последующие годы острова Галапагос служили важной базой пиратов, совершавших набеги на побережье Южной Америки. Этот район был достаточно удален от главных трасс испанского судоходства, пиратам не надо было опасаться внезапной атаки, и они спокойно укрывались здесь между битвами и походами. На острова привозили домашних животных; дичая, они служили дополнением к провианту в виде черепах, игуан, птицы и рыбы. Постепенно пираты разведали все немногочисленные непересыхающие источники пресной воды.

По следам британских пиратов в 1700 г. на Галапагосы прибыла французская экспедиция в составе двух кораблей во главе с Бошаном-Гуэном. Французы занимались торговыми операциями, идя вдоль южноамериканского побережья до Кальяо, причем пережили немало неприятностей, потому что их постоянно принимали за недавно бесчинствовавших здесь буканьеров. В конце концов французы ушли от

побережья, чтобы исследовать Галапагосы, известные некоторым членам команды, которые и впрямь прежде были пиратами. Экспедиция провела на архипелаге месяц, посетив четыре острова, однако с дровами было плохо, с водой еще хуже, и, покидая архипелаг, французы назвали его «самым отвратительным местом в мире» (рукописный журнал Бошана, хранящийся в Военно-морском музее).

В 1709 г. острова Галапагос дважды посетили снаряженные бристольскими купцами для каперства «Дюк» и «Дюшес». Командир отряда капитан Вудс Роджерс, как и Бошан, отозвался о Галапагосах куда менее восторженно, чем пираты, которые двадцатью годами раньше расхваливали этот архипелаг.

После англичан и французов снова наступила очередь испанцев. Карл III снарядил экспедиции для исследования тихоокеанских вод у берегов Америки, и в 1789 г. на Галапагосы прибыл Алонсо де Торрес. Он переименовал острова и составил новую карту — похуже той, которую на 100 лет раньше начертил Каули.

Насколько можно судить по источникам, заход Торреса на «Заколдованные острова» был первым важным по своим последствиям посещением архипелага испанцами после его открытия Берлангой в 1535 г. — факт, достаточно существенный для нашего истолкования обнаруженной на островах керамики, которое последует дальше.

Годом позже, в 1790 г., Галапагосы посетила первая совсем непродолжительная научная экспедиция на кораблях «Дескубиерта» и «Атревида» под командованием Алессандро Маласпины. К сожалению, вернувшись на родину, Маласпина попал в тюрьму за политическую деятельность, а потому его рукописи не были опубликованы.

В 1793 г. прибыла на архипелаг еще одна экспедиция, открывшая важную страницу в его истории. Английский капитан Джеймс Колнетт был направлен в Тихий океан на корабле «Рэттлер», чтобы исследовать районы китобойного промысла и разведать острова и порты, куда китобойцы могли бы заходить для ремонта и пополнения припасов. Колнетт посчитал расположение Галапагосов удобным для китобоев; здесь можно было вытаскивать суда на берег и в обилии запастись свежим провиантом, включая вкусное и очень легко добываемое мясо черепах. Он составил первую отвечающую современным требованиям карту архипелага и дал наименования островам, которые не смог опознать по старым картам. Источник на острове Сан-Сальвадор

(Джеймс), снабжавший водой пиратов, высох, но капитан предположил, что в глубине острова можно найти другие. Кругом валялись брошенные пиратами испанские кувшины, в том числе совершенно целые. Здесь же были найдены и другие следы пребывания буканьеров — старые кинжалы, гвозди и прочие предметы.

С публикацией в 1798 г. пространного отчета Колнетта о его миссии началась китобойная эра в жизни островов Галапагос. Пиратская эра кончилась давно. Лишь в 1816 г. архипелагу снова нанесли короткий визит авантюристы этого склада: корсары Бушар и Браун пришли сюда, чтобы разделить добычу. Если буканьеры в прошлом отдавали предпочтение бухте Джеймс на острове Сан-Сальвадор (Джеймс), то китобои пользовались удобной якорной стоянкой в заливе на западном берегу Исабелы (Албемарл); с той же поры Почтовая бухта на Санта-Марии (Чарльз) стала регулярным портом захода: идущие на промысел суда оставляли здесь в бочке почту, которую забирали другие суда, возвращавшиеся домой.

В 1812 г. на Галапагосы пришла война: американский капитан Дэвид Портер, получивший задание очистить Тихий океан от английских китобойцев, явился сюда на фрегате «Эссекс». Американский китобоец, занимавшийся промыслом у берегов Южной Америки, привел его в Почтовую бухту с ее знаменитой бочкой. Капитан Портер нашел в письмах важные сведения и смог перехватить немало вражеских судов.

К тому же времени на архипелаге появился первый в исторические времена поселенец. Ирландский моряк Патрик Уоткинс не поладил со своим капитаном и по собственной просьбе был высажен на берег Санта-Марии (Чарльз) поблизости от Почтовой бухты. Километрах в полутора от берега он нашел подходящий, достаточно влажный клочок земли, построил себе хижину и на одном гектаре выращивал картофель и тыквы, сбывая урожай регулярно навещавшим остров китобоям. Капитан Портер в своем журнале, опубликованном в Лондоне в 1823 г., ярко описывает этого отшельника, который пристрастился к рому, а затем хитростью и силой задержал четверых других моряков с разных кораблей и обрек их на роль своих невольников. Повествуя о том, как Патрик и его странная компания в конце концов покинули остров на украденном суденышке, капитан Портер предсказывал, что Галапагосы еще на много десятилетий останутся необитаемыми. Прошло немногим

больше десяти лет, и Хосе Вильямил предпринял первую организованную попытку колонизовать архипелаг.

До тех пор ни одно государство не предъявляло своих прав на Галапагосы, но генерал Вильямил из только что обретшего независимость Эквадора задумал организовать компанию по освоению архипелага и в 1832 г. официально вступил во владение им от имени эквадорского правительства. Он переименовал Галапагосы в архипелаг Колона. Добившись помилования 80 солдат, приговоренных за бунт к смертной казни, он отправил их с женами на Санта-Марию (Чарльз), чтобы впервые в исторические времена заложить на архипелаге поселение в глубине острова, в нескольких километрах от Черного берега. Здесь, на высоте 300 м над уровнем моря, из скал бьет небольшой родник с превосходной водой и есть достаточно почвы, чтобы вести скромное хозяйство и держать небольшое количество домашних животных. Однако для поселенцев начались неприятности, когда правительство решило разместить на острове штрафную колонию и пополнило население двумя сотнями ссыльных. Спустя несколько лет Вильямил, разочаровавшись, отказался от губернаторства; последовали мятежи и стычки, большинство ссыльных бежало. В 1845 г. сильно уменьшившееся поселение было перенесено в бухту Врэк на острове Сан-Кристобаль (Чатем), в горах которого обнаружили источники пресной воды. На Санта-Марию (Чарльз) осталось совсем немного жителей из числа ссыльных.

Приблизительно в это время шведский капитан Скугман, совершая кругосветное плавание в 1851–1853 гг., прошел через здешние воды и сделал запись о встречах с бальсовыми плотами, оснащенными двуногой мачтой с парусом и длинными *гуарамина* носу и на корме. Стоит отметить, что эти плоты явно поддерживали давнюю мореплавательскую традицию, поскольку Скугман пишет об их заходах на далекие острова Галапагос (Skogman, 1854[284]).

Вторую попытку колонизовать Санта-Марию (Чарльз) предпринял в 1870 г. Вальдисиан, но правительство снова вмешалось, превратив обычную колонию в штрафную. В стычке Вальдисиан был убит ссыльными, а уцелевшие колонисты покинули остров. Брошенные сады и одичавший скот побудили Антонио Джиля в 1893 г. сделать на том же острове третью попытку, но через четыре года он и его компания также сдались и перешли на Исабелу (Албемарл), где и основали поселение

на юго-восточном берегу. Они обходились солоноватой водой из источника среди скал у побережья, кормясь тем, что возили серу из местного кратера в Гуаякиль в Эквадоре. Порт на Исабеле (Албемарл) был наименован в честь Вильямила; в 1902 г. здесь обосновался небольшой гарнизон.

В это время штрафная колония располагалась на Сан-Кристовале, и некий Мануэль Кобос, выступая в роли местного диктатора, безжалостно эксплуатировал ссыльных на сахарной плантации, которую он разбил на высоком внутреннем плато в 1880 г. Затем ссыльных перевели в Вильямил на Исабеле (Албемарл), а бухта Врэк на Сан-Кристовале (Чатем) стала уже в наше время главным портом и центром местного управления, и здесь размещен немногочисленный эквадорский гарнизон. В годы второй мировой войны американцы провели из внутренних районов острова водопровод, снабжающий поселение водой, которая до тех пор сбрасывалась в море водопадом на непригодной для обитания стороне Сан-Кристовала (Чатем).

В 20-х и 30-х годах нашего столетия на Галапагосы, иногда организованными группами, прибывали норвежские, эквадорские и немецкие эмигранты. Почти все они затем покинули острова из-за нехватки пресной воды. Однако несколько человек обосновались на Санта-Крус (Индефатигабл), в районе Академической бухты, одни — среди шлака и кактусов на самом берегу, где в расчищенном между камней колодце можно было добыть солоноватую воду, другие — у конца дорожки в нескольких километрах от моря, на возвышенности, где есть участок подходящей почвы и можно собирать воду в цистерны во время дождей. Впоследствии к европейцам в Академической бухте (единственное на всем острове поселение) присоединилось несколько эквадорцев, а на Сэймуре, сухом островке у северной оконечности Санта-Круса (Индефатигабл), где американские ВВС построили посадочную площадку во время второй мировой войны, разместился маленький эквадорский гарнизон, всецело зависящий от привоза воды. На Сан-Кристовале (Чатем) освоен только район бухты Врэк; единственное поселение на Исабеле (Албемарл) — Вильямил. Недавно с десятков эквадорцев вновь поселились на Черном берегу Санта-Марии (Чарльз), а один немец с семьей благополучно устроился в горах у источника, разведанного в свое время Вильямино и его спутниками. В остальном архипелаг остается необитаемым и неиспользуемым, если не

считать его почти неисчерпаемые рыбные богатства. Попытка основать рыбачий поселок в Почтовой бухте провалилась; не удались и планы вывозить соль из кратерного озера у бухты Джеймс на Сан-Сальвадоре (Джеймс). В 30-х годах нашего столетия из озера извлекли некоторое количество соли, а первыми это месторождение взяли на примету еще буканьеры. В последние годы еще кое-кто пытался обосноваться в бухте Джеймс, а также на других островах, в основном на Санта-Марии (Чарльз), но эти попытки были недолгими, и от хижин почти не осталось следов.

В XX в. ученые впервые стали обсуждать возможность доиспанских посещений Галапагосов. Специалисты по истории инков, от Маркхэма в 1907 г. до Минза в 1942 г., не сомневаясь в подлинности сведений об океанском плавании Инки Тупака, полагали, что армада его плотов посетила ближайšie к материку океанические острова Галапагос. Тем не менее неверное суждение Лотропа и др. о бальсовых плотах не поощряло археологов исследовать необитаемые Галапагосы. А другие посетители архипелага, вместо того чтобы попытаться искать следы доинкских визитов, просто отрицали, что таковые могут быть. Так, фон Хаген заявил: «Какие бы острова ни посетил Инка, это были не Галапагосы». Цитируя в подтверждение этих слов якобы авторитетные указания, что жители Андского приморья были «полнейшими невеждами» в морских делах, он решительно отрицал всякую возможность высадки инков на Галапагосах (Hagen, 1949[137]).

Последующие опыты показали, что эти современные оценки бальсовых плотов ошибочны.

С полной верой в бальсовый плот, на котором я в 1947 г. прошел до Полинезии, отправился я в 1953 г. на Галапагосы вместе с археологами Ридом и Шельсволдом. Мы не собирались досконально изучать весь архипелаг или хотя бы какой-то остров; места для исследования выбирали с учетом географических условий для аборигенных стоянок и возможностей подхода на примитивных судах.

Всего на трех островах были обнаружены следы четырех доиспанских стоянок. Самая большая стоянка — на плато над бухтой Джеймс на острове Сан-Сальвадор (Джеймс); здесь сохранились следы восьми аборигенных лагерей. Горная гряда отделяет их от стоянки в бухте Пиратов на том острове. Остальные две стоянки находятся в Китовой Бухте на острове Санта-Крус (Индефатигабл) и на Черном

берегу острова Санта-Мария (Чарльз). Уже после нас Куффер и Холл нашли древнюю стоянку на мысу Колорадо острова Санта-Крус.

Собранный в скудном почвенном слое и в трещинах в застывшей лаве материал включал черепки аборигенных изделий, терракотовую свистульку в виде птицы (культура мочика), лепных лягушек (культура чиму), меловое пряслице, несколько кремневых и обсидиановых скребков. В общей сложности на всех стоянках найден 1961 черепок аборигенных изделий по меньшей мере от 131 сосуда. Сорок четыре сосуда идентичны с известной керамикой приморья Эквадора и Северного Перу; еще 13 сосудов предположительно соответствуют посуде из той же области. Из остальных 74 аборигенных сосудов 67 не удалось определить из-за недостаточно характерного материала, а семь налепных сосудов вовсе не поддаются отождествлению, хотя материал вполне характерен. На одних стоянках были черепки только перуанских изделий, на других — и перуанских, и эквадорских. Керамика, происходящая из северного приморья Перу, была изучена и определена ведущими авторитетами древней посуды этой области, сотрудниками Смитсонова института Эвансом и Меггерс. Вот результаты определения галапагосского материала:

Формованная посуда Ла-Плата представлена тремя сосудами из двух разных точек на берегу бухты Джеймс; формованная посуда Сан-Хуан — один сосудом из третьей точки на том же берегу; лощеная гладкая Кенето — двумя кувшинами из двух разных точек района бухты Джеймс; тиауанакоидная посуда — тремя кувшинами из двух различных точек на берегу бухты Джеймс. Формованная посуда Сан-Николас представлена одним кувшином с берегов бухты Джеймс; гладкая Томавал — минимум 15 кувшинами из района бухт Джеймс, Пиратов, Китовой и с Черного берега. К тому же типу предположительно отнесены еще пять сосудов с трех стоянок. Не менее десяти кувшинов из района бухт Джеймс и Китовой, а также с Черного берега отнесены к группе гладкой посуды Кастильо. На Черном берегу найдена также глиняная свистулька культуры мочика. Еще шесть кувшинов, видимо, представляют гладкую посуду Кастильо. Остальные поддающиеся определению кувшины — гладкая посуда, характерная для района Гуаяс в Эквадоре.

За исключением трех кувшинов неизвестного прежде неевропейского типа, представленных 337 черепками (край, ручка,

тулово) очень тонкой посуды сложной формы с толстой красной глазурью, явно новых типов керамики не обнаружено. Другими словами, сам по себе материал особой научной ценности не представляет. Важно лишь то, что сосуды были оставлены на Галапагосах в 1000–1600 км от места их происхождения на материке.

Естественно спросить: не могли ли какие-то из них попасть на острова в океане во времена после Колумба?

Как мы уже видели, архипелаг был случайно открыт европейцами в 1535 г., когда корабль епископа Томаса де Берланга, идя из Панамы в Перу, был подхвачен мощной ветвью течения, направленной в океан. Испанцы провели день на одном острове, еще два — на другом в тщетных поисках воды, после чего с трудом добрались до Эквадора. Поскольку судно шло из Панамы, вряд ли оно могло доставить на острова Галапагос аборигенную керамику Перу и Эквадора.

Второе посещение архипелага состоялось в 1546 г., когда капитан Диего де Риваденейра украл судно в Арике (Чили) и взял курс на Гватемалу. Он повторно открыл Галапагосы, и на одном из малых островов опять тщетно искали воду, затем корабль тотчас пошел дальше, на заходя на остальные острова.

Нам известно, что во второй половине XVI в. еще несколько испанских каравелл подходили к архипелагу, но известно также, что безлюдные, бесплодные и безводные острова не нашли никакого применения. Возможно, на борту каких-то из этих судов были индейцы, высаживавшиеся на берег с кувшинами, часть которых разбилась, однако вряд ли они разбили 131 кувшин, притом в разных местах. Да и не могли каравеллы везти такой разнообразный набор керамики, представляющей удаленные друг от друга географические области и культурные эпохи Перу и Эквадора, причем на материке некоторые виды изделий сохранились до исторических времен лишь в погребениях.

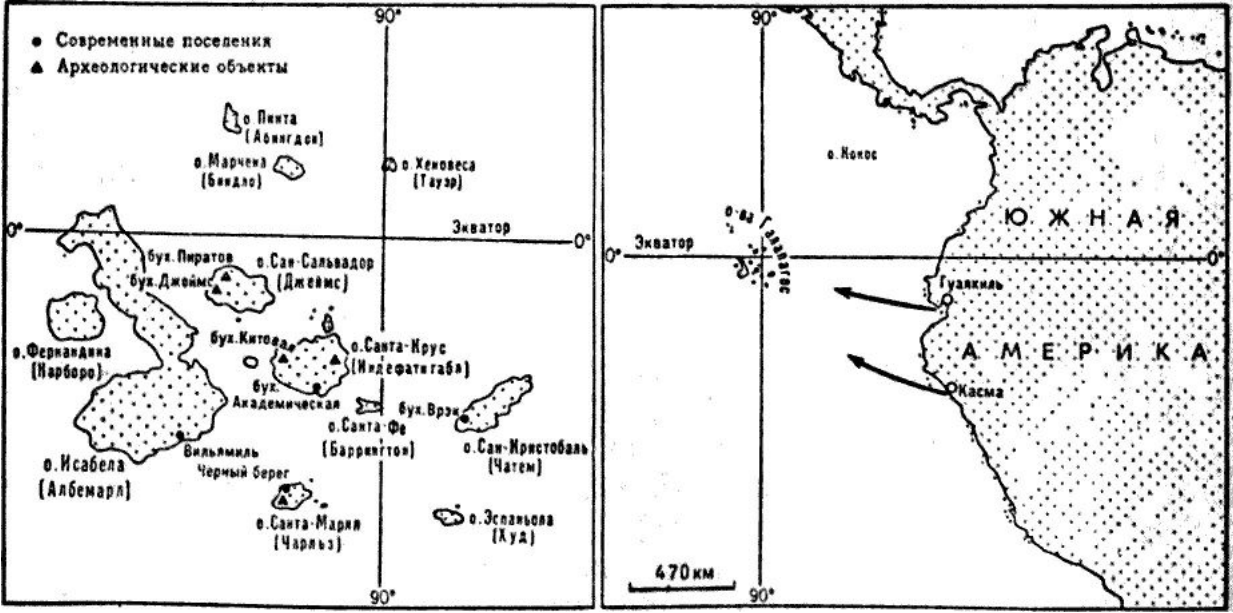
Мы видели, что для испанцев далекий архипелаг, омываемый коварным Перуанским течением, оставался заколдованными островами, пока английские буканьеры под конец XVII в. не устроили себе здесь удобное убежище.

Словом, приписывать остатки аборигенной посуды в разных частях Галапагосского архипелага европейцам нет оснований. Произведенное Эвансом и Меггерс определение перуанской посуды

показывает, что речь идет о доинкских изделиях периодов Эстеро, Ла-Плата и Томавал на материке; стало быть, кувшины по меньшей мере с двух галапагосских стоянок датируются приморской культурой Тиауанако.

Черепки минимум 131 аборигенного сосуда, собранные на Галапагосах, свидетельствуют о немалой активности людей в этом районе задолго до прихода колонизаторов. Само собой разумеется, наше беглое обследование не могло выявить всех стоянок, обнаружена лишь часть наличного материала. Из-за скудости почвенного слоя на береговых скалах много следов бывших посещений, конечно, смыто в море. Далее, не подлежит сомнению, что перед нами примеры кратковременных заходов, а не постоянных поселений, от которых остались бы более мощные пласты и более однородная посуда. И вряд ли здесь на месте могло независимо развиваться гончарство, точно повторяющее материковые типы — от Кастильо и Томавал гладкой до полихромной тиауанакоидной, Сан-Николас фигурной и трех характерных образцов черной керамики чиму: Кенето лощеной гладкой, Сан-Хуан фигурной и Ла-Платы фигурной. Собранный материал географически привязывается к областям от Гуаяс (Эквадор) до лежащей в 1500 км южнее долину Касма у рубежей центрального приморья Перу.

Подведем итог. Пальма первенства в использовании бесплодных, засыпанных вулканическим шлаком островов Галапагос, вероятно, как рыболовной базы принадлежит не европейцам. Обычай этот зародился у аборигенов по меньшей мере во времена приморской культуры Тиауанако в археологической периодизации Перу.

Археологические объекты на Галапагосских островах

Глава 11

Кокосовые орехи острова Кокос

Три острова группы Хуан-Фернандес, омываемые северной дугой Антарктического течения, лежат так далеко на юг от бывшей инкской империи и на таком расстоянии от области, где в прошлом ходили бальсовые плоты, что они вряд ли играли заметную роль для аборигенных мореплавателей Южной Америки. Острова Галапагос расположены точно на экваторе, иначе говоря, как раз на широте Манты, откуда, по инкским легендам, вышел в море Кон-Тики-Виракоча вместе со своими белыми бородачами и откуда, как сообщают инкские историки, отправился в дальнее плавание на бальсовых плотях Инка Тупак.

Археология свидетельствует, что острова Галапагос посещались с материка со времен Тиауанако; исторические источники сообщают, что бальсовые плоты все еще ходили на пустынный архипелаг в первой половине прошлого столетия. Нетрудно понять, почему эти острова, хотя и бедные постоянными источниками воды, привлекали аборигенных добытчиков продовольствия и купцов. Галапагосы кишели крупными съедобными игуанами и гигантскими черепахами, которых можно было ловить прямо руками, причем черепахи представляли собой пригодный для дальних перевозок источник жира и пищи. Есть признаки, что на этих сухих островах пытались культивировать хлопчатник; ботаники определили, что считавшийся эндемиком дикий галапагосский хлопчатник *Gossipium darwinnii* на самом деле разновидность искусственно выведенного доевропейскими цивилизациями Перу южноамериканского 26-хромосомного *Gossipium barbadense*. Одичавший галапагосский хлопчатник обладает текстильным волокном, хотя и не слишком высокого качества; вот и ответ, почему среди раскопанных нашей экспедицией предметов оказалось меловое пряслице аборигенного типа. Но главная притягательная сила Галапагосов — огромное количество рыбы, ради которой сюда и поныне идут рыболовные суда со всего Тихого океана. Поскольку, как уже сказано, архипелаг расположен прямо на экваторе, его окружают беспорядочные течения и струи, благоприятствующие

развитию морской фауны. Направляющиеся на запад холодные струи Перуанского течения омывают южные острова архипелага; у северных островов проходит теплое течение Эль-Ниньо из Панамы и наблюдается много завихрений. Мы уже видели, как сила названных течений увлекала парусные суда на запад с такой скоростью, что мореплаватели, в том числе и в нашем столетии, называли острова Галапагос «заколдованными», считая, что они перемещаются по поверхности океана.

Поскольку Галапагосы, как выяснилось, хотя и не знали постоянных поселений, играли для доевропейских мореплавателей из Эквадора и Перу большую роль, чем для явившихся позже испанцев, стоит заново рассмотреть загадочную предысторию уединенного острова Кокос. Этот остров в отличие от засыпанных вулканическим шлаком Галапагосов в обилии располагает пресной водой и плодородной почвой. В наши дни он стал удобным портом захода для лайнеров из Панамы, однако постоянных поселенцев Кокос в послеколумбовы времена не привлекал. Есть причины предполагать, что в доевропейские времена дело обстояло иначе.

Эта глава основана на «Заметках о доевропейских кокосовых рощах на острове Кокос», опубликованных во втором томе отчетов Норвежской археологической экспедиции на остров Пасхи и в восточную часть Тихого океана, который вышел в 1965 г.

Остров Кокос лежит на $5^{\circ}35'$ с. ш., приблизительно в 800 км к западу от Панамы, иначе говоря, в экваториальной штилевой полосе с ее беспорядочными течениями, обрамленной могучими, устремленными на запад Северным и Южным экваториальными течениями. Северное расположение острова исключает возможность какой-либо роли для парусных плаваний из Южной Америки в Полинезию. Однако Кокос находится всего в 480 км к юго-западу от Коста-Рики, как раз на пути между Гватемалой и Эквадором. Поскольку современная археология накапливает все больше данных о прямой доевропейской торговле между Гватемалой и приморскими культурами Эквадора и Северного Перу, Коу (Сое, 1960[73]) и другие указывали, что остров Кокос мог служить идеальным промежуточным портом для аборигенных мореплавателей из упомянутых областей. Здесь они могли

пополнить запас провианта любым количеством зеленых кокосовых орехов с выдерживающим долгое хранение освежающим соком.

Другие исследователи обращали внимание на явное сходство каменных статуй Колумбии и Эквадора с изваяниями на ближайших островах Полинезии, то есть на крайних Восточных островах Маркизского архипелага — Хива-Оа и Нукухива. Когда мы после раскопок в кокосовых рощах на упомянутых островах возвращались на экспедиционном судне в июле 1956 г. в Панаму, остров Кокос оказался на нашем пути, и мы решили зайти туда, чтобы ознакомиться с географической обстановкой.

Остров Кокос со всех сторон окаймлен отвесными скалами высотой 100–200 м, которые от внутреннего плато обрываются прямо в бурлящий океан. Площадь острова 45 кв. км; наибольшая высота нагорья — 911 м. Лишь на севере береговые скалы прорезаются двумя непересыхающими потоками, устья которых образуют бухты Чатем и Уэфера. От каждой бухты в глубь острова уходит короткая, зажатая кручами долина; обе они упираются в отвесные стены и до внутреннего нагорья не доходят.

Сильные дожди питают многочисленные водопады; они срываются из висячих долин или с гребней в выбитые в береговой кромке водоемы. Благодаря высокой влажности крутые склоны долин, а также внутреннее плато и гребни поросли густым, непроходимым тропическим лесом; зеленые мхи и кустарники покрывают большую часть береговых скал. Только вдоль двух главных долин можно проникнуть внутрь острова, да и то надо расчищать себе путь в подлеске.

Общий характер растительности сильно изменился с тех пор, как первые побывавшие здесь европейцы описали остров и дали ему имя. Кокосовых пальм теперь осталось так мало, что название «остров Кокос» представляется явным преувеличением, когда вспомнишь другие острова, лежащие ближе к Панамскому перешейку или дальше в океане. Но раньше остров соответствовал своему названию, это видно из рассказов открывших его испанцев английскому капитану Дампиру. Дампир пишет: «Остров Кокос назван так испанцами потому, что там в изобилии растут кокосовые пальмы. И не в одном, не в двух местах, а большие рощи... Так говорят испанцы, и то же самое я слышал от капитана Итона, побывавшего там впоследствии» (Dampier, 1729[89]).

Одним из первых среди европейцев там побывал в 1685 г. капитан Уэфер, чьим именем назван залив:

«Как только люди более или менее отдохнули, мы пошли на юг и достигли острова Кокос на 5°15' с. ш. Он так назван из-за кокосовых орехов, коими весьма богат. Остров небольшой, но приятный; середина его представляет собой крутую гору, а ее со всех сторон окружает плато, спускающееся к морю. Это плато, особенно же долина, где сходят на берег, сплошь поросло кокосовыми пальмами, и они отлично здесь прижились на тучной и плодородной почве. Очень красиво пальмы произрастают у подножия горы в середине острова и местами на склонах. Но особую приятность сему месту придают многочисленные источники чистой пресной воды, собирающейся в заполнившем вершинный котлован большом глубоком водоеме или пруду; стока в виде ручья или реки для этой воды нет, посему она переливается в нескольких местах через край котлована и сбегает вниз множеством красивых струй. И там, где склоны особенно крутые и нависают над плато, срываются водопады, будто льют воду из ведра, и под самой струей, как под водяным сводом, остается сухое место. Все это вместе с красивым видом, с произрастающими вблизи кокосовыми пальмами и освежающей знойный воздух падающей водой делает это место весьма чудесным и улаждающим одновременно многие чувства.

Наши люди были премного довольны развлечением, каким для них явилось посещение острова, и они наполнили здесь водой все бочки, ибо в речушке, образованной на плато маленькими водопадами, превосходная чистая вода, и корабль стоял в море как раз напротив устья, где отличная якорная стоянка, так что трудно найти лучшее место для пополнения запасов воды.

Мы не сэкономили кокосовые орехи, ели сколько могли, пили кокосовое молоко и доставили на корабль несколько сот орехов. Каждый день на берегу бывал кто-нибудь из команды, и однажды во время отдыха, желая отменно повеселиться, люди сошли на берег, срубили множество кокосовых пальм, собрали с них орехи и получили около 20 галлонов молока. После чего все сели и стали пить за здоровье короля, королевы и прочих. Выпили изрядное количество, и, хотя никто не захмелел, все-таки жидкость эта до того охладила и притупила их чувства, что они не могли ни ходить, ни стоять на ногах и не могли вернуться на корабль без помощи тех, кто не участвовал в увеселении,

и прошло четыре или пять дней, прежде чем они оправились» (Wafer, 1699[314]).

Присутствие столь обширных пальмовых рощ на острове Кокос в доевропейские времена можно объяснить либо тем, что их посадили прибывшие из Америки или Полинезии люди, либо тем, что морские течения прибили к берегу орехи. Все эти варианты рассмотрены исследователями. Как это часто наблюдается в ботанике Тихоокеанской области, важные для этнологических реконструкций выводы специалистов-ботаников в большой мере основывались на господствовавших представлениях о миграции человека. Вопрос о происхождении *Cocos nucifera* затронут в главе 9.

Европейцы впервые познакомились с кокосовой пальмой в Индии и на Малайском архипелаге только потому, что пришли туда задолго до того, как открыли Америку. Аполлоний Тианийский видел эту пальму в Индостане в начале нашей эры; тогда ее считали индийской диковиной. На Азиатский континент она проникла с Малайского архипелага, вероятно, незадолго до того. Самые ранние китайские описания относятся к IX в.; на Цейлон кокосовая пальма тоже, видимо, попала чуть ли не в исторические времена (Candolle, 1884[60]).

Когда Колумб во время первого плавания в Америку открыл Кубу, в его судовом журнале появилась запись о том, что он обнаружил берег с множеством очень высоких пальм и «крупные орехи того вида, который известен в Индии». А когда испанцы достигли Панамского перешейка, Овьедо в 1526 г. записал, что «как на материке, так и на островах есть дерево, именуемое кокус...» и сопроводил это сообщение подробнейшим описанием кокосового ореха и его применений (Kerchove, 1878; Cook, 1910–1912; Candolle, 1884[185, 80, 60]).

Ботаники XVII в. часто продолжали относить кокосовую пальму к азиатским видам, но в XIX в. Марциус (1823–1850) и Гризербах (1872) по ботаническим признакам заключили, что родина этого растения — Новый Свет. Сперва де Кандоль разделял их взгляд, поскольку 11 родственных видов рода *Cocos* были американскими и среди них не оказалось ни одного азиатского. Однако, как мы видели в главе 9, этот основатель этноботанической науки со временем стал колебаться под влиянием этнологов. Оставаясь при убеждении, что чисто ботанические признаки говорят в пользу американского происхождения кокосовой пальмы, он все же, учитывая навигационные проблемы и большое

разнообразии наименований и применений на Малайском архипелаге, в 1884 г. назвал ее происхождение неясным. Возможно, писал он, лодки с Малайского архипелага с грузом кокосовых орехов были «из-за шторма или неверного маневра прибиты к островам или к западному побережью Америки». И еще: «Обратное в высшей степени невероятно». Де Кандоль предположил даже, что пальмы острова Кокос обязаны своим происхождением скорее полинезийским мореплавателям, чем приморским жителям близлежащей Южной Америки (Candolle, 1884[60]).

Мы уже видели, что некоторые ученые присоединились к гипотезе де Кандоля, опирающейся на этнографическую аргументацию, тогда как другие не менее последовательно, по примеру Марциуса и Гризебаха, указывали на отсутствие родственных видов на Малайском архипелаге и в континентальной Азии. Настойчивее всех, как было показано, тезис об американской родине кокосовой пальмы защищал ботаник Кук, и он же поставил в центр дискуссии остров Кокос. Вот его слова:

«Попади кокосовый орех впервые в руки специалисту, знающему все известные пальмы, он без колебаний отнес бы его к флоре Америки, потому что все близкие роды, включающие около трехсот видов, американские. Столь же уверенно специалист привязал бы кокосовый орех к Южной Америке, поскольку все остальные виды рода *Cocos* сосредоточены на этом материке, причем он указал бы на северо-западный регион Южной Америки, так как здешние дикие виды *Cocos* гораздо ближе к кокосовой пальме, чем виды из бассейна Амазонки и из Восточной Бразилии. Таким образом, с чисто биологической точки зрения правомерно предположить, что жизнеспособные и плодоносные кокосовые пальмы, отмеченные Гумбольдтом во внутренних областях Венесуэлы и Колумбии, росли поблизости от древней родины этих видов». И еще: «Наиболее разнообразно применение кокосового ореха на островах Тихого океана, потому что скудный выбор растений делал островитян все более зависимыми от кокоса. Нужда породила многообразное применение, но сама пальма явно доставлена из Южной Америки — единственной части света, где дико произрастают ей подобные.

Большое количество кокосовых пальм на острове Кокос во времена Уэфера (1685) и последующее их исчезновение следует считать

свидетельством того, что на острове ранее обитали или во всяком случае его посещали аборигенные мореплаватели с ближайшего материка... Пусть на острове не было постоянного поселения, все равно обитатели материка могли посадить кокосовые пальмы и следить за ними, чтобы пользоваться плодами во время рыболовных экспедиций, как это заведено в некоторых районах Малайской области. Серьезные нарушения уклада в связи с приходом испанцев в Панамский регион, естественно, должны были помешать таким посещениям. Для этнологов эта ранее неизвестная доисторическая колонизация острова Кокос может стать еще одним свидетельством мореходного искусства индейцев тихоокеанского побережья тропической Америки, так что они более положительно станут относиться к возможности доисторических связей между берегами Американского континента и островами Тихого океана» (Cook, 1910–1912[80]).

В наши дни большинство ботаников склоняется к тому, что родиной и первым центром культивации *Cocos nucifera* была Америка. Расстояние до острова Кокос от доевропейских кокосовых рощ Коста-Рики, Панамы и Колумбии вполне позволяло ореху доплыть до него, не теряя плавучести. Зато самостоятельное распространение кокосового ореха через океанские просторы, отделяющие Кокос от Полинезии, совершенно невероятно, поскольку орех теряет жизнеспособность намного раньше, чем плавучесть.

Мы видели в главе 9, что опыты Эдмондсона на Гавайских островах и наш эксперимент, когда мы везли кокосовые орехи под палубой «Кон-Тики», показали: морская вода постепенно проникает внутрь через мягкие глазки ореха и гнилостные бактерии за два месяца лишают семя всхожести. После долгого дрейфа от острова Кокос до Полинезии кокосовый орех не прорастет даже при идеальных условиях, хотя бы его перенесли на расчищенный участок и посадили в песок с примесью перегноя. Стало быть, если пальмы острова Кокос обязаны своим происхождением Полинезии, семена были доставлены человеком.

Ближайший район Полинезии, откуда кокосовые орехи могли попасть на остров Кокос, — Маркизский архипелаг. Стоит напомнить, что маркизцы хорошо знали о существовании острова далеко на восток от их собственного архипелага, чем немало удивили первых

европейских гостей. На замечательно точной путевой карте, которую сделал для капитана Кука его информант Тупиа с острова Улитеа, к востоку от Маркизских островов был показан некий остров Уту (англичане записали «Уутуу»). Позднее на Маркизских островах рассказали также капитану Портеру, что с наветренной стороны (то есть на востоке) лежит остров Утупу (Уутуупуу). Более полутора столетия назад Портер писал:

«Пока что ни один из наших мореплавателей не находил в этом месте острова с таким названием, но если обратиться к карте Тупиа... вблизи того места, где жители Нууахива [то есть Нукухивы] помещают Уутуупуу, есть остров Уутуу... эта карта, хотя и не исполнена с такой точностью, какой мы требуем от наших гидрографов, тем не менее начерчена сэром Джозефом Бэнксом по указаниям Тупиа и очень помогла Куку и другим мореплавателям открыть поименованные на ней острова... Что Уутуу, или Уутуупуу, существует на самом деле, сомнения не вызывает: Тупиа около пятидесяти лет назад получил от других мореплавателей сведения, которые позволили ему указать положение острова на своей карте, и позиция, сообщенная теперь Гаттеновой [с острова Нукухива], мало отличается от сведений Тупиа».

Особый интерес для нас представляет то, что остров Утупу фигурировал в полинезийских преданиях как место, где предки обнаружили столь важную кокосовую пальму. Портер специально отмечает этот примечательный аспект маркизского предания: «Рассказывают, что кокосовая пальма, как я уже говорил, доставлена с Уутуупуу, острова, который здешние люди помещают где-то с наветренной стороны Ла-Магдалены [Фату-Хивы]» (Porter, 1815[252]).

Народные воспоминания о том, что кокосовый орех был интродуцирован с острова, лежащего к востоку от Маркизских островов, где европейцы и в самом деле обнаружили уединенный остров, настолько богатый кокосовыми пальмами, что один он во всем Тихом океане был назван в их честь, — эти воспоминания служат сильным доводом в пользу того, что остров Кокос и есть остров Утупу полинезийских преданий. С наветренной стороны Маркизских островов нет других островов, кроме Кокоса и покрытых вулканическим шлаком Галапагосов, где кокосовые пальмы не росли.

Таким образом, ботанические свидетельства того, что кокосовая пальма распространилась из своей родины на северо-западе Южной

Америки на запад через Тихий океан, подтверждаются этнографическими данными с указанием маршрута от острова Кокос до ближайшего архипелага в Восточной Полинезии. Остается выяснить, как именно кокосовая пальма из аборигенных центров культивации в Колумбии, Панаме или Коста-Рике попала на остров Кокос в океане. Целью нашего кратковременного визита было установить возможности естественного распространения, а для этого ознакомиться воочию с деталями местной топографии и растительности, которых не узнаешь по скудной литературе и весьма приблизительным картам острова.

Обойдя вокруг Кокоса, мы убедились, что крутые скалы и обрывы не оставляют ни одного клочка, где мог бы зацепиться дрейфующий орех, за исключением узкого устья рек в бухтах Чатем и Уэфера на северном берегу. Экспедиционное судно отдало якорь перед бухтой Чатем; мы высаживались на берег и здесь, и в бухте Уэфера.

После визита Уэфера в 1685 г. растительность так разительно изменилась, что, не укажи он точные, исключаяющие возможность ошибки координаты, можно было бы подумать, что он побывал на другом острове. Если отряд Уэфера без труда поднялся на плато вокруг горы в середине острова, то нам стоило немалых усилий хотя бы проникнуть в покрытую густыми зарослями долину, где он высаживался.

За один день, который был в нашем распоряжении, нам удалось дойти лишь до круто вздымающихся скал в глубине долины Уэфера и до ближайших гряд. Вспомнились слова Чабба, сообщающего в своем геологическом очерке, что он не смог достаточно подробно изучить внутреннюю часть острова и проверить, существует ли на самом деле кратерное озеро, как это можно заключить из описания Уэфера (Chubb, 1933[67]). При желании сквозь заросли, конечно, можно проложить тропу в горы, однако такой необходимости явно не было во время визита Уэфера, когда плато и долина, где высаживались англичане, «густо поросли кокосовыми пальмами».

Было очевидно, что за два с половиной столетия дождевой лес, наступая на кокосовые рощи, занял прежние расчистки. Во время нашей вылазки мы увидели, что в возвышенных лесных районах и на гребнях лесистых гряд, отделенные километрами друг от друга, возвышаются одиночные кокосовые пальмы. Макушки отдельных пальм торчали и над сплошным пологом дождевого леса в глубине

обеих долин. Только на небольшой ровной площадке возле берега бухты Уэфера стояла группа кокосовых пальм, которую с натяжкой можно было назвать рощицей. Здесь мы заметили следы недавней расчистки, некоторые пальмы были срублены — возможно, это память о недолгом пребывании в этом месте коста-риканской штрафной колонии.

Не будь у нас записанного черным по белому рассказа Уэфера про обширные рощи внутри острова, можно было бы подумать, что *Cocos nucifera* на острове Кокос не культурное растение, а дикая пальма, растущая спонтанно как составная часть дождевого леса. Но тогда перед нами оказалось бы единственное место с дикорастущей *Cocos nucifera* и вопрос о ее происхождении был бы окончательно решен.

Чисто гипотетически можно было объяснить кучку пальм на берегу Уэфера тем, что морское течение принесло кокосовые орехи с Американского материка до визита Уэфера. Отсюда пальма могла естественным путем распространиться по дну ущелья при условии, что не было нынешнего леса, преграждающего путь чрезвычайно солнцелюбивым молодым растениям. С нами вместе плыл А. Кинандер с островов Общества, специалист по кокосовым пальмам; он уверенно заявил, что росток из кокосового ореха зачах бы под густым пологом, не успев пробиться к солнцу. В самом деле, нигде, кроме расчистки на берегу, мы не видели ни проросшего ореха, ни молодой пальмы. Немногие замеченные нами одиночные пальмы были уже взрослыми, их макушки высились над сплошным дождевым лесом. Густые леса на внутреннем плато и на гребнях отделены от двух глубоких теснин крутыми склонами. Эти склоны, обрамляющие долинские тупики, настолько высоки, что ни один упавший на землю орех не мог бы без помощи человека подняться на возвышенное нагорье, где Уэфер застал большие рощи и мы издали различали верхушки отдельных пальм.

Если не пренебрегать сообщением Уэфера и не считать *Cocos nucifera* диким уроженцем острова Кокос, представляется вполне очевидным, что задолго до прихода европейцев люди расчистили обширные участки земли на дне долин, на плато и на гребнях и разбили в разных концах достаточно большие плантации кокосовой пальмы.

Кроме виденных нами издали кокосовых пальм, за время короткого визита мы не наблюдали никаких признаков деятельности аборигенов; возможное исключение составляет бухта Чатем. Мы не

производили раскопок. Подробное исследование в устьях двух рек и в зарослях нагорья, наверно, вознаградит археологов, которые захотят здесь поработать.

В бухте Чатем два совсем узких пляжа разделены высоким мысом. Его крутые склоны и искусственно сглаженный гребень покрыты чрезвычайно густой, переплетенной вьющимися растениями травой выше человеческого роста. Эта растительность резко отличается от окружающего дождевого леса, и здесь отчетливо выражены следы человеческой деятельности, но они могли появиться уже после открытия острова европейцами. Лишь с помощью мачете удавалось нам пробиться сквозь высокую траву, и по пути нам встречались небольшие выемно-насыпные площадки. Назначение их неясно, разве что они предназначались для небольших построек. Поросшая травой искусственная терраса на гребне около 60 м в ширину и вдвое больше в длину, несомненно, потребовала изрядного труда. Западный рубеж террасы обозначен обращенной внутрь острова вертикальной выемкой четырехметровой глубины в каменно-земляном грунте; материал из этой выемки как раз и пошел на расширение первоначального узкого гребня. С севера в террасу врезается глубокий и широкий овраг, словно вырытый самой природой крепостной ров. Тут и там попадались совсем свежие расчистки; сараи из рифленого железа и другие следы обитания человека говорили о деятельности недавних посетителей острова, возможно кладоискателей.

Зная, что на острове недолго находилась коста-риканская штрафная колония, мы предположили, что она располагалась на расчищенном мысу или же (другие варианты мало вероятны) тут потрудились аборигены. Однако впоследствии выяснилось, что колония находилась с 1878 по 1881 г. вовсе не в бухте Чатем, а в бухте Уэфера. Нет никаких данных о том, чтобы кто-либо занимался земледелием или строительством в районе бухты Чатем, и, поскольку штрафная колония располагалась в бухте Уэфера, вроде бы нет оснований относить работы по разбивке террасы на мысу к историческим временам: если не считать ссыльных и изредка посещавших остров кладоискателей, остров Кокос в исторические времена был необитаем.

На берегах бухт Чатем и Уэфера, а также на расчистках в устье обеих рек мы нашли множество старых и недавних разведочных шурфов, заложенных кладоискателями. Уплатив пошлину

правительству Коста-Рики, авантюристы получали разрешение искать сокровища; они были единственными регулярными посетителями острова, который из-за непроходимых зарослей и неприступных берегов не привлекал ни дельцов, ни туристов. На немногочисленных ровных участках в районе причалов вся земля копана-перекопана; кое-где, похоже, даже применялась взрывчатка. Одичавшие свиньи усугубили хаос, роясь в мягкой земле и переворачивая камни, так что о первоначальном виде этих мест судить невозможно.

В короткий срок, которым мы располагали, не представлялось возможным определить возраст искусственных сооружений в бухтах Чатем и Уэфера, поэтому наши догадки о том, что человек жил на острове в доисторические времена, основаны только на многочисленных следах расчисток для кокосовых плантаций.

В заключение скажем, что древние земледельцы, очевидно, посчитали положение острова Кокос достаточно важным, если ценой огромных усилий расчищали в девственном лесу участки для пальм. Трудно себе представить, что могло побудить полинезийцев вложить столько труда в это дело на острове, лежащем более чем в 4 тысячах миль от их области, разве что они вели оживленную торговлю с панамским регионом, но на это пока нет никаких указаний. Столь же трудно понять, для чего американским индейцам понадобилось сводить лес на острове далеко от побережья, ведь кокосовый орех играл подчиненную роль в их питании и земли для расчисток хватало в их собственных лесах на материке.

Мне думается, что большие пальмовые рощи на острове Кокос оправдывали себя лишь в том случае, если остров либо был некогда густо населен, либо занимал удобное положение для мореплавателей, которые часто проходили через этот район и нуждались в пополнении провианта. По собственному опыту знаю, что в плавании на открытых судах нет лучшего естественного продукта, чем свежие, чуть недозревшие кокосовые орехи. Они не боятся соленых брызг, нетребовательны к условиям хранения и по многу недель обеспечивают мореплавателя свежим питьем и сытной пищей. Археолог Фердон наблюдал еще в 1943 г., как жители северной части провинции Эсмеральдас в Эквадоре, совершая на долбленках «имбавура» переходы до Тумако и Буэнавентуры в Колумбии, запасали для питья большое количество неочищенных зеленых кокосовых орехов. Зеленые орехи

полностью удовлетворяли потребность в питье также и тех эквадорских плотогонов, которые в 1947 г. сплавляли по реке до Гуаякиля бальсовые бревна для «Кон-Тики».

Расчистка девственного леса в прибрежных долинах и на внутреннем плато острова Кокос требовала таких усилий, что у тех, кто насадил остров кокосовыми рощами в доевропейские времена, должны были быть особые причины для подобного труда. Причина может быть лишь одна — та, которая сразу приходит в голову, если увязать географическое положение острова с быстро накапливающимися свидетельствами морских связей Гватемалы с северо-западом Южной Америки в доколумбовы времена. Как указывал Коу, отсутствие соответствующих археологических следов на глубокой излучине Панамского перешейка, отделяющей Гватемалу от Эквадора, при высоком развитии плавания с *гуарами*, подтвержденном нашими находками на Галапагосах, и с учетом географического положения острова Кокос делает этот остров идеальным пунктом захода для аборигенных купцов, плававших в открытом море к западу от Панамы.

Как показал ботаник Кук, испанские завоевания на материке и вызванные ими серьезные нарушения жизненного уклада вполне могли положить конец всяким посещениям острова Кокос, после чего тропический лес получил возможность отвоевать земли, старательно расчищенные руками человека.

Глава 12

Статуи острова Пасхи

В мире науки нередко бывает полезно переключиться с одной области на другую, в чем-то родственную первой. Получив навык научного мышления и методики, но свободный от присущей ученикам тенденции соблюдать верность доктринам наставника, исследователь, изменивший свой научный профиль, проявляет подчас новый, нетрадиционный подход к общепринятым догмам. Когда я, занимаясь биологией в университете Осло, прервал занятия, чтобы прожить год жизнью полинезийца на Маркизских островах, целью моих полевых исследований было выяснить, как некоторые представители фауны сумели попасть на эти далекие острова в океане. В университете моими основными предметами были зоология и география, однако три года работы в крупнейшем в мире частном собрании книг о Полинезии, принадлежащем Крэпелиену, помогли мне подготовиться по всем вопросам, касающимся населения Полинезии, лучше, чем если бы я прошел университетский курс этнологии.

Когда я в 1938 г. вернулся с Маркизских островов в Осло с изрядной археологической коллекцией, для меня было естественно шагнуть выше по биологической лестнице. От проблемы появления первой фауны на океанических островах я всецело перешел к проблеме, как на эти острова впервые попал древний человек. Год жизни на уединенном острове Фату-Хива, где единственными средствами передвижения в океане были каноэ с аутриггером и открытая шлюпка и где волны и облака круглый год движутся с востока на запад, побудил меня критически взглянуть на господствовавшие гипотезы, по которым люди каменного века, открывшие полинезийские острова, плыли 10 тысяч миль против устремленных к западу стихий. Мне пришлось не раз бороться с океаном не на жизнь, а на смерть, чтобы возвратиться к берегу, и я на деле убедился, что Фату-Хива расположен посреди морского «конвейера» (Хейердал, 1978[8]).

Решение совершить дрейф от Южной Америки до Полинезии на бальсовом плоту, а позже — искать археологические следы на островах Галапагос воплощало спор свободного от предвзятости ума против

научно не доказанных догм. Следующий за Галапагосами клочок земли в океане — остров Пасхи. Расположенный на полпути между Южной Америкой и своими ближайшими соседями в Полинезии, этот остров ко времени его открытия европейцами был самой уединенной обитаемой сушей в мире. Его 600 с лишним исполинских каменных изваяний и могучие мегалитические стены неизвестного происхождения являли одну из самых непостижимых археологических загадок как для рядового человека, так и для ученого. На этот остров тоже распространилась власть никем не оспоренной догмы. Наиболее удаленный от Азии, он, как утверждали, был заселен в последнюю очередь; стало быть, и возраст поселения наиболее молодой.

Этот общепринятый вывод опирался на гипотезу, по которой человек пришел на остров Пасхи, мигрируя против ветра из Азии, а не по ветру из Америки. Современные ученые были настолько уверены в недавнем заселении Пасхи, что никто не предпринимал стратиграфических раскопок в поисках скрытых в земле следов, хотя остров этот прославился больше любого другого из островов Тихого океана обилием следов старины на поверхности земли. После коротких визитов этнологов XIX в. первые тщательные исследования зримых пасхальских статуй и развалин были проведены английским отрядом во главе с Кэтрин Скорсби Раутледж в 1919 г. Полный реестр всех важных памятников на поверхности составил затем проживавший на Пасхе миссионер Себастиан Энглерт. До нашей экспедиции на острове побывал только один профессиональный археолог — Лавашери; вместе с французским этнологом Альфредом Метро он в 1934 г. продолжал исследования предшественников, сосредоточив свое внимание на не описанных ранее петроглифах.

Великое множество авторов, которые писали о здешнем археологическом материале, ни разу не бывав на Пасхе, восприняли взгляды немногих ученых, видевших совершенно безлесный остров. Голый клочок земли находился так далеко от путей человека, совершавшего миграцию из Азии, что медленно накапливающаяся почва — думалось им — просто не могла скрывать каких-либо изделий людских рук; стало быть, в раскопках нет никакого смысла.

Плот «Кон-Тики» прошел путь, вдвое превышающий расстояние от Перу до Пасхи, и галапагосские черепки свидетельствовали о доинкских плаваниях со времен культуры Тиуанако, а потому я не

видел никаких причин, которые помешали бы мореплавателям Южной Америки дойти до острова Пасхи задолго до переселенцев из далекой Азии, каким бы путем ни шли азиаты. Для перуанцев Пасха была ближайшей обитаемой землей в океане, и только в Перу было заведено ставить огромные антропоморфные изваяния на платформах под открытым небом.

Чтобы выйти на уединенный остров с любой стороны, требовалось либо изрядное везение, либо навык ходить на многих судах, и регулярно плавать туда и обратно в данном районе. В любом из случаев все преимущества были на стороне мореплавателей Южной Америки. Если аборигенные моряки, как это впоследствии сделали европейцы, проникли в Океанию со стороны Перу, они тоже могли поначалу миновать Пасху и выйти на более крупные и гуще расположенные острова Центральной Полинезии или даже Меланезии. Но независимо от последовательности открытий в этом регионе Пасха — единственный из сотен островов, образующий как бы пристань на полпути между материковой родиной и новорожденным островным миром; уже это оправдывает его полинезийское название *Те-Путо-оте-Хенуа* — Пуп Вселенной. Вряд ли остров Пасхи стал бы чем-то вроде огромного храма с множеством священных алтарей *ахуи* гигантских статуй, если бы не его уникальное географическое положение относительно Америки. Скучная почва и голый ландшафт, отсутствие водных потоков и защищенной гавани, наконец, скромные размеры — 22 x 11 км — все это никак не позволяло Пасхе соперничать с Таити, Гавайским архипелагом, Новой Зеландией или большими зеленеющими островами, сгруппированными на подступах к Меланезии.

Пока в недавнем прошлом на Пасхе не оборудовали аэродром, одним из препятствий для археологических исследований была его труднодоступность. Чтобы доставить провиант и снаряжение для годичных раскопок в этом крайнем восточном углу Полинезии, я был вынужден зафрахтовать и переоборудовать 50-метровый гренландский траулер, который бросил якорь перед нашим базовым лагерем в бухте Анакена. Командиры и экипаж судна, а также большой отряд островитян участвовали в археологических работах под руководством четырех археологов: Э. Фердона-младшего, который тогда был штатным археологом Музея Нью-Мексико; профессора У. Мэллоя,

заведовавшего кафедрой этнологии Вайомингского университета; профессора К. Смита, заведовавшего кафедрой археологии Канзасского университета; А. Шельсволда, руководившего археологическим отделом Ставангерского музея в Норвегии.

Итоги наших раскопок на острове Пасхи в 1955–1956 гг. опубликованы в двух томах «Отчетов Норвежской Археологической экспедиции на остров Пасхи и в восточную часть Тихого океана» (т. I — «Археология острова Пасхи», 1961; т. II — «Разное», 1965). Этнографические наблюдения и коллекции представлены в монографии «Искусство острова Пасхи» (1976). Настоящая глава основана на докладе, прочитанном в Шведском обществе этнологии и географии и напечатанном в этнографическом журнале «Утег» в 1962 г.

Остров Пасхи и географически, и археологически заметно выделяется среди тысяч островов тихоокеанского полушария. Нигде люди не обитали так далеко от континентов вообще и от Азии в частности. И в то же время ни один остров не может похвастать такими внушительными и своеобразными памятниками былой высокоразвитой культуры, как этот крохотный безлесный форпост со стороны Америки. В Тихом океане десятки тысяч островов и атоллов, но только на Пасхе найдены следы аборигенной письменности, внушительные ритуальные платформы из огромных блоков разной величины, обтесанных, отшлифованных и пригнанных друг к другу с величайшей точностью, великое разнообразие изделий искусства и сотни установленных вдоль побережья антропоморфных каменных исполинов с «париками» из красного камня. С тех самых пор, как два с половиной столетия назад три голландских корабля, идя от Южной Америки на запад, впервые наткнулись на этот остров, неполинезийские черты местных памятников озадачивают ученый мир.

Когда миссионер Эжен Эйро в 1864 г. высадился на Пасхе и стал первым европейским поселенцем на острове, он и его коллеги сумели быстро положить конец аборигенной истории. При нем закончился последний, трагический акт одной из самых удивительных драм, какие когда-либо разыгрывались на уединенном океаническом островке, вдали от всех очевидцев.

Только археология и другие науки, изучающие прошлое, помогают восстановить главные черты поры величия острова Пасхи. Ныне мы

можем утверждать, что прибывшие на Пасху европейцы застали уже последние фазы умирающей культуры. Первым европейским гостем был голландский адмирал Якоб Роггевен, который подошел к острову в сумерках, вечером пасхального воскресенья 1722 г. (подробности см.: Heyerdahl, 1961[151]). Утром следующего дня, когда над морем выглянуло солнце, голландцы приблизились к берегу и увидели светлокожих и темнокожих людей, собравшихся у костров перед выстроенными в ряд огромными статуями. Сидя на корточках и склонив голову, островитяне молитвенно поднимали и опускали руки. С появлением солнца они пали ниц на землю, головой на восток, и костры продолжали полыхать перед каменными исполинами.

Уже тогда статуи были настолько старыми и источенными эрозией, что Роггевен собственноручно отламывал куски с их осыпающейся поверхности, после чего он сделал вывод, что истуканы вылеплены из глины и земли, замешанных с галькой. Голландцы возобновили плавание, проведя на острове всего один день.

Прошло почти 50 лет, прежде чем испанец Фелипе Гонсалес и его спутники повторно открыли остров, выйдя из Перу в 1770 г. Испанцы не ограничились беглым осмотром эродированной поверхности статуй; один из них так хватил киркой по истукану, что полетели искры и стало ясно, что статуи изваяны из очень твердого и тяжелого камня. Гости записали, что головы десятиметровых монолитных истуканов были увенчаны большими цилиндрами из другого камня. Поверх цилиндров лежали человеческие кости, и испанцы заключили, что статуи служили не только идолами, но и местом погребения покойников.

И голландцы и испанцы отметили, что на острове Пасхи нет ни леса, ни крепких канатов в достаточном количестве, чтобы воздвигать столь огромные памятники. Роггевен, как уже говорилось, видел решение загадки в том, что статуи вылеплены из глины, однако испанцы опровергли это утверждение, и от них удивленный мир впервые услышал о многочисленных каменных великанах, высящихся на голом острове с примитивным смешанным населением за тысячи километров от ближайшей суши. В последующие два столетия загадка острова Пасхи все прочнее завладевала воображением людей по всему свету.

Через четыре года после испанцев к тому же острову подошел капитан Кук, а за ним — французы во главе с Лаперузом. Все ранние

путешественники подчеркивали, что пасхальские статуи очень древние и что бедствующие примитивные островитяне, которых они застали, никак не могли быть причастны к ваянию этих памятников. Кук первым обратил внимание на то, что многие статуи повалены и лежат на земле подле напоминающих алтарь каменных постаментов; он отметил также, что пасхальцы ничуть не заботятся о сохранности старинных сооружений.

У Кука был переводчик-полинезиец; он с трудом понимал местную речь, но все же разобрал, что многочисленные статуи изображают умерших королей и вождей. После голландцев никто не видел, чтобы пасхальцы молились перед идолами, но и англичане и французы, как до них испанцы, заметили около статуй скелетные останки и поэтому описали их как надгробные памятники.

Чем бы ни были на самом деле статуи для тогдашних жителей острова, пасхальцы продолжали сбрасывать их с постаментов. Следующим на Пасхе высаживался в 1804 г. русский мореплаватель Лисянский. Он записал, что в бухте Кука по-прежнему стояли на каменных платформах четыре статуи, в Винапу — семь. Двенадцать лет спустя, в 1816 г., остров посетила еще одна русская экспедиция под начальством Коцебу, который установил, что в бухте Кука все изваяния повалены, а из семи статуй в Винапу остались стоять только две.

Последнее сообщение о стоящих статуях видим в записях Дюпети-Туара; он в 1838 г. видел севернее бухты Кука девять истуканов на каменных платформах. Позднее были свергнуты и эти исполины, и, когда в 1864 г. прибыл Эжен Эйро, на многочисленных платформах не было ни одной статуи, все повалили, причем многие при падении раскололись, а огромные каменные цилиндры с их голов подчас скатились вниз по склонам, словно паровые катки. Пасхальцам не удалось повалить только частично врытые в землю, незавершенные изваяния, обнаруженные отрядом Кука на осыпях у подножия давно заброшенной и заросшей каменоломни на склонах кратера Рано-Параку.

Эйро изгнали с острова через девять месяцев, но в 1866 г. он возвратился в компании с другими миссионерами. Он и его коллеги первыми освоили язык пасхальцев. Они пытались найти ответ на загадки острова Пасхи, расспрашивая островитян. Однако те могли только сообщить, что давным-давно все статуи сами разошлись по отведенным для них *ахупо* велению бога-творца *Маке-маке*.

Через семь лет миссионеров снова заставили покинуть Пасху. Вскоре после того на остров явился таитянский овцевод Салмон, а затем еще и чилийский метеоролог Мартинес. Оба жили в тесном контакте с пасхальцами, и благодаря им до нас дошли чрезвычайно интересные, еще не искаженные доевропейские предания (Heyerdahl, 1961[151]).

Согласно первым записанным преданиям, предками нынешнего населения острова были «короткоухие». Они пришли на Пасху со своим вождем Туу-ко-иху с острова далеко на западе, то есть из собственно Полинезии. Прибыв, они обнаружили, что эта земля уже заселена другим народом, «длинноухими», которые прибыли во главе с ее первооткрывателем, королем Хоту-Матуа, с противоположной стороны, с востока. Там, в 60 днях пути, лежит огромная страна, где царит такой зной, что временами палящее солнце сжигает всю растительность. Прибывшие на остров первыми «длинноухие» сразу же принялись воздвигать *моаи*— статуи. Присоединившиеся к ним позднее «короткоухие» 200 лет (*карау-карау*) помогали строить *ахуи* высекать длинноухие изваяния, но затем мирное сосуществование кончилось кровавой распрей. «Короткоухие» истребили почти всех «длинноухих», загнав их в оборонительный ров перед полуостровом Поике, где пылал огромный костер. Оставили только одного «длинноухого», чтобы мог продолжать свой род. После этого начались племенные усобицы среди «короткоухих», и все статуи, как сообщают те же предания, были повалены с помощью клиньев и веревок.

Археологические исследования острова Пасхи начались в 1914 г., когда уже упомянутая Кэтрин Скорсби Раутледж приплыла сюда на собственной яхте. Правда, в составе экспедиции не было профессиональных археологов, но посвященная путешествию популярная книга содержит важнейшие научные наблюдения и оставалась до последнего времени главным источником общих сведений об археологии и Пасхи (Routledge, 1919[266]). Ее обширные неопубликованные этнографические записки, несомненно представляющие большую ценность для исследователя, долго считались утраченными, пока совсем недавно не были обнаружены в архивах Королевского географического общества.

Двадцать лет спустя, в 1934 г., на остров прибыла франко-бельгийская экспедиция. К несчастью, француз-археолог скончался в

пути, и его бельгийскому коллеге Анри Лавашери пришлось в одиночку изучать древние памятники, пока французский этнолог Метро собирал важные данные в своей области.

Раутледж полагала, что до нынешних полинезийцев на острове жил неизвестный, позднее истребленный народ, возможно, меланезийского происхождения, однако Метро и Лавашери отвергли это предположение, решительно утверждая, что уединенный остров оставался необитаемым, пока около XII–XIII вв. сюда не прибыли полинезийцы. Они выдвинули ставшую затем общепринятой гипотезу, по которой пасхальцы принялись воздвигать огромные статуи из камня, так как на безлесном, голом острове не было материала для резьбы по дереву, характерной для лесистых островов собственно Полинезии. Гипотеза эта выглядела достаточно убедительной, и археологи больше не приезжали на Пасху, так что стратиграфических раскопок никто не производил.

Был ли остров Пасхи, как полагали этнологи, в самом деле таким безлесным, когда на нем впервые высадились аборигенные мореплаватели? Таков был один из главных вопросов, на которые мы надеялись ответить, доставив на остров новейшее оборудование для взятия проб пыльцы. Богатый палеоботанический материал, полученный нами по краям кратерных озер потухших пасхальских вулканов Рано-Рараку и Рано-Као, был analyzed профессором Селлингом, сотрудником Государственного музея естественной истории в Стокгольме.

Отложения пыльцы свидетельствуют, что природная среда, в которую попали первопоселенцы, отличалась от известной нам со времени открытия острова в пасхальное воскресенье 1722 г. Теперь Пасха бедна растительностью, а раньше здесь была богатая флора, росли деревья, представляющие вымершие впоследствии семейства. Между деревьями произрастали кустарники разных видов. В целом растительность до какой-то степени, должно быть, напоминала первичную низинную флору, скажем, на подветренной стороне Гавайских или Маркизских островов. До того как в кратере Рано-Рараку начали трудиться ваятели, его голые ныне склоны были покрыты пальмами вида, которого теперь нет на острове; донные отложения кратерного озера буквально насыщены их пыльцой. Одно из самых неожиданных открытий — пыльца кустарника, родственного

хвойным (*Ephedra*), до той поры совсем не встречавшегося в этой области Тихого океана; зато он сродни одному южноамериканскому виду, если не тождествен ему. Доктор Селлинг обнаружил пыльцу такого же вида на Маркизских островах.

Взятые на Пасхе 8-метровые колонки стратифицированной пыльцы позволили проследить, как постепенно исчезала первичная растительность. Вокруг открытых кратерных озер еще росли деревья, когда здесь неожиданно появился американский пресноводный *Polygonum amphibium*, вероятно доставленный как лекарственное растение первопоселенцами из южноамериканского приморья. Затем в отложениях появляются зольные частицы и быстро оскудевает первичная растительность. Зольные частицы явно след лесных пожаров, виновниками которых, судя по всему, были первопоселенцы. Население росло и нуждалось в земле для жилищ и огородов; позднее, возможно, лес намеренно поджигали во время войн. Опустошение оказалось настолько основательным, что в верхних слоях следы первичной растительности почти совсем исчезают; выжженным островом постепенно завладели травы и папоротники.

Эта перемена декораций на Пасхе интересна не только с ботанической точки зрения. Выходит, мы неверно представляли себе жизнь на острове в первый период развития местной культуры. Приплывшие сюда каменщики, которые вытесывали для своих сооружений огромные глыбы базальта, попали не на безлесный, травянистый остров, где можно было беспрепятственно перетаскивать по равнине огромные монолиты. Им пришлось сначала валить деревья и расчищать участки, чтобы добраться до будущих каменоломен и проложить пути для себя и своих изваяний. Это открытие опровергает давний аргумент, будто бы пасхальцы врубались в склон горы, потому что на Пасхе нельзя было заняться резьбой по дереву. Среда обитания первых поселенцев в основном была такой же, как и на других островах; тем сильнее бросается в глаза своеобразие культуры, которую, как будет показано ниже, принесли с собой эти люди.

Еще одно, также общепринятое положение, без нужды осложнившее проблему статуй острова Пасхи, было, как выяснилось, основано на неверных толкованиях одного из наблюдений, сделанных экспедицией Раутледж. Руководительница экспедиции велела очистить от песка и гравия нижнюю часть нескольких идолов, частично

погруженных в отвалы у подножия каменоломен Рано-Параку. В своей книге она сообщила, что у одной из этих статуй было заостренное основание, и предположила, что его заострили намеренно, поскольку данное изваяние собирались врыть в землю, а не ставить на *ахув* отличие от прочих статуй, рассыпанных по всему острову (Routledge, 1919[266]). Метро и Лавашери поняли ее так, что все 60 изваяний, частично врытых в осыпь ниже каменоломен, заостряются книзу. Даже не проверив свою догадку, Метро в труде об этнологии острова Пасхи заявил, что на острове есть статуи двух в корне различных видов: одни — заостренные книзу, чтобы их можно было врыть в землю, другие — с широким плоским основанием, предназначенные для установки на пасхальские *аху* (Metraux, 1940[222]).

Питер Бак, ведущий авторитет по культуре Полинезии, сам не бывавший на Пасхе, усугубил путаницу, заключив, что Метро посчитал остроконечными, вытесанными для установки в земле также те 170 незавершенных изваяний, которые лежали на открытых карнизах каменоломен. Так одна попросту дефектная статуя превратилась в публикациях в 230, и в «Мореплавателях солнечного восхода», наиболее распространенной из книг Бака, автор сделал такой далеко идущий вывод:

«Изваяния с заостренными основаниями не предназначались для установки на ритуальных каменных платформах, их вкапывали в землю в качестве нетленных украшений и знаков, обозначающих дороги и границы округов. Так как у всех изваяний, оставшихся в каменоломне, основание заостренное, можно предположить, что заказы для платформ были полностью выполнены и пасхальцы приступили к украшению дорог...» (Те Ранги Хироа, 1959[6]).

Наша экспедиция без труда убедилась, что ни одна из статуй, оставшихся в каменоломнях, не заострялась книзу, хотя Арне Шёльсволд, руководивший раскопками на Рано-Параку, нашел еще 50 статуй в дополнение к ранее известным (Skjölsvold, 1961[283]). А, приступив к раскопкам частично врытых в землю великанов у подножия каменоломен, мы обнаружили, что у всех их, не считая одного дефектного экземпляра, полный торс и длинные руки с тонкими пальцами соединяются внизу над широким плоским основанием, явно предусматривавшим установку в рост на открытой платформе.

Наши исследования показали, что все известные статуи острова Пасхи, числом более шестисот, по существу однородны; это относится и к незавершенным экземплярам, оставленным на разной стадии работы. Весь процесс ваяния можно разбить на четыре этапа. На первом этапе спина изваяния еще соединялась с коренной породой, шла обработка передней части и боков, подчас была даже закончена шлифовка, и только глазниц не доставало. На втором этапе фигуру отделяли от породы и временно устанавливали в отвалах у подножия вулкана, чтобы завершить обработку спины, отшлифовать ее и в некоторых случаях высечь символические изображения. На крутых склонах нетрудно было поставить изваяние прямо на площадке, вымощенной необработанным камнем. На третьем этапе все еще безглазую статую снова укладывали на землю и перетаскивали по одной из расходящихся от вулкана мощеных дорог. И только на четвертом этапе, когда идол уже стоял на своей *аху*, ему делали глаза, а на голову водружали большой цилиндр из красного камня, называемый пасхальцами *пукао*, что означает «пучок волос».

После этого открытия загадка статуй сразу упростилась. Ни о каком украшении ландшафта или дорог речи не было. Ваятели последовательно выполняли одну задачу: высекали однородные монументы с красными цилиндрами для установки в ряд на *аху* вдоль всего побережья.

Однако другие загадки острова Пасхи все еще ожидали своего решения. Пока Шёльсволд вел работы на Рано-Параку, Мэллой и Смит приступили к первым систематическим исследованиям и раскопкам разрушенных *аху*, на которых прежде стояли изваяния. Под верхними слоями кладки они обнаружили более древние сооружения, частью перестроенные, частью расширенные и укрепленные. Первоначальные конструкции не были рассчитаны на вес тяжелых истуканов, и вообще они воплощали другой архитектурный стиль, другую каменотесную технику (Mulloy, 1961; Smith, 1961[231, 290]).

По ходу раскопок различных перестроенных сооружений становилось ясно, что предысторию Пасхи можно разделить на три отчетливо выраженных пласта, и археологи отнесли их к раннему, среднему и позднему периодам. В раннем периоде хотя и ваяли статуи, но не того типа, который впоследствии стал на *аху*. Культурные сооружения представляли собой алтареподобные возвышения,

сложенные из очень больших, весьма тщательно обтесанных и пригнанных друг к другу камней разной формы; фасад смотрел на море, а с другой стороны располагалась врытая в землю площадка. Творцы этих астрономически ориентированных возвышений были искуснейшими каменотесами, которые к тому же хорошо изучили годичное движение солнца и воплотили свои наблюдения в религиозном зодчестве. В раннем периоде скульптуры разного рода устанавливали на земляной площадке за каменной стеной.

Только в среднем культурном периоде островитяне начали ваять и устанавливать на каменных постаментах исполинов известного нам типа. Первичные сооружения были отчасти разрушены или переделаны, их надстраивали так, что получились приобретшие затем известность *аху*. Эти сооружения не были астрономически ориентированы; на них спиной к морю и лицом к старой внутренней площадке выстроились рядами исполинские монументы.

Если в среднем периоде зодчие и ваятели все силы и внимание сосредоточивали на установке огромных статуй из туфа каменоломен Рано-Параку, то пасхальцы раннего периода гораздо искуснее обтесывали и подгоняли огромные шлифованные базальтовые блоки для алтареподобных культовых сооружений.

Третий, и заключительный, период начался внезапным прекращением работ в каменоломнях Рано-Параку; одновременно прекратилась и транспортировка статуй по дорогам. В этот период изваяния одно за другим свергали с *аху*. Появился новый погребальный обряд. Прежде была принята чуждая полинезийцам кремация, причем кремированные кости и изделия помещали в каменных гробницах возле *аху*. Теперь же резчики по дереву, не владеющие искусством мегалитической кладки и ваяния, хоронили своих покойников под кое-как наваленными грудками камня на разрушенных *аху* или в больших коллективных могилах под брюхом или лицом поваленных исполинов. Поздний период повсеместно характеризовался упадком, войнами и разрушением. Слои этого периода изобилуют копеечными наконечниками из базальта, тогда как в двух предыдущих периодах оружия почти, а то и вовсе не встречаем.

Эти открытия не только позволили выявить чередование культур на Пасхе, но и повлекли за собой пересмотр прежних гипотез о местной эволюции. Правда, Раутледж заподозрила, что пасхальские

ахуперестраивались, но Метро и Лавашери отвергли ее догадку и заявили, что культура острова Пасхи однородна, никаких признаков чередования этапов нет (Routledge, 1919; Metraux, 1940; Lavachery, 1936[266, 222, 197]).

Все наблюдатели согласно отмечали поразительное сходство самых больших и наиболее сохранных фасадов пасхальских *ахус* подобными сооружениями Андской области, однако полагали, что на Пасхе лучшие стены появились позже, олицетворяя итог местной эволюции. Считалось, что полинезийцы прибыли на Пасху, не владея этим специализированным искусством каменной кладки, и лишь со временем сумели на безлесном острове овладеть мастерством и сравняться с виднейшими специалистами Южной Америки в умении обтесывать и подгонять мегалитические блоки. И вот все поменялось местами. Лучшие на Пасхе стены того же типа, какой известен в Перу и прилегающих районах Андской области, были сооружены первопоселенцами после того, как они расчистили от деревьев места для добычи камня и для культовых сооружений.

Люди среднего периода не владели этим искусством, они ограничивались ваянием огромных статуй. И наконец, в последний период не только не было эволюции каменного дела, напротив, для него характерны деградация, массовое разрушение, гибель всего, что было создано ранее. Итак, все оказалось иначе, и теперь уже нельзя было исключать возможность прибытия представителей каменотесных культур Южной Америки, ведь во всей Тихоокеанской области больше не было страны, откуда могли явиться переселенцы, в совершенстве владеющие специализированной техникой обработки камня.

Сложность пасхальской культуры воплотилась не только в культовых сооружениях и погребальных обычаях, но и в жилищах островитян. После осмотра поверхностных памятников старины Фердон заподозрил, что в разных концах острова сохранились следы жилищ совершенно различного типа. До сих пор этнологи и археологи считали, что на Пасхе помимо пещер был только один вид жилищ — продолговатые камышовые хижины, напоминающие перевернутую лодку. Изогнутые жерди, служившие каркасом для камышовой и травяной кровли, втыкались в узкие ямки в каменном фундаменте, тоже напоминавшем очертания лодки. Экспедиционные археологи начали с того, что раскопали несколько таких фундаментов и определили, что

все они были сложены либо непосредственно перед появлением европейцев, либо вскоре после этого события, иначе говоря, в поздний период. Затем Фердон и Шёльсволд принялись изучать кольцевые каменные ограды, которых очень много в разных концах острова (Ferdon, 1961; Skjölsvold, 1961[112, 283]). До тех пор этнологи и археологи довольствовались заявлениями нынешних обитателей Пасхи, что на безлесном острове эти стены защищали от ветра огорода, на которых предки сажали *махуте*. Шведский ботаник Скоттсберг, посетив Пасху в 1917 г., подтвердил, что кольцевые стены защищали огорода; в качестве таковых они приведены на иллюстрации в его труде о пасхальской флоре, и затем эту иллюстрацию воспроизвел Метро в своей книге об этнологии острова Пасхи (Skottsberg, 1920; Metraux, 1940[285, 222]). Наши раскопки показали, что кольцевые стены начали использовать для защиты огородов не сразу, а лишь в поздний период. Первоначально это были крытые камышом круглые жилища, и в земляных полах мы откопали множество изделий и отбросов — следы долгого проживания людей. Очаг помещался либо посреди пола, либо у стены снаружи. Шёльсволд нашел оставленную в попыхах печь, полную обугленных остатков печеного сахарного тростника и батата. Углеродная датировка показала, что этот совсем не полинезийский тип домов распространился на острове в среднем периоде, когда воздвигались большие статуи; некоторые дома использовали еще и в позднем периоде наряду с отражающими совсем другую традицию лодковидными хижинами из жердей и камыша. Фердон, хорошо знающий археологию Южной Америки, указал, что круглые дома, неизвестные в остальной Полинезии, аналогичны постройкам, характерным для той части Андской области, которая обращена в сторону Пасхи (Ferdon, 1961[112]).

При раскопках на равнине у Винапу мы обнаружили третий, также своеобразный дом — с крышей из каменных плит, присыпанных землей. В нем впоследствии был похоронен обезглавленный человек. Целое селение из таких же каменных домов разместилось на вершине самого высокого вулкана острова Пасхи; еще первые миссионеры установили, что здесь находился важнейший культовый центр — Оронго. Ежегодно во время весеннего равноденствия в Оронго собирались все жители острова; они были зрителями и судьями традиционных соревнований, участники которых плыли наперегонки

на маленьких лодках из камыша *тоторык* птичьим островкам рядом с Пасхой, чтобы добыть первое в году яйцо темной крачки. Победителю присваивали священный титул птичечеловека.

И Раутледж, и Метро уделили немало внимания этому своеобразному ежегодному ритуалу, сохранившемуся до исторических времен, однако каменные дома Оронго все исследователи считали культовой деревней сугубо пасхальского типа, поскольку на остальных островах Тихого океана не было таких жилищ-склепов. Руководя раскопками Оронго, Фердон и тут обнаружил признаки чередования культурных периодов. Необычные сооружения на вершине вулкана, сохранившиеся в качестве ритуальных объектов, на самом деле продолжали традицию построек, служивших в раннем периоде жилищами. Эти дома с ложным сводом, не известные больше нигде в Полинезии, также перекликаются с жилищами древнего Перу и прилегающих районов Андской области.

Голые выступы скал в Оронго сплошь покрыты рельефными изображениями птичечеловеков — типичной для Пасхи скорченной человеческой фигуры с птичьей головой и длинным изогнутым клювом. Один птичечеловек держит в своих объятиях реалистично изображенное солнце. Раскапывая низкие, нередко обвалившиеся культовые сооружения, Фердон открыл много неизвестных ранее росписей на гладких плитах стен и потолка. Преобладающие мотивы — серповидные камышовые лодки, двухлопастные весла и «плачущий глаз» — все это неполинезийские черты, типичные для высокоразвитых культур Америки (там же).

По стратиграфическим материалам Фердона, участок на вершине самого высокого пасхальского вулкана во все три периода местной культуры с небольшими перерывами оставался культовым центром. В нижнем слое он вскрыл солнечную обсерваторию раннего периода, фиксирующую положение солнца на восходе во время декабрьского и июньского солнцестояний. В раннем периоде культового поселка, как такового, здесь еще не было, но в связи с обсерваторией найдены солнечные символы — петроглифы и маленькая статуя совершенно особого, неизвестного прежде вида. Ничего похожего на эту обсерваторию до тех пор не находили в Полинезии. За параллелями снова пришлось обратиться к Андской области.

В среднем периоде превосходная кладка солнечной обсерватории была перекрыта подобным *ахусвятилищем* из грубого камня. Рядом возникли каменные домики поселка, и внезапно в совершенно развитом виде появился культ птичечеловека. Поначалу он сочетался с предшествовавшим ему солнцепоклонничеством, потом совсем его вытеснил. В начале среднего периода из солнечной обсерватории в самое просторное и важное строение культового центра Оронго перенесли сравнительно небольшую, изумительно вытесанную в раннем периоде статую из темного базальта, ныне хранящуюся в Британском музее. На спине идола поверх солнечных символов были грубо высечены птичечеловеки и двухлопастные весла; первой на это обратила внимание Раутледж, не предложив никаких объяснений. От пасхальских изваяний среднего периода, предназначенных для *аху*, эту статую отличает выпуклое основание и материал — твердый черный базальт, а не желтовато-серый туф каменоломен Рано-Параку. Как мы увидим дальше, она, возможно, послужила прототипом всех монументов, воздвигнутых в среднем периоде на *аху*.

По ходу раскопок на равнине тоже стали находить статуи не встречавшихся прежде типов. Одни из этих ранних изваяний были намеренно разбиты, и обломки пошли на строительство круглых домов среднего периода. Другие осквернили тем, что уложили лицом внутрь в грубые платформы *аху* для больших статуй среднего периода. Некоторые из подвергшихся надруганию статуй были изваяны из темного базальта, подобно скульптуре в Оронго, другие — из красной вулканической породы, третьи — из желтовато-серого туфа Рано-Параку. Но все отличались от широко известного стандартного типа пасхальских статуй, и, судя по тому, как бесцеремонно с ними обошлись в среднем периоде, они, почти наверное, вышли из рук ваятелей раннего периода.

Открытые экспедицией статуи раннего периода Пасхи можно разделить на четыре существенно различных типа, из которых три были прежде неизвестны в Океании. Тип I представлен прямоугольными, подчас уплощенными каменными головами без туловища и конечностей, с округлыми углами. Обозначенное рельефом плоское лицо отличается огромными глазами и нависающими бровями, переходящими наподобие буквы «игрек» в приплюснутый нос. Такие детали, как уши и рот, либо едва намечены, либо их трудно было

опознать, поскольку они лежали лицом вниз возле *ахуили* на каменистом поле.

Тип II — прямая, колонноподобная, весьма нереалистичная фигура с туловищем и укороченными ногами; сечение прямоугольное, также с закругленными углами. Обозначенные рельефом тонкие руки согнуты под прямым углом, и пальцы почти встречаются на животе. Найдено три экземпляра — один завершённый, но разбитый, два незавершённых; все из красной породы.

Тип III — весьма реалистичное изображение коленапреклоненного великана, опирающегося полными ягодицами на собственные пятки. Колени направлены вперед под прямым углом к туловищу; руки покоятся на бедрах около колен. Лицо обращено чуть вверх, овальные глаза слегка выпуклые, щеки полные, губы маленького рта оттопырены, подбородок венчает козлиная бородка. Найден один экземпляр, погребенный в отвалах древнейшей части каменоломен Рано-Рараку.

Если три перечисленных типа прежде в Океании никем не встречены, то тип IV, также относящийся к раннему периоду, более знаком, поскольку он близок к единственным известным до тех пор пасхальским статуям среднего периода, многие из которых еще стояли на *ахуко* времени появления европейцев. По сути дела тип IV раннего периода — несомненный прототип каменных исполинов, принесших такую известность острову Пасхи. Он представляет собой традиционный прямой торс, обрезанный ниже гениталий, с пупком и сосками, с опущенными по бокам длинными руками, кисти которых изогнуты под прямым углом так, что кончики очень длинных, тонких пальцев доходят до гениталий. Нос, уши и губы сильно выступают; лоб нависает над глазами. Глаза заметно отличаются от рельефных глаз у других статуй раннего периода и заслуживают особого внимания: у типа IV высечены глубокие глазницы, и эта своеобразная черта повторялась затем на всех изваяниях среднего периода.

Широко распространено заблуждение, будто каменные великаны острова Пасхи слепые. Родилось оно потому, что до наших времен в стоячем положении оставались только незаконченные изваяния у подножия каменоломен. Погруженные в щебнистую осыпь, они были слепыми по той простой причине, что глазницы полагалось высекать лишь после установки идола на его *аху*. Как уже говорилось, все завершённые изваяния были повалены во время междоусобиц позднего

периода, и почти всех их сбросили с пьедестала лицом вниз. В 1955 г. пасхальцы по нашей просьбе вернули на *ахуодного* сброшенного великана; после эта процедура была продолжена, так что теперь несколько изваяний стоят на старых местах, и у всех них глубокие глазницы. Эта деталь типа IV побудила кое-кого предположить, что ваятели изображали черепа с пустыми глазницами, но такая гипотеза не проходит уже потому, что уши, губы и глаза высечены вполне реалистично. Продолжая исследования, я теперь склоняюсь к тому, что у пасхальских статуй типа IV в раннем и среднем периодах глаза первоначально были инкрустированы. Точно такие глубокие овальные глазницы видим у некоторых огромных антропоморфных изваяний хеттов, а также у выполненных в рост человека каменных скульптур доевропейской Мексики, но в этих случаях точно известно, что была выпавшая из глазниц инкрустация; об этом свидетельствуют другие образцы в тех же областях, у которых глазницы заполнены белой морской раковиной со зрачком из черного обсидиана. Кстати, на Пасхе у всех деревянных фигурок, собранных до вторжения миссионеров, были именно такие глаза: глубокие овальные глазницы, заполненные белой костью или раковиной с черным обсидиановым зрачком. В 1886 г. Томсон приобрел голову пасхальской статуи с такой же инкрустацией (см. иллюстрацию: Heysdahl, 1976[154]). Да и огромные куклы из *тапы* (*паина*) пасхального позднего периода имели глаза, вырезанные из человеческой черепной кости, со зрачком из черной морской раковины (Metraux, 1940[222]).

Наиболее приметное различие между изваяниями типа IV среднего периода и их, как правило, не такими большими прототипами раннего периода заключается в том, что в среднем периоде голову истуканов стесывали, чтобы примостить на ней цилиндр *пукао* из красного камня, и основание делали совсем плоским, чтобы идол прочно стоял на каменной *аху*. У экземпляров раннего периода голова и основание округлые; они были без цилиндра и устанавливались на земле культового дворика.

По преданию, первыми ваятелями были изначальные переселенцы с востока. Если искать источники внешних импульсов, мы не увидим ни один из описанных четырех типов ни в других частях Океании, ни в Юго-Восточной Азии. Только на Маркизах, Раиваваэ и Питкэрне (все они расположены на восточной окраине Полинезии) известны крупные

каменные статуи, однако они изображают непомерно тучных людей с большим животом, короткими, слегка согнутыми ногами и с огромной круглой головой, на которой рельефом высечены гротескные черты лица. Эти изваяния перекликаются с большеголовыми и коротконогими истуканами, какие устанавливались на каменных платформах или на земле от Мексики и Сан-Агустина в Колумбии до озера Титикака в Перу и Боливии. У всех этих материковых идолов очень короткие ноги, совсем же безногие торсы находили только в древней области Хуарас (Центральное Перу) и изредка вокруг озера Титикака. Статуи бородатого Кон-Тики-Виракочи в Тиауанако и в расположенном по соседству Мокачи — безногие; один тучный каменный исполин в Тарако, на северном берегу Титикаки, также усечен ниже живота и, как мною показано в другом месте, очень близок к пасхальскому типу IV, каким тот выглядел первоначально, в раннем периоде (Heyerdahl, 1976[154]). Тем не менее безногие торсы следует относить к исключениям в Андской области; несомненно, они заняли преобладающее место лишь в результате местного отбора на Пасхе при переходе от раннего к среднему периоду.

А вот остальные три открытых теперь типа раннего периода, не встреченные больше нигде в Океании, отлично известны в Андах. Они очень близки к трем типам каменных статуй, которые специалист по андской археологии Беннет считает характерными для доинкского ваяния в Тиауанако. Сходство прослеживается во всех своеобразных деталях; это относится и к прямоугольной большеглазой голове с носом в виде буквы «игрек», и к прямоугольной колонноподобной фигуре с руками, сложенными на животе, и к реалистичному коленопреклоненному истукану с его специфическими особенностями, перечисленными выше (Bennett, 1934[28]). Шёльсволд, раскопавший коленопреклоненного великана в отвалах ниже каменоломен, видит в нем все своеобразные черты соответствующих тиауанакских образцов, отнесенных Беннетом к древнейшему, доклассическому периоду Тиауанако. Он говорит: «...сходство этой тиауанакской статуи из Южной Америки и нашего экземпляра так велико, что его вряд ли можно приписать случайности, скорее речь идет о тесном родстве, указывающем на связь между этими двумя образцами древней каменной скульптуры Андов и острова Пасхи» (Skjölsvold, 1961[283]).

Открытые теперь типы изваяний раннего периода позволяют представить себе эволюцию пасхальских монументов для *аху*. До сих пор были известны только однородные исполины среднего периода, а у них нет ничего общего со статуями ни островов на западе, ни материка на востоке. В этом одна из причин, почему их обособленное присутствие на острове Пасхи казалось таким загадочным. Теперь выяснилось, что в неведомый прежде ранний период первые пасхальцы экспериментировали с разными горными породами и четырьмя различными типами антропоморфных изваяний, три из которых, как установлено, представляют характерные древние формы в Тиауанако на ближайшем к востоку материке. Больше того, четвертый тип также присутствует среди каменных статуй Тиауанако, но он приобрел более специализированный вид под конец раннего периода на Пасхе. Затем этот тип стал образцом для всех сотен огромных монументов, установленных на перестроенных *аху* во втором пасхальском периоде.

Что послужило причиной? Чтобы объяснить эту эволюцию и выявленный археологами странный застой в последующем развитии на Пасхе, приходится обращаться к этнологии. У нас нет оснований сомневаться в устных сведениях, полученных Куком, Лаперузом и другими путешественниками от пасхальцев позднего периода, когда многие статуи еще стояли на своих *аху*: изваяния были не идолами в прямом смысле слова, а памятниками в месте погребения королей, вождей и других знатных лиц. Каждая статуя была воздвигнута в честь определенного умершего человека, и многие старики даже после племенных усобиц позднего периода, когда изваяния сбрасывали на землю, еще помнили имена некоторых *арики*— вождей, удостоенных памятника. Наши раскопки показали, что склепы и другие виды погребения были привязаны к *аху* под конец среднего и весь поздний период; в астрономически ориентированных алтареподобных сооружениях раннего периода, которые не украшались монументами, останки не обнаружены. Но как уже говорилось, перед фасадом искусно сложенных из тесаного камня культовых стен мы нашли следы коллективной кремации. Вот еще одно неожиданное открытие, ведь прежде не было известно, что кремация некогда входила в погребальный ритуал на Пасхе.

Естественно возникает следующий вопрос: почему могущественные вожди среднего пасхальского периода предпочитали,

чтобы их могилы были увенчаны стереотипными копиями статуи типа IV раннего периода? Вопрос тем более существенный, что пасхальцы разбили или изуродовали все изваяния раннего периода, в том числе и типа IV, сделав исключение только для замечательной базальтовой статуи из солнечной обсерватории на вершине вулкана Рано-Као, которую они перенесли в полной сохранности в одну из культовых построек Оронго. Эта же статуя оказалась единственной, не поваленной даже в поздний период, ей продолжали поклоняться чуть ли не до тех самых пор, когда европейцы увезли ее и передали в Британский музей.

Может быть, статуя из Оронго играла особую роль? На этот вопрос можно с полной уверенностью ответить утвердительно. Это единственная статуя с выпуклым основанием, установленная на земляном полу внутри строения, единственная статуя, пережившая все три культурных периода, наконец, единственная на Пасхе статуя, о которой известно, что она была предметом поклонения и культа всего населения острова независимо от родовой или племенной принадлежности. Все прочие монументы вместе со своими *ахупри* принадлежали отдельным родам; потому-то их сбрасывали и уродовали в знак мести во время жестоких племенных усобиц позднего периода. Даже на некоторых незавершенных изваяниях у подножия каменоломен Рано-Рараку видим глубокие борозды — следы попыток обезглавить их, поскольку островитянам было не под силу повалить врытые в щебень каменные торсы. А истукан в каменном доме в Оронго оставался неприкосновенным, и с ним все еще были связаны культ плодородия и важные ритуалы, общие для всех враждующих племен, когда на Пасху во второй половине прошлого столетия прибыли миссионеры. При раскопках мы нашли много древесного угля — следы ритуальных костров перед входом в большой центральный каменный дом, где стояла важная базальтовая статуя.

Судя по всему, эта статуя первоначально была связана с ритуалами пасхальских солнцепоклонников раннего периода. Спину ее украшали рельефные символы солнца и радуги; когда же статую в среднем периоде перенесли в только что отстроенный каменный дом, поверх старых мотивов были грубо высечены символы птичеловека. Тем не менее она сохраняла центральную позицию в пасхальских культах, воплощая, так сказать, бога-творца или бога плодородия, и ей посвящались ритуалы во время весеннего равноденствия. Если другие

статуи, устанавливаемые островитянами среднего периода на родовых *аху*, представляли покойных членов общины, то изваяние в Оронго продолжало оставаться общим для всех родов божеством. Возможно, этим объясняется единообразие памятников для *аху*. Поскольку короли на острове Пасхи, как и во всей Полинезии и в Перу, считали себя потомками верховного божества, понятно, что каждый хотел, чтобы его изображение предельно походило на всемогущего предка, известного всем пасхальцам по изображению в их общем культовом центре Оронго. Единственное допускаемое отклонение — увеличение размеров статуи: каждый стремился, чтобы его монумент был возможно больше и внушительнее, воплощая тем самым роль и могущество покойного.

После того как был обнаружен субстрат, предшествующий каменным исполинам, которые так прославили остров Пасхи, стало очевидно, что гипотетические датировки первого заселения острова не годятся. Сами пасхальцы сообщали первым европейским гостям о двух генеалогиях местных королей; наиболее древняя, насчитывающая 57 поколений, восходила к первому королю-иммигранту — Хоту Матуа. Но поскольку считали, что иммиграция направлялась из далекой Азии, эту генеалогию произвольно отвергли в пользу более короткой, насчитывающей в разных версиях от 20 до 30 имен. И так как все предыдущие попытки датировать заселение Пасхи опирались на легендарные генеалогии, в наших раскопках было важно найти органические остатки, позволяющие произвести углеродную датировку.

По мнению Раутледж, до Пасхи дошли две волны иммигрантов, причем полинезийцы приплыли около 1400 г. (Routledge, 1919[266]). Кнохе тоже полагал, что остров заселили два народа, и первый прибыл между XI и XIII вв. (Knoche, 1925). Лавашери и Метро считали пасхальскую культуру молодой и однородной; открытие острова они относили к XII–XIII вв. (Lavachery, 1936; Metraux, 1940[197, 222]).

Энглерт разделял взгляд о слиянии двух культур, однако полагал, что ни одна из них не могла появиться на уединенном острове Пасхи ранее 1575 г. (Englert, 1948[106]).

Наши раскопки показали, что уже в 380 г. (плюс-минус 100 лет) на Пасхе было многочисленное население, занятое строительством крупного оборонительного сооружения. Эта дата на 1000 лет опережала все ранее предполагавшиеся, и вообще до тех пор ни на одном из

островов Полинезии не получали столь древней даты. Обнаружив стратиграфически расположенный древесный уголь и костные останки, мы смогли получить 17 радиоуглеродных датировок для Пасхи. Две из наиболее интересных относятся к легендарному рву, отделяющему полуостров Поике. Островитяне с самого начала рассказывали европейцам, что речь идет об искусственном рве, где произошла решающая битва между их предками и «длинноухими», когда последние были заживо сожжены в костре на дне двухкилометрового рва.

Однако геологи и этнологи полагали, что ров на Поике — естественная геологическая формация (Chubb, 1933[67]); при этом Метро и Лавашери заключили, что островитяне сочинили легенду, чтобы объяснить природное явление (Metraux, 1940; Lavachery, 1935[222, 196]), а потому предание о «длинноухих» и «короткоухих» также относили к числу вымыслов. Но первый же шурф показал, что ров содержит множество древесного угля, и углеродная датировка показала, что примерно в 1676 г. (плюс-минус 100 лет) здесь пылал огромный жаркий костер (Smith, 1961[290]). Примечательное совпадение с датой 1680 г., которую патер Себастиан Энглерт еще раньше определил, исходя из утверждения островитян, что битва у Поике произошла 12 поколений назад (Englert, 1948[106]).

Раскопки Смита позволили установить, что оборонительный ров был вырыт задолго до усобиц, приведших к побоищу в конце XVII в.; когда состоялось аутодафе, он уже представлял собой древнее сооружение, частично занесенное песком и пылью. На самом дне Смит нашел осколки обсидиана. Двухкилометровая природная ложбина была расширена до 11–12 м и углублена до 4–5 м. Вынутая со дна щебенка пошла на сооружение оборонительного вала на склоне; при этом островитяне засыпали кострище, по остаткам которого удалось определить, что укреплять окаймленный крутыми скалами полуостров начали еще около 380 г. (Smith, 1961[290]). Возможно, уже тогда обитатели острова не ладили между собой, но скорее всего они опасались преследования со стороны врагов на своей родине; недаром рассказы о таких преследованиях занимают важное место во всех древнейших пасхальских преданиях. В самом деле, и легендарный первый король Хоту Матуа, по преданию, бежал из родной страны на

восток, спасаясь от плена и казни, после того как потерпел поражение в трех больших битвах.

Расположенные у подножия каменоломен Рано-Параку травянистые гребешки и бугры до той поры считали природными образованиями. На вершине одного из самых высоких бугров примостился фундамент священного жилища для ежегодно — до прихода миссионеров — избираемого птичеловека; Раутледж и Метро связывали эту постройку с древнейшими ритуалами островитян. Раскопки Шёльсволда показали, что все гребешки и бугры искусственного происхождения, это были огромные мусорные кучи, сложенные щебнем, сломанными базальтовыми рубилами и золой из каменоломен на склоне вулкана. Анализ угольков из кострищ в этих кучах позволил датировать работы средним периодом, когда на Рано-Параку еще трудились каменотесы. Заодно выяснилось, что жилище птичеловека вовсе не связано с древнейшими ритуалами, оно было выстроено в поздний период на отвалах среднего периода, уже после того, как прекратилось ваяние (Skjölsvold, 1961[283]).

По данным радиоуглеродных датировок, экспедиционные археологи определили хронологию трех культурных эпох острова Пасхи. Ранний период начался во всяком случае до 380 г. и закончился примерно в 1100 г.; средний период продолжался приблизительно с 1100 по 1680 г.; поздний период, начавшись около 1680 г., завершился с окончательным введением христианства в 1868 г., (Smith, 1961[290]).

Чтобы получить основу для хронологических и типологических сопоставлений, наша экспедиция после острова Пасхи посетила Питкэрн и Раиваваэ, а также Хива-Оа и Нукухиву в Маркизском архипелаге; кроме Пасхи во всей Полинезии только на этих четырех островах найдены монументальные каменные изваяния.

На Питкэрне и Раиваваэ обнаружено ограниченное число небольших скульптур сравнительно позднего происхождения, и никто не пытался утверждать, что они были источником вдохновения древних пасхальских ваятелей (Heyerdahl and Ferdon, 1965[156]), зато Бак (Те Ранги Хироа, 1959) и другие считали примитивными предшественниками искусно выполненных пасхальских статуй неуклюжие гротескные фигуры примерно в рост человека, установленные в двух святилищах Маркизских островов (Heyerdahl, 1965[152]), которые лежат так же далеко к северо-западу от Пасхи, как

Перу на востоке. Шёльсволду удалось найти древесный уголь в двух разных слоях под каменной платформой, служащей опорой для статуй Хива-Оа, а Мэллой и Фердон взяли древесный уголь из-под постаментов изваяний Нукухивы, и оказалось, что маркизские монументы были установлены уже около 1316 и 1516 гг., то есть в разгар среднего периода культуры острова Пасхи (Ferdon, 1965; Heyerdahl, 1965[113, 152]). Стало быть, маркизские скульптуры никак не могли вдохновить первых пасхальских ваятелей, поскольку мы видели, что ваяние занимало важное место на Пасхе и в раннем периоде, за тысячу лет до появления маркизских истуканов. Эти статуи XIV–XVI вв. не могли повлиять даже на тех пасхальцев, которые наладили массовое производство истуканов для *ахув* среднем периоде, начавшемся около 1100 г. А вот возможность влияния в противоположном направлении, от Пасхи на Маркизы, хронологически не исключена.

Как известно (Хейердал, 1959), современные потомки Оророины, единственного «длинноухого», уцелевшего после избиения во рву Поике, на деле показали нашей экспедиции, как еще 12 поколений назад грубо заостренными рубилами из твердого андезита на склонах вулкана Рано-Параку вытесывали огромные статуи, как несколько сот человек могли перетаскивать изваяния по равнине и как 12 островитян, располагая только канатами, камнями и двумя бревнами, могли за 18 дней водрузить на *аху* 20-тонного исполина.

Хотя археологам предстоит еще немало потрудиться на острове Пасхи и в Тиауанако в Андах, теперь можно хотя бы попытаться восстановить некоторые важнейшие события доевропейской поры в самой уединенной из людских обителей.

Некогда, во всяком случае до 380 г., то есть более 1,5 тыс. лет назад, на острове Пасхи высадились первопоселенцы. Все местные вулканы давно потухли, и в трех кратерах образовались открытые озера. Пришельцы увидели зеленый край с разными видами деревьев и кустарников, включая пальмы. Им пришлось расчищать лес, освобождая место для своих жилищ, для каменных святилищ, для ваяния статуй. Хотя на острове не было недостатка в лесе, эти люди в отличие от полинезийцев строили свои дома не из жердей и травы, а из добытого в карьерах камня. Жилища были круглые и лодковидные, с ложным сводом; кровля или каменная, или из камыша

тотора. Корневища камыша явно были привезены с орошаемого участка на засушливом побережье Южной Америки и высажены в пресные кратерные озера вместе с другим американским растением — лекарственным *Polygonum amphibium*. Лес, как уже сказано, на острове был, и все же поселенцы вязали своеобразные суда из того же камыша *тотора*, следуя принципам, типичным для водных путей Тиауанако и тихоокеанского побережья древнего Перу. Чтобы добраться до скрытого под почвенным слоем туфа, они валили и сжигали пальмы на зеленых склонах потухшего вулкана Рано-Параку. Из этого туфа, а также из шлака и базальта в других карьерах поселенцы рубилами неполинезийского, американского типа весьма умело высекали огромные блоки, обтесывали их и, несмотря на самую различную форму, подгоняли так плотно, что в шов между камнями не просунуть лезвия ножа.

Эта чрезвычайно специализированная техника каменной кладки не известна больше нигде в Полинезии, зато характерна для древнего Перу, от долины Куско до Тиауанако. Первopоселенцы явно были солнцепоклонниками: их внушительные культовые сооружения представляли собой алтареподобные мегалитические платформы, ориентированные по солнцу. К тому же на вершине самого высокого вулкана они соорудили солнечную обсерваторию и святилище. В отличие от обычной для полинезийцев резьбы по дереву они работали по камню, высекали статуи из твердешего базальта, разного вида туфов и вулканических шлаков и устанавливали их на земляных площадках святилищ. Специализированные типы этих статуй не известны на других тихоокеанских островах, зато они характерны для динамичного культурного центра Тиауанако. Полуостров Поике был отделен оборонительным рвом от остальной территории: возможно, переселенцы опасались, что в их уединенное убежище вторгнутся те, которые вынудили их покинуть родину.

Нам неизвестно, что в конце концов произошло с основателями культуры раннего периода. В Винапу и Оронго археологи обнаружили признаки того, что святилища, возможно, были временно покинуты; не исключено, что какое-то время между ранним и средним периодами остров был вовсе безлюдным. Полученные пока скудные углеродные датировки не позволяют делать определенные выводы о переходе от раннего периода к среднему.

Зато очевидно, что новые обитатели острова относились враждебно к своим предшественникам, разрушали их святилища и перекладывали каменные блоки, не заботясь о подгонке искусно обработанных поверхностей и не думая об ориентировке по солнцу. Старые истуканы были разбиты и осквернены, их обломки пошли на строительство новых архитектурных объектов — *аху*.

Несмотря на враждебность к предшественникам и явное различие в религиозных представлениях, новая культура была достаточно близка к прежней, и мы вправе искать ее корни в том же географическом регионе. Не исключено, что иммигранты, положившие начало среднему периоду, знали, где лежит остров Пасхи. Прибыв сюда приблизительно в 1100 г., они ввели культ птичечеловека, и он занял главное место в религиозной жизни пасхальцев. С этим культом был тесно связан культ умерших предков. Посвященные им большие статуи приобрели ведущее значение в архитектуре, и на их изготовление была направлена вся созидательная энергия островитян; различные погребения стали культовыми центрами отдельных родов. За неполных 600 лет на обезлесенных склонах вулканов Рано-Параку, чьи пальмы давно обратились в развеянный ветром пепел, было высечено более 600 огромных памятников. Со временем эти памятники стали играть престижную роль, и чередующиеся поколения, изолированные от внешних войн, старались превзойти друг друга в размерах родовых монументов. В итоге к концу среднего периода безлесный остров был весь опоясан платформами *аху*, на которых высились исполинские памятники, обращенные лицом к внутренней площадке, спиной — к морю. И в это же время, судя по всему, на место кремации перед *аху* пришел ставший преобладающим в позднем периоде обычай коллективных захоронений в толще или на поверхности этих сооружений.

Когда ваяние статуй перед самым концом среднего периода достигло вершины, местные мастера умели воздвигать монолитные статуи высотой до 14,02 м, что равно четырехэтажному дому. Самая большая статуя, водруженная на постамент *аху* в 8 км от каменоломни, весила свыше 80 т, рост ее превышал 10 м, да еще на голове покоился красный каменный цилиндр, весивший 12 т — столько же, сколько весят два взрослых слона. К моменту катастрофы около 1680 г. в каменоломнях была почти завершена статуя высотой 21,33 м, иначе

говоря, ростом с семиэтажный дом. Но тут все работы в каменоломнях, на дорогах и на *ахувнезапно* были прекращены и больше уже не возобновлялись. В этот период кровопролитий и варварства роды прятались вместе со всем своим имуществом в подземных тайниках, которыми изобилуют лавовые поля и береговые скалы. Впервые началось изготовление тысяч обсидиановых наконечников для копий; ими изобилуют все последующие пласты. Статуи низвергались с *аху*, каменные дома ломали, камышовые хижины сжигали, так что от огня трескались плиты фундамента.

Победителем оказался полинезиец. Он не владел искусством каменной кладки и ваяния, строил жилища из жердей и травы, собирал на берегу плавник, чтобы, как это принято по всей Полинезии, вырезать деревянные фигурки и лодочки. На острове Пасхи важнейшим традиционным изделием, которое по сей день сотнями изготавливают для продажи, становится своеобразная фигура изможденного человека — *моаи кавакава* — с козлиной бородкой, орлиным носом и свисающими до плеч мочками ушей. По словам пасхальцев, так выглядели чужаки, которых их предки застали на острове и уничтожили во рву Поике.

Прибывшие на Пасху полинезийцы не привезли с собой ни пестов для приготовления *пои*, ни колотушки для *тапы* — двух важнейших предметов домашнего обихода, характеризующих общеполинезийскую культуру. Вообще с материальными свидетельствами, которые позволили бы определить, когда именно они прибыли, дело обстоит плохо. Можно подумать, что речь идет о скромных пришельцах, смиренно воспринявших неполинезийскую веру и обычаи. Пока что нельзя точно сказать, с какого острова приплыли они на Пасху. В их преданиях, записанных в прошлом веке, утверждается, что они явились сюда за 200 лет — *карау-карау* — до восстания, закончившегося битвой на Поике. Это хорошо согласуется с предположениями Раутледж и других, основанными на более короткой из двух пасхальских генеалогий, которая включает 24 поколения, тогда как про Хоту Матуа говорится, что он приплыл с востока 57 поколений назад.

Многое говорит о том, что полинезийцы не по собственной воле прибыли на уединенный остров помогать «длинноухим» ваятелям в их фанатическом предприятии; возможно, их захватили в плен и привезли пасхальцы среднего периода, которые вполне могли посетить Маркизы около XVI в.

Так или иначе они оказались основными исторически известными обитателями опустошенного войнами, безлесного острова с развалинами святилищ и поверженными на землю истуканами. Когда Роггевен поднял занавес перед европейскими зрителями, среди пасхальцев еще были светлокожие и рыжеволосые статисты, но основное представление давно кончилось и исполнители главных ролей покинули сцену.

Глава 13

Место встречи — самое уединенное в мире

Трудно назвать обитаемый уголок земного шара, который не был бы местом встречи, а то и тиглем разных народов и культур.

На континентах и континентальных островах народы не менее одного раза сменяли друг друга или принимали иммигрантов извне; в области высокоразвитых культур Средиземноморья это происходило неоднократно. Финикийцы рано отправились исследовать другие земли, но нигде они не были первыми, даже на Канарских островах их опередили гуанчи. Викинги застали на своей будущей северной родине лапландцев; в Исландии они встретили валлийских монахов, в Гренландии — эскимосов.

Была ли Полинезия исключением? Вряд ли. С появлением современных поселенцев и гостей азиатского и европейского происхождения черты полинезийской культуры были настолько стерты и население настолько смешано, что теперь нигде не увидишь сколько-нибудь истинной картины первоначальных условий. Однако первые в этой области европейские мореплаватели единодушно подчеркивали, что в островной области, именуемой нами Полинезией, смешались три отчетливо различных народа. Преобладающий тип отличался белой до светло-бронзовой кожей, черными волосами, почти европейскими, рельефными чертами лица, способностью отращивать усы — все это в сочетании с некоторыми признаками монголоидности и внушительным ростом до 180 см. Этот основной для Полинезии тип совпадает с характеристиками новозеландских маори а также с физическим типом, присущим островным племенам у северо-западного побережья Америки. Сами представители описанного типа считали себя «настоящими» людьми — *тангата*.

У второго типа видим признаки меланезийского родства; об этих людях писали, что они темнокожие, у них плоский и широкий нос, толстые губы, более курчавые волосы, не такой высокий рост. От Гавайских островов до Новой Зеландии их называли потомками легендарных *менехуне*, или *манахуне*. Третий тип отличался очень светлой кожей, рыжеватыми или каштановыми волосами и сильно

выдающимся носом (Shand, 1894[276]). В наиболее чистой форме их наблюдали среди выходцев с домаорийской Новой Зеландии, заселивших острова Чатем. Этот тип полинезийцы называли *кеу*, *уру-кеу*, *эку*, *хаоле*, *хао 'э*, а в Новой Зеландии, кроме того, *пакеха турехуили патупауарехе* (Poirier, 1953[249]). Бак сообщает, что светлую кожу и рыжие волосы маори считали указанием на то, что у данного человека в роду был *патупауарехе*. Он добавляет, что некоторые маорийские племена отличались большим числом рыжеволосых, причем признак этот был присущ определенным родам (Buck, 1922[50]).

Ранние наблюдения европейцев и полинезийские предания получили научное подтверждение в уже упоминавшемся основополагающем исследовании скелетных останков, проведенном Салливенем. Он заключил: «Быстро накапливающиеся данные о жителях Полинезии начинают ясно указывать на то, что „полинезийца“ никоим образом нельзя рассматривать как однородный расовый тип. „Полинезийский тип“ — абстрактное понятие, соединяющее характеристики нескольких физических типов». Отмечая, что эти физические типы неравномерно распространены на полинезийских островах, он предположил, что расовое смешение *не предшествовало* расселению в Полинезии: «...очевидно, что они проникли в Тихоокеанскую область в разное время и, возможно, разными путями. Несомненно, они представляли разные языки и разные культуры» (Sullivan, 1924, 1924 a[302, 303]).

Разделяя взгляды Салливена, Линтон писал: «Недавние исследования физического типа убедительно показали, что полинезийцы воплощают не чистую расу, а соединение по меньшей мере трех расовых элементов» (Linton, 1923[204]). Вслед за тем Хэнди суммировал мнение полинезианистов:

«Салливен, Диксон и Шапиро единодушно говорят о сложном расовом типе в Полинезии и неравномерном распределении его типичных элементов. Диксон, Линтон и нижеподписавшийся анализировали те или иные культурные фазы и установили наличие нескольких отчетливых пластов или групп культурных элементов. А Черчилл почти 20 лет назад разделил полинезийские лингвистические элементы на две различные группы» (Handy, 1930 в[141]).

Эти заключения впоследствии никем не опровергнуты, и, поскольку остров Пасхи — восточный форпост Полинезийского

треугольника, представляется интересная возможность проследить источники смешения, анализируя необычную местную культуру.

В основе этой главы лежит доклад «Насколько культура острова Пасхи является полинезийской?», прочитанный на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, состоявшемся в 1964 г. в Москве; некоторые дополнительные данные взяты из монографии «Искусство острова Пасхи», вышедшей в 1976 г.

Мысль о том, что уединенный остров Пасхи представляет собой тигель, в котором сплелись разные культуры, не является плодом недавних раскопок. Открывшие Пасху в 1722 г. голландцы описали живших совместно представителей разных расовых типов. Одним из первых на борт голландского корабля поднялся некий представитель островной знати, с удлинёнными мочками ушей и «совершенно белый». Большинство островитян, по описанию голландцев, смуглые вроде испанцев, но «встречаются и более темнокожие, и совсем белые, а некоторые — розовые, словно они обгорели на солнце» (Behrens, 1722[26]). Повторно открывшие остров в 1770 г. испанцы обратили внимание на «бородатых, высокого роста, тучных, белых и румяных» пасхальцев. Цвет кожи местных жителей они описывают как «белый, темный и красноватый»; про волосы пишут: «...мягкие, каштанового цвета, у других — черные, а у третьих — рыжеватые или светло-коричневые» (Aqüera, 1770; Corney, 1908[10, 85]).

Поздний период с его гражданскими войнами и свержением статуй явно отразился на составе обитателей Пасхи, поскольку Кук в 1774 г. застал сильно поредевшее, голодающее, истощенное усобицами население явно полинезийского происхождения, никак не связанное, по его мнению, с монолитными статуями, которые он считал памятниками давней эпохи, не пользующимися заботой современных ему пасхальцев (Кук, 1964[3]).

Мы уже видели, как первым европейцам, поселившимся на Пасхе и наладившим общение с островитянами, рассказывали, что прежде на острове жили вместе два разных народа с разными языками, один пришел с востока, другой — с запада, и что идея ваяния статуй принадлежала первопоселенцам, «длинноухим», но большую часть нынешнего населения составляли потомки второй волны иммигрантов, «короткоухих», которые после долгого мирного сосуществования

восстали и перебили во рву Поике всех «длинноухих» мужского пола. Тщательный опрос стариков, проведенный в 1886 г. Томсоном через переводчика-таитянина Салмона, убедил его в истинности утверждения пасхальцев, что остров принял не одну волну переселенцев (Thomson, 1889[307]).

Кнохе присоединился к этому мнению, обнаружив неоднородность местной культуры. Он заключил, что преобладающему ныне населению предшествовал неполинезийский субстрат, однако отверг высказанное в 1870 г. предположение специалиста по истории инков Маркхэма о влиянии Тиауанако. В качестве контраргумента он привел общепринятую догму, будто южноамериканские бальсовые плоты не были пригодны для океанских плаваний; взамен он предположил, что остров Пасхи принял дополинезийский субстрат из Меланезии (Knoche, 1912; 1925[186, 187]).

Затем Бальфур категорически заявил, что культура Пасхи неоднородна, была по меньшей мере одна волна дополинезийских переселенцев, вероятно из Меланезии (Balfour, 1917[19]). Взгляды Бальфура развил Хэддон; он полагал, что до этого уединенного островка дошли три волны переселенцев: одна из Австралии другая из Меланезии и третья из Полинезии. При этом он основывался на исследованиях черепов Фольцем, Хеми, Джойсом, Пикрофтом и Кейсом, которые нашли у пасхальцев неполинезийские черты (Haddon, 1918[134]).

Далее Раутледж прибыла на Пасху в 1919 г., чтобы провести первое систематическое исследование поверхностных памятников.

Она записала: «Слова Роггевена о людях с разным цветом кожи по-прежнему справедливы. Островитяне сами вполне отдают себе отчет в этих различиях, и, когда мы записывали генеалогии, они охотно указывали цвет кожи даже отдаленных родичей (называя их либо „черными“, либо „белыми“)... Очевидно, что здесь перед нами смешанная раса...» (Routledge, 1919[266]).

Шапиро, также рассмотревший эту физико-антропологическую проблему, установил, что мнения расходятся; сам же он заключил: «... связывать остров Пасхи с меланезийскими или австралийскими племенами... значит идти наперекор известным фактам» (Shapiro, 1940[277]). Метро счел это отрицание меланезийского элемента вполне доказательным и в своей монографии по этнологии острова Пасхи

пишет что изучение археологических памятников убедило его в единстве пасхальной культуры (Metraux, 1940[222]). Однако товарищ Метро по экспедиции археолог Лавашери подчеркнул, что их исследования ограничивались наземным материалом, и осмотрительно заключил: «Вероятно, полинезийцы застали остров Пасхи необитаемым и лишенным каких-либо памятников старины, хотя доказать это утверждение мы не можем» (Lavachery, 1935; 1936[196, 197]).

Еще до моего прибытия на Пасху я сомневался в справедливости вывода Метро и в 1941 г. вернулся к аргументам в пользу комплексности пасхальной культуры. Вместо меланезийского субстрата я по примеру Маркхэма предположил субстрат из Андской области. Хотя тогда я не был знаком на практике с бальсовыми плотами, мне не верилось, что южноамериканцы ничего не смыслили в морских делах, и я считал, что остров Пасхи был вполне достижим для доинкских мореплавателей из Перу (Heyerdahl, 1941[147]). Вскоре после этого патер Энглерт, возобновив изучение пасхальных наземных памятников, также оспорил выводы Метро и Лавашери. Он вернулся к предположениям Раутледж и других о том, что полинезийскому этническому и культурному слою предшествовал некий другой субстрат, однако подправил старую гипотезу об иммиграции из Меланезии, указав на некоторые параллели с культурой древнего Перу (Englert, 1948[106]).

Из этого краткого обзора видно, что еще до наших стратиграфических раскопок на Пасхе представители разных наук отдавали предпочтение аргументам в пользу комплексности здешней культуры.

В области лингвистики, пожалуй, было меньше оснований подозревать наличие чужеродного субстрата. Правда, Энглерт, очень тщательно исследовавший современный пасхальский язык, ссылаясь на предания о том, что живший раньше на острове другой народ говорил иначе, указывает, что наличие некоторых синонимов может быть связано с этим различием. Он сообщает также, что старики, делая определенные фигуры из веревочек, произносили при этом традиционные тексты, но слова были настолько неразборчивыми, что ему не удалось их записать (Englert, 1948[106]).

Первый словарь, в который вошло 94 пасхальных слова, был составлен в 1770 г. участником испанской экспедиции Агуэрой. Наряду

с типично полинезийскими словами словарь содержит и явно неполинезийские. К последним относятся, в частности, числительные от единицы до десяти. Вот эти числительные; в скобках они же на современном рапануйском диалекте:

кояна (этахи)

корена (эруа)

когохуи (этору)

кироки (эха)

махана (эрима)

феуто (эоно)

фегеа (эхиту)

мороки (эвару)

виховири (эива)

керомата (ангахуру) (Agücra, 1770).

Росс и Метро, пытаясь объяснить, откуда взялись эти, казалось бы, посторонние для Пасхи слова, несовместимые с гипотезами об однородном составе местного населения, предположили, что Агуэра неверно истолковал их (Ross, 1936; McLraux, 1940[264,222]). Но даже если так, они все равно остаются чужими, ведь другого толкования, исходя из полинезийского языка, мы все равно не найдем!

Как показывает Энглерт, война Хоту-ити, видимо, опустошила остров Пасхи около 1772–1774 гг., как раз перед прибытием Кука (Englert, 1948; Heyerdahl and Ferdon, 1961[106, 155]). Были уничтожены плантации, и разрозненные группы измученных войной, живущих в крайней нужде полинезийцев не могли даже снабдить разочарованных англичан провиантом. Кук и его спутники вполне сознавали, что несколько сот уцелевших пасхальцев заметно отличаются от многочисленного процветающего населения, описанного предыдущими исследователями. И он и Форстер сразу опознали полинезийский элемент; по их описанию, это были малорослые, щуплые, боязливые и жалкие люди, так что исследователи предположили, что на острове произошла какая-то катастрофа и только грозные монументы остались свидетельствами былого величия (Кук, 1964; Forster, 1777[3, 115]). Позднейшие исследователи обычно упускали из виду эту резкую перемену в картине пасхальской жизни между визитами европейцев в 1770 и 1774 гг. А между тем подтвержденные археологией предания о

рве Поике, как мы уже видели, говорят о том, что примерно в 1680 г., то есть еще до визита Роггевена, тоже была уничтожена немалая часть населения острова.

Нам неизвестно, в какой степени ко времени прибытия Кука на Пасху там сохранились неполинезийские языковые элементы, поскольку Кук и Форстер записали для сравнения лишь немногие слова, которые они и их переводчик с Таити смогли отождествить с таитянскими; незнакомые слова вовсе не записывались (Кук, 1964; Forster, 1778[3, 116]). Да и сам Кук признавал, что его словарь из 28 слов, родственных таитянским, не характеризует пасхальский язык той поры; он говорит о первом пасхальце, который поднялся на борт корабля в присутствии таитянского переводчика Ойдиди: «...язык его оказался совершенно непонятным» (Кук, 1964).

В 1864 г., до появления полного словаря рапануйского языка, на острове поселился миссионер Эйро; с ним прибыли несколько мангаревцев и немногочисленная группа пасхальцев, возвращенных домой через Таити и Перу, куда их угнали работорговцы. Через письмо и речь язык сильно поредевшего населения Пасхи подвергся таитянскому влиянию. Несколько позже Руссел составил опубликованный после его смерти рапануйский словарь (Roussell, 1908[265]), однако еще при жизни Руссела англичанин Палмер писал: «Язык их изменился так сильно, что никто не может сказать, каким он был первоначально» (Palmer, 1870[243]).

Приспособление языка к таитянскому еще больше усилилось в 1871 г., когда большинство пасхальцев отправились на Мангареву и Таити, а на острове, чье население к 1877 г. сократилось до 111 человек, обосновались говорящие на полинезийском языке таитянские овцеводы и прошедший обучение на Таити проповедник с Туамоту (Pinart, 1878[246]). Лексика потомков этих 111 пасхальцев, которых обучали в школе на таитянском наречии, и легла в основу большинства последующих рапануйских словарей. Не удивительно, что Черчилл, сравнивая свой часто цитируемый словарь с рапануйским текстом, записанным на Пасхе Томсоном тридцатью годами раньше, заключил: «Об этом тексте достаточно сказать, что это не тот рапануйский язык, который отражен на страницах данного словаря, не отвечает он и известным наречиям каких-либо других полинезийских народов, скорее он представляет собой смесь нескольких языков» (Churchill, 1912[68]).

А вот слова Энглерта: «Ныне нет возможности полностью восстановить грамматику и лексику исконного языка... островитян приобщали к христианству на таитянском языке, принадлежащем к той же языковой группе, что полинезийский... по этой и по другим причинам чистый древний рапануйский язык уже отчасти утрачен» (Englert, 1948[106]).

Независимо от различий в оценке глоттохронологического метода вообще подсчеты на основе нынешней пасхальской лексики, предпринимавшиеся Эмори и другими, не могут дать существенной информации (Bergsland and Vogt, 1962[31]).

Говорящие на таитянском диалекте группы, прививавшие свою речь немногочисленному смиренному населению Пасхи, прошли христианскую школу и не принесли с собой лексику полинезийской мифологии. Поэтому пасхальским богам и богиням не пришлось потесниться, уступая место божествам Таити и других островов Полинезии. Очень важно отметить, что верховные полинезийские божества Ту, Тане, Тангароа, Тики и Мауи не играли никакой роли в религии пасхальцев. Хиро, Ронго, Тангароа и Тики были известны по преданиям, но их не почитали и им не поклонялись. Метро справедливо отмечал: «Наиболее приметной чертой пасхальской религии является то, что важнейшим богам и героям других полинезийских религий придается весьма малое значение». И он предположил: «О значении, придаваемом в полинезийской мифологии богам, имена которых неизвестны в остальной Полинезии, говорит тот факт, что прибывшие на остров переселенцы заменили некоторых главных полинезийских богов богами низшего ранга, снабдив их соответствующими атрибутами и достоинством» (Metraux, 1940[222]).

Однако в Полинезии нет богов низшего ранга с теми именами, которые почитались на Пасхе. Верховным божеством пасхальцев был Макемаке; кроме него молились и приносили жертвы только Хауа (Geiseler, 1883; Ferdon, 1961[120, 112]). В других частях Полинезии не знали даже имен Макемаке и Хауа. Предположение, что это неполинезийские боги и что восприняты они пасхальцами от носителей другой культуры на том же острове, выглядит более правдоподобным, чем гипотеза о полинезийских переселенцах, которые, прибыв на необитаемый остров, отказались от всех главных общеполинезийских богов и стали приносить жертвы чуждым им предкам,

новоизобретенным божествам. Слишком уж это непохоже на полинезийцев! Макемаке был не просто обожествленным героем, он являлся верховным богом пасхальцев, творцом земли и океана, солнца, луны, звезд, человека и всего живого. Он вознаграждал добродетель и пожирал души дурных людей после их смерти; о своем гневе он давал знать громовыми раскатами. Фердон показал, что символы Макемаке были тесно связаны с устройствами для наблюдения за солнцем и с другими следами солнцепоклонничества на вершине самого высокого пасхальского вулкана (Ferdon, 1961[112]). Селение Оронго с его каменными строениями было центром культуры Макемаке и религиозной деятельности, общей для всего острова; при этом все постройки и приуроченные к ним ритуалы были такими же неполинезийскими, как сам Макемаке. Специальная обсерватория для наблюдения за солнцем во время солнцестояний и равноденствий не знает параллелей не только в Полинезии, но и в соседних островных регионах. Зато такие сооружения обычны в Перу, на ближайшем к Пасхе материке, где они также были связаны с посвященными солнцу ритуалами и кострами (Roggeveen, 1722; Behrens, 1722; Ferdon, 1961[263, 26, 112]).

Мы установили, что общепасхальское культовое селение Оронго и по архитектуре неполинезийское. Нигде больше в Полинезии не видим соединения вместе нескольких домов в одно целое. Но это свойственно древнеперуанской архитектуре как в горах, так и в приморье. Столь же уникален для Полинезии способ строительства каждого из оронгских домов в отдельности: каменные стены, ложный свод, срубовая кладка плит в углах. Зато такие приемы кладки характерны для строительного искусства Перу и прилегающих областей на западе Южной Америки (Smith, 1940; Debenedetti and Casanova, 1933–1935[289, 92]).

Археология свидетельствует, что связанный с солнцем культ Макемаке позднее был дополнен или ассимилирован культом птичечеловека, в котором ведущую роль играло неполинезийское божество Хауа. Начиная со среднего периода пасхальской истории все скалы вокруг Оронго были покрыты изображениями человеческой фигуры с птичьей головой. Новые ритуалы включали ежегодные заплывы на заостренных, как бивень, поплавах из камыша *тоторадо* островка у побережья за первым в году яйцом крачки. Победитель

получал звание священного птичеловека и целый год пользовался почти неограниченными социальными привилегиями. Метро пишет:

«Глядя на руины Оронго и многочисленные изображения птичеловека на скалах, невозможно оспаривать значение птичьего культа. Предания, свидетельства первых миссионеров и путевые записки мореплавателей подтверждают первостепенную роль ритуалов этого культа и социальных отношений, основанных на ежегодном состязании... Весь комплекс культа птичеловека... не знает параллелей в остальной Полинезии... нигде больше не было открытых состязаний, венчающихся избранием священного человека» (Metraux, 1940[222]).

Фердон не видит причин исключить ближайший к острову континент в поисках параллелей: «...хотя художественные изображения пасхальского птичеловека сейчас представляются уникальными, свидетельства культа птичеловека в Тиауанако (Боливия), а также в культуре чиму на северном побережье Перу позволяют предположить американское происхождение пасхальского культа» (Ferdon, 1961[112]).

Применявшиеся в состязаниях заостренные камышовые полавки еще одна неполинезийская черта. Суда из связок делали в прошлом в Новой Зеландии, но там материалом служил быстро намокающий новозеландский лён *Phormium tenax*. Остроносые полавки такого же размера и формы, как на Пасхе, связанные из того же самого камыша, были широко распространены в древнем Перу. На озере Титикака, но особенно у Тихоокеанского побережья камышовые суда достигали огромных размеров, и, как показано в главе 3, примечательно, что в искусстве древнего чиму часто встречаются изображения птичеловеков с длинным изогнутым клювом, как на Пасхе, плывущих на камышовых ладьях. В главе 9 мы отмечали, что ведущий авторитет по флоре острова Пасхи профессор Скоттсберг определил, что аборигенный пасхальский камыш относится к неполинезийскому виду *Scirpus riparius*; это пресноводное американское растение с орошаемых участков приморья Перу могло попасть на пасхальские озера только при помощи человека. И Фердон заявляет, что присутствие на Пасхе не только судна южноамериканского типа, но и самого растения, из которого его делали, «служит веским доказательством контакта с Америкой и позволяет предположить, каким образом производные от

элементов американской культуры могли достичь острова Пасхи» (там же).

Большие и малые камышовые лодки занимают видное место в росписях на плитах домов Оронго. Мы видим тут также важное в пасхальских ритуалах и символическом искусстве стилизованное изображение двухлопастного весла. Во всей Океании не было двухлопастных весел, даже для ритуальных танцев, как на Пасхе, зато они были широко распространены в Америке. Вплоть до прошлого столетия такими веслами пользовались гребцы на камышовых лодках у берегов Калифорнии; в приморье Перу и Чили они были в обиходе до прихода испанцев, и археологи находят их при раскопках в этой области. Резные и раскрашенные весла, захороненные вместе с доинкскими моделями плотов рыбаками докерамической культуры на берегу Тихого океана ниже Тиауанако тоже двухлопастные, как и ритуальные весла острова Пасхи. Доставив в прошлом веке в Вашингтон превосходные пасхальские экземпляры, Томсон отметил, что в старину на острове ими пользовались «так же, как это делают индейцы Америки» (Thomson, 1889[307]). Однако еще важнее, что широкие двухлопастные весла, называемые на Пасхе *ao*, служили эмблемами ранга во время торжественных собраний. Для сугубо стилизованных *ao* характерны своеобразные черты, длинное тонкое веретено оканчивалось декорированной верхней и гладкой нижней лопастью; верхней лопасти либо резьбой, либо росписью придавали сходство со стилизованной человеческой маской; маска непременно венчалась высоким перьевым головным убором; по бокам до самого веретена как бы свисали удлинённые мочки ушей, придавая верхней лопасти угловатую форму.

То, что пасхальцы на суше использовали неполинезийское, типично американское весло как эмблему ранга, само по себе примечательно, а недавно я обнаружил, что двухлопастное весло, обладающее всеми особенностями *ao*, выполняло такую же роль у представителей древнейших доинкских культур на побережье Южной Америки. Во времена инков и позже *ao* в Перу не знали, но в периоды раннего и позднего чиму ими пользовались в приморье. Некий иерарх, держащий в каждой руке по резному ритуальному веслу, увековечен на красной керамике мочика и черной керамике позднего чиму, причем в каждом случае весло в правой руке наделено всеми особенностями,

перечисленными выше для пасхальского *ао* (Heyerdahl, 1976[154]). Такое совпадение никак нельзя назвать случайным; присутствие самого настоящего *аов* в религиозном искусстве материка с наветренной стороны острова Пасхи — пальцевый отпечаток, который можно истолковать лишь как перуанское влияние на важный предмет ритуального искусства Пасхи. Принято относить начало периода позднего чиму примерно к 1200 г., что совпадает с первым веком среднего периода Пасхи, а мочика (раннее чиму) приходится на первую половину I тысячелетия, как и ранний пасхальский период. И если *ао* отобразено в перуанской керамике в эти два периода, но не было известно во времена инков, стало быть, трансокеанская интродукция на Пасху произошла в раннем или среднем, однако никак не в позднем периоде.

На масках, изображенных в культовых постройках Оронго наряду с камышовыми ладьями, веслами *аои* птичеловеками, видим еще один существенный южноамериканский элемент — мотив «плачущий глаз» (Geiseler, 1883; Thomson, 1889; Lavachery, 1939; Ferdon, 1961[120, 307, 198, 112]). Этот стилизованный символ, столь важный в древнепасхальском искусстве, не известен больше нигде в Полинезии. Но опять же, как указывает Фердон, он является симптоматической чертой древних культур Перу и прилегающих областей Америки; примером может служить изображение бога Солнца и птичеловеков на Вратах Солнца в Тиауанако. Минз подчеркивает исключительное значение мотива «плачущий глаз» в тиауанакском искусстве, где он связан с доинкским верховным божеством Виракочей — белым бородатым предводителем «длинноухих», который, покинув Тиауанако, ушел в Тихий океан. Минз согласен с толкованием Джойса, видящего в слезах капли благой для жизни на земле воды из глаз небесного божества (Ferdon, 1961; Means, 1931; Joyce, 1913; Heyerdahl, 1976[112, 213, 181, 154]). А еще Минз указывает, что голова плачущего божества в Тиауанако увенчана головным убором из перьев, олицетворяющим солнечные лучи, — своеобразная деталь, присущая всем пасхальским маскам с мотивом «плачущий глаз».

Верховный бог Макемаке изображался в Оронго также в виде животного из кошачьих. Так, Томсон пишет об одном наскальном рельефе, который считал самым древним: «...чаще всего встречается мифическое существо, полузверь-получеловек, с выгнутой спиной и

длинными, переходящими в когти руками и ногами. По словам островитян, это символ бога Меке-Меке...» Он отмечал «удивительное сходство» этого изображения с мотивом, знакомым ему по перуанскому искусству (Thomson, 1889[307]). Кошка с выгнутой спиной, втянутым животом, длинными ногами и круглой головой с разинутой пастью вырезана наряду с птичеловеком и на пасхальских дощечках. Часто цитируемая гипотеза епископа Жоссана, будто речь идет о крысе, предельно натянута; она порождена лишь тем, что крыса была единственным представителем млекопитающих на Пасхе и вообще ни на одном из тихоокеанских островов не водились кошки (Jausсен, 1894[178]). Зато кошачьи водятся в Америке и занимают виднейшее место в религиозном и символическом искусстве от Мексики до Перу начиная с тиауанацких времен; здесь, как и в Двуречье и Египте, они олицетворяли бога-творца.

Наряду с главным, единым для всех племен культовым центром Оронго у каждого рода была своя платформа со статуями, посвященная памяти предков. Дошедшие до исторических времен *ахув* конце открытого культового дворика очень похожи на религиозные сооружения в других частях Юго-Восточной Полинезии, а они в свою очередь сродни каменным платформам и дворикам соседней Южной Америки, включая Тиауанако. В предыдущей главе говорилось, что *ахуперекрыли* более древнюю конструкцию, с другим рисунком и другой функцией. У этой астрономически ориентированной конструкции нет параллелей в Океании. Ее фасад помешался на месте задней стены *аху*, и состояла она из вала, облицованного превосходно обтесанными и пригнанными блоками.

Многочисленные статуи на *ахувсе* без исключения смотрели *внутри* острова, дворик служил центром ритуала. В предшествующем периоде ритуалы сосредоточивались перед обращенной к *морю* высокой стеной, точно ориентированной по солнцу. Щели между огромными прямоугольными и многоугольными блоками заделывались тщательно подогнанными камнями; грани со стороны фасада были гладкие, чуть выпуклые. Нигде в Полинезии не найдено ничего подобного этой чрезвычайно совершенной каменной кладке. На некоторых островах можно увидеть стены из тесаного камня, но отделка не идет ни в какое сравнение с пасхальской, и они не ориентированы по солнцу. Зато стены с щебневым заполнением, ориентированные по солнцу, с

облицовкой из мастерски обтесанных и пригнанных плит, как в раннем периоде Пасхи, широко представлены в Перу доинкского периода от долины Куско и Руми-Кольке до Оллантай-Тамбо и Тиауанако.

Бак предлагал считать предшественниками пасхальских изваяний немногочисленные, в рост человека каменные статуи Маркизских островов (Те Ранги Хироа, 1959[6]). Как показано в предыдущей главе, новейшие раскопки и углеродные датировки опровергают эту гипотезу. Маркизские платформы и истуканы появились уже после той поры, когда на Пасхе началось ваяние статуй среднего периода. Когда на острове Пасхи рождались изваяния раннего периода, ни на одном из остальных островов Тихого океана не было каменных исполинов, зато огромные каменные фигуры под открытым небом были характерной чертой святилищ на северо-западе Южной Америки. Мы уже видели, что неполинезийские типы статуй пасхальского раннего периода очень близки скульптурам Тиауанако.

Сложные погребальные обряды крохотного острова Пасхи весьма примечательны, и найденные Мэллоем сначала перед ориентированной по солнцу стеной в Винапу, а затем перед другими пасхальскими *ахусмежные* каменные гробы с многочисленными кремированными останками добавили новые данные (Mulloy, 1961[231]). Кремация известна в Новой Зеландии, в остальной Полинезии не обнаружена; спорадически отмечена в Меланезии и в некоторых западных областях Южной Америки (Ferdon, 1961[112]). Неизвестны в Полинезии и обычные для Пасхи лодковидные могильники из толстых стен с щебневым заполнением и длинной полостью посередине, предназначенные для вторичного погребения (Geiseler, 1883; Ferdon, 1961[120, 112]). Нет в остальной Полинезии и цилиндрических башен с ложным сводом, которые на Пасхе называют *тупамии* которые в точности повторяют южноамериканские погребальные башни- *чульпы*, изобилующие в области Тиауанако.

Обращаясь к жилым постройкам, снова увидим совсем не полинезийскую картину. Разбирая типы пасхальских домов, Фердон пишет: «Одна из черт, так явственно отличающих комплекс материальной культуры острова Пасхи от культуры других полинезийских островов, — многообразие жилых построек... тот факт, что во всей своей конструкции каждый из этих типов оказывается уникальным в Полинезии, порождает еще одну проблему, которую вряд

ли можно объяснить независимым развитием» (Ferdon, 1961[112]). Один из основных ранних типов жилищ, особенно часто встречаемых в восточной части острова, — круглые каменные дома с низкими, толстыми стенами с щебневым заполнением, с встроенными погребками и входом через крышу, которая, по-видимому, была конической и делалась из камыша. Местами такие круглые дома примыкали друг к другу смежными стенами, и получались поселения с единообразной планировкой (Skjölsvold, 1961; Ferdon, 1961[283, 112]). В полинезийской архитектуре ничего подобного нет зато эти дома во всем, вплоть до такой детали, как вход через крышу, схожи с круглыми толстостенными смежными домами на обращенных к океану склонах гор ниже Тиуанако (Ferdon, 1961; Bruayn, 1963[112, 48]). Столь же видное место занимали длинные лодковидные жилища из плит, со срубовой кладкой в острых углах, с кровлей ложным сводом и входом через подобие туннеля сбоку. Культурное селение Оронго — наиболее сохранившийся образец этой важной неполинезийской конструкции, но и в других частях острова наблюдались отдельные постройки и даже руины целого поселения такого рода (Thomson, 1889; Ferdon, 1961[307, 112]). Пасхальские камышовые хижины в отличие от крытых травой полинезийских построек из жердей были не прямоугольными и не овальными, а сохраняли лодковидный контур древних каменных домов, в которых заостренные концы были обусловлены самой конструкцией. Таким образом, своеобразная форма, применение южноамериканского камыша *тотора*, настилаемого на жерди, вставленные в ямки тесаных, тщательно подогнанных бордюрных камней, — все это отличает пасхальские жилища даже исторической поры от жилищ остальной Полинезии (Mulloy, 1961; Smith, 1961; Skjölsvold, 1961; Heyerdahl, 1961[231, 290, 283, 151]). Вездесущие базальтовые бордюры *паенга* принадлежат к наиболее характерным археологическим памятникам Пасхи; в других частях Полинезии параллелей нет. Такие же камни с высверленными на узкой стороне ямками использованы повторно как строительный материал в стенах культовых платформ и на Пасхе, и в Тиуанако (Heyerdahl, 1976[154]).

Обнаруженный археологами своеобразный пасхальский очаг, совсем не похожий на общую для всей Полинезии земляную печь, складывали из установленных торчком плоских прямоугольных камней. Наполовину врытые в землю, они образовали квадрат или пятиугольник

и в точности повторяли типичную конструкцию, известную по раскопкам жилищ древнего Перу (Heyerdahl and Ferdon, 1961; Izumi and Sono, 1963[155, 174]).

Стало обычным приписывать неожиданное наличие на Пасхе каменных домов, искусно выложенных мегалитических стен и огромных изваяний особенностям эволюции на острове, где не было дерева для резьбы и строительства. Эта гипотеза, как уже говорилось, больше не годится. Исследования пыльцы показали, что в прошлом остров был сплошь покрыт исчезнувшими затем деревьями и кустарниками, даже пальмами, и первопоселенцы начали с того, что расчищали огнем участки для карьеров и каменных сооружений.

Население Пасхи явно придавало важнейшее значение характерной черте одной линии предков, которые искусственно растягивали мочки ушей. Этот обычай отражен во всех каменных изваяниях среднего периода, и по сей день пасхальцы выделяют составляющую меньшинство населения группу, связывающую свое происхождение с «длинноухими», в отличие от потомков победоносных «короткоухих». Островитяне продолжали удлинять уши вплоть до исторической поры; очевидно, обычай передавался по материнской линии, поскольку племенные предания утверждают, что от избиения во рву Поике уцелел только один «длинноухий», тогда как женщины, а возможно и дети, были ассимилированы победителями.

На маркизском острове Хуа-Пу верховного полинезийского бога Тики называли Тики Большеухий (Tautain, 1897[305]), а жители островов Херви во времена капитана Кука поклонялись богу по имени Большеухий, и все же обычай искусственно растягивать уши вряд ли можно считать полинезийским. Тем не менее он был весьма характерен для острова Пасхи. Беренс, участник плавания Роггевена, открывшего остров для европейцев, обратил внимание на то, что некоторые островитяне «розовые, словно они обгорели на солнце. У них были такие длинные уши, что свисали до плеч» (Behrens, 1722[26]). Впоследствии Бичи отметил пасхальцев с такими длинными ушными мочками, что их, чтобы не мешались, приходилось иногда «скреплять вместе на затылке» (Beeschey, 1831[25]).

Обращаясь к Перу, видим, что обычай искусственно растягивать уши относился к очень древней поре и играл важнейшую социальную роль. Маркхэм пишет, что право растягивать ушные мочки было

привилегией инков королевской крови; соответственно их называли народом большеухих, что в испанской интерпретации превратилось в *орехонес* (Markham, 1911[210]). Педро Писарро, прибывший в Перу во время конкисты вместе с Франсиско, писал: «У некоторых орехонес уши спускались до плеч. У кого самые большие уши, тот почитался среди них самым знатным» (Pizarro, 1571). По преданиям инков, легендарные полубоги, построившие Тиауанако, тоже растягивали ушные мочки и называли себя большеухими (Bandelier, 1910; Oliva, 1931[21, 236]).

Спутник Писарро, Хуан де Бетансос, взявший в жены представительницу племени инков, записал, что предводитель *виракочей*, белый бородатый тиауанакский иерарх Тикки, по пути от озера Титикака к морю задержался в Куско, чтобы назначить здесь своего преемника, прежде чем спускаться к Манте. Далее, он «оставил указания, как после его ухода поддерживать линию орехонес», после чего «соединился со своими людьми и навсегда удалился в океан» (Betanzos, 1551[34]).

Очень похоже, что легендарный бог «большеухих» Тикки, отплывший от берегов Перу, и Тикки Большеухий, приведший, согласно маркизскому мифу, людей в Полинезию, — один и тот же легендарный персонаж; однако только на Пасхе растягивание ушных мочек играло такую же социальную роль, как в древнем Перу, и только здесь реалистичные предания утверждают, что «длинноухие» прибыли вместе с отрядом короля Хоту Матуа из большой страны на востоке.

Если не считать статуи среднего периода, ни один памятник некогда высокой пасхальской культуры не пользуется такой известностью, как дощечки с резными письменами, известные под названием *кохау ронго-ронго*. Они висели на крышах всех лачуг, когда на Пасху прибыл первый миссионер, но по его приказу большинство дощечек сожгли, другие спрятали в тайных родовых пещерах, где они сгнили, и лишь несколько штук были спасены для потомства. Все первые миссионеры зафиксировали, что даже самые развитые и сведущие пасхальцы не могли объяснить смысл хотя бы одного из выгравированных на дощечках знаков, не могли также изобразить идеограммой самые простые слова. Они знали, что на каждой дощечке запечатлен определенный текст, но, который текст на какой дощечке, здесь мнения расходились. Читали знаки не так, как обычно читают, а

нараспев. Благоговейно копировали старые письма на новых дощечках, почитая их ценнейшими магическими предметами (Eugaud, 1864; Roussel, 1908; Zumbohm, 1880[109, 265]).

Два пасхальца, приехавшие работать на Таити, объявили себя грамотеями, умеющими читать *ронго-ронго*. Одного поймал на жульничестве Крофт: пасхалец три воскресенья подряд читал одну и ту же дощечку и каждый раз иначе (Croft, 1874[87]). Другой, по имени Меторо, приглашенный в резиденцию епископа Жоссана, 15 дней импровизировал бессвязные и бессмысленные тексты по немногочисленным идеограммам на пяти маленьких дощечках. Доверчивый епископ заполнил его выдумками 200 с лишним страниц, но ловкий Меторо выкрутился, заявив, что большинство слов не выгравированы на дощечках, а потому невидимы. Тем не менее епископ попытался составить каталог *ронго-ронго*, где, например, пять разных знаков обозначают фарфор, о котором пасхалец до прибытия на Таити и не слышал. В переводе хитроумного Меторо один знак означал «он открывает фарфоровую супницу», другой — «три мудрых короля», третий — «лодка, которая хорошо качается с человеком и перьями» (Jaussen, 1893[177]). Разумеется, при соединении этих знаков получалась полнейшая бессмыслица.

Каким-то образом листы Жоссанова каталога попали на остров Пасхи, пасхальцы очень им обрадовались и с помощью приезжего проповедника переписывали их как священные тексты, чтобы спрятать вместе с языческими реликвиями в родовых тайниках. Существование этих фамильных ценностей было обнаружено только в 1955–1956 гг., когда членам нашей экспедиции впервые позволили ознакомиться с некоторыми из них. В частности, мы впервые приобрели постмиссионерскую рукопись, куда были добавлены страницы с подлинными племенными преданиями. Впоследствии из пещер извлекались и другие рукописи.

Тем временем Бартель выступил с сенсационным заявлением, будто ему удалось расшифровать письма *ронго-ронго*. Изучив в Конгрегации святого сердца в Риме записки Жоссана, включающие текст, придуманный Меторо, он прогремел на весь свет, объявив, что эти материалы позволили ему читать дощечки. По его словам, на них сообщалось, что первые пасхальцы прибыли с острова Раиатеа примерно в XIV в. (Barthel, 1958[24]). До Бартеля доктор Кэрролл тоже

заявлял, что может читать дощечки; на самом деле он просто повторил записанное Томсоном древнее предание о том, что первопоселенцы пришли со стороны Южной Америки, поскольку они плыли в сторону заходящего солнца (Carroll, 1892[61]). Когда же работавшие на Пасхе археологи Мэллой, Шельсволд и Смит («American Anthropologist», 1964) предложили Бартелю опубликовать дословный перевод хотя бы одной дощечки, тот, как и Кэрролл до этого, уклонился от ответа. Так что дощечки *ронго-ронго* остаются недешифрованными, хотя и после было предостаточно необоснованных заявлений об их прочтении (например, Хосе Кинтело де Мело в «O Cruzeiro Internacional», Бразилия, 11.IV.1973).

Письменность еще один неполинезийский элемент на Пасхе. Вопрос, почему такой признак развитой цивилизации, отличающий большие нации, развился независимо (и потом исчез) на уединенном острове Пасхи, вызвал на редкость большие расхождения в ученом мире. На других островах Полинезии единственным мнемоническим средством была система узелков на веревочках, которая особенно на Маркизах поразительно напоминает *кипу*, типичные для инкского периода в Перу. Известны гипотезы, что пасхальские письма попали на остров с выходцами из Мохенджо-Даро в долине Инда, на другом конце земного шара, что трансокеанские мореплаватели по пути из Китая в Мексику останавливались на Пасхе и передали островитянам понятие о письменности, что *ронго-ронго* все и не письма, а своего рода ребусы, наконец, что пасхальцы, увидев европейские буквы, решили изобрести свою письменность. Все эти гипотезы были в свое время опровергнуты. Ныне *ронго-ронго* определяют как письменность с определенным числом неравномерно повторяющихся знаков, расположенных бустрофедоном, иначе говоря, каждая вторая строчка перевернута вверх ногами и читается с другого конца. Народы Европы, Китая и долины Инда бустрофедоном не писали, и пасхальцы не изобрели *ронго-ронго* с прибытием европейцев, а успели его забыть ко времени их появления. Мореплавателям из Китая, чтобы попасть в Мексику, надо было следовать по субарктическому пути каравелл; остров Пасхи лежит в тысячах километрах от этого маршрута. Письмена Индской долины не так уж похожи на *ронго-ронго*; они вышли из употребления за тысячи лет до того, как человек достиг острова Пасхи, и географические расстояния в этом случае настолько

велики, что совершить такое полукругосветное путешествие было бы гораздо легче через Атлантику и Америку.

Метро, который одно время вообще не соглашался признавать *ронго-ронго* письменностью, был в числе самых ярких противников некогда популярной гипотезы о связях с долиной Инда. Он писал «Я мог бы сравнить индские письмена с пиктографией американских индейцев и обнаружить не меньшее сходство... Если ученые настаивают на связи острова Пасхи с долиной Инда, я требую того же для обойденных вниманием индейцев куна нынешней Республики Панама» (Metraux, 1938[221]).

Кстати, индейцы куна, вырезавшие письмена на деревянных дощечках, живут на полторы тысячи километров ближе к острову Пасхи, чем полинезийцы на Тонга. Даже древние американские центры письменности в Мексике и Никарагуа ближе к Пасхе, чем многие острова Полинезии. Первым всерьез задумался о связи между письменностью куна и пасхальцев Хорнбостель; правда, он полагал, что письмена попали с острова Пасхи к панамским куна, а оттуда — к древним цивилизациям Мексики (Hornbostel, 1930[164]).

Хейне-Гельдерн подхватил эту идею:

«Нынешние куна пишут преимущественно на бумаге. Но наряду с этим у них есть деревянные письменные дощечки, и сами куна называют их исконным материалом для письма. Дощечки, виденные Норденшельдом, предназначались для того, чтобы подвешивать их в домах во время празднеств. Идеограммы начертаны красками. Однако, по сведениям Гассо... прежде идеограммы вырезали на деревянных дощечках. Здесь вспоминаешь письменные дощечки острова Пасхи. Способ письма бустрофедоном, с чередованием строк снизу вверх, тоже напоминает пасхальский». И еще: «Учитывая все эти совпадения, вполне правомерно предположить наличие некоей связи между письменностью острова Пасхи и письменностью куна» (Heine-Geldern, 1938[144]).

Однако письмена куна, хотя и выстроены бустрофедоном, не перевернуты вверх ногами в каждой второй строке, да и сами по себе они достаточно отличаются от *ронго-ронго*; словом, хотя мы, возможно, стоим на верном пути, не панамские индейцы, проживающие посередине между Мексикой и Перу, были мореплавателями, доставившими дощечки на Пасху. Пасхальцы ясно утверждают, что

первый король Хоту Матуа привез с собой со своей засушливой родины далеко на востоке 67 письменных дощечек и что некий Хинелилу, который плыл вместе с ним на другой лодке «длинноухих», «был умным человеком и писал знаки *ронго-ронго* на бумаге, которую он привез с собой» (Routledge, 1919[266]).

Советский специалист по *ронго-ронго* Кнорозов отмечал, что единственное, кроме Пасхи, место, где каждая вторая строчка перевернута вверх ногами (система перевернутого бустрофедона), — древнее Перу (Кнорозов, 1964[2]). Но ко времени прибытия европейцев только индейцы озера Титикака еще сохранили примитивную форму рисуночного письма; в остальном по всей империи инков была распространена система узелкового письма *кипу*. Патер Монтесинос — единственный хронист, у которого находим местную информацию, относящуюся к доинкским временам:

« *Амаута*, которым события тех времен известны из передававшихся из уст в уста старинных преданий, рассказывают, что, когда у власти находился сей правитель [Синчи Коске Пачакути I], существовали буквы, и сведущие в них люди, именуемые *амаута*, учили других читать и писать... насколько я понимаю, они писали на высушенных листьях банана... Эта письменность была утрачена перуанцами в связи с одним событием, которое произошло во времена Пачакути Шестого...»

Из внутренних областей страны пришли огромные армии свирепых воинов, и перуанцы вынуждены были вести «жестокое войны, в ходе которых была утрачена существовавшая до той поры письменность... Кончилось монархическое правление в Перу. Оно было восстановлено только через 400 лет, а знание письмен было утрачено... Когда у них были буквы и знаки или иероглифы, они, как мы уже говорили, писали на листьях банана, и один *часки* передавал сложенный лист другому, пока он не попадал в руки короля или правителя. Когда же письменность была утрачена, *часки* передавали весть друг другу из уст в уста...» (Montesinos, 1642[226]).

Повторное указание Монтесиноса о том, что перуанцы в прошлом писали на банановых листьях, заслуживает внимания, поскольку и Метро, и Энглерт отметили, что прежде на Пасхе использовали для письма листья банана (Metraux, 1940; Englert, 1948[222, 106]). Старики рассказали Энглерту, что на острове строили школы *ронго-ронго*—

круглые каменные дома с входом через крытую камышом коническую крышу. Сперва ученики должны были заучивать тексты наизусть. «Научившись декламировать тексты, ученики начинали осваивать письмо. Копировали знаки сначала не на дереве, а на банановых листьях, пользуясь заостренной птичьей косточкой или острой палочкой» (Englert, 1948[106]).

О том, что прежде в Перу тоже писали на деревянных дощечках, свидетельствуют сообщения патера Кристобаля де Молина, который был священником при госпитале для инков в Куско: «Что касается их идолопоклонничества, то мы видим, что эти люди не знали письменности. Но в Доме Солнца, именуемом Покен-Канча, что находится недалеко от Куско, хранили они описание жизни каждого Инки и завоеванных ими земель, запечатленные знаками на определенных досках, и там же приводились родословные...» (Molina, 1570–1584[224]).

Сармьенто де Гамбоа, опросив 42 инкских *амаута*, то есть историка, записал:

«От отцов и дедов они слышали, что Пачакути Инка Юпанки, девятый Инка, созвал старых историков из всех подвластных ему областей и еще многих из других королевств и надолго задержал их в городе Куско, расспрашивая про древности, родословные и знаменательные события из жизни предков этих королевств. И, ознакомившись с наиболее примечательными из старых преданий, он повелел записать их все по порядку на широких досках и поместил эти доски в большом зале в Доме Солнца, где названные доски, украшенные золотом, выполняли роль наших библиотек, и он назначил ученых людей, которые понимали их и умели читать. И никто не должен был входить в это помещение, кроме самого Инки или историков, получивших на то особое разрешение Инки» (Sarmiento, 1572[271]).

Хотя мы пока не можем точно указать место, откуда на Пасху впервые прибыли дощечки, очевидно, что все основные элементы этой аборигенной письменности, от применения банановых листьев и деревянных дощечек до самой системы письма перевернутым бустрофедоном, присутствуют также в области древних высокоразвитых культур Америки. К западу от Пасхи во всем полушарии не обнаружено ничего подобного.

Внимательное рассмотрение различных идеограмм пасхальской письменности показывает, что многие из них — чисто абстрактные символы, а к другим просто прибавлены по краям антропоморфные и зооморфные атрибуты. Основных, постоянно повторяющихся мотивов как в виде целой идеограммы, так и в виде придатков к абстрактным знакам совсем немного: человеческие фигуры, всегда анфас, с треугольной или четырехугольной головой, большими ушами и трехпальными кистями, если они вообще показаны; птицы или птичечеловеки, всегда в профиль, с длинным или коротким, сильно изогнутым клювом; круглоголовое млекопитающее, всегда в профиль, с разинутой пастью, длинными согнутыми ногами и выгнутой спиной; простые рыбы; своеобразные двуглавые варианты четырех названных существ; те же фигуры с одним или двумя жезлами. Все остальные знаки явно второстепенного значения, тогда как перечисленные повторяющиеся мотивы или их фрагменты в сочетании с абстрактными знаками преобладают в письменности *ронго-ронго*.

Ни один из этих символов не является полинезийским, зато все они характерны для символического искусства Андской области. На рельефах, украшающих монолитные Врата Солнца — самый почитаемый доинкский монумент Тиуанако, у изображенного в центре анфас бога Солнца четырехугольная голова и трехпалые кисти; в каждой руке он держит жезл, украшенный двумя головами хищных птиц; с его локтей свисают, словно трофеи, две длинноухих человеческих головы, причем сильно удлиненные мочки их ушей заканчиваются головами с крючковатым клювом. Бог Солнца окружен тремя рядами изображенных в профиль птичечеловеков с характерным клювом; они тоже держат в трехпальных кистях жезлы, оканчивающиеся или двуглавой птицей, или двуглавой рыбой. На груди главного божества высечена лунная пектораль в виде изогнутой рыбы, повторяющей один из пасхальских знаков; хвосты и головы рыб венчают также оконечности перьевых венцов и крыльев каждого птичечеловека. Из млекопитающих видим только представителя кошачьих; шесть из торчащих перьев головного убора верховного божества заканчиваются кошачьими головами, и такие же головы изображены попарно на руках и на концах пояса. Бог Солнца стоит на верхней площадке ступенчатой конструкции, подобной *аху*; этот постамент обрамлен изображениями двух голов пумы и украшен

абстрактными идеограммами, которые, как и на Пасхе, заканчиваются головами хищных птиц и кошек. Перемычка этого необычайного образца доинкского религиозного искусства украшена символическими декоративными идеограммами с головами названных животных — кошки, хищной птицы и рыбы — в разных сочетаниях.

Словом, все художественные образы на этом южноамериканском памятнике совпадают со знаками пасхальных дощечек — все до одного.

Обращаясь к мелкой деревянной и каменной скульптуре Пасхи, видим индивидуальное разнообразие и причудливую игру воображения, которые решительно отличают этот остров от любой другой области Полинезии. Лавашери, занимавшийся кроме археологии еще и историей искусства, первым отметил явно неполинезийское разнообразие в изученных им пасхальных петроглифах (Lavachery, 1939;

1965[198, 199]). Завершив недавно исследование всех известных образцов пасхального искусства в 64 публичных и частных коллекциях по всему миру, могу подтвердить, что это разнообразие характеризует не только петроглифы (Heyerdahl, 1976[154]). Великое число деревянных и каменных скульптур, вывезенных с Пасхи до того, как с прибытием миссионеров постепенно началась коммерциализация искусства, показывает, насколько ошибочно считать, как это было до сих пор, пасхальское искусство однообразным, монотонным, рабски следующим немногим заданным нормам. Такое представление могло укорениться только потому, что опубликованные пасхальские скульптуры повторяют сюжеты, которые намеренно были стандартизованы в силу особых причин. Огромные истуканы для *ахувытесывались* по одному образцу, чтобы походить на божественного зачинателя всех знатных генеалогий, изображению которого все племена поклонялись в Оронго; если судить о них как о надгробных памятниках, то воображения тут не больше, чем в постоянно повторяющемся в христианском религиозном искусстве распятии. Деревянного *моаи-кавакава* полагалось вырезать по строгому канону, потому что, согласно преданию, он изображал последнего уцелевшего представителя «длинноухих». Совершенно плоская *моаи напа*, или *па'а-на'а*, представляла важное божество Мать-Землю; такой же плоской делали эту фигуру в разных версиях от древнего Средиземноморья до

Мексики и Перу. Изумительные фигурки *моаи тангата* (буквально — «фигура человечества») и крылатого *тангата-ману* (птичечеловека) с хищным клювом также воплощали определенных древних богов, изменять которых художник был не вправе. И наконец, двухлопастное весло *ао*, жезл *уас* двуглавым навершием, серповидная пектораль *реу-мирой* яйцевидная *тахонга* — все это стандартизованные эмблемы ранга, узнаваемые именно благодаря неизменному оформлению. Все эти хорошо известные пасхальские изделия либо устанавливали снаружи жилищ, либо доставали из хранилищ на время религиозных танцев и других ритуалов.

Был, однако, еще один род скульптур — *моаи маэа*, о которых Гейзелер писал, посетив Пасху в 1882 г... «Эти изображения всегда держали в хижинах, они представляют собой своего рода домашних идолов, и у каждой семьи есть не менее одного такого изображения, тогда как деревянные фигурки носят с собой на праздники» (Geiseler, 1883[120]).

После введения христианства множество разнородных *моаи маэа* было вывезено посетителями острова и попало в музейные витрины или запасники, но гораздо больше исчезло в тайных родовых пещерах, из которых для нашей экспедиции в 1956 г. извлекли почти тысячу образцов. Некоторые наиболее эродированные скульптуры воспроизводились и раз и два последующими поколениями художников, но в остальном музейные и пещерные экземпляры являют бесконечное разнообразие мотивов и богатейшее индивидуальное воображение, подобие которым, как указал впоследствии Лавашери, можно найти только в Перу. Он писал:

«Остров Пасхи не знает себе подобных в Полинезии по тому как его художники приспособились в стиле и сюжетах к наличному материалу. Воображение настоящего полинезийца бедно перед воображением пасхальцев. Даже на тех островах, которые особенно изобилуют предметами искусства, как Маркизы или Новая Зеландия, эта бедность возмещается лишь многочисленными повторениями одних и тех же мотивов. Так, маркизские мотивы неизменно привязаны к стилизованной маске с большими круглыми глазами и к традиционному затейливому орнаменту, идет ли речь о каменной и деревянной скульптуре, о рельефах на раковине, кости и дереве, о петроглифах или о татуировке. На других островах Восточной Полинезии мотивы

искусства еще более ограничены. Выходит, прихотливое и разнообразное искусство острова Пасхи являет нам еще одну тайну? Несомненно, как и для многих других загадок этого острова, нам надлежит обратить свой взор в сторону Южной Америки...» (Lavachery, 1965[199]).

Обращаясь к пасхальской утвари и орудиям, мы опять не видим большой близости к полинезийским нормам. Наиболее распространенное местное изделие, конечно, *матаа* —главное оружие пасхальцев, широкий зазубренный копейный наконечник из обсидиана, в котором нет ничего полинезийского. Долго оставалось загадкой, почему за пределами острова Пасхи найдено всего два таких же *матаа*,оба в древнем южноамериканском погребении в Льольео, в чилийском приморье. Однако недавно при раскопках в двух других точках чилийского приморья, в Сапалларе и на острове Моча, найдены еще обсидиановые *матаа*,неотличимые от пасхальских (Aichel, 1925; Ortiz, 1964; письмо автору от доктора Эрнана Сан Мартима из Консепсьона в Чили от 6. XII. 1966 г.[111, 240]).

Неолитический режущий инструмент на острове Пасхи включает как полинезийские, так и неполинезийские типы. Топоры, или тесла, с симметрично оббитым с двух сторон клинком нельзя назвать типично полинезийскими, тем не менее они найдены в датировемых слоях среднего периода. Заостренные с одного или двух концов ручные рубила составляют основную массу находимых на Пасхе режущих инструментов, но и они никем не описаны как полинезийский инструмент зато, как и тесла, распространены в Южной Америке.

В главе 6 мы видели, что в Юго-Восточной Азии, включая Малайский архипелаг, не знали рыболовных крючков, а распространенные в Океании образцы близки к арктическим и американским. Простой и составной костяные крючки острова Пасхи аналогичны находимым при раскопках от Южной Америки до Новой Зеландии. Но самый замечательный пасхальский тип — цельный крючок из шлифованного камня, который по совершенству исполнения и баланса считают вершиной каменного дела в Океании. Кроме трех таких же крючков с островов Сан-Кристобаль (Чатем) единственные за пределами Пасхи образцы найдены в мусорных кучах на островах и побережье Южной Калифорнии. Сходство с пасхальскими крючками так велико, что можно говорить о тождестве; по этой причине Хейне-

Гельдерн и Экхольм, желая подтвердить свою гипотезу о трансокеанских миграциях, экспонировали в Американском музее естественной истории в 1949 г. рядом образцы из обеих областей. В каком бы направлении ни шло распространение, пасхальский крючок остается неполинезийским.

Единственное убранство описанных выше пасхальских жилищ составляли циновки и каменные подушки. Циновки плели из южноамериканского камыша *тотора*. Отнюдь не полинезийский обычай пользоваться каменными подушками Метро предположительно отнес за счет предполагавшегося отсутствия дерева на острове (Metraux, 1940[222]), но это неубедительно, если вспомнить, что для вырезания описанных выше фигурок и эмблем всегда находили и плавник и *торомиро*.

Исследуя наземные остатки бывших пасхальских поселений, мы нашли довольно много совсем не полинезийских каменных терок, неотличимых от типично американских *метате*. Для чего они употреблялись на острове, не выяснено; это же относится к значительному количеству великолепно вырезанных и отшлифованных полусферических базальтовых чаш, найденных в разных концах острова, в том числе совершенно целых. Такие чаши и *метате* нигде больше в Полинезии не обнаружены, зато они обычны для древнего Перу: немало экземпляров найдено в приморье ниже Тиауанако.

Разобрав все основные аспекты доевропейских верований, обычаев и изделий на крайнем восточном форпосте Полинезии, уместно спросить: где полинезийские элементы? Если исключить часть лексики и некоторые примитивные режущие инструменты для дерева, на острове Пасхи не видим никаких явных чисто полинезийских культурных черт. Спросим тогда, что же вообще можно называть типично полинезийскими культурными элементами?

Ответ дан в главе 6: кроме топоров и рыболовных крючков, которые с таким же правом можно назвать американскими, и кроме земляной печи, которую на Пасхе наблюдаем рядом с южноамериканским очагом, общеполинезийскими принято считать пест для *пои*, колотушку для *тапы* и ритуальное потребление *кавы*. Как ни странно, ни одна из этих черт не была представлена в культуре острова Пасхи.

Не подлежит сомнению, что изумительно вырезанный и шлифованный каменный пест для *пои*— важнейшее изделие всех полинезийских культур, особенно на Маркизах, откуда предположительно прибыл полинезийский компонент пасхальского населения. Тем не менее он явно отсутствует на Пасхе, хотя здесь выращивают *таро*; и общеполинезийское блюдо *пои*, без которого маркизцы просто жить не могли, на острове Пасхи не знали.

Рифленая деревянная или костяная колотушка для *тапы*— важнейшее наряду с пестом для *поихозяйственное* орудие полинезийских женщин — стала известна на Пасхе уже после прихода миссионеров. Пасхальцы выколачивали луб своего *махуте* гладкими морскими голышами и соединяли полученные полосы совсем не на полинезийский лад, сшивая их с помощью иголки и нитки. Метро пишет: «Остров Пасхи — единственное место в Полинезии, где полосы соединяли сшиванием. В других частях Восточной Полинезии их сбивали вместе, в Западной Полинезии склеивали» (там же). Бывшие в ходу на Пасхе костяные иглы тождественны древнеперуанским (Heuerdahl, 1961; Izumi and Sono, 1963[151, 174]).

Кава— ритуальный напиток, почитаемый отличительной чертой полинезийской культуры и родственной южноамериканской *чиче*, или *кавау*, был неизвестен на Пасхе.

Трудно удержаться от уже сделанного в предыдущей главе вывода, что значительная полинезийская этническая группа, прибывшая на остров Пасхи, только и сохранила от своей родной культуры, что инструмент для обработки дерева, земляную печь да часть лексики. В известном смысле можно сказать, что дополинезийская культура на Пасхе дожила до исторических времен, правда, в чрезвычайно урезанном и выродившемся виде, поддерживаемая не той этнической группой, которая была ее носителем. Поскольку полинезийцы, достигнув Пасхи, променяли, как признают их собственные предания, свою культуру на обычаи первопоселенцев, это не позволяет получить четкую археологическую датировку их прибытия. Остается лишь исходить из данных преданий о том, что оба народа мирно сосуществовали 200 лет, прежде чем потомкам западных пришельцев надоело гнуть спину на своих восточных предшественников и они подняли мятеж, ознаменованный битвой у Поике, которую предания и археология согласно относят к 1680 г. Если признать годность этого

индикатора, полинезийцы приплыли на Пасху под конец XV в.; это неплохо согласуется с датой (около 1400 г.), вычисленной Раутледж на основе тщательнейшего изучения местных генеалогий. Мы видели выше, что немногочисленные каменные исполины на Маркизских островах были воздвигнуты примерно в 1316 и 1516 гг.; отсюда интересное предположение: не связано ли это с визитами пасхальских ваятелей? Хотя маркизские монументы достаточно велики, стилистически они заметно отличаются от пасхальских: истуканы Маркизских островов, как и остальные местные изделия искусства, точно повторяли стереотипное изображение Тикки.

Если мы следом за Раутледж и в соответствии с местными преданиями и генеалогиями предположим, что полинезийцы прибыли на Пасху между 1400 и 1480 гг., то они уже не могли быть причастны к переходу от солнечного культа раннего периода к культу птичеловека среднего периода. Да и вообще ни на Маркизах, ни в других частях Полинезии культа птичеловека не было. Наши стратиграфические датировки свидетельствуют о перестройке изученных экспедицией *ахуоколо* 1100 г. Нужны еще раскопки, чтобы установить, были ли все *ахуперестроены* тогда же или что более, вероятно, этот процесс был длительным, новые пришельцы ломали старые конструкции по мере надобности. Хотя культуры раннего и среднего периодов достаточно близки, чтобы приписать их родственным племенам, вышедшим из одного региона, все же какое-то различие в происхождении было: строители среднего периода исповедовали культ предков и, конечно же, не стали бы уничтожать сооружения и изваяния своих прадедов. По сути мы видим на острове Пасхи то же, что и в области высокоразвитых культур Южной Америки, — археологическую стратификацию различных, но в основе родственных культур. Это одинаково заметно как в Тиауанако, где смена культурных эпох характеризовалась разрушением и перестройкой ступенчатых культовых террас, а также видоизменением статуй, так и на Тихоокеанском побережье, где на севере чередуются культуры раннего и позднего чиму, на юге — ранней и поздней наска. И перекрываются все эти древнеперуанские культуры инкской цивилизацией. Если углеродная датировка верно относит начало среднего периода на Пасхе приблизительно к 1100 г., это согласуется с образованием инкской империи в Перу. Поскольку характерные черты не только раннего, но и среднего периода указывают

скорее на Перу, чем на Полинезию, важно отметить, что начало среднего периода на Пасхе совпадает с приходом к власти первого Инки, — событие, с которым связаны ожесточенные войны во всей Андской области. Пасхальские предания изображают первого короля, Хоту Матуа, отнюдь не героем; более того в них говорится о кровопролитных войнах в опаленном солнцем обширном королевстве на востоке, о том, что поражение в битве вынудило Хоту Матуа бежать вместе со своими приближенными и их семьями в океан в сторону заходящего солнца.

Глава 14

Резюме и дискуссия

Эволюцию мореплавания можно сравнить с течением реки: много мелких ручейков соединяются в один поток, который набирает силу и вливается наконец в море. После того как древний человек отважился пересечь тихую воду верхом на бревне, не требовалось особенно большой изобретательности, чтобы понять, что вместе со вторым бревном оно уже не будет переворачиваться. Таким был первый неизбежный шаг к грубому бревенчатому плоту.

Естественно предположить, что древний человек оценил грузоподъемность толстого бревна раньше, чем подумал о плавучести многих тростинок, связанных вместе, стало быть, в первобытном мореплавании бревенчатые плоты предшествовали бунтовым судам. Но решающим для местной эволюции было наличие материала, преобладание бревен или камыша.

Неуклюжие, кое-как связанные плоты несомненно первыми пересекали глубокие реки и подходили к манящему острову. Убедившись, что на судах куда удобнее совершать долгие путешествия по внутренним водам и вдоль морского побережья, перевозить тяжелый груз и ловить на озере рыбу, первобытный человек уменьшил сопротивление плота воде и увеличил скорость, заострив ему нос. Постепенно начали появляться все более сложные бревенчатые плоты и бунтовые суда. Наиболее совершенные образцы обеих основных категорий, употреблявшиеся до недавнего времени, — бальсовые плоты и камышовые ладьи в приморье бывшей инкской империи.

Большим шагом вперед явилась новая идея — выдолбить изнутри толстое бревно, добиваясь плавучести за счет выталкивающей силы вытесненной воды, а не за счет массы дерева. Появление наряду с плотом долбленки свело к минимуму сопротивление воды, поскольку можно было обходиться одним бревном, и в то же время увеличило свободу передвижения по узким протокам.

Несомненно, каноэ — первое судно, чья плавучесть основывалась на принципе полого корпуса. И все же нам, вероятно, никогда не придется узнать, какое судно первым обрело истинную форму лодки —

водонепроницаемое каноэ или пропускающее воду бунтовое судно. Мы знаем, однако, что изобретение каноэ как такового оказалось тупиковым путем, шла ли речь о долбленке или о каркасе обшитом кожей или корой. Принцип полого корпуса внедрялся в судостроительство по совершенно разным линиям. Самые большие и сложные каноэ принадлежат индейцам северо-западного приморья Америки и их океаническим соседям от Гавайских островов до Новой Зеландии. Огромные пироги строили в доевропейские времена по берегам Карибского моря и на западном побережье Африки. Для Полинезии — там, где не было достаточно больших бревен, — характерно наращивание досками выдолбленного днища, однако нигде в мире не находили долбленки с добавлением внутреннего каркаса, приближающего ее по размерам и форме к настоящему кораблю со шпангоутами. Широко распространенное представление, будто суда первых цивилизованных народов развились из долбленки, ни на чем не основано.

Первые известные корабли строились из бунтов камыша, а не из бревен и досок. Строились по простому принципу плавучести за счет сквозного прохождения воды, а не по принципу вытеснения воды водонепроницаемым корпусом. Эти древнейшие суда известны нам по доисторическому искусству Северной Африки и Западной Азии. Об их размерах и очертаниях можно судить по додинастическим петроглифам в Египте, наскальной живописи в Сахаре, гравировке на наиболее древних месопотамских печатях. К этому начальному периоду камышовых судов относится и начало применения мачты и паруса. Керамическая модель в Багдадском музее с цилиндрической опорой для мачты показывает, что в этой области ходили под парусом по меньшей мере около 4000 г. до н. э. На большом додинастическом сосуде в Британском музее видим считающееся древнейшим изображение египетского парусника с надстройкой на палубе; оно датируется периодом Негада II, старше 3100 г. до н. э. Однако великое множество изображений камышовых судов, в том числе с мачтой и парусом, которые в последнее время обнаружены в сухих *вадимежду* Нилом и Красным морем, относятся к той же додинастической поре и вполне могут соперничать по древности с запечатленными в керамике Египта и Ирака.

Честь перехода от компактных судов из бунтов камыша к полым дощатым конструкциям с распорками обычно приписывают финикийцам, однако это распространенное мнение противоречит археологическим данным. Финикийцы как народ выделились из конгломерата ханаанеев только во второй половине II тысячелетия до н. э. (Harden, 1962[142]), и хетты, имевшие доступ к тем же кедровым лесам, строили сложные деревянные корабли раньше их, как это видно по двум реалистичным рельефам — в Каратепе (Южная Турция) и из Тель-Халафа (Британский музей). Однако в Египте по велению фараона Хеопса около 2800 г. до н. э. был построен роскошный деревянный корабль, по изяществу морских обводов не уступавший лучшим ладьям викингов, а по размерам намного превосходивший их, и рядом с этим древним образцом кораблестроительного искусства не только они, но и суда финикийцев представляются почти современными. Особенно поражает в этом древнейшем известном деревянном судне с настоящими шпангоутами, что оно было сшито из привозных ливанских досок и, хотя повторяет предшествовавшие ему папирусные ладьи по обводам и оформлению, в силу своей хрупкой конструкции могло ходить только по тихим водам Нила.

Внезапный скачок от бунтовых судов из папируса к деревянному кораблю из привозного леса в Египте так отчетливо выражен, что речь явно идет о влиянии извне. Естественно обратить свой взор на Малую Азию, откуда фараон получал кедровые доски. В Двуречье ясно прослеживается переход от бунтовой ладьи к корпусу на шпангоутах. На древних храмовых рельефах видим реалистичные изображения морских боев или перевозки людей на камышовых судах, но также и транспортировку грузов на бревенчатых плотках и на больших *гуффа*. Круглые *гуффаи* джиллабилодковидной формы ходят по Евфрату по сей день и во всех подробностях совпадают с археологическими экспонатами Багдадского музея — моделями, выполненными на берегах этой самой реки около пяти тысяч лет назад. Плетеный камышовый корпус обмазан внутри и снаружи битумом; согласно местным авторам Ветхого завета, так же строил свой ковчег библейский патриарх Ной. Ной изготовил кедровые шпангоуты и заменил сплошные камышовые бунты наружной обшивкой, обмазанной для водонепроницаемости смолой. Для древних жителей средиземноморского побережья Малой Азии, где было мало камыша и

сколько угодно кедра, легко раскалывающегося на тонкие твердые доски, замена камышовой плетенки деревянной обшивкой представляется вполне логичным шагом. Но жители Двуречья тоже имели доступ к восточным рубежам обширных кедровых лесов, и деревянные корабли, судя по всему, очень рано появились в Ираке и Персидском заливе. Этот более прочный тип полого корпуса должен был быстро распространиться до Египта, где уже фараоны древнейших местных династий ввозили кедровые доски для храмов.

Однако у камышовых конструкций были свои преимущества, и они дожили до наших дней на озерах Западной Азии, Африки, Мексики и Южной Америки, откуда они в прошлом распространились до острова Пасхи. Ими пользуются — или пользовались до начала нашего столетия — на средиземноморских островах Корфу и Сардиния, на атлантическом побережье Марокко, в Персидском заливе и вплоть до острова Цейлон на востоке. Примечательно, что они живучи в водах, примыкающих к крупнейшим центрам древней цивилизации: в Южной Америке — на озере Титикака, возле руин Тиауанако; в Африке — там, где река Лукус вливается в Атлантический океан рядом с могучими развалинами мегалитического города Ликс, и на озере Тана, откуда Нил начинает свой путь через Египет; в Азии — на реках Тигр и Евфрат, окаймленных шумерскими памятниками, на острове Бахрейн, где, по некоторым данным, зарождалась шумерская цивилизация, и в болотном краю по реке Гельмунд, соседствующей с истоками Инда, у которого расположены знаменитые развалины Хараппы и Мохенджо-Даро. Камышовые и папирусные суда занимают видное место в древнем искусстве Двуречья и Египта, но также на Кипре и Крите; их изображения высечены на стенах погребальных пещер в приморье Израиля, выгравированы на хеттских печатях из Южной Турции, на мегалитических плитах древних храмов Мальты, которые, согласно новым углеродным датировкам, появились до возникновения египетской цивилизации [\[14\]](#).

Египет и Двуречье давно соперничают за звание древнейшего источника цивилизации. И ученый мир был изрядно озадачен, когда недавно появились углеродные датировки, говорящие о том, что на неярком острове Мальта развитая культура утвердилась раньше, чем в широкой и плодородной долине Нила. Еще больше картина осложнилась после того, как датские археологи, работая на песчаном

острове Бахрейн в Персидском заливе, нашли обширные памятники местной цивилизации, превосходящей по возрасту месопотамскую (Vibby, 1969[36]).

Давнее убеждение, что культура распространялась из Египта на запад и на север вдоль берегов Средиземного моря, а из Двуречья — на юг и на восток через Персидский залив, опровергается хронологией. В наличии зрелых островных культур Мальты и Бахрейна, предшествующих цивилизациям Египта и Двуречья, некоторые изоляционисты видят аргумент в пользу множественных очагов, а не двух центров распространения культуры, приуроченных к долинам великих рек. Этот аргумент как будто подтверждается тем, что новые датировки относят каменные башни, подобные средиземноморским, и сопутствующие им следы развитой культуры на берегах Британских островов и прилегающих архипелагов также к весьма древней поре.

Конечно, археологам еще предстоит вносить серьезные поправки и, быть может, в корне пересмотреть устоявшиеся взгляды, однако упомянутые открытия вряд ли годятся как доводы в пользу изоляционистских гипотез. Мальта, Бахрейн, Великобритания — все это острова, и уже сам факт, что они были населены, говорит о строительстве судов, об опыте мореплавания — стало быть, налицо элемент диффузии. Почему не предположить, что мастерство творцов сложных мегалитических построек Мальты вместе с многими другими следами организованного общества и подлинной цивилизации как на этом острове, так и на Бахрейне не было плодом местного развития, что за всем этим стоят переселенцы, которые где-то ведь научились строить суда и плавать по морям. Это тем более вероятно, что развалины прошлых цивилизаций на Мальте и Бахрейне, как и древние каменные башни на Британских островах, датируются начальными, а не поздними периодами, так что для местной эволюции просто не остается времени.

Наука всегда — и, думается, не без оснований — утверждала, что возникновение подлинной цивилизации со всеми ее сложными элементами, включая строительство мегалитических храмов, лишенных практических функций и, однако же, требующих массового организованного труда, предполагает наличие подчиненных единому руководству больших этнических групп и развитого хозяйства, основанного на сборе урожая с обширных площадей плодородной почвы. Пока что никому не удалось поколебать это логичное суждение.

Что же до рассматриваемых островов, особенно Мальты и Бахрейна, то они ничем этим не располагали; даже до того, как их ограниченная площадь была оголена, не было на них хозяйственной основы, стимулирующей развитие цивилизации, отсутствующей на ближайшем материке. И если мы тем не менее находим внушительные следы былых цивилизаций едва ли не на каждом пригодном для обитания острове в Средиземном море и Персидском заливе, речь, бесспорно, идет о диффузии, а не о независимом параллельном развитии. Как известно из истории, все крупные острова Восточного Средиземноморья платили дань Египту, на что они никогда не пошли бы, если бы речь шла о сухопутной нации, не располагавшей средствами диктовать свою волю. Египетские изделия распространились на запад даже за Гибралтарский пролив, о чем говорят недавние находки в финикийском порту Кадис на атлантическом побережье Испании. Сами финикийцы основывали колонии и распространяли свои знания и изделия во всех уголках Средиземноморья, а также на север и на юг за Гибралтаром. В другой стороне, за рубежами Малой Азии, океан тоже издревле служил транспортной артерией. Главный библиотекарь египетской папирусной библиотеки в Александрии сообщает, что египетские папирусные суда доходили до Цейлона и до реки Ганг. Шумеры и другие древние мореплаватели торговали с Бахрейном, а также с Хараппой и Мохенджо-Даро в долине Инда. Васко да Гама получил сведения о ветровых сезонах и морских путях, удобных для плавания в Индию, от арабов, но их опередили финикийцы, которые исследовали Азию по меньшей мере вплоть до Малайского архипелага.

И еще до всех этих исторических и протоисторических плаваний утвердилась цивилизация на Мальте и Бахрейне. Мотивы, побуждавшие мореплавателей ходить к этим островам и поселяться на них, вероятно, были те же самые, что вели египтян и шумеров в Индию, а финикийцев — за пределы их родного Средиземноморья. Стимулы для путешествий вряд ли сильно изменились при переходе от древности к исторической поре. Нашего предка подстегивали жажда познать неведомое и поиск новых пастбищ; его влекло желание добыть сокровища и обрести богатство на новых торговых путях, он стремился обратить чужеземцев в свою веру; его гнал вперед религиозный фанатизм, но также и страх. С той поры как человек сделал первые шаги на пути к организованному обществу, его преследовало опасение,

что вражеское войско нападет на него, его семью и общину, чтобы присвоить себе их землю и имущество. Появление на многих островах древней цивилизации вполне можно объяснить отступлением под натиском врага. На материке всегда грозило неожиданное нападение из леса, с гор, из глухих дебрей. А остров — надежная крепость, во всяком случае на первых порах формирования цивилизации, пока другие обитатели приморья не обзавелись мощным флотом и умелыми мореплавателями, готовыми совершать дальние набег.

Наличие на островах вроде Мальты и Бахрейна следов более древней цивилизации, чем египетская и месопотамская, круто изменяет географическую последовательность. Возможно, древняя культура продвигалась в Средиземноморье в восточном направлении и в Персидском заливе на север, а не наоборот, как все время предполагали. Археологам не мешает обратить внимание на области, которые еще не изучались, скажем, потому, что они покрыты водой или засыпаны песком; в самом деле, у нас нет причин полагать, что нынешние границы пустынь и моря в афро-азиатском регионе точно совпадают с их рубежами перед возникновением египетской и месопотамской цивилизаций. Ведь хорошо известно, что в Северной Африке пустыня наступала на зеленые леса и пастбища и по-прежнему наступает с годовой скоростью, измеряемой километрами, что под огромными курганами песка скрываются селения и русла былых рек. Петроглифы на склонах сухого каньона Вади-Абу-Сувейра в Верхнем Египте отделены почти 200 км от Красного моря, а от фресок Тассилийской пустыни на юге Алжира почти полторы тысячи километров до средиземноморского побережья, однако и тут и там мы видим папирусные ладьи, птичечеловеков в египетском стиле, крокодилов, бегемотов, водяных козлов, жирафов, оленей, львов и множество других речных и лесных животных, которых теперь нет в этих областях Африки, погребенных песком. Древний человек плывал на папирусных лодках на бесплодных ныне просторах, где до III тысячелетия до н. э. реки, озера, болота были окружены густыми лесами. Все Двуречье и вся Малая Азия до средиземноморского побережья Ливана также были покрыты лесом, когда цивилизованный человек принялся расчищать для себя участки. Высокие песчаные холмы, под которыми от Ура до Ниневии захоронены бесчисленные города, даже могучие пирамиды и храмы, а на Бахрейне — развалины каменных построек и десятки

тысяч разграбленных могильников, продолжают скрывать неразгаданные тайны древнейшей истории человека *.

Это о песках. А как обстоит дело с границей суши и моря? Некоторые изменения береговой линии известны. Есть острова, заливы, порты, которые сегодня выглядят вовсе не так, как во времена древних мореплавателей. Одни поселения исчезали из-за геологических дислокаций; другие погребены наносами, лавой, пеплом. Ил и прочие наносы главных рек Африки и Двуречья медленно, но верно перекрывали прежние дельты, бухты, причалы. Большинство гаваней афро-азиатского мира изменились со времен шумеров, фараонов, финикийцев. Исследование маленького порта Библ выявляет под водой камни прежней грузовой пристани перед нынешним входом в гавань, сооруженным в средние века. Сильно изменилась картина афро-азиатского побережья уже после 600-х годов до н. э., когда объединенная египетско-финикийская экспедиция по велению фараона Нехо вышла из Красного моря и обогнула Африканский континент. Мы не увидим шесть портов на атлантических берегах Марокко, куда заходил Ганнон около 450 г. до н. э., отплыв из Карфагена в противоположном направлении, чтобы исследовать западные берега Африки, и везя на 60 кораблях 30 тысяч человек, готовых основать новые поселения. Некоторые из портов успели стать полями внутри страны с той поры, как римляне выходили через Гибралтар и захватывали селения берберов и финикийцев.

Важнейшим открытием римлян на атлантическом побережье Африки был островной город Ликс, известный тогда под названием Маком Семес — «Город Солнца». Его могучие, ориентированные по солнцу мегалитические постройки уже тогда были настолько древними, что римляне почитали Ликс «вечным градом», превосходящим по возрасту любые города Средиземноморья; они связывали его с полубогами, предшествовавшими людям на земле, и помещали могилу Геркулеса на возвышавшемся над морем острове Ликс. В наши дни Ликс уже не остров и корабли не могут подойти к его причалам. Наполовину погребенные могучие руины высятся на мысу, на гребешке, со всех сторон окруженном ровными полями, через которые извилистая река Лукус несет свои струи к едва видимому вдалеке океану. Некогда к пристаням подходили корабли, чьи пропорции, наверно, соответствовали исполинским сооружениям на берегу; теперь

даже маленькие, четырех- и шестиместные, камышовые лодки здешних рыбаков не смогут пройти к подножию окруженного сушей холма. Большая римская мозаика с изображением Нептуна говорит о былых связях с океаном, а под развалинами арабских мечетей и римских храмов лежат более древние берберские и финикийские постройки, на которые в свою очередь использованы огромные каменные блоки, доставленные издалека неведомыми солнцепоклонниками, раньше всех облюбовавшими это место. Их причалы скрыты на неведомой глубине у подножия холма, а сводчатые крыши более поздних римских торговых рядов торчат из травы там, где в прошлом причаливали галеры.

Итак, мы знаем приморские селения, погребенные наносами, знаем города, занесенные песком внутри страны. Надо еще учесть и геологические дислокации, чтобы представить себе, насколько прошлое все еще сокрыто от наших глаз. Города Помпеи и Геркуланум погибли в 79 г и были вновь открыты только в прошлом веке; город бронзового века Акротири на греческом острове Санторин (он же Тира) погиб, и даже предания о нем не сохранились до 1956 г., когда его раскопал греческий археолог Спиридон Маринатос. Открытие Маринатоса вместе с океанографическими и геологическими исследованиями в какой-то мере пополнили наши зияющие пробелами знания об истории древнего Средиземноморья.

В главе 3 мы говорили со ссылкой на Померанца, что от взрыва санторинского вулкана во все стороны пошли цунами, несшие погибель прибрежным поселениям. Нам известно, что около 1200 г. до н. э. почти все Восточное Средиземноморье испытало на себе страшные последствия катастрофы. Померанц не сомневался, что именно в это время произошел катаклизм, уничтоживший завоевания существовавших цивилизаций и опустошивший благодатные земли. По его мнению, масштаб бедствий был настолько велик, что его нельзя приписать только набегам уцелевших после катастрофы «морских народов», логичнее увязать их с силой извержения и цунами. Принято считать, что санторинский вулкан взорвался около 1400 г. до н. э., то есть примерно за 200 лет до всеобъемлющего крушения цивилизаций Восточного Средиземноморья, датируемого приблизительно 1200 г. до н. э. Если дальнейшие исследования подтвердят правоту Померанца, если хаос в окружающем регионе, включая острова, Египет и Малую

Азию, прямо или косвенно был вызван вулканическим извержением и цунами, то перед нами и в самом деле более убедительная причина всеобщего разгрома, чем одни только локализованные набеги «морских народов».

Примечательно, что к этой же хаотической поре относят и так называемый исход иудеев из Египетского плена и возвращение их в Израиль. Поскольку рассказы о той поре были записаны, не исключена возможность коллективного воспоминания о чудовищной приливной волне, послужившей причиной бегства иудеев из Египта в горы Синайские. Как говорят предания, египетское войско со всадниками и колесницами было накрыто стеной воды.

Псалом 76 подчеркивает, что море взволновалось до самого дна, лил дождь, гремела гроза, дули вихри, и озаряемые молнией люди бежали между стенами воды, и земля содрогалась.

Независимо от того, произошла ли санторинская катастрофа около 1400 или 1200 г. до н. э., она, конечно же, должна была нанести урон изменностям Египта, и напрашивается вывод, не принадлежат ли иудейские сведения очевидцам геологического катаклизма. Не исключено, что Библия — единственный источник, описывающий те цунами, которые, как теперь полагают, были одной из причин гибели минойской цивилизации на Крите. Они же, вероятно, способствовали набегам на материки неопознанных «морских народов» и, возможно, побудили финикийцев выйти за Гибралтар; все эти события, судя по всему, происходили в период около 1200 г. до н. э.

Город на Санторине не был затоплен, но его погребло чудовищное количество лавы и пепла. Когда археологи проникли в эту толщу и расчистили крыши домов и сами дома, выявилось великое значение кораблей для той поры. На втором этаже одного из домов на главной площади обнаружена красочная фреска с изображением санторинского порта. Мы видим, как в гавань входит на веслах целая флотилия украшенных цветочными гирляндами кораблей с зарифленными парусами и изящно одетые мужчины и женщины приветственно машут с балконов и крыш домов, выстроенных ступеньками на фоне красных гор. Может быть, это санторинские мореплаватели бронзового века возвращаются с триумфом из похода в Африку, состоявшегося почти три с половиной тысячи лет назад; может быть, сюжет следует толковать иначе, — во всяком случае эта сцена свидетельствует, что

море было не преградой, а широкой дорогой для тех, кто обосновался на острове. На других фресках показаны экзотические растения и животные, а также живописный ландшафт с извивающейся рекой, которую археологи принимают за Нил.

Недавнее открытие забытой островной цивилизации Санторина вдохнуло новую жизнь в старую легенду об Атлантиде. Серьезные ученые пытаются отождествить Санторин с Атлантидой. До последних лет почти все исследователи считали рассказ Платона об Атлантиде небылицей; к этому сюжету охотно обращались авторы научно-фантастических произведений и увлекающиеся люди, ищущие суперменов в небесах или на дне океана. Но легенда, которую ученые старались обходить молчанием или презрением, видимо, бередила сознание кое-кого из этого клана, и, считая ее небылицей, пока Атлантиду помещали за Гибралтаром, они были готовы судить иначе, когда речь пошла о Средиземном море.

С полным почтением к многочисленным этнологам и географам, пытающимся теперь отождествить Санторин с Атлантидой, и нисколько не оспаривая того, что взрыв Санторина, видимо, отразился на истории культуры, как ни одна последующая катастрофа, хочется все же выступить оппонентом. Тому, кто ищет зерно истины в рассказе об Атлантиде, приходится полагаться на версию Платона, подробно изложенную в двух его диалогах («Тимей» и «Критий»), поскольку других источников нет. А Платон недвусмысленно помещает Атлантиду в океане — Великом океане, по отношению к которому Средиземное море было всего лишь бухтой внутри Геркулесовых Столпов. По словам Платона, его предшественник Солон услышал про остров Атлантида, затонувший в одноименном океане, от жрецов Саиса в Нижнем Египте, а те располагали древними папирусными текстами с подробными описаниями острова. Суть этих текстов, если поставить вопросы «где?», «что?», «когда?», можно выразить в трех пунктах: Атлантида находилась за Гибралтаром; она затонула в океане и исчезла; произошло это в давние времена, предшествующие истории самого Египта.

Санторин же находился в родных для грека водах, а не за Гибралтаром; Солон знал остров лучше, чем его египетские информаторы; остров не затонул, а остался на месте; катаклизм не

предшествовал истории Египта, напротив, он по времени совпадает с концом фараоновых династий.

Пока нет более убедительных причин рассматривать всерьез легенду об Атлантиде, пожалуй, лучше оставить диалоги Платона в ряду преданий и мифологии. Суша тонула в Атлантике, об этом говорят подводные каньоны, бороздящие шельф перед устьем африканских рек; на Срединно-Атлантическом хребте под водой обнаружены круглые булыжники — признаки былой суши; еще один признак — поднятые со дна океана колонки с пресноводным планктоном, говорящие о наличии в прошлом окруженных сушей озер. Однако пока что нет достоверных указаний на то, что эти геологические изменения происходили уже после возникновения рода человеческого. Дно океана, как и континенты, постоянно находится в движении. Люди каменного века некогда охотились там, где теперь простирается Северное море: при тралении подняты со дна копейные наконечники. Можно представить себе, какой силы был катаклизм, который всколыхнул Атлантику и пропахал в Исландии могучий рифт, продолжающийся и дальше по дну океана. Углеродная датировка дерева, упавшего в рифт, показывает, что катастрофа произошла около 3000 г. до н. э. Это совпадает с датами 3100–3000 гг. до н. э., когда культуры Средиземноморья словно бы начали все сначала, когда в постепенное развитие цивилизаций вторгся промежуточный период, все как будто двинулось новыми, другими путями из-за неслыханных пертурбаций и сдвигов. Время около 3100–3000 гг. во многом напоминает беспокойные, тревожные времена около 1200 г. до н. э., следовавшие сразу после губительного взрыва острова Санторин. Острова и материковое приморье сохранили отчетливые следы этого древнейшего крушения культур.

На стратегически расположенном острове Мальта на период около 3000 г. до н. э. приходится конец неолитической культурной фазы, и начало нового важного периода отделяется от нее четко прослеживаемым разрывом (Evans, 1971[108]). Археологи располагают не менее убедительными данными относительно обширных геологических смещений также и на Крите около 3000 г. до н. э. (Hood, 1971[163]). Люди искали убежища в пещерах, а затем обосновались на возвышенностях. И на Кипре в это же время — видимо, в связи с природным катаклизмом — были заброшены неолитические поселения и начался совершенно новый период (Karageorgis, 1969[183]).

Поскольку эти углеродные датировки допускают отклонение плюс-минус 100 лет, они хорошо совпадают с периодом около 3100 г. до н. э., когда в Египте и Двуречье с утверждением первых местных династий складывалась подлинная цивилизация.

Учитывая новые данные об огромной давности существования рода человеческого, можно ли считать простым совпадением, что независимо друг от друга династии Двуречья и Египта были основаны в одно время и совсем близко друг от друга, разделенные всего лишь Аравийским полуостровом? Хронологическое совпадение в пределах одного века могло казаться естественным на заре науки, когда полагали, что род человеческий существует всего какие-нибудь тысячи или десятки тысяч лет, но одно столетие около 3000 г. до н. э. представляется всего лишь мгновением, коль скоро возраст человечества начали исчислять миллионами лет. Люди палеолита бродили по тысячекилометровым просторам афро-азиатской территории несметное количество веков, их потомки уже создали великое разнообразие примитивных культур и образа жизни на всех континентах к тому времени, когда поречья Египта и Месопотамии в пределах одного столетия были заселены обладающими абсолютной властью правителями, которые называли себя потомками богов, исповедовали культ предков, числили птичеловеков в ряду своих пращуров, плавали на камышовых судах, сооружали в честь солнца исполинские пирамиды, делали цилиндрические печати и воздвигали огромные стелы с древнейшими известными археологам иероглифами. Короче, две династии, которые представляли удивительно похожие по уровню цивилизации и потомки которых затем на протяжении многих поколений правили в двух названных поречьях Ближнего Востока, сложились практически в одно время среди более древних, архаичных культур, и разделяющую их территорию можно было преодолеть в какие-нибудь недели или месяцы.

Будь у этих ранних цивилизаций независимые корни, возможно, что письменность была бы изобретена по разные стороны Аравийского полуострова с разрывом в тысячи лет. Было бы оскорбительно для развивающихся наций наших дней полагать, что после миллионов лет медленного развития человечество созрело для грамотности как раз около 3000 г. до н. э. Почему не признать: не будь контактов с соседями и странствующих учителей и миссионеров, письменность не дошла бы

до Европы с Ближнего Востока, как это было на деле, а в ожидании независимого развития многие нации могли бы по сей день оставаться неграмотными?

Учитывая очевидную близость двух великих культур Ближнего Востока во времени и пространстве, мы вправе требовать от сторонников идеи независимого развития, чтобы они доказывали свою правоту. Ни один ученый не станет отрицать, что первоначальные иероглифические письма древнейшего шумерского периода затем уступили место совершенно отличной от них клинописи, которая была одним из импульсов, прямо или косвенно способствовавших созданию многих различного вида письменностей Малой Азии, от хеттских идеограмм до финикийских и древнееврейских букв. Почему не представить себе сходную связь между разными по виду письменностями древнейших шумеров и их современников в долине Нила? В самом деле, в главе I мы упоминали, что Фалькенштейн и Амье, изучая наиболее древнее шумерское письмо, установили, что иероглифический знак для понятия «судно» в архаичных текстах Урука, предшествовавших клинописи, совпадает с древнеегипетской идеограммой для понятия «морской»: серповидная камышовая лодка с поперечными найтовыми и своеобразным, в египетском духе двойным изгибом верхней части высокого носа и кормы — стилистическая деталь без очевидной практической функции и не известная больше ни на каких судах в мире.

Похоже, что писцы первых династий Двуречья и Египта как-то общались между собой или же их письменность восходит к общему источнику, предшествующему формированию отдельных культур по обе стороны Аравийского полуострова. Примечательно, что общий знак связан с судами и мореплаванием.

Широко распространен взгляд, что древние шумеры были морским народом, когда основали города Ур и Урук, ставшие около 3000 г. до н. э. важными портами в Персидском заливе. Это убедительно подтверждается многочисленными текстами первого периода. А вот египтян принято считать сухопутным народом, несведущим в мореходстве. Ближайшее рассмотрение говорит о неосновательности такого мнения. Несправедливо судить так о народе, внушительные памятники которого свидетельствуют о великом мастерстве в других древних ремеслах, проникших со временем в Европу и сыгравших роль

станового хребта для европейской культуры средневековья. Все подробности оснастки испанских каравелл XV в. восприняты от древних конструкторов Ближнего Востока, об этом говорят модели и другие иллюстрации Древнего Египта. Личность корабелов неразличима в тени всемогущего фараона, а сами фараоны не были мореплавателями. Они были настолько поглощены своим величием и приготовлениями к загробной жизни, что почти вся их жизнь ограничивалась берегами Нила. Остальной мир явно играл для них второстепенную роль. Тут они резко отличались от общительных скитальцев-финикийцев: финикийские купцы постоянно вели поиск новых земель и торговых путей. Тем не менее мы располагаем достаточными свидетельствами того, что египетские общины и во времена фараонов числили в своих рядах искусных проектировщиков, кораблестроителей и мореплавателей. Созданные для фараонов суда в изобилии представлены на фресках и барельефах, иллюстрирующих повседневную жизнь и важные события Древнего Египта. Конечно, бо́льшая часть судов была местного производства и, как и теперь, предназначалась для плавания по Нилу. Однако высокие нос и корма, особенности парусов и такелажа, своеобразная «тетива» на корме и «предохранители» для рулевых весел ясно говорят, что эти суда предназначались для плавания в открытом море. Иначе как объяснить «тетиву» и другие детали, призванные исключительно противостоять волнам и прибою?

Подтверждение находим и во внеегипетских источниках. Как говорится в преданиях, древнееврейский пророк Исайя говорил о Египте как о стране, посылающей своих послов по морю на папирусных судах. Несомненно, в обязанности плававших по морям египетских посланников входил сбор дани с чужеземных народов. После того как фараоны прочно обосновались на реке, они еще долго взимали дань с далеких островов в Восточном Средиземноморье, которые вряд ли могли попасть в зависимость от Египта, если сами египтяне не выходили на своих судах за пределы нильского устья.

На редкость подвижным среди фараонов был Рамсес II. Он лично путешествовал по Малой Азии, его портрет в полный рост был высечен на скалах в приморье Ливана, а договор о союзе с хеттским правителем запечатлен египетскими иероглифами в Богазкёе, в далекой Турции. Художники царицы Хатшепсут увековечили ее экспедицию из Красного

моря в дальние страны рельефными изображениями деревянных кораблей, на которых можно увидеть все приспособления, нашедшие затем применение на парусниках колумбовой поры. Также и другие фараоновы парусные суда весьма совершенной конструкции, как деревянные, так и папирусные, изображены в храме в Эдфу, в Карнаке, в Долине Царей и на стенах саккарских гробниц знатных сановников. Через греческих историков мы знаем, что фараон Нехо снарядил объединенный египетско-финикийский флот, коему было предписано пройти через Красное море, обогнуть всю Африку и вернуться через Гибралтар. Что египтяне знали Атлантику, видно также из их рассказов грекам про «Атлантическое море» за Геркулесовыми Столпами, перед которым Средиземное море выглядело всего лишь бухтой.

Более того, древние египтяне знали также Индийский океан и пересекали его на своих папирусных ладьях. Источник этих сведений не кто иной, как Эратосфен, главный библиотекарь египетского хранилища папирусов в Александрии, впоследствии уничтоженного огнем. Он был не только виднейшим географом своего времени, но и первым создателем проективных карт. Подобно другим греческим ученым до него, он отлично знал, что земля — шар, и верно определил ее окружность, исходя из поверхностной кривизны, за 200 лет до нашей эры, тогда как Колумб через полторы тысячи лет значительно преуменьшил окружность земного шара. Описывая географическую обстановку по ту сторону Индийского океана, Эратосфен приводит расстояния в переводе на путевые дни и сообщает, что папирусным судам с теми же парусами и такелажем, что на Ниле, требовалось 20 дней на путь от устья Ганга до Цейлона. Трудно представить более надежный источник сведений о том, что египетские суда огибали всю Индию и плавали в Бенгальском заливе.

Древние шумеры тоже поддерживали торговые связи с Индией, особенно с цивилизацией Индской долины, которая начиная со II тысячелетия до н. э. не одну сотню лет процветала по берегам реки Инд и от устья Инда на восток до Камбейского залива, где в древнем портовом городе Лотхал найдена печать из Персидского залива (Рао, 1963[256]). А на территории древнего Шумера археологами раскопано столько печатей с индской пиктографией, что Крамер с полным основанием предположил, что индские купцы более или менее постоянно жили в ряде шумерских городов (Kramer, 1963[192]).

О кораблях, заморской торговле и других морских предприятиях сплошь и рядом говорится на многочисленных древнешумерских плитках с письменами. Нередко перечисляется состав груза, и можно прочесть о судах грузоподъемностью до 300 *гур*, что равно 96 т. Из других текстов видно, что взималась пошлина за привозные грузы; сохранились также контракты между купцами-мореплавателями и предпринимателями. Упоминаются и случаи кораблекрушения, и вполне уместным представляется пункт в одном документе, гласящий: «...возвратить корабль и все его оборудование в полной сохранности владельцу в гавани Ура...» (Oppenheim, 1954[238]). Роль мореплавания отразилась даже в шумерских пословицах. Одна из них гласит, что корабль, вышедший в плавание с достойной целью, может рассчитывать на попутные ветры и бог Солнца приведет его в достойные порты, а корабль, вышедший с дурной целью, будет выброшен богом на берег (Gordon, 1964).

Современный мир вообще не знал о существовании шумеров и их культуры, пока археологи не раскопали в Южном Ираке огромные пирамиды и погребенные под развалинами архивы с десятками тысяч письменных плиток. Дешифровка плиток позволила восстановить картину повседневных занятий и торговой деятельности творцов давно забытой цивилизации, влияние которой в древнейшем периоде распространилось вверх по течению рек Месопотамии до Мари и Брака у рубежей средиземноморского мира (Mallowan, 1965[208]), а на юг — через Персидский залив до стран Индийского океана (Oppenheim, 1954[238]).

Среди множества географических названий на шумерских плитках легко опознаются местные, тогда как наименования чужих стран не совпадают с современными. На плитках, где речь идет о морской торговле, чаще всего встречаем Дильмун, или Тельмун, отождествляемый большинством современных исследователей с Бахрейном — островом в Персидском заливе, изобилующим остатками древних акведуков, могильников и храмов, чей возраст, по мнению датских археологов во главе с П. Глобом и Дж. Бибби, превосходит возраст самой шумерской цивилизации. Дильмун играет видную роль в древнешумерских мифах; его продолжали упоминать в месопотамских официальных документах и торговых отчетах долго после того, как исчезли сами шумеры. Один ассирийский правитель писал в своем

титуле: «Царь Дильмуна и Мелуххи». Видный авторитет по истории шумеров профессор Крамер предположительно отождествляет Мелухху с Эфиопией, а в Магане (название еще одной далекой страны, чьи корабли заходили в порты Двуречья) он видит Египет (Kramer, 1963[192]). Другие исследователи отождествляют Мелухху с индской цивилизацией, а Маган (Макан) — с Оманом (Bibby, 1969[36]). Совсем неопознанными остаются такие далекие страны, как расположенные за Дильмуном Хазмани и Куппи, до которых надо было долго добираться по морю и по суше. В одном ниневийском тексте о дальности этих стран говорится, что посланцы из Куппи «находились в пути шесть месяцев, чтобы доставить дары и приветствовать царя» (Oppenheim, 1954[238]). Если шумерские камышовые суда не уступали в скорости египетским папирусным ладьям, которые, по Эратосфену, доходили от Ганга до Цейлона (Шри Ланка) за 20 дней, вполне вероятно, что упомянутые посланцы прибывали с какой-нибудь части Малайского архипелага или даже из Китая.

После нашего второго плавания на папирусной ладье через Атлантику один из моих товарищей по «Ра», Карло Маури, отправился пешком и верхом по следам Марко Поло; на путь от Месопотамии до рубежей Китая у него ушло чуть больше шести месяцев. Посланцы из Куппи плыли по морю. Если предположить, что они шли из какого-нибудь великого королевства на Суматре или Яве, причем не всегда дул попутный ветер, нельзя отрицать возможность того, что в других случаях они вполне могли пройти столько же в другую сторону, а до Китая путь короче.

Судя по источникам и археологическим данным, цивилизации Индонезии и Китая, как и цивилизация Индской долины, сложились позже расцвета шумерской цивилизации в Двуречье. Конечно, в большинстве этих областей уже началось независимое развитие культуры, и все же нет оснований отрицать возможность того, что отдельные странствующие купцы или «посланцы» вроде упоминаемых на плитках могли переносить на большие расстояния полезные идеи там, где не было регулярного контакта. Судя по текстам из Александрии и Ниневии, в ранний период мореплавания на камышовых судах Индия поддерживала связи и с Шумером, и с Египтом, так что осторожность в подходе к этой проблеме предписывает нам не исключать какие-либо части азиатского приморья из цепочки, по которой могли передаваться

культурные импульсы во II тысячелетии до н. э., когда многие неприметные до той поры культуры этого региона развились в подлинные цивилизации. Сезонные смены ветров и течения в области муссонов благоприятствовали всем видам морских сообщений в Индийском океане, тогда как постоянные пассаты и сопутствующие им мощные течения тихоокеанского полушария вынуждали древних мореплавателей Ближнего Востока, долины Инда и даже Малайского архипелага ограничивать свои вылазки на восток прибрежными водами Азии.

Значение Дильмуна (Бахрейн) как ярмарки и торгового центра для окружающих цивилизаций во времена шумеров ясно отражено и в текстах, и в археологических находках. Ведущая роль этого острова в шумерской мифологии по меньшей мере заслуживает внимания. Крамер справедливо связывает с шумерами идейные представления и пантеон, оказавшие столь сильное влияние на народы Ближнего Востока. Ассирийцы и вавилоняне целиком восприняли это наследие; хетты переводили его на свой язык; оно было ассимилировано древними греками. Иудаизм, христианство и мусульманство донесли некоторые древнешумерские представления до современного мира (Kramer, 1944[191]). Согласно библейским текстам, Авраам, первый патриарх всех этих трех религий, был уроженцем шумерской столицы Ур. Вместе с отцом и всем своим племенем он в начале II тысячелетия до н. э. покинул этот порт на берегу Персидского залива, пересек все Двуречье и дошел до средиземноморской области ханаанеев. Шумеры как политическая единица постепенно исчезли после разрушения Ура около 2050 г. до н. э. Но какие-то верования Ура сохранялись племенем Авраама, которого считают основателем иудейской, христианской и мусульманской религий, и вошли в письменные источники. К числу уцелевших преданий, происходящих, очевидно, из Ура, относится рассказ о потопе, погубившем большую часть человечества.

По другую сторону Малой Азии рассказ о столь же чудовищной катастрофе слышали от египтян древние греки. По этой версии, древнейший известный центр цивилизации погиб, когда в Атлантике затонул целый остров вместе со всем населением. Позднее до греков дошла также иудейская версия, родившаяся на азиатской стороне Аравийского полуострова и принесенная в Средиземноморье. Однако

народы Двуречья говорили не о затонувшем острове, а о всемирном потопе, которым верховный бог наказал их предков.

Лишь в прошлом столетии археологи обнаружили месопотамские тексты более древние, чем Ветхий завет с его версией всемирного потопа. На одной из десятков тысяч клинописных плиток из архива ассирийского царя Ашурбанипала в 1872 г. удалось прочесть подробный рассказ о потопе, настолько похожий на более поздний иудейский, что было очевидно: оба восходят к одному источнику. В ассирийской версии на месте библейского Ноя видим Ут-нипиштима, на месте иудейского бога Яхве — шумеро-ассирийского бога вод Энки. Этот самый Энки сообщил Ут-нипиштому о решении других богов истребить человечество и научил его построить большой корабль и взять на борт свою семью и скот. Шесть дней и ночей свирепствовал страшный потоп, на седьмой день корабль пристал к горе в Верхнем Курдистане, то есть примерно в той же области, где, по иудейскому преданию, Ной пристал к горе Арарат. Был выпущен голубь, затем ласточка, но обе птицы вернулись, и лишь после того, как не возвратился выпущенный ворон, Ут-нипиштим понял, что воды спадают. Он сошел с корабля на сушу и принес жертвы богам, которые обещали больше никогда не карать все человечество за грехи отдельных лиц. А спасшимся на корабле было предписано «жить при устье рек, в отдаленье» (Vibby, 1969[36]). Для ассирийцев это могло означать только устье их рек-близнецов, где в прошлом обитали шумеры.

Именно возле этого устья археологи Пенсильванского университета на рубеже нашего столетия раскапывали огромный шумерский зиккурат Ниппура — ориентированную по солнцу, увенчанную храмом ступенчатую пирамиду из тех, что были отличительной чертой древних городов Двуречья. У подножия пирамиды они обнаружили 35 тысяч клинописных плиток, и одна из них содержала древнейшую из дошедших до нас шумерскую версию сказания о потопе. От более поздних версий она отличается тем, что в ней уцелевшие не пристают к высокой горе внутри страны, а заселяют Дильмун, он же остров Бахрейн в Персидском заливе. Будто бы до всемирного потопа были в мире города и царства, но, очевидно, люди чем-то прогневили богов, потому что и в этом сказании небожители постановили истребить человечество. В шумерском тексте, как и в

ассирийском, спасти людей решил бог вод Энки. Но в этой версии выбор пал на благочестивого, богобоязненного, кроткого царя по имени Зиусудра, которому Энки посоветовал построить большой корабль. К сожалению, часть плитки, где описывается сам ход строительства, не уцелела, но мы читаем, что потоп опустошал землю семь дней и семь ночей и «могучие волны бросали огромный корабль», пока Уту, шумерский бог Солнца, не явил свой лик и не осветил небо и землю. Зиусудра, подобно Ною, отворил окно и простерся ниц перед богом, после чего принес ему в жертву быка и овцу. Шумерский текст называет Зиусудру продолжателем рода человеческого; боги даровали ему остров Дильмун, чтобы он мог вновь заселить землю (Kramer, 1944[191]).

Бог вод Энки, спасший в ассирийской и шумерской версиях несколько человек от потопа, заменен иудеями-монотеистами невидимым всевышним богом. А шумерам Энки представлялся мореплавателем, и таким он часто изображался на борту своей божественной камышовой ладьи с изящно загнутыми вверх носом и кормой; иногда на палубе помещается либо священный алтарь, либо сфинкс, и нос ладьи украшен антропоморфной фигурой, способствующей успешному плаванию. Предполагалось, что Энки (соответствует Посейдону древних греков) то ли жил на острове Дильмун, то ли был туда призван, а затем «поднял парус» и направился к берегу материка в том месте, где находился родной город Авраама — Ур. «В Ур он прибыл, Энки, бог вод, и возгласил: О, город обильный, щедро омываемый водами...» (там же).

Таково древнейшее известное нам описание Ура, чьи погребенные песками развалины ныне лежат вдалеке от всякой воды и где нет никакого намека на зелень, ни одного дерева, под сенью которого можно было бы укрыться от палящего солнца. Следует помнить об этой разительной перемене — как выглядит край теперь и как он выглядел во времена шумеров, около 3000 г. до н. э., — когда пытаешься реконструировать ландшафты и береговые линии, определявшие выбор людьми места для поселения в пору первых плаваний по морям.

Примечательно, что как в Шумере, так и в Египте мифических богов и полубогов описывали и изображали в качестве мореплавателей на бунтовых судах. Колесные экипажи были уже известны, ими пользовались правители и воины, но боги и полубоги путешествуют

исключительно на больших и малых бунтовых судах. Это касается не только бога вод, но и бога Солнца, птичеловеков, божеств с львиными головами и прочих сверхъестественных созданий, с которыми египетские и шумерские династии связывали свое происхождение и которые изображены в виде мореплавателей на фресках, рельефах, папирусах и печатях. Первые исторические легенды повествуют о морском судне, достаточно большом, чтобы спасти людей и скот от ярости потопа. Пять тысяч лет назад шумерские писцы приписывали другим изобретение кораблей. Судостроение и мореплавание в ту пору явно рассматривались как наследие, полученное предками от богов в дошумерские времена, до появления Ура и Нимруда, даже до того, как человек впервые прибыл на остров Дильмун.

Можно гадать, что вызвало к жизни сказание о потопе, можно даже отнести его к разряду мифов. Но мы не можем пренебрегать тем, что сами шумеры, когда они основали свои первые династии в Двуречье и у подножия Ниппурского зиккурата, запечатлели на плитках свои дела и верования, считая своих предков пришельцами с расположенного на другом конце Персидского залива Дильмуна. Причем и Дильмун не считался исконной родиной предков, просто к этому острову пристал после потопа царь Зиусудра.

Поскольку около 3000 г до н. э. в Атлантическом океане произошла катастрофа такой силы, что она пропахала борозду через всю Исландию, пожалуй, есть основания полагать, что связанные с этой катастрофой цунами могли наделать бед, заставив целые этнические группы искать себе новую обитель. Такое событие вполне могло сохраниться в памяти древних египтян и шумеров, а также вызвать внезапное появление новой цивилизации как на всех крупных островах Средиземноморья, так и в двух главных поречьях по обе стороны Аравийского полуострова.

Можно представить себе, что атлантические цунами, несомненно достигшие Гибралтара, вызвали в ту давнюю пору хаос, несколько не меньший хаоса, последовавшего за взрывом санторинского вулкана тысячелетиями позже. Одно очевидно: где бы ни начинался первоначально путь человека к высокой культуре, к датам около 3100 и 1200 гг. до н. э. привязаны чрезвычайно важные эпохи в истории Средиземноморья и Ближнего Востока. В первом случае видим ломку

культур на средиземноморских островах и возникновение первых династий Египта и Двуречья, во втором — опять ломка сложившихся обществ, конец старых династий, поиски крупными этническими группами новых мест обитания. В число тех, кто был вовлечен во второй водоворот переселений, входит великое множество финикийских семей, которые организованными группами выходили за Гибралтар с намерением основать крупные поселения на атлантическом побережье Испании и Марокко, а кое-кто из них, попав в основной поток Канарского течения, учредил опорные пункты и на Канарских островах.

Обе названные исторические вехи — около 3100 и 1200 гг. до н. э. — играют виднейшую роль и в летосчислении американских аборигенов. Точка отсчета поразительно точного календаря майя — 4 Ахау 2 Кумху, что в пересчете на наш календарь дает 12 августа 3113 г. до н. э. Далее, археологи относят примерно к 1200 г. до н. э. начало одной из мексиканских цивилизаций: в эту пору среди дождевых лесов и болот на берегах Мексиканского залива, куда подходит Канарское течение, ольмеки основали свои поселения с пирамидами и огромными стелами.

Никто еще не смог удовлетворительно объяснить, почему майя выбрали точкой отсчета 3113 г. до н. э. Есть предположение, что они отталкивались от какого-то астрономического явления, которое пришлось на это время, но от какого именно — неизвестно. Другое предположение — дата выбрана наобум. Это тоже мало вероятно. Майя достигли в астрономии таких высот и считали время так скрупулезно, что определяли длительность астрономического года в 365,2420 дня; это дает потерю всего одного дня за пяти тысячелетний цикл, тогда как наш современный календарь дает за тот же цикл излишек в полтора дня. Другими словами, календарь майя был на 8,64 секунды точнее нашего. Мы упоминали также о надписи на погребальной пирамиде в Паленке, по которой 81 месяц равен 2392 дням; стало быть, один месяц равен 29,53086 дня, что всего на 24 секунды отлично от истинной продолжительности. Неудивительно, что сопутствовавшие испанским завоевателям средневековые священники сожгли попавшие в их руки мексиканские рукописи, полагая все не написанное латинскими буквами творением сатаны и дикарской магией.

Тем не менее сохранились существенные детали мексиканской истории и записанные прозорливыми испанскими хронистами устные предания. Вместе с исторической приветственной речью, которой сам правитель ацтеков Монтесума встретил своего гостя, конкистадора Эрнана Кортеса они служат достаточно последовательными источниками сведений о жизни народов, дороживших своей историей и родивших замечательных астрономов. Устные предания и рукописи согласно утверждают, что испанцы были в Мексике не первыми пришельцами из-за Атлантики. Как ацтеки в горах, так и майя на приморских низменностях называли себя потомками цивилизованных мореплавателей, пришедших, подобно испанцам, с Востока, обосновавшихся на новых землях и смешавшихся с прежними обитателями этих мест, которые до той поры жили маленькими неорганизованными общинами, занимаясь собирательством в лесах, и не знали ни земледелия, ни городов, ни храмов, ни письменности, ни астрономии. Ацтеки и майя, а также цивилизованные народы Центральной Америки и Перу, объединенные общими верованиями, не рассматривали пришельцев из-за океана как чужеземцев. В их описании это были странствующие просветители, которые несли местным жителям вместе с культом Солнца и достижения культуры; жрецы и правящая верхушка считали их своими предками. И в Мексике, и в Перу безбородые от природы жрецы нередко носили накладную бороду, чтобы походить на своих прославленных предшественников.

Яркие письменные и словесные описания белых бородатых носителей культуры, подкрепленные изобразительным искусством, произвели немалое впечатление на прибывших в Новый Свет испанцев, а внешнее сходство с ними помогло конкистадорам завоевать две самые могущественные военные державы той поры — ацтекскую и инкскую. Правда, в преданиях и в древнем искусстве аборигенов от Мексики до Перу предыдущие пришельцы изображались в чалме, длинных свободных халатах и сандалиях, с посохом и еще какими-то предметами в руках, напоминавшими скорее тревник, чем оружие. А потому испанцы предположили, что речь шла о семитских миссионерах, ведь даже религиозные ордены были учреждены в честь предполагаемых гостей с Востока — св. Фомы в Мексике и св. Варфоломея в Перу.

Важнейшие предания и иероглифические тексты в непрерывной полосе от Мексики через Центральную Америку до Перу описывают события, происходившие задолго до исторически известных династий ацтеков и инков. Археологически они привязываются к самому началу высокоразвитых культур этого региона. В древнейшем искусстве на территории Перу — как в горном Тиаунако, так и в области культуры раннего чиму на северном побережье — видим скульптурные и керамические изображения бородатых героев в описанных выше характерных одеждах. А предполагаемые основатели мексиканской цивилизации — ольмеки оставили на берегах Мексиканского залива высеченные на доставленных через заболоченные леса из далеких гор колоссальных монолитах автопортреты, чрезвычайно реалистично отображающие два контрастных физических типа: один явно негроидный, у другого семитские черты и длинная борода. Эти ольмекские герои из области дождевых лесов одеты, как и персонажи засушливых регионов, в длинные свободные халаты и сандалии. Исследователи, настаивающие на местной эволюции, пока что не смогли убедительно объяснить, почему основатели мексиканских цивилизаций оставили такие странные рельефы на стелах Ла-Венты, заболоченное побережье которой омывается течением из Марокко. Зато сторонники диффузии не скупилась на гипотезы. В наши дни индейцы мексиканских лесов, как и повсюду в тропическом влажном поясе, предпочитают ходить босиком и в набедренной повязке, а то и вовсе нагишом, поскольку чалма и длинный халат цепляли бы за ветки в чаще, а сандалии застряли бы в грязи.

Примитивные племена рыболовов и охотников бродили по Америке десятки тысяч лет, и многие из них оставались верны этому образу жизни к тому времени, когда европейцы достигли Северной и Южной Америки. Открытия семейства Лики и других археологов привели к тому, что возраст человечества в Старом Свете теперь исчисляется не десятками тысяч, а миллионами лет (Johanson, 1976[179]). С какой стати майя начинали свое летосчисление с 3113 г. до н. э., совпадающего с началом культур Египта и Двуречья, если этот год не играл особой роли в религиозной истории их предков вроде той, какую играл нулевой год в календарях иудеев, христиан, мусульман и буддистов? Если будет доказано, что 3113 г. до н. э. — слишком ранняя дата для календаря собственно американских культур, почему не

допустить, что эта точка отсчета принадлежит ученым странникам, прибывшим в Новый Свет гораздо позже? Сейчас принято считать, что в Мексике не было никакого календаря, пока ольмеки не развили первую здешнюю цивилизацию; что астрономические знания и письменность майя основаны на наследии ольмеков, чья культура начала распространяться из приморья внутрь страны около 1200 г. до н. э. При возрасте человечества в миллионы лет разве это не примечательное совпадение, что майя восприняли за точку отсчета 3113 г. до н. э. от народа, поразительное развитие культуры которого начиналось на финише Канарского течения около 1200 г. до н. э. — в то самое время, когда целые флотилии финикийских колонистов выходили в Атлантический океан в поисках земель в области того же течения?

Свидетельством очень древних плаваний в Канарском течении служит присутствие на Канарских островах гуанчей задолго до того, как эти острова стали известны португальцам и испанцам. Гуанчи представляли собой смешанный народ, соединяющий кавказоидные и негроидные элементы при разной степени преобладания того или другого на разных островах. Темнокожее, явно негроидное племя жило бок о бок с белыми бородачами, у которых были желтые или рыжеватые волосы. В археологическом музее на острове Гран-Канария можно увидеть подлинную акварель из рукописи Торриани (1590 г.), изображающую бородастых и желтоволосых гуанчей, а рядом выставлены образцы желтых и рыжегато-каштановых волос с гуанчских мумий. В этом же музее экспонируется мумия с остатками рыжей бороды, датируемая примерно 300 г.

Характерное для гуанчей сочетание живущих совместно кавказоидных и негроидных расовых типов типично и для берберов в близлежащем африканском приморье, а также, судя по ольмекскому искусству, для народа, заложившего основы цивилизации на другом конце Канарского течения.

Вряд ли можно сомневаться, что гуанчи связаны происхождением с берберскими мореплавателями, приплывшими на острова с атлантического побережья Марокко; однако нельзя исключать возможность того, что финикийские поселенцы тоже привнесли что-то в смешанную этническую группу, которую застали здесь европейцы. Финикийцы не были ни пиратами, ни завоевателями, это были миролюбивые преуспевающие купцы, распространявшие культуру в

странах Ближнего Востока. Они одинаково хорошо знали как ступенчатые пирамиды своих соседей и торговых партнеров в Двуречье, так и храмы и ритуалы своих компаньонов в Египте. Отправляясь в дальние плавания, они набирали смешанную команду, включающую переводчиков и проводников; известно, что финикийцы обошли вокруг Африки, выполняя поручение египетского фараона. Когда Ганнон основывал поселения вдоль западного побережья Африки, лоцманами ему служили берберы. Учредив торговые посты и селения в северном и северо-западном приморье Африки, на побережье Испании и на всех крупнейших островах Средиземного моря, финикийцы сами, несомненно, являли собой довольно пеструю этническую картину. Предполагается, что они ведут свое происхождение из Малой Азии как ветвь ханаанеев, что они были светловолосыми и бородатыми, однако точных данных о физическом облике этих мореплавателей у нас нет (Harden, 1962[142]). Древнегреческие историки нарекли их общим именем «финикийцы» за неимением другого, как мы в наше время называем ольмеками неизвестных носителей культуры, появившихся у американского конца Канарского течения в ту самую пору, когда финикийцы вышли к африканским истокам того же течения.

О связи канарских гуанчей с древними афро-азиатскими народами говорит наличие на островах таких специфических культурных черт, как мумификация, трепанация, глиняные фигурки, керамические печати и треногие сосуды. И хотя ни один ученый вроде бы не подвергал сомнению роль этих элементов как доказательства того, что далекие острова в Атлантике восприняли импульсы от некоей доевропейской средиземноморской культуры, можно подумать, что мир кончается на Канарских островах, на Америку смотрят так, будто она находится на другой планете. Между тем все немногочисленные совпадения культур древнего Средиземноморья и Канарских островов налицо у американского конца Канарского течения, причем здесь они составляют лишь малую часть культурных параллелей и сходных черт, перечисленных в главе 3 настоящей книги. И путевое время от Канарских островов до Мексиканского залива измеряется не веками, не десятилетиями, даже не годами, а какими-нибудь неделями для судов, способных дойти до названных островов от материка.

Интересно, что гуанчи, когда их застали европейцы, совсем не умели строить лодок, хотя их предки должны были располагать какими-то плавучими средствами, чтобы добраться до островов. Лес на островах был, это видно по археологическим остаткам широких сосновых досок в гуанчских саркофагах. Напрашивается вывод, что предки гуанчей не знали дощатых судов. Мы уже видели, что в ближайшем на африканском материке берберо-финикийском порту Ликсе пользовались камышовыми судами и, хотя финикийцы прославились своими деревянными кораблями, они знали и камышовую ладью. На единственном известном изображении финикийских судов, найденном к западу от Гибралтара, видим именно камышовые ладьи. Это большой трехгранный финикийский сосуд, поднятый со дна моря у Ла-Калеты, бывшего финикийского порта на атлантическом побережье Испании, где теперь находится Кадисский маяк. На каждой грани рельефом показаны серповидные камышовые суда с загнутыми внутрь носом и кормой и с опоясывающей корпус поперечной вязкой. В Кадисском музее выставлена найденная в том же порту египетская бронзовая статуэтка — свидетельство многосторонней торговли, которую вели мореплаватели, осваивавшие берега Атлантики. Остается только гадать, почему финикийцы изобразили камышовые суда в ту пору, когда уже давно ходили на дощатых кораблях; может быть, они столкнулись с избыточными в Атлантике червями-древоточцами, которые способны потопить деревянное судно, но не страшны камышовой ладье?

В километрах путь от Малой Азии до Канарских островов равен пути от этих островов до Центральной Америки, однако трансатлантический этап неизмеримо проще и проходит быстрее. Чтобы пройти через все Средиземное море и достичь Канарских островов за Гибралтаром, нужно мореходное искусство и маневренное судно. А чтобы покрыть с Канарским течением оставшийся отрезок до Центральной Америки, достаточно любой плавучей опоры. Для тех, кто обсуждает доводы в пользу диффузии и в пользу независимого развития, повторим снова и снова: широкая тропическая полоса воды и воздуха непрерывно движется от Африки на запад к Америке, а затем и дальше, от Америки до Азии. История свидетельствует, что европейские суда с прямыми парусами подчинялись этому властному

круговороту, а в обратную сторону могли пройти только в более высоких широтах.

Изоляционисты вправе утверждать, что история повторяется в близких или тождественных географических условиях. Но ошибается тот, кто забывает при этом опыт испанцев и других европейцев. Часто заявляют: если основатели доколумбовых культур пришли через Атлантику, почему они не основали династии и не построили пирамиды на островах Карибского моря, а продолжали продвигаться до Мексики, даже пересекли Панамский перешеек и положили начало цивилизациям Эквадора и Перу? Но ведь именно так продвигались испанцы, дойдя по Канарскому течению до цепочки островов Карибского моря. Ободренные своим открытием, они продолжили путь, чтобы исследовать лесистое приморье материка; в ближайшие затем десятилетия испанцы, как и основатели здешних древнейших культур, основали свои главные колонии в Мексике и Перу.

За 20–30 лет испанцы прошли Мексику, Центральную Америку, пересекли в широтном направлении Южную Америку, без большого труда одолев просторы, которые тысячелетиями были обителью различных высокоразвитых культур Америки. Дождевые леса, болота, горные гряды — все было так же, как в доевропейские времена; испанцам, как и другим путешественникам, которые наталкивались на непроходимые мангровые заросли к югу от Панамского полуострова, пришлось снова выходить в море, а для этого — строить новые корабли на тихоокеанской стороне. Правда, до 1200 г. до н. э. можно было не опасаться отпора от могучих армий цивилизованных народов, с какими встретились испанцы.

И получается, нет никаких географических причин полагать, что трансатлантические мореплаватели должны были заселить Мексику за много веков до того, как они дошли до Перу. Испанцам не потребовалось столько времени. Писарро проплыл на хрупкой каравелле от Средиземноморья до Панама, пешком пересек перешеек, построил новое судно, затем открыл и покорил Перу. Древние парусные суда, достигавшие Карибского моря, с одинаковой вероятностью могли пристать к берегу севернее или южнее Юкатана. Если высадка произошла не в Мексиканском заливе, а на перешейке, такие опытные освоители новых земель, как финикийцы, должны были действовать так же, как Писарро, — двигаться дальше в поисках более приветливых

краев, чем занятое мангровыми болотами побережье, двигаться до бухт и пляжей Южного Эквадора и открытых речных долин Перу с пригодной для обработки земель.

Будь только география решающим фактором, есть веские причины полагать, что искатели новых земель из афро-азиатского мира скорее всего остановили бы свой выбор на переходной зоне между Южным Эквадором и Северным Перу. Здесь пышный лесной ландшафт с глубокими гаванями постепенно сменяется просторными, засушливыми, но поддающимися орошению речными долинами; благодатное побережье, где встречаются холодное Перуанское течение и теплое течение Эль-Ниньо, омывается струями, которые создают богатейшие в мире районы рыболовного промысла. Огромные кучи раковин свидетельствуют о древности местных поселений и о ведущей роли моря в их хозяйстве. Археология и история показывают, что с древнейших предысторических времен вплоть до исторической поры эта область была видным центром мореплавания. Большие бальсовые плоты с парусной оснасткой, подобной оснастке каравелл, но с рулевым устройством в виде *гуар*, осуществляли торговые связи на юге вдоль открытых инкских берегов на расстояние до 3000 км, а на севере — до Центральной Америки. Это отсюда вышел в Панаму встреченный Писарро бальсовый плот с 30 т груза.

И казалось бы, нет причин особенно удивляться, когда при раскопках, начатых в этих местах эквадорским археологом любителем Эстрадой и его наставниками, Эвансом и Меггерс из Государственного музея США, обнаруженные с помощью углеродного метода археологические находки оказались весьма древнего возраста. Тем не менее их открытия и выводы вызвали в кругах изоляционистов переполох, сравнимый только с тем, который возник, когда было доказано, что плот местного вида способен дойти до Полинезии. Начали рушиться давно устоявшиеся взгляды и догмы. Целое поколение археологов XX в., привыкших к современным видам транспорта, жило в убеждении, что американские аборигены могли ходить пешком или на веслах только в пределах своей племенной обители, а тут современные исследователи обнаружили, что древний человек совершал дальние странствия. Установлено, что ольмеки простерли свою активность от атлантического побережья Мексики до тихоокеанского приморья Гватемалы, основывая разделенные тысячей

километров лесные и горные поселения. И в последнее время даже самые ярые изоляционисты отступают под натиском все новых данных, говорящих о том, что диффузия, а не самостоятельная эволюция лежит в основе почти одновременного возникновения высокоразвитых родственных культур по обе стороны центральноамериканского перешейка. Выразителем нового направления мыслей среди американистов выступил в 1976 г. Кольер: «Культурные достижения в Перу и Мексике — и в других областях Месоамерики — были основаны на диффузии из общего источника, Эквадор... Общепринятый взгляд на историю культуры в Срединной Америке, простирающейся от Мексики до Перу, несомненно, нуждается в решительном пересмотре» (Collier, 1976[74]).

Археологи-первопроходцы Бетти Меггерс и ее супруг Клиффорд Эванс, невзирая на ожесточенные подчас нападки коллег, называющих их гипотезы фантастическими, продолжали отстаивать наиболее логичное по всем признакам объяснение внезапного появления в древности очень совершенных керамических фигурных сосудов в Вальдивии, в лесистом приморье Эквадора. Они полагали, что эта древнейшая известная нам предтеча американской цивилизации родилась не на жарком и влажном тропическом побережье, где ее обнаружили, а прибыла в готовом виде с мореплавателями из-за океана. Подобно Хейне-Гельдерну, Экхольму и другим коллегам которые искали элементы сложной культуры аборигенной Америки за пределами арктических областей Сибири, они обратили свое внимание на цивилизованные народы по ту сторону тихоокеанского полушария, в Южной Японии и в Китае.

Нет никаких оснований отбрасывать и тем более высмеивать такие гипотезы трансокеанского контакта. Бальсовые плоты доходили в последние десятилетия до Австралии как из Эквадора, так и из Перу; на таких же судах можно было из любой области Мексики, Эквадора или Перу дойти до Юго-Восточной Азии. Обратное плавание требовало гораздо более сложного маневра, однако было вполне осуществимо, если мореплаватели следовали маршрутом к северу от Гавайских островов, открытым впоследствии капитанами европейских каравелл с прямыми парусами.

Следом за эквадорской гипотезой в 1975 г. Меггерс высказала в «*American Anthropologist*» предположение о внеамериканском

источнике также и высокоразвитой мексиканской культуры. Большинство авторитетов, указывает она, сходятся в том, что цивилизация родилась в Месоамерике около 1200 г. до н. э. с возникновением ольмекской культуры и что эта культура явно повлияла на сменившие ее месоамериканские. Она приводит слова целого ряда ведущих специалистов по Мексике вроде: «Внезапное появление ольмекской культуры в полном расцвете», «Все основные известные нам стили в искусстве низменной Месоамерики восходят к ольмекскому стилю», «Мир ольмеков и ольмекоидов определил облик Месоамерики и тип цивилизации, отличающий эту область от всех других областей Америки». Меггерс предположила, что около 1200 г. до н. э. в Месоамерику прибыли представители культуры шан, сменившей одну из неолитических культур Китая около 1750 г. до н. э. Приводя в подтверждение этой гипотезы шесть фундаментальных культурных параллелей, она призывает своих коллег отказаться от предвзятости в оценке возможностей древнего мореплавания (Meggers, 1975).

Стремясь опровергнуть эту диффузионистскую гипотезу, Гроув выдвинул контрпредложение. Не отрицая возможности трансокеанских контактов в предысторические времена, он высказал свою точку зрения:

«Лэйтрэп... и я тоже... предположили, что некоторые основы ольмекских верований в своем происхождении могли быть связаны с древними верованиями обитателей южноамериканских тропических лесов, проникших на север до южной Месоамерики... возможность контактов с Южной Америкой представляется гораздо более плодотворной и продуктивной основой для исследования, чем трансокеанские контакты».

Справедливость требует, продолжает Гроув, отметить, что Меггерс — специалист по археологии Эквадора, а не Мексики и ей простительно полагаться на опубликованные данные без учета рукописей, известных только ему самому и другим исследователям, занимавшимся раскопками в Мексике. Материалы, вышедшие в свет до начала 1970-х гг., пишет он, не обязательно отражают новейшие «суждения» об ольмеках. Гроув дивится, как это Меггерс, знаток археологии Эквадора, проходит мимо разительного сходства керамики древнего Эквадора и формативного периода Мексики. «А ведь эти

случаи куда более убедительно говорят в пользу действительной и существенной диффузии» (Grove, 1976[131]).

Неспециалисту позволительно спросить: как глубоко должен специалист зарыться в свою нору, прежде чем он спохватится, что потерял из виду окружающий простор? Как это Гроув, объявляя Меггерс некомпетентной в вопросах его мексиканской норы, позволяет себе заглядывать в эквадорскую нору и говорить ей, что это и есть эволюционный центр, откуда произошла его мексиканская цивилизация? Когда специализация становится настолько узкой, что археолога, работающего в тропиках Эквадора, объявляют некомпетентным в археологии тропиков Мексики, надо думать, что и обратное заключение справедливо. И получается, что специалист не лучшая кандидатура, когда нужно делать широкие обобщения. К сожалению, сейчас слишком мало таких университетов, которые способны готовить специалистов по «горизонтальному» исследованию, другими словами, научных работников, умеющих собирать воедино фрагменты, добытые «вертикальными» исследователями из их глубоких рвов.

Если неопубликованные тексты могут отменить то, что думали и утверждали специалисты по Мексике до начала 1970-х годов (а у нас нет причин отрицать такую возможность), то диффузионисты выиграли важную битву: мореходный центр вокруг Гуаякильского залива в Эквадоре занимает срединное место в распространении американских импульсов. И тем большее значение приобретает убеждение специалистов по археологии Эквадора, что цивилизация развилась не здесь, а принесена откуда-то извне.

Уже цитированный выше выразитель нового направления мыслей, по которому центром диффузии американских аборигенных цивилизаций является Эквадор, Кольер говорит, что к 3000 г. до н. э. в эквадорском приморье и в поречьях прочно обосновались древние земледельцы, плававшие на долбленках и камышовых лодках (Collier, 1976). Он упускает из виду, что здесь же располагался центр плаваний на бальсовых плотках, но главное, о чем, похоже, забывают все: от предполагаемых районов эволюции высокоразвитых американских культур в Вальдивии, Мачалилье и Чорреры до Месоамерики можно добраться только на судах. Даже очень ревностный диффузионист не отыщет пешеходной тропы на север через мангровые заросли или через

самые густые в мире дождевые леса, превращающие 3000-километровое пространство между Эквадором и Мексикой в рай изоляциониста. Другими словами, диффузия из Эквадора в Мексику могла происходить только морским путем — либо по прямой, оставляя справа Панамский залив, либо каботажем, против направленного к югу течения Эль-Ниньо. В любом случае расстояние между культурами, которые теперь, как указывает Кольер, привязывают к общему источнику, составляет приблизительно 3000 км и равно расстоянию от Западной Африки до Южной Америки!

Спокойный ответ Меггерс оппонентам озаглавлен так: «Да — если по суше, нет — если по морю: двойной подход к толкованию культурных параллелей» (Meggers, 1976[215]).

Характерно, что зафиксированный в испанских источниках главный центр американского мореплавания — Эквадор и Северное Перу — ныне стали также считать областью, откуда распространилась древняя культура. Правда, кое-кто полагает, что этот южноамериканский регион был досягаем только для Писарро и его людей, которые знали, как строить каравеллы после перехода через Панамский перешеек. Стоит напомнить: именно в этих водах находился важный мировой центр камышового судостроения, и практические испытания показали, что такие несложные в постройке суда могли одолевать большие расстояния. Одновременно с моими экспериментами на папирусных «Ра I» и «Ра II», проплывшими через Атлантику от Северной Африки до Центральной Америки, минуя Канарские острова, камышовое судно Г. Савоя прошло от Центрального Перу мимо Эквадора до Панамы.

Взгляд современной науки на аборигенную американскую цивилизацию как на связное целое знаменует изрядный переворот в закоснелых представлениях. Коль скоро признано наличие общего ствола, не проще ли искать дальше общие корни, чем доискиваться происхождения отдельных ветвей? Вальдивия, Мочика, Тиуанако, Наска, Чавин, Сан-Агустин, Кокле, ольмекская, тольтекская, микстекская, ацтекская, чибчей, майяская, инкская и многие другие вымершие и исторически известные культуры предстанут тогда нашему взгляду как комплекс сучьев и ветвей одного дерева, а не как разбросанные в американских тропических джунглях грибы.

Археология Нового Света пришла в движение. Застарелые догмы и общепринятые хронологии ставятся под сомнение растущим числом полевых исследователей, которые раскапывают в тропической Америке древние поселения в поисках более предметных свидетельств, нежели догадки, основанные на теоретических школах. Совсем недавно объединенная экспедиция Британского музея и Кембриджского университета заставила по-новому взглянуть на прежние выводы о начале культуры майя и ее древности. Докладывая об уже полученных результатах, Хэммонд пишет, что работы в Белизе «отодвинули начало формативного, или доклассического, периода майя назад на 1500 с лишним лет, приблизительно от 900 г. до н. э. до 2600 г. до н. э.». И это не догадка. Вывод Хэммонда основан на документированных раскопках и совпадающих углеродных датировках из поселений на карибской стороне полуострова Юкатан. Древнейшие даты здесь приходятся на период 2450–2750 гг. до н. э. Так мы одним махом заметно приблизились к 3113 г. до н. э. — точке отсчета майяского календаря. Хэммонд указывает, что раскопки в Белизе еще не привели к истокам; обнаруженный керамический комплекс по росписи и краскам олицетворяет весьма развитую стадию: «Сосуды, несомненно, являются продуктом зрелой, а не зарождающейся технологии. Между тем перед нами древнейшая керамика с майяских низменностей и одна из древнейших во всей Месоамерике. Где развилась эта технология?»

Говоря, что будущие раскопки должны показать, откуда и когда пришли творцы этих сосудов, Хэммонд вместе с тем приводит слова своего коллеги Лэйтрэпа о «явном сходстве» 4500-летней керамики Белиза с 4500-летней керамикой, которую Лэйтрэп недавно раскопал в Реаль-Альто на юге Эквадора (Hammond, 1977[138]). Правда, американская хронология еще не устоялась; возможно, у цивилизаций ольмеков и майя совершенно разные истоки. Если останется незыблемой дата начала ольмекской цивилизации на берегах Мексиканского залива — около 1200 г. до н. э., а истоки майя отодвинутся еще дальше в прошлое и совпадут с началом эквадорской цивилизации, датируемым приблизительно 3000 г. до н. э., получится, что две критические даты в развитии культур Старого Света находят свое отражение и по другую сторону Атлантики.

Новые и новые открытия в археологии Нового Света оцениваются специалистами по той или иной географической области, и хотя они

расходятся в оценках и выводах, однако дружно ищут неопознанные истоки. Тут важно помнить, что «вертикальная» специализация приучает скорее видеть местные вариации и различия соседних культур, чем основные общие черты. Производные варианты и особенности художественного вкуса носят настолько явственный местный отпечаток, что эксперт обычно без труда опознает этнографические или археологические предметы. Требуется совсем иное умение и «горизонтальный» подход, чтобы за внешней оболочкой рассмотреть и выделить основу, которая восходит к некогда общему, но теперь утраченному корню, или скажем так: чтобы находить, собирать и сопоставлять наименьшие общие знаменатели, как это теперь все чаще делают современные американисты. До сих пор им удалось главным образом выделить ряд стержневых представлений, предположительно воспринятых Месоамерикой от пришельцев, чье влияние прямо или косвенно охватило 3000-километровую полосу суши от Мексики до Перу. Существенных совпадений много, и они достаточно сложны: от общественной структуры и архитектурных сооружений до цилиндрических печатей, треногих сосудов, плоских керамических фигурок и специализированных фигурных кувшинов, от обычаев и навыков до основных религиозных представлений. Во всем этом регионе змея, кошка и пернатый змей были символами иерархии, приписывающей себе происхождение от солнца, и хронология вполне совпадает. И если эти специфические черты, объединяющие высокоразвитые американские культуры, не распространялись на культуры древних индейцев остальной доколумбовой Америки, то каждую из них мы видим у афро-азиатских цивилизаций, чьи ответвления доходили до Канарских островов. В самом деле, все выявленные до сих пор общие мексиканско-перуанские элементы входят также в перечень трансатлантических параллелей, приведенный в конце главы 3. В ряде случаев специфические параллели ограничиваются какой-то одной из областей американских культур и конкретным регионом Средиземноморья то ли потому, что они были утрачены в соседних областях, то ли потому, что не получили широкого распространения.

Особенно большая доля совпадений с цивилизациями Нового Света приходится на континенте Старого Света на бывшую область обитания хеттов в Малой Азии, где группируется ряд весьма

специфических параллелей. В их числе важная хеттская стела с рельефным изображением бородатого культурного героя, замахнувшегося рукой, чтобы убедить поднимающуюся перед ним на кончике хвоста чудовищную рогатую змею. Точно такой мотив видим на стеле, оставленной древнейшими ольмеками в Ла-Венте на берегу Мексиканского залива. Не менее важны совпадения в мотивах и технике изготовления крайне специфических фигурных сосудов той же области; в каменных статуях с глазами, инкрустированными раковинами и обсидианом; в огромных курганах из сырцового кирпича; в символическом изображении солнечного иерарха с перьевым венцом на голове, посаженной на туловище, соединяющей черты птицы и змеи (пернатый змей); наконец, что особенно примечательно, в своеобразном начертании иероглифов, высеченных рельефом на хеттской стеле. Совершенно отличные от шумерской клинописи, египетских идеограмм и финикийских букв, они более всего похожи на непрочтенные письмена ольмекских, микстекских и других древнемексиканских стел. Полагают, что при всем внешнем различии названных афро-азиатских письменностей в основе их лежат родственные идеи; тем интереснее, что между ними нет такого сходства в форме, стиле, исполнении и применении, какое видим между хеттскими и древнейшими мексиканскими иероглифами. Интересно, что у хеттов, само существование которых до недавних пор не было известно археологам, были большие деревянные и камышовые корабли, о чем свидетельствует их изобразительное искусство. Более того, очаг хеттских параллелей с Месоамерикой — цветущие некогда равнины вокруг Халеба в Сирии, где с древнейших доисторических времен проходили караванные пути, — был в то же время географическим мостом и кратчайшим путем, соединявшим плодородные долины Двуречья и берега Средиземного моря. Всего лишь 300 км отделяют здесь Евфрат от Средиземного моря. Эта область всегда была очагом торговли и диффузии между встречающимися тут тремя частями Старого Света. Курсировавшие впоследствии вдоль здешних берегов финикийцы осуществляли наземные торговые связи с Египтом и Двуречьем через бывшие хеттские владения; здесь же прошли иудеи на пути из Ура в Ханаан. Богата специфическими и подчас уникальными параллелями с месоамериканскими культурами также и цепочка средиземноморских островов от Кипра, Крита и Мальты до

финикийской колонии на Ивисе. В Новом Свете очагами, где группируются параллели, представляются леса районов Веракрус и Табаско на берегах Мексиканского залива, а также упомянутая выше переходная зона от тропических лесов к пустынному приморью в Эквадоре и Северном Перу.

В более широком смысле общие для доевропейских цивилизаций афро-азиатского стыка и названных островов характерные элементы являются также общими и не менее характерными для ограниченного региона Америки, простирающегося от Мексики до Перу. Другими словами, основной комплекс элементов, характеризующий конкретную афро-азиатскую область и служащий веским свидетельством фундаментального единства культур этой области, повторяется лишь в одной, не менее четко обозначенной географической области на Американском материке, отделенной или, вернее, связанной с первой водами Канарского течения.

Только будущие раскопки смогут убедительно показать, где проросли семена единой месоамериканской культуры — в Эквадоре, или на берегах Мексиканского залива, или в обоих местах. Поскольку майя выбрали 3113 г. до н. э. точкой отсчета своего календаря, возможно, верны новые предположения археологов, что древнейший росток месоамериканской культуры родился в Эквадоре около 3000 г. до н. э. За те тысячелетия, о которых идет речь, Канарское течение и сопутствующие ему пассаты ни разу не прекращали своего движения, и возможно, что не одна группа переселенцев воздействовала на жизнь исконных жителей Америки. Сами майя, как об этом сказано в главе 4, связывали свое происхождение с двумя волнами иммигрантов. Большим пришествием во главе с их первым легендарным цивилизатором — Ицамной и последующим Малым пришествием во главе со знаменитым солнечным иерархом Кукульканом (он же Пернатый Змей).

Если бальсовые леса эквадорского приморья играли видную роль в месоамериканской культурной диффузии, становится понятнее, почему эти берега занимали столь важное место в преданиях и верованиях дороживших своей историей горных инков. Сразу после прибытия Писарро сюда, на северную окраину инкской империи, сменявшие друг друга гонцы понесли из порта Тумбес в андскую цитадель инков весть, от которой могущественная империя покорила без боя: белые

бородатые люди, некогда принесшие цивилизацию в эту страну, теперь возвратились в Перу. Жители обширных областей Перу и нынешней Боливии твердо верили, что белые бородатые мужи из Тиауанако, чья кровь текла в жилах правящего Инки, ушли из эквадорского порта Манта в Тихий океан во главе со своим солнечным иерархом Кон-Тики-Виракочей. Позднее, всего за три поколения до прибытия Писарро, инкский военачальник Тупак отплыл на запад из того же района, потому что в то самое время, когда он пришел туда со своим войском, возвратившиеся на парусных плотях купцы поведали ему про обитаемые острова в океане.

Плавание легендарного цивилизатора инков Кон-Тики-Виракочи, известного в Тиауанако под именем Тики, или Тикки, а также протоисторического Инки Тупака, известного в Перу также под именем Тупы, оставили след и в других местах: оба этих персонажа занимают видное место в преданиях полинезийцев. Тики, он же Тиси и Ти'и, — общеполинезийский герой и бог, широко известный на востоке Тихоокеанской области. На ближайших к Эквадору Маркизских островах в Тики видели полубога, который привел на эти острова первопоселенцев; в других местах о его мифическом родиче Маури-Тики-Тики рассказывали, что он выловил из океана острова в тщетной попытке вытащить их на берег в Хило, расположенном на мифической родине островитян. Заметим, что Ило — инкское название одной из лучших аборигенных гаваней на Тихоокеанском побережье ниже озера Титикака и Тиауанако (Fornander, 1878[114]).

Тупа в отличие от Тики фигурирует лишь как ведущий персонаж мангаревского предания; на Мангареве его помнили как могущественного короля, посетившего остров с целым флотом парусных плотов, которые шли с востока. Он рассказал мангаревцам о своем великом королевстве на востоке, куда и возвратился после визита. Тики обосновался в Полинезии, но Тупа уплыл обратно — это в точности совпадает с инкскими преданиями.

Данные для плавания к островам, расположенным в двух месяцах хода на запад на плотях от Ики и Арики в Южном Перу, были также сообщены конкистадорам; вместе с общеперуанскими преданиями о плаваниях Тики и Тупака они подстегнули европейцев продолжать исследования в западном направлении. Сообщения инков произвели на современников Писарро, наблюдавших мореходные качества местных

плотов и высокие морские навыки жителей приморья, такое сильное впечатление, что они, вооружившись полученными данными, вышли в Тихий океан, чтобы отыскать указанные острова. Так состоялось открытие европейцами Меланезии и Полинезии. Утвердившись на западном побережье Америки, европейцы тотчас вышли в океан на каравеллах с прямыми парусами и постепенно открыли все острова тихоокеанского полушария, которые три столетия были недоступными для других европейцев, обосновавшихся в азиатском приморье, и оставались такими же недоступными еще 200 лет, пока новые парусники не пришли на смену средневековым судам с прямым парусным вооружением. Уже в историческую эпоху человек на протяжении 500 лет мог попасть из Азии в Океанию только круглым путем, идя сначала на север, потом на восток с западными ветрами между Гавайскими и Алеутскими островами и направляясь затем со стороны Америки к Полинезии и прочим островам. Те же транстихоокеанские круговороты определяли движение копий доисторических плотов и джонок, испытанных в наше время. Наиболее совершенные суда приморья Южной Америки и Юго-Восточной Азии в доевропейские времена могли проникнуть в сердце Тихого океана только теми путями, какие затем были освоены испанцами.

Когда европейцы совершили кругосветные плавания, они убедились, что расстояние до Азии в 5 раз превосходит цифру, вычисленную Колумбом, который учел только ширину Атлантики (зато учел предельно точно); одновременно выяснилось, что древнегреческие астрономы поразительно верно определили окружность земного шара, исходя из проведенных в Египте наблюдений. И куда бы ни приходили европейцы, оказывалось, что всюду — на Канарских островах, на островах Карибского моря, в Америке, на каждом пригодном для обитания острове Тихого океана — их опередили другие. Нигде в незнакомых прежде областях они не видели дощатых судов, тем не менее повсеместно оказывались люди, встречавшие новых гостей, которые захватывали и грабили их и которых приветствовали в Европе как подлинных открывателей.

Новые заморские источники богатства возымели такое действие на историю земного шара и произвели столь сильное впечатление на тогдашние и последующие поколения европейцев, что мы так и не выбрали время, чтобы спокойно поразмыслить и взглянуть на

покоренные нами народы как на равных себе; в нашем представлении эти люди и их имущество, от памятников до золотых сокровищ, оставались нашим достоянием, и о каких-либо соперниках не могло даже быть речи. Вплоть до последнего времени мы смотрели на Новый Свет как собственники, находясь во власти чуть ли не религиозной догмы, по которой до Колумба никто не имел прав на эти земли, и не допускали мысли о том, что кто-то раньше него доходил до Америки, разве что норманны, так ведь и они тоже европейцы! И никто не мог отплыть от западных берегов Америки, пока мы не пришли и не указали путь в Тихий океан.

Большинство ученых и поныне находится во власти этого подхода. Изоляционисты готовы признать крайний диффузионизм, покуда это не касается Америки. Те самые исследователи, которые отказываются верить, что американские аборигены могли пройти по ветру 600 миль от Эквадора до Галапагосских островов, допускают 8000-мильное плавание малайских аборигенов против течений и ветров до крохотного острова Пасхи, только бы они остановились тут и не дошли до Америки. Стремление изолировать Америку зашло настолько далеко, что Полинезию относят к Старому Свету, хотя европейцы открыли ее после Америки и все этнологи считают ее последней обширной областью земного шара, заселенной человеком. Если исходить из категорий Нового Света, Полинезию следовало бы называть Новейшим Светом.

Люди, почитающие Галапагосы недоступными для американских плотов, а остров Пасхи достигаемым для азиатских каноэ, пренебрегают уроками истории. Через каких-нибудь два года после завоевания испанцами Перу епископ Берланга, прибыв из Европы, натолкнулся на острова Галапагос, потому что незримые течения подхватили его и увлекли в океан, когда он шел каботажем вдоль эквадорского побережья. На таком же удалении от Азиатского материка, Японии и Малайского архипелага лежат Марианские острова с островом Гуам. Однако эта группа оставалась неизвестной как ближайшим восточным цивилизациям, так и европейским колониям на Филиппинах, покуда Магеллан, идя со стороны Южной Америки, не привел к Гуаму свои три корабля еще до того, как Писарро дошел до Перу. Перед тем Магеллан сам провел пять лет на Малайском архипелаге, но ему пришлось отправиться в Южную Америку, чтобы открыть Гуам.

Кто не смотрел самолично на тихоокеанское полушарие с борта малого судна, не испытал на себе, как весь мир сводится к нескончаемым горизонтам океана без троп и дорожек, где острова с атоллами вроде бы и вовсе не существуют, покуда случай не подставит какой-нибудь из них прямо по курсу, тому ничего не стоит впасть в заблуждение, шутя перескакивая с острова на остров по цепочке названий, которые жмутся друг к другу на маленькой безжизненной карте, такой далекой от действительного, огромного, вращающегося тихоокеанского полушария, равного всем остальным океанам и материкам, вместе взятым. На бумажном океане большинство тихоокеанских островов группируются возле Азии, тогда как на американской стороне, когда скачки с острова на остров поневоле прекращаются при достижении острова Пасхи, — пустота. На самом же деле живой океан пересечен широким морским «конвейером», который охватывает все эти острова, как бы отодвигая их от Азии и — о чем отчетливо свидетельствует история — приближая чуть ли не вплотную к Мексике и Южной Америке.

На карте от Эквадора до Галапагосов куда как далеко, в действительности же так близко, что на них тотчас наталкивались каравеллы, отнюдь не занятые поисками новых земель, а намеревающиеся идти вдоль эквадорского побережья. Бесплодные, безводные Галапагосы не были заселены испанцами, которые, подобно аборигенам южноамериканского приморья, предпочитали более плодородные прибрежные и внутренние области Эквадора и Перу. Однако первая же археологическая разведка поросших кактусами островов показала, что они отнюдь не оставались без применения в доиспанские времена. Судя по всему, моряки из Эквадора и Перу приходили сюда ловить рыбу, охотиться на черепах и игуан, возможно, и выращивать хлопчатник. О достаточно частых независимых визитах можно судить по многочисленным черепкам поддающейся определению керамики, происходящей из обширной области, которая простирается по меньшей мере от района Гуаякиля в Эквадоре до Касмы в перуанском приморье, расположенной в 800 км южнее. О хронологии визитов говорит тот факт, что разные типы керамики привязываются к разным периодам на континенте; наиболее древние — к культуре приморская Тиауанако. Найденное при раскопках меловое пряслице может служить ответом на вопрос, почему обнаруженный

ботаниками на Галапагосах хлопчатник принадлежал к 26-хромосомной разновидности, искусственно выведенной представителями древних американских цивилизаций.

Остров Кокос представляется не менее доступным и удобным для древних мореплавателей, ходивших между Эквадором и Месоамерикой до появления Писарро. При этом мы, европейцы, были настолько уверены, что нас никто не мог тут опередить, что этнологи и ботаники дружно предположили, будто кокосовый орех на остров принесло волнами либо из тропической зоны Америки, либо из Полинезии, смотря по тому, какую из этих областей они признавали исконной родиной полезной пальмы, неизвестной в диком виде. Вплоть до нашего визита в 1956 г. никому не приходило в голову самим удостовериться, как обстоит дело теперь; между тем в наши дни на острове почти не осталось кокосовых пальм. Тропический лес вновь занял всю площадь, и немногие пальмы, уцелевшие на внутреннем плато, могли быть посажены только человеком, который поднялся по крутым скалам и расчистил в дебрях участки для возделывания. Огромный труд по превращению гористого, покрытого влажными лесами острова в кокосовую плантацию явно превосходил собственные потребности тех, кто этим занимался; несомненно, орехи предназначались для снабжения свежим питьем и провиантом аборигенных судов, ходивших в Панаму.

Второй по близости к Южной Америке океанический остров — Пасха, знаменитый со времен его открытия своими исполинскими антропоморфными изваяниями. Когда сюда впервые пришли европейцы, изваяния стояли на постаментах из больших тесаных блоков, обработанных и пригнанных с поразительным совершенством, подобное которому видим только в доинкской Южной Америке в связи с такими же огромными каменными статуями. До прибытия нашей экспедиции в 1955 г. никто не проводил на Пасхе стратиграфических раскопок. Хотя наземные памятники Пасхи не имеют параллелей нигде в Тихом океане, полагали, что этот ближайший к Перу остров был последним освоен выходцами из Азии, а потому его почва не может хранить каких-либо древних изделий человеческих рук. На самом же деле раскопки отодвинули дату древнейшего известного заселения на тысячу лет назад от предполагавшейся до тех пор. Вместе с полученными позднее другими исследователями датировками для

Маркизских островов данные о заселении этих двух ближайших к Южной Америке полинезийских районов намного превосходят древностью все, что найдено пока на островах Общества и в других прилегающих областях Центральной Полинезии.

Если остров Пасхи географически расположен ближе к Южной Америке, это еще не значит, что он непременно был первым тихоокеанским островом, на который вышли мореплаватели из Нового Света. Испанцы, выходя на поиски островов из Перу, открыли в 1568 г. Меланезию, затем Маркизы в 1595 г., и только в 1722 г. голландская экспедиция, также идя со стороны Южной Америки, натолкнулась на Пасху. Европейские открыватели плавали на одном, двух, трех кораблях, тогда как перуанцы шли на множестве плотов веерным строем, так что у них было больше шансов заметить малые острова. Тем не менее аборигенные мореплаватели из Перу, подобно европейцам после них и некоторым испытателям бальсовых плотов в XX в., скорее всего миновали крохотные, разбросанные далеко друг от друга острова Полинезии и сначала вышли на большие полуконтинентальные архипелаги Меланезии, уже освоенные негроидными племенами из Азии. И все же выбор маленького, ничем не примечательного острова Пасхи на роль культурного очага былой цивилизации, о чем свидетельствует наличие здесь письменности, мог быть продиктован географическими соображениями. От сотен более крупных и плодородных островов его отличала наибольшая близость к Перу, и уже это предопределило выбор, если вообще верно искать в Перу корни древнейшего населения и культуры Пасхи. Так что вполне логично было назвать географическое звено, соединяющее с мириадами островов, полинезийским именем Те-Пито-о-те-Хенуа — Пуп Вселенной.

По всей Полинезии наблюдается сложный этнический состав населения и смесь аборигенных культур. Физический облик и характер культуры исторически известных обитателей островов на востоке Тихого океана сближают их с аборигенной Америкой, язык — с Малайским архипелагом. Признавая, что в основе этнического состава полинезийцев лежит некий протоиндонезийский или древнеазиатский (из Юго-Восточной Азии) элемент, мы все же не вправе, пренебрегая всеми другими фактами и преградами, проводить их по бумажному океану на восток протянувшимся на много тысяч километров якобы

кратчайшим путем. Как показывают история и недавние эксперименты с джонками, предысторические мореплаватели из Юго-Восточной Азии должны были идти на север и через океан до Северо-Западной Америки, а уже оттуда дрейфовать или плыть под парусом в сторону Гавайских островов и остальной Полинезии вплоть до Новой Зеландии. По всей Полинезии, кроме Гавайских островов, исторические предания недвусмысленно указывают, что центром распространения, откуда предки разошлись по многочисленным разбросанным островам, был архипелаг, называемый Гавай'и или Гавайки. Новозеландские маори перечисляли ряд легендарных королей и их жен, которые, по преданию, правили в Гавайки, прежде чем состоялось переселение на Новую Зеландию. Имена в этом перечне совпадают с именами местных королей и королев в гавайских генеалогиях.

За исключением корневого родства, составляющего примерно один процент всего словарного состава, не найдено следов связи полинезийцев с какой-либо областью на западе Тихого океана [15].

Контраст физического типа полинезийцев и индонезийцев стал еще более очевиден с развитием кровногенетического сравнительного метода, *который ставит полинезийцев в один ряд с аборигенными народами Америки. За 100 с лишним лет усиленных поисков на западе Тихого океана не удалось найти ни одного очага, где могла бы концентрироваться полинезийская культура до ее распространения на соседствующую с Америкой обширную островную область. Давно высказано предположение, что в Полинезию приходила не одна волна иммигрантов, — и не только потому, что об этом говорится в преданиях всех здешних племен, но и потому, что в разных концах Полинезии в разной степени наблюдается смешение физических и культурных компонентов.

Разобраться в многообразных и вместе с тем явно родственных культурах Полинезийского треугольника было бы вовсе невозможно, если бы не тот факт, что во всей этой области исповедующие культ предков и дорожащие своей историей люди не держались с религиозным фанатизмом за старые культурные традиции, не особенно стремясь менять унаследованные обычаи и навыки. Всего сложнее выглядит смешение культур на западе и в центре Полинезии, где острова группируются особенно плотно и где межостровная торговля и контакт с сопредельной Меланезией продолжались до исторической

поры. Остров Пасхи и Новая Зеландия вместе с островами Чатем не участвовали в этих постоянных связях, поскольку контакт с остальной Полинезией прервался вскоре после того, как переселенцы в начале нашего тысячелетия прибыли на названные острова. По этой причине на Пасхе, в Новой Зеландии и на островах Чатем относительно легче разобраться в расовом и культурном комплексе.

Согласно преданиям и генеалогиям острова Пасхи, предки преобладающего ныне этнического компонента пришли с запада во времена Туу-ко-ихо. Получается, что они вышли откуда-то из Полинезии примерно 22 поколения назад, то есть в самый разгар общеполинезийских миграций. Те же предания подчеркивают, что на острове тогда жил уже другой народ — люди, которые растягивали себе мочки ушей и воздвигали каменные изваяния. Эти первопоселенцы пришли с востока во главе с королем Хоту Матуа. Очевидно, первая волна явилась со стороны Южной Америки. Современный анализ пасхальской культуры показывает, что в ней нет ни одного типично полинезийского элемента, исключая орудия для обработки дерева. Все прочие черты материальной культуры, верований и обычаев, чуждые в основном остальной Океании, прослеживаются в Южной Америке доинкского периода.

Обращаясь к Новой Зеландии, видим, что, по преданиям, и здесь предки маори, приплыв из Гавайки, застали другой, чужой народ. Часть этих людей бежали на острова Чатем, видимо, на бунтовых лодках типа *мокихи*, которые прежде использовались в Новой Зеландии и были единственным видом судов у племени мориори, когда острова Чатем были открыты европейцами. Внешний облик мориори особенно удивил европейцев: орлиными носами и рыжеватыми волосами островитяне напоминали средиземноморский тип.

Маори тоже отличались от полинезийской нормы. Они не знали аутриггера, у них не было кур и свиней, хотя все это уже присутствовало в культуре большинства других островов благодаря контактам с Фиджи. Среди полинезийских племен по физическому типу и культурным характеристикам маори были ближе всех к островным племенам Северо-Западной Америки. Со времен первых европейских мореплавателей до новейших исследований новозеландской культуры весь комплекс подчас весьма специфических маорийских элементов обнаружен также на островах американского

приморья за Гавайским архипелагом. О самих гавайцах известно, что свои большие каноэ они строили из сосновых бревен, приносимых течением от побережья Северо-Западной Америки.

С учетом всех известных фактов и доступных ныне свидетельств наиболее логичным выглядит такое решение полинезийской проблемы: корни исторически известного населения Полинезии находятся где-то в Юго-Восточной Азии, однако эти люди прибыли по морю не прямым путем. Они не проходили через чужую 6500-километровую микронезийско-меланезийскую буферную область, отделяющую юго-восток Азии от восточной части Тихого океана, а следовали естественным северным путем и достигли Полинезии, как часть выходцев из Восточной Азии, которые со времен неолита населяют островной район у побережья Северо-Западной Америки. Когда маори-полинезийские предки, выйдя из Азии более двух тысяч лет назад, в начале нашего тысячелетия прибыли на острова восточной части Тихого океана, все еще оставаясь неолитическим народом, не знакомым ни с ткацким станком, ни с керамикой, они застали здесь опередивших их первопоселенцев. Все доступные нам данные говорят о том, что первооткрыватели Полинезии и прилегающей к ней части Меланезии представляли собой выходцев из Южной Америки доинкского периода. В ходе интенсивного межостровного общения в первых веках нынешнего тысячелетия новоприбывшие частично изгнали, частично ассимилировали первопоселенцев. О передовом по культуре субстрате мы узнаем не только из устных преданий нынешнего населения, но и по материальным памятникам: развалинам неполинезийских каменных домов и башен *туна*; остаткам мегалитической кладки перуанского типа и заброшенным каменным статуям на ближайших к Южной Америке островах; наличию на удаленных друг от друга полинезийских островах искусственно выведенного американскими аборигенами хлопчатника; по изредка находимым черепкам неполинезийской керамики; по присутствию собаки, представляющей породу, которой не было на островах западной части Тихого океана, но которая известна в аборигенной Америке; по сохранившемуся до прибытия европейцев обычаю возделывать батат (он же *кумара*), а также по другим полезным растениям американского происхождения (бутылочная тыква, ананас, перувианская вишня, кокосовая пальма, *Argemone*, *Polygonum*, *Persicum*, *тотора*, папайя и др.), которые могли попасть в Полинезию

только с помощью человека. Унаследованные от этого культурного субстрата черты в разной степени представлены по всему Полинезийскому треугольнику и обнаруживаются не только археологами и ботаниками. На большинстве островов Полинезии было заведено готовить ритуальный напиток *каваи* из разжеванных корней на южноамериканский лад. Во всех углах треугольника делали или помнили камышовые лодки. Почти на всех островах королевские генеалогии восходили к легендарным культурным героям или божествам, почитались династии полубогов. Кое-где в Полинезии у правящих родов были приняты браки братьев и сестер, правители носили плащи и головные уборы из перьев, практиковались мумификация, обрезание, трепанация черепа, существовал развитый календарь, по которому новый год начинался с первого появления Плеяд, наблюдались такие специфические черты, как вырезывание бустрофедоном идеограмм на дощечках для ритуальной декламации или сложное мнемоническое узелковое письмо. Из других элементов назовем ручные рубила для каменотесных работ, некоторые из богатого набора полинезийских тесел и рыболовных крючков, обложенную каменными плитами многоугольную пасхальскую печь, шлифованные каменные чаши и швейные иглы с ушком, пончо островов Общества, гавайские плетеные облачения для мумий и каменные зеркала, маркизские ходули и головные уборы *навахина*, питкэрнские копейные наконечники. Все это лишь некоторые, наиболее очевидные примеры, указывающие на древнее Перу.

Великие панперуанские цивилизации Южной Америки развивались в безлесном мире камня и песка, примыкающем к открытому прямому побережью, которое располагало к мореплаванию на пропускающих воду насквозь прочных плотях с малой осадкой. В отличие от них рыболовецкие культуры изобилующего заливами и островами приморья Северо-Западной Америки сложились в самой богатой лесами области тихоокеанского региона, причем огромные бревна легко раскалывались на доски.

Вот почему только естественно, что изучающие полинезийские суда всюду находили следы употребления плотов и заключили, что во всяком случае часть древних миграций в Тихом океане осуществлялась на судах этого типа. Однако поздняя волна, прибывшая на Гавайские острова из лесных областей на северо-востоке Тихого океана, пришла

не на плотках, а на связанных по два для большей прочности вместительных долбленых каноэ, украшенных резьбой и инкрустацией из раковин «морского ушка». Эти люди не владели каменотесным искусством, зато были превосходными резчиками по дереву, строили (где была такая необходимость) из досок дома с остроконечной крышей, устанавливали тотемные столбы, вырезали деревянные чаши и изображения, керамикой не пользовались, а пекли свою пищу в круглых земляных печах, одежду делали не из волокна хлопчатника, а из луба, отбиваемого рифлеными колотушками. Традиционным оружием этих людей были не типичные для Перу праща и длинные деревянные дубинки, доставленные на острова их предшественниками, а характерные для северо-запада Америки стилизованные одноручные палицы *патуи мерей* из китовой кости и камня. Они привезли с собой также столь важные в домашнем хозяйстве племен американского Северо-Запада, изумительно вытесанные и отшлифованные, колоколовидные и Т-образные каменные песты, которые, как показывают раскопки на Гавайских островах, в слегка измененном виде разошлись почти по всем островам Полинезии, заняв и здесь ведущее место в кухонной утвари.

Комплекс полинезийских изделий, если исключить недолговечные материалы, весьма скуден; кроме некоторых видов тесел с наточенным краем, палиц и пестов, пришельцы из северо-западного приморья Америки мало чем могли пополнить набор долговечных орудий и принадлежностей, уже применявшихся первопоселенцами из Южной Америки. Некоторые виды рыболовных крючков, основные типы тесел, скребки, напильники, каменные пилы, песты и другие долговечные изделия новоприбывших наслоились или смешались с такими же изделиями предшественников из южных регионов того же континента, так что сверх названного выше археологу трудно проследить какой-либо резкий переход. Скажем, если рыболовные крючки вообще не были известны в Малайском архипелаге и Юго-Восточной Азии, то находимые при раскопках чрезвычайно специализированные типы костяного крючка на каменном черенке американского Северо-Запада почти тождественны крючкам Чили и Южного Перу.

Смешение наслоившихся культур в Полинезии зашло так далеко, что общеполинезийские верховные боги-герои Тики и Кане на разных островах оспаривают друг у друга первенство в генеалогиях. Скажем,

для гавайцев солнечное божество и верховный полубог Кане то же, что для маркизцев Тики. Чтобы провести между ними четкую линию раздела, надо возвратиться в континентальные области Нового Света. В Южной Америке поклонялись Тики как общеперуанскому богу-герою и просветителю, который называл себя потомком Солнца, воздвигал огромные статуи в Тиауанако и научил инков растягивать мочки ушей, прежде чем спустился в Манту, на побережье Эквадора, и отплыл в Тихий океан вместе со своими белыми боролатыми сподвижниками. Предания Северо-Западной Америки говорят о Кан-э как о солнечном боге-герое, который пришел по суше к местным жителям, творил разные чудеса и прожил некоторое время в этой области, пока не женился на женщине с моря и не отплыл в Тихий океан, оставив на континенте своего брата.

Эти два бога-героя были для всех полинезийцев такими же реальными персонажами, как и для народов инкской империи и для племен острова Ванкувер у северо-западного побережья. Если их имена, качества и маршруты отнести к разряду мифов, сочиненных на Американском материке, все же кто-то принес эти мифы на разбросанные острова восточной части Тихого океана, происходил какой-то перенос. Но в таком случае стоит ли пренебрегать сутью преданий, утверждающих, что два знаменитых американских иерарха лично отправились в Тихий океан! Во всей Америке только у исповедовавших культ предков жителей Перу и у квакиютлей, концентрирующихся вокруг острова Ванкувер на северо-западе Америки, известны предания об отбытии в Тихий океан, и как раз эти две области мы с полным основанием можем с географической, физико-антропологической и культурной точек зрения считать источниками смешанного населения восточной части Тихого океана.

Мы осуждаем священников, которые сжигали ацтекские рукописи, потому что тогдашняя Европа смотрела свысока на американских нехристей и жаждала искоренить их языческие верования. Однако сами мы так низко ценим эти верования, даже самые важные, записанные испанскими пришельцами, что отмахиваемся от них как от вымысла примитивных народов. Отказываем им в какой-либо исторической достоверности лишь потому, что не можем поверить, как это некие иерархи могли прибыть в определенные точки Нового Света или

покинуть их до того, как явились европейцы и пустили в ход машину по ту сторону Атлантики.

Океаны по обе стороны Америки кишели плотами, каноэ и большими камышовыми ладьями задолго до того, как европейцы были цивилизованы пришельцами с Ближнего Востока, которые научили европейцев, как писать, кому молиться, и внедрились многочисленные достижения цивилизации на суше и на море. В эпоху открытий европейцы привезли в Америку только то, что они сами восприняли путем диффузии от Ближнего Востока во времена, когда величайшие афро-азиатские цивилизации давным-давно отцвели, пришли в упадок и исчезли. Если считать путевое время, Северная Европа находилась дальше от творцов афроазиатской цивилизации, чем народы на финише Канарского течения. Ольмеки знали письменность до того, как письмо из Малой Азии дошло до Испании, однако же испанцы с презрением предавали огню мексиканские иероглифы, чтобы внедрить семитские священные книги, написанные финикийскими буквами.

Возможно, культура эквадорского приморья старше культуры побережий Мексиканского залива. Возможно, одна из них стимулировала другую; возможно, у них разное происхождение. Может быть, флот будущих поселенцев пришел в Месоамерику по Канарскому течению. Может быть, они даже совершили более длинное плавание, выйдя из Азии и обогнув Африку, подгоняемые сперва зимним муссоном, затем юго-восточным пассатом Южной Атлантики. Возможно, древние мореплаватели проделали оба атлантических маршрута до тропической зоны Америки. В любом случае требовались не столетия, а всего лишь месяцы, чтобы целые семьи на пропускающих воду насквозь камышовых судах дошли со своими рыболовными снастями из родных краев до тропических областей Нового Света. Если они и впрямь совершили такое плавание, то застали здесь лесные племена, потомков тех, кто за тысячи лет до того проделали долгий путь в арктических областях от Сибири до Аляски. Только будущие раскопки могут дать полный ответ на остающиеся нерешенными важные вопросы относительно сложного и несомненно множественного происхождения аборигенных племен и культур в мире, открытом для нас Колумбом.

До тех пор самый верный способ ошибиться в наших догадках — игнорировать морской круговорот, превосходящий надежностью

механизма любые реки на суше. Уж как далек от осторожности крайний диффузионист, предполагающий движение против океанского круговорота, но еще дальше тот, кто догматически утверждает, что человек отправился в путь лишь после того, как мы из Европы выступили в роли лидера.

Комментарии

- Болотные арабы — территориально обособленная этнографическая группа арабов Ирака. Болотные арабы, или «мааданы», обитают в поселениях, раскинувшихся к югу от Амары в камышовых плавнях на пространстве более чем 15 тысяч кв. км среди болот, лагун и озер в нижнем течении Тигра и Евфрата. Земледельцы, животноводы, рыболовы, искусные плетельщики изделий из камыша.

- Следует иметь в виду, что Тур Хейердал понимает под антропологическими науками, как это и принято на Западе, обширный комплекс наук, куда входят: культурная, или социальная, антропология (по своему предмету лишь отчасти совпадающая с нашей этнографией), археология, лингвистика и так называемая физическая антропология, тогда как в Советском Союзе к числу антропологических наук относят только научные дисциплины, изучающие «вариации физического типа человека во времени и пространстве» (Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин. Основы антропологии. М., 1955, с. 6). Подробнее о соотношении содержания культурной и социальной антропологии, с одной стороны, и этнографии — с другой, в трактовке англо-американских и советских ученых см.: Ю. В. Бромлей. О предмете культурно-социальной антропологии и этнографии в трактовке англо-американских и советских ученых (опыт сравнительного анализа). — Сб. «Этнография за рубежом». М., 1979, с. 7–22.

- *Здесь и далее.* В советской научной литературе под диффузионизмом обычно понимают научное направление, сторонники которого — диффуционисты — признают диффузию, т. е. пространственное перемещение культурных явлений через контакты между народами (торговлю, завоевания, миграции и пр.), главным содержанием культурно-исторического процесса. Диффуционисты считают, что каждое явление культуры, будь то топор определенной формы или миф о сотворении луны и звезд, возникает только однажды у какого-нибудь одного народа и отсюда распространяется по всему миру. В культуре каждого народа диффуционисты видят сложное сочетание самых разнородных элементов и прежде всего стремятся выяснить место происхождения («исхода») каждого элемента и время его внедрения в изучаемую культуру. Приверженцы диффузионизма —

и в этом их, пожалуй, главная заслуга перед мировой наукой — сумели на тысячах примеров показать, как велика роль заимствований народами друг у друга всевозможных культурных достижений и что нет ни одной культуры, абсолютно изолированной от всех других. Беда диффузионистов в другом — в том, что они рассматривали и рассматривают культуры как некие независимые от их творцов и носителей имманентные образования. В трудах диффузионистов элементы культуры как бы сами порой «бродят по свету», перемещаясь от одной культуры к другой и сочетаясь друг с другом в самых различных комбинациях, будто в калейдоскопе. Не надо забывать и того, что диффузионизм возник как реакция на эволюционную теорию в этнографии в конце XIX в., как несостоятельная попытка заменить понятия эволюции культуры, культурно-исторического прогресса понятием культурной диффузии.

Тур Хейердал употребляет понятие «диффузионисты» в несколько ином смысле, понимая под таковыми всех исследователей, которые придают первостепенное, нередко, с его точки зрения, неоправданно преувеличенное значение диффузии культурных явлений при объяснении особенностей культурной истории коренных народов Нового Света, а также и Океании. В соответствии с этим Хейердал относит к числу «изоляционистов» тех ученых, которые в противоположность диффузионистам склонны преуменьшать или даже вообще отрицать роль контактов и заимствований в процессе формирования и развития древнеамериканских культур и культур Океании, объясняя совпадения и параллели в культурах народов Старого и Нового Света их независимым каждый раз возникновением. Иначе говоря, изоляционизм — это такая система представлений, согласно которой каждый народ самостоятельно создаст уникальную и неповторимую культуру, являющую собой замкнутый и недоступный для других мир. Всякое указание на возможное заимствование одним народом у другого рассматривается изоляционистами как посягательство на национальное (или даже расовое) достоинство первого. Среди американских историков древней Америки изоляционизм особенно популярен.

Подробнее о диффузионизме как направлении буржуазной этнографической науки см.: С. А. Токарев. История зарубежной этнографии. М., 1978, с. 134–169, и др.

- Головной указатель — антропологический термин, введенный шведским анатомом А. Тетциусом в 40-х годах XIX в. и выражающий отношение в процентах наибольшей ширины черепа (или головы) — v к его (ее) наибольшей длине — a . Вычисляется по формуле: $100 v : a$. Нормальный головной указатель варьируется в пределах от 70,0 до 90,0. При этом малый головной указатель свидетельствует об удлиненной форме мозговой коробки, или доликоцефалии (длинноголовости), средний — о мезоцефалии (среднеголовости), большой — об округлой форме головы, или брахикефалии (короткоголовости). Значительны половые и возрастные колебания головного указателя, а также его изменения по эпохам у различных территориальных групп человечества.

- Тур Хейердал совершенно прав: ни Мальта, ни Бахрейн, ни, добавим, Пасха не могли стать центрами возникновения древнейших цивилизаций прежде всего потому, что там не было условий для «развитого хозяйства, основанного на сборе урожая с обширных площадей плодородной почвы». Без всякого преувеличения можно сказать, что величественное здание современной цивилизации целиком зиждется на сельскохозяйственном, в первую очередь земледельческом, производстве. Выдвинутые более ста лет назад классиками марксизма соображения о качественном различии доземледельческого (присваивающего) и земледельческого (производящего) типов хозяйства (см. К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 12, с. 733; т. 21, с. 33) разделяются всеми советскими археологами, этнографами и историками доклассового и раннеклассового общества. Аналогичных взглядов придерживаются в настоящее время и многие прогрессивные зарубежные исследователи, в том числе Тур Хейердал. Это вполне объяснимо: в ходе археологических раскопок последних десятилетий в распоряжении историков первобытности оказывается все больше и больше данных, убедительно свидетельствующих об огромных различиях в области экономики, социального строя и духовного мира между первобытными земледельцами и их предшественниками и современниками, еще не освоившими земледельческого хозяйства. Естественно, что археологи и историки первобытности и древнего мира должны учитывать как при анализе конкретно-исторического материала, так и в своих общетеоретических построениях этот,

несомненно, революционный характер воздействия земледелия на человеческое общество, культуру и даже на самого человека.

(Подробнее об этом см.: Ранние земледельцы. М., 1979.)

- Факторы крови. В последние годы в антропологии большое значение приобрели исследования наследственных признаков крови — факторов крови, как их принято называть. Дело в том, что у большинства народов мира обнаружено наследственное разнообразие (генетический полиморфизм) факторов крови и установлены этнографические вариации частоты определяющих эти факторы генов. Каждый из выявленных факторов обозначается буквами латинского или греческого алфавита либо их сочетанием. Наиболее изучены к настоящему времени наследственные вариации эритроцитарных групп крови различных систем, аномальные гемоглобины, белки сыворотки, некоторые ферменты крови. Комплексный анализ перечисленных факторов крови позволяет выделить в составе человечества несколько крупных групп популяций и дает дополнительный материал для определения степени генетического, а значит, и исторического родства между населением различных частей эйкумены.

Библиография

- 1 *Инка Гарсиласо де ла Вега*. История государства инков. М., 1974.
- 2 *Кнорозов Ю. В.* «Известия», 12. VIII. 1964.
- 3 *Кук Джемс*. Плавание к Южному полюсу и вокруг света в 1772–1775 гг. М., 1964.
- 4 — Плавание в Тихом океане в 1776–1780 гг. М., 1971.
- 5 *Гржимек Бернгард*. Серенгети не должен умереть; *Лот Анри*. В поисках фресок Тассили. М., 1976.
- 6 *Те Ранги Хироа* (Питер Бак). Мореплаватели солнечного восхода. М., 1959.
- 7 *Хейердал Тур*. Аку-аку. М., 1971.
- 8 — *Фату-Хива*. М., 1978.
- 9 Acosta, J. de (1590); *Historia natural y moral de las Indias*. — Seville.
- 10 Agüera y Infanzon, F. A. de (1770): Journal of the principal occurrences during the Voyage of the Frigate ‘Santa Rosalia’ in the year 1770.— *Hakluyt Soc.*, 2nd ser. no. 13. Cambridge, 1908.
- 11 Aichel, O. (1925): Osterinselpalaeolithen in prähistorischen Gräbern Chiles. — *Gongr. Int. Americanistes*, Vol. XXI, No. 2. Gothenburg.
- 12 Amherst, Lord. and Thomson, B. (1901): *The Discovery of the Solomon Islands by Alvaro de Mendaña in 1568*.—2 vols. London.
- 13 Amiet, P. (1961): *La Glyptique Mesopotamienne Archaïque*. — Paris.
- 14 Andagoya, P. de (1541—46): *Narrative of the Proceedings of Pedrarias Davila... 1541 —46*. —Hakluyt Soc., Vol. XXXIV. London, 1865.
- 15 Bachmann, K. W. (1931): *Die Besiedlung des alten Neuseeland*. — Leipzig.
- 16 Baker, J. G. (1893): A Synopsis of the genera and species of Museae. — *Ann. of Bot.*, Vol. VII. London.
- 17 Balboa, M. C. de (1576 — 86): *Miscelanea antarica*. —Manuscript in New York Public Library.
- 18 — (1586): *Histoire du Pérou*. —In: Ternaux-Compans: Voyages, Relations et Mémoires originaux pour servir à l’histoire de la découverte de l’Amerique. Paris, 1840.

- 19 Balfour, H. (1917): Some Ethnological Suggestions in Regard to Island, or Rapanui. — *Folklore*, Vol. XXVIII, pp. 356 — 81. London.
- 20 Bancroft, H. H. (1875): *The Native Races of the Pacific States of North America*. —5 vols. London.
- 21 Bandelier, A. F. (1910): *The Islands of Titicaca and Koati*. —New York.
- 22 Barbeau, M. (1929): Totem Poles of the Gitksan, Upper Skeena River, Br. Columbia. — *Nat. Mus. Canada Bull.*No. 61, Anthrop. Ser., No. 12. Ottawa.
- 23 Barrau, J., ed. (1963): *Plants and the Migrations of Pacific Peoples*. —Bishop Museum Press. Honolulu.
- 24 Barthel, T. S. (1958): The ‘Talking Boards’ of Easter Island. — *Scientific American*, Vol. 198, No. 6, June 1958, pp. 61–68. New York.
- 25 Beechey, F. W. (1831): *Narrative of a Voyage to the Pacific and Bering’s Strait*. —Philadelphia.
- 26 Behrens, C. F. (1722): Der Wohlversüchte Süd-Länder, das ist: ausführliche Reise-Beschreibung um die Welt. — English translation: *Hakluyt Soc.*, 2nd ser., no. 13. Cambridge, 1908.
- 27 — (1737): Reise durch die Süd-Länder und um die Welt. — *Hakluyt Soc.*, 2nd ser., no. 13, Appendix I. Cambridge, 1908.
- 28 Bennett, W. C. (1934): *Excavations at Tiahuanaco*. —Anthrop. Papers Amer. Mus. Nat. Hist., Vol. 34, Pt. 3. New York.
- 29 — (1954): *Ancient Arts of the Andes*. —New York.
- 30 Benzoni, G. (1565): *Historie of the New World*. —Transl. by W. H. Smyth. Hakluyt Society, No. 21. London, 1857. (Orig. ed. *La Historia del Mundo Nuevo*. Venice, 1565).
- 31 Bergsland, K. and Vogt, H. (1962): On the validity of glottochronology. — *Current Anthropology*, Vol. 5, No. 12. New Haven, Conn.
- 32 Bertoni, M. S. (1919): Essai d’une monographie du genre Ananas . — *Anal. Ci. Paraguayos*, Vol. II, No. 4. Asuncion.
- 33 Best, E. (1925): The Maori Canoe, An Account of Various Types of Vessels used by the Maori of New Zealand in Former Times... — *Dominion Mus. Bull.*No. 7. Wellington, N. Z.
- 34 Betanzos, E. de (1551): *Suma y narración de los Incas*. —Madrid, 1880.

- 35 Beyer, H. O. (1948): Philippine and East Asian Archaeology, and its Relation to the Origin of the Pacific Islands Population. — *National Research Council of the Philippines, Bull. 29*. Quezon City.
- 36 Bibby, G. (1969): *Looking for Dilmun*. — New York.
- 37 Bird, J. B. (1943): Excavations in Northern Chile. — *Anthrop. Papers Amer. Mus. Nat. Hist.*, Vol. 38, Pt. 4. New York.
- 38 — (1948): America's Oldest Farmers. — *Nat. Hist.*, Vol. LVII, No. 7. New York.
- 39 Bisschop, E. de (1939): *Kaimiloa. D'Honolulu á Cannes par l'Australie et le Cap á Bord d'Une Double Pirogue Polynésienne*. — Paris.
- 40 Blaxland, G. (1840): *Treatise on the Aboriginal Inhabitants of Polynesia with Evidences of their Origin and Antiquity*. — MS No. B760, Mitchell Library. Sydney.
- 41 Boas, F. (1895): Mitteilung zur Anthropologie der Nord amerikanischen Indianer. — *Zeitschrift Ethn.*, Vol. XXVII. Berlin.
- 42 — (1935): *Kwakiutl Tales*. -New Series, Pt. 1-2. New York.
- 43 Brinton, D. G. (1882): *American Hero-Myths. A Study in the Native Religions of the Western Continent*. — Philadelphia.
- 44 Brown, F. B. H. (1931): *Flora of Southeastern Polynesia*. Vol. I, *Monocotyledons*. B. P. Bishop Mus. Bull. 84. Honolulu.
- 45 — (1935): *Flora of Southeastern Polynesia*. Vol. III, *Dicotyledons*. — B. P. Bishop Mus. Bull. 130. Honolulu.
- 46 Brown, J. M. (1924): *The Riddle of the Pacific*. — London.
- 47 — (1927): *Peoples and Problems of the Pacific*. -Vols. I-II. London.
- 48 Bruayn, E. de (1963): Informe sobre el descubrimiento de un area arqueologica. — *Museo Nacional de Historia Natural Publicación Ocasional*, No. 2, pp. 1-16. Santiago de Chile.
- 49 Bryan, E. H., Jr. (1935): *Hawaiian Nature Notes*. -Honolulu.
- 50 Buck, P. H. (1922): Maori Somatology: Racial Averages. - *Journ. Polynesian Soc.*, Vol. XXXI, Nos. 1, 3, 4. New Plymouth, N. Z.
- 51 — (1933): Polynesian voyages. — *Man*, Vol. XXXIII, No. 136. London.
- 52 — (1938a): *Vikings of the Sunrise*. — New York.
- 53 — (1938b): *Ethnology of Mangareva*. — B. P. Bishop Mus. Bull. 157. Honolulu.
- 54 — (1945): *An Introduction to Polynesian Anthropology*. — B. P. Bishop Mus. Bull. 187. Honolulu.

- 55 — (1949): *The Coming of the Maori*. —Wellington, N. Z.
- 56 Byam, G. (1850): *Wandering in some of the Western Republics of America....*— London. (German edition: *Wanderungen durch Südamerikanische Republiken*.Dresden, 1851.)
- 57 Byron, L. G. A. (1764 — 66): *Byron's Journal of his Circumnavigation, 1764–1766*.—Ed. R. E. Gallagher. Hakluyt Society, 2nd ser. № 122. Cambridge, 1964.
- 58 Caddeo, E., ed. (n. d.): *Giornale di Bordo di Cristoforo Colombo 1492–1493*.—(Danish ed. transl. by C. V. Östergaard) Copenhagen, 1942.
- 59 Campbell, J. (1897 — 98): The Origin of the Haidahs of the Queen Charlotte Islands. — *Trans. Royal Soc. of Canada*, 2nd, ser. Vol. III, Sec. 2.
- 60 Candolle, A. de (1884): *Origin of Cultivated Plants*. —London. (Eng. transl. of: *Origine des plantes cultivées*, 1883.)
- 61 Carroll, A. (1892): The Easter Island Inscriptions, and the Translation and Interpretation of them. — *Jour. Polynesian Soc.*, Vol. I, No. 4, pp. 103–106, 233–253. London.
- 62 Carter, G. F. (1950): Plant Evidence for Early Contacts with America. — *Southwestern Journ. Anthropol.*, Vol. VI, No. 2. Albuquerque, N. M.
- 63 Charnock, J. (801): *A History of Marine Architecture*. —London.
- 64 Chervin, A. (1908): *Craniologie*, Vol. III of *Anthropologie Bolivienne*. — Paris.
- 65 Christian, F. W. (1910): *Eastern Pacific Lands: Tahiti and the Marquesas Islands*. —London.
- 66 Christian, F. W. (1924): Early Maori Migrations as Evidenced by Physical Geography and Language. — *Report Sixteenth Meeting Australas. Ass. Adv. Sci.*, Wellington, N. Z.
- 67 Chubb, L. J. (1933): *Geology of Galapagos, Cocos. and Easter Island*. —B. P. Bishop Mus. Bull. 110. Honolulu.
- 68 Churchill, W. (1912): *Easter Island. The Rapanui Speech and the Peopling of Southeast Polynesia*. —Carnegie Inst. Wash. Publ. no. 174. Washington, D. C.
- 69 Cieza de León, P. de (1553): *The Travels of Pedro de Cieza de León, A. D. 1532 — 50, Contained in his First Part of his Chronicle of Peru*. — Hakluyt Soc. London, 1864.
- 70 — (1560): *The Second Part of the Chronicle of Peru*. —Hakluyt Soc. London, 1883.

71 Clausen, R. T. (1944): *A Botanical Study of the Yam Beans (Pachyrrhizus)*. —Cornell Univ. Mem. 264. Ithaca, N. Y.

72 Cobo, B. (1653): *Historia del Nuevo Mundo...* —Ed. Marcos Jiménex de la Espada. Seville, 1890-95.

73 Coe, M. D. (1960): Archaeological Linkages with North and South America at la Victoria, Guatemala. — *American Anthropologist*, Vol. LXII, No. 3.

74 Collier, D. (1976): Ecuadorian Roots. — *The Univ. of Chicago Magazine*, Vol. LXIX, No. I, Autumn, pp. 16–18.

75 Collins, J. L. (1949): History, Taxonomy and Culture of the Pineapple. — *Econ. Bot.*, Vol. III, No. 4. Lancaster, Pa.

76 Cook, J. (1777): *Second Voyage Towards the South Pole and Round the World, Performed in the 'Resolution' and 'Adventure' , 1772— 75,—2 vols.* London.

77 — (1784): *A voyage to the Pacific Ocean... In the years 1776 — 80.* —3 vols. Dublin.

78 Cook, O. F. (1901): The Origin and Distribution of the Cocoa Palm. — *Contr. U. S. Nat. Herb.*, Vol. VII, No. 2. Washington, D. C.

79 — (1903): Food Plants of Ancient America. — *Ann Rept. Smithsonian Inst.* Washington, D. C.

80 — (1910—12): History of the Coconut Palm in America. — *Contr. U. S. Nat. Herb.*, Vol. 14. Washington, D. C.

81 — (1916a): Quichua Names of Sweet Potatoes. — *Jour. Wash. Acad. Sci.*, Vol. VI, No. 4.

82 — (1916b): Agriculture and Native Vegetation in Peru. — *Jour. Wash. Acad. Sci.*, Vol. VI, No. 10.

83 — (1925): Peru as a center of domestication. — *Jour. Heredity*, Vol. XVI, Nos. 2 & 3. Washington, D. C.

84 Cook, O. F. and Cook, R. C. (1918): The Maho, or Mahagua, as a Trans-Pacific Plant. — *Journ. Wash. Acad. Science*, Vol. VIII.

85 Corney, B. G. (1908): Introduction to *The Voyage of Captain Don Felipe Gonzalez to Easter Island in 1770.*—Hakluyt Soc., 2nd Series, No. 13. London.

86 Cowley, W. A. (1684): Manuscript in the British Museum, *B. M. Sloane MS 54*. London.

87 Croft, T. (1874): Letter of April 30, 1874 from Thomas Croft, Papeete, Tahiti, to the President of California Academy of Sciences. —

California Acad. Sciences. Proc., Vol. 5, pp. 317–323. San Francisco, 1875.

88 Dales, G. F. (1962): Harappen Outposts on the Makran Coast. — *Antiquity*, Vol. XXXVI, No. 142, pp. 86–92.

89 Dampier, W. (1729): *Captain William Dampier's Voyage round the Terrestrial Globe*. — A Collection of Voyages, 4 vols. London.

90 Dawson, G. M. (1888): Notes and Observations on the Kwakiol People of the Northern Part of Vancouver Island and Adjacent Coasts... with a Vocabulary of About Seven Hundred Words. — *Proc. Trans. Royal Soc. Canada*, Vol. V, Sec. II. Montreal.

91 Dawson, W. R. (1928): Mummification in Australia and in America. — *Journal of the Royal Anthropological Institute*, Vol. LVIII. London.

92 Debenedetti, S. and Casanova, E. (1933-35): Titiconte. — *Museo Antropologico y Ethnografico*. Publicaciones, Ser. A., Vol. 3, pp. 7 — 36. Buenos Aires.

93 Degener, O. (1930): *Ferns and Flowering Plants of Hawaii National Park*. — (2nd photolithoprint ed.: Ann Arbor, Mich., 1945.) Honolulu.

94 Dixon, G. (1789): *A Voyage Round the World, but more particularly to the North West Coast of America Performed in 1785 — 88*. — London.

95 Dixon, R. B. (1921): A New Theory of Polynesian Origins. A Review. — *Jour. Polynes. Soc.*, Vol. XXX, No. 2, New Plymouth, N. Z.

96 — (1932): The Problem of the Sweet Potato in Polynesia. — *American Anthropology*, Vol. XXXIV.

97 — (1933): Contacts with America Across the Southern Pacific. — In: *The American Aborigines Their Origin and Antiquity*. A Collection of Papers, by Ten Authors, Assembled by D. Jenness. Toronto.

98 — (1934): The long voyages of the Polynesians. — *Proc. Amer. Philos. Soc.*, Vol. LXXIV, No. 3.

99 Dreyer, W. (1898): *Naturfolkenes Liv*. — Copenhagen.

100 Drucker, P. (1943): Archaeological Survey on the Northern Northwest Coast. — *Bur. Amer. Ethn. Bull.* No. 133, Anthrop. Papers, No. 20. Washington, D. C.

101 Eames, A. J. and St. John, H. (1943): The Botanical Identity of the Hawaiian Ipu Nui or Large Gourd. — *Amer. Journ. Bot.*, Vol. XXX, No. 3.

102 Edmondson, C. H. (1941): Viability of Coconut Seeds After Floating in Sea. — B. P. Bishop Mus. Occ. Papers, Vol. XVI, No. 12. Honolulu.

103 Eisleb, D. (1963): Beitrag zur Systematik der Altperuanischen 'Ruder' aus der Gegend von Ica . — *Baessler-Archiv*, N. F., Band 10, pp. 105–128. Berlin.

104 Emory, K. P. (1933): *Stone Remains in the Society Islands*. —B. P. Bishop Mus. Bull. 116. Honolulu.

105 — (1942): Oceanian Influence on American Indian Culture. Nordenskiöld's View. — *Journ. Polynesian Soc.*, Vol. LI.

106 Englert, P. S. (1948): *La Tierra de Hotu Matu'a. Historia, Etnologia y Lengua de Isla de Pascua*. —Imprenta y edit. 'San Francisco' Padre las Casas, Chile.

107 Enterline, J. R. (1972): *Viking America*. —New York.

108 Evans, J. D. (1971): *The Prehistoric Antiquities of the Maltese Islands: A. Survey*. —London.

109 Eyraud, E. (1864): Lettre au T. R. P. Supérieur général de la Congrégation des Sacrés-Coeurs de Jesus et de Marie. — Valparaiso décembre 1864.— *Ann. Assoc. Propagation de la Foi*, Vol. 38, pp. 52–71, pp. 124–138. Lyon, 1866.

110 Falkenstein, A. (1936): *Archaische Texte aus Uruk*. —Berlin.

111 Fedde, F. (1909): Papaveraceae-Hypecoideae et Papaveraceae-Papaveroideae. — A. Engler, *Das Pflanzenreich*, Hft. 49. Leipzig.

112 Ferdon Jr., E. N. (1961): The Ceremonial Site of Orongo. — Sites E-4 and E-5.— Stone Houses in the Terraces of Site E-21.— Easter Island House Types. — Site E-6, an Easter Island *Hare Moa*. —A summary of the Excavated Record of Easter Island Prehistory. — 6 papers in: Heyerdahl and Ferdon (1961), pp. 221 —55, 305-11, 313-21, 329-38, 381 -83, 527-35.

113 — (1965): Surface Architecture of the Site of Paeke, Taipi Valley, Nukuhiva. — Report 9 in: Heyerdahl and Ferdon (1965).

114 Fornander, A. (1878): *An Account of The Polynesian Race, Its Origin and Migrations*, 4 vols. London.

115 Forster, G. (1777): *A Voyage Round the World, in His Britannic Majesty's Sloop, Resolution, Commanded by Capt. James Cook, During the Years 1772, 3, 4, and 5*.-2 vols. London.

116 Forster, J. R. (1778): *Observations made during a Voyage Round the World...* —London.

117 Fraser, D. (1965): Theoretical Issues in the Trans-Pacific Diffusion Controversy. — *Social Research*, Vol. 32, No. 4.

118 Friderici, G. (1929): Die vorkolumbischen Verbindungen der Südsee-Völker mit Amerika. — *Anthropos*, Vol. XXIV. Vienna.

119 Garcilasso de la Vega, Inca (1609): *First Part of the Royal Commentaries of the Yncas*. — Hakluyt Soc., Vols. XLI–XLV. London, 1869–71.

120 Geiseier, Kapitänlieutenant (1883): *Die Oster-Insel. Eine Stätte prähistorischer Kultur in der Südsee*. — Berlin.

121 Glas, G. (1764): *The History of the Discovery and Conquest of the Canary Islands: Translated from a Spanish Manuscript Lately Found in the Island of Palma*. — London.

122 Goddard, P. E. (1924): *Indians of the N. W. Coast*. — Amer. Mus. Nat. Hist. Handbook Ser., No. 10. New York.

123 Gómara, F. L. de (1553): *Primera y Segunda Parte de la Historia general de la Indias hasta el año de 1551*. — Madrid, 1858.

124 Gonzalez, F. (1770 — 71): *The Voyage of Captain Don Felipe Gonzalez in the Ship of the San Lorenzo, with the Frigate Santa Rosalia in Company, to Easter Island in 1770–1771*,—Hakluyt Soc., 2nd ser. no. 13. Cambridge, 1908.

125 Gordon, E. J. (1954): The Sumerian Proverb Collections: A Preliminary Report. — *Journ. Amer. Oriental Soc.*, Vol. 74, No. 2, pp. 82–85.

126 Gray, E. F. (1930): *Leif Eriksson Discoverer of America A. D. 1003*. — London.

127 Graydon, J. J. (1952): Blood Groups and the Polynesians. — *Mankind*, Vol. IV, No. 8, pp. 329 — 39. Sydney.

128 Greenman, E. F. (1962): The Upper Palaeolithic and the New World. — *Current Anthropology*, Vol. III. Chicago.

129 Gregory, H. E. (1927): The Geography of the Pacific. — *Problems of the Pacific*, Proc. 2nd Conf. Ist. Pac. Rel. Honolulu, Chicago.

130 Gretzer, W. (1914): *Die Schiffahrt im alten Peru vor der Entdeckung...* — Mitteil. Roemer-Museum, Hildesheim, No. 24. Hannover.

131 Grove, D. C. (1976): Answer to B. J. Meggers in *American Anthropologist*, Vol. 78, pp. 634–37.

132 Gudger, E. W. (1927): Wooden hooks used for catching sharks and *Ruvett usin* the South Seas; a study of their variation and distribution. — *Anthrop. Papers American Mus. Nat. Hist.*, Vol. XXVIII, Pt. 3.

133 Guppy, H. B. (1906): *Observations of a Naturalist in the Pacific Between 1896 and 1899*, Vol. II of *Plant-Dispersal*. — London.

134 Haddon, A. C. (1918): Melanesian Influence in Easter Island. — *Folk-lore*, Vol. LXXX, No. I, pp. 161-62. London.

135 Haddon, A. C. and Hornell, J. (1963): *Canoes of Oceania*. — Vol. I of *The Canoes of Polynesia. Fiji, and Micronesia* by J. Hornell. B. P. Bishop Mus. Spec. Publ. No. 29. Honolulu.

136 Hagen, V. W. von (1939): *The Tsatchela Indians of Western Ecuador*. — New York Mus. Amer. Ind., Heye Foundation, Indian Notes and Monographs, No. 51. New York.

137 — (1949): *Ecuador and the Galápagos Islands*. — Oklahoma.

138 Hammond, N. (1977): The Earliest Maya. — *Scientific American*, March, pp. 116–133.

139 Handy, E. S. C. (1927): Polynesian Religion. — *B. P. Bishop Mus. Bull.*, 34. Honolulu.

140 — (1930a): Sources of Polynesian Culture. — *Hawaiian Annual for 1931*. Honolulu.

141 — (1930b): The problem of Polynesian origins. — *Occ. Papers B. P. Bishop Mus.*, Vol. IX, No. 8. Honolulu.

142 Harden, D. (1962): *The Phoenicians*. — Vol. 26 in *Ancient People and Places*, ed. by Dr G. Daniel. London.

143 Harms, H. (1922): Übersicht der bisher in alt-peruanischen Gräbern gefundenen Pflanzen reste. — *Festschrift Eduard Seler... herausgegeben von W. Lehmann*. Stuttgart.

144 Heine-Geldern, R. von (1932): Urheimat und früheste Wanderungen der Austronesier. — *Anthropos*, Vol. XXVII.

145 — (1938): Die Osterinselschrift. — *Anthropos*, Vol. XXXIII.

146 Hervé, J. (1770): Narrative of the Expedition undertaken by order of His Excellency Don Manuel de Amat, Viceroy of Peru... to the Island of David in 1770. — *Hakluyt Soc.*, 2nd ser., no. 13. Cambridge, 1908.

147 Heyerdahl, T. (1941): Did Polynesian Culture Originate in America? — *International Science*, Vol. I. New York.

148 — (1952): *American Indians in the Pacific: The theory behind the Kon-Tiki expedition*. — London.

149 — (1954): En Gjenoppdaget Inka-kunst. Guara-metoden som lar flåter krysse og jibbe uten ror eller styreåre. — *Teknisk Ukeblad*, Vol. 48. Oslo.

150 — (1958): *Aku-Aku. The Secret of Easter Island*. — (Orig. ed.: Oslo, 1957) Chicago.

151 — (1961): An Introduction to Easter Island. — Surface Artifacts. — General Discussion. — 3 papers in: Heyerdahl and Ferdon (1961), pp. 21–90, 397–489, 493–526.

152 — (1965): The Statues of the Oipona *Me'ae*, with a Comparative Analysis of Possibly Related Stone Monuments. In: Heyerdahl and Ferdon (1965), pp. 123 — 51.

153 — (1974): *Fatu-Hiva: Back to Nature*. — London.

154 — (1976): *The Art of Easter Island*. — London.

155 Heyerdahl, T. and Ferdon Jr., E. N. (1961): *Archaeology of Easter Island. Reports of the Norwegian Archaeological Expedition to Easter Island and the East Pacific*, Vol. I. — Monogr. School American Research and Mus. New Mexico, no. 24, pt. 1, 1961. Santa Fe, N. M.

156 — (1965): *Miscellaneous Papers. Reports of the Norwegian Archaeological Expedition to Easter Island and the East Pacific*, Vol. II. — Monogr. School American Research and the Kon-Tiki Mus., no. 24, pt. 2, 1965. Santa Fe, N. M.

157 Heyerdahl, T. and Skjölsvold, A. (1956): Archaeological Evidence of Pre-Spanish Visits to the Galapagos Islands. — *Mem. Soc. Amer. Arch.*, no. 12. Salt Lake City.

158 — (1965): Notes on the Archaeology of Pitcairn. — In: Heyerdahl and Ferdon (1965), pp. 3–7.

159 Hill-Tout, C. (1898): Oceanic Origin of the Kwakiutl-Nootka and Salish Stocks of British Columbia and Fundamental Unity of Same, with Additional Notes on the Déné. — *Proc. Transact. Royal Soc. Canada*, 2nd ser., Vol. IV.

160 Hillerbrand, W. (1888): *Flora of the Hawaiian Islands*. — Heidelberg.

161 Holmes, W. H. (1919): *Handbook of Aboriginal American Antiquities*, pt. I. — Smithsonian Inst. Bur. American Ethn. Bull. 60. Washington, D. C.

162 Holtsmark, A. and Scip, D. A., translators (1942): *Snorres Kongesagaer*. — Oslo.

163 Hood, S. (1971): *The Minoans: Crete in the Bronze Age*. — London.

164 Hornbostel, E. von (1930): Chinesische Ideogramme in America. — *Anthropos*, Vol. XXV.

165 Hornell, J. (1931): South American Balsas: The Problem of their Origin. — *Mariner's Mirror*, Vol. XVII. Cambridge.

166 — (1945): Was there a pre-Columbian contact between the peoples of Oceania and S. America? — *Journ. Polynesian Soc.*, Vol. LIV.

167 — (1946): How Did the Sweet Potato Reach Oceania? — *Journ. Linnean Soc. of London, Botany*, Vol. LIII, no. 348. London.

168 Hrdlička, A. (1944): *Catalog of Human Crania in the U. S. National Museum Collections: Non-Eskimo People of the Northwest Coast, Alaska, and Siberia.* — Proc. U. S. National Mus. Vol. XCIV. Washington, D. C.

169 Humboldt, A. de (1810): *Vues des Cordillères et monuments des peuples indigènes de l'Amérique.* — Paris.

170 Hutchinson, J. B., Silow, R. A., and Stephens, S. G. (1947): *The Evolution of Gossypium and Differentiation of the Cultivated Cottons.* — London, New York, Toronto.

171 Hutchinson, T. J. (1875): Anthropology of Prehistoric Peru. — *Jour. Roy. Anthropol. Inst.*, Vol. IV, London.

172 Imbelloni, J. (1928): Einige konkrete Beweise für die ausserkontinentalen Beziehungen der Indianer Amerikas. — *Mitteil. Anthropol. Ges. Wien*, Vol. LVIII. Vienna.

173 — (1930): On the Diffusion in America of Patu Onewa, Okewa, Patu Paraoa, Miti, and Other Relatives of the Mere Family. — *Jour. Polynesian Soc.*, Vol. XXXIX, no. 4. New Plymouth, N. Z.

174 Izumi, S. and Sono, T. (1963): *Excavations at Kotosh, Peru 1960.* — Andes Report 2, The Univ. of Tokyo Scientific Expedition to the Andes, 1960. Tokyo.

175 Jacobsen, A. (1891): Nordwestamerikanischpolynesische Analogien. — *Globus*, Vol. LIX, No. II. Braunschweig.

176 Jakeman, M. W. (1950). The XXIX International Congress of Americanists. — *Bull. Brigham Young Univ.*, March, Salt Lake City.

177 Jaussen, T. (1893): *L'Île de Pâques, Historique — Ecriture et Répertoire des signes des tablettes ou bois d'Hibiscus Intellegents.* — Paris.

178 — (1894): *L'Île de Pâques. Historique et écriture.* — Mémoire posthume rédigé par Ildefonse Alazard d'après les notes laissées par le prélat. — *Bull. Géogr. Hist. et Descriptive*, no. 2, pp. 240–270. Paris.

179 Johanson, D. C. (1976): Ethiopia Yields First 'Family' of Early Man. — *The National Geographical Magazine*, Vol. 150, No. 6, Dec.

- 180 Joyce, T. A. (1912): *South American Archaeology*. —New York.
- 181 — (1913): The Weeping God. — In: *Essays and Studies presented to William Riedgway...*, pp. 365 — 75. Cambridge.
- 182 Juan, G. and Ulloa, A. de (1748): *Relación histórica del viaje a la América Meridional*. —4 vols. Madrid.
- 183 Karageorgis, V. (1969): *The Ancient Civilization of Cyprus*. —New York.
- 184 Karsten, R. (1938): *Inkariket och dess kultur i det forna Peru*. —Helsinki
- 185 Kerchove de Denerghem, O. de (1878): *Les Palmiers: histoire iconographique, géographie, paléontologie, botanique, description, culture, emploi, etc.* —Paris.
- 186 Knoche, W. (1912): Vorläufige Bemerkung über die Entstehung der Standbilder auf der Osterinsel. — *Zeitschrift f. Ethnologie*, Vol. 44, pp. 873 — 77. Berlin.
- 187 — (1925): *Die Osterinsel. Eine Zusammenfassung der chilenischen Osterinselexpedition des Jahres 1911*,—Conception.
- 188 Knorozov, J. V. (1964b): Recorded statements at Izvestija's Round Table Conference, August 10, 1964, in Kon-Tiki plyn ne zija'.— *Izvestija*, Aug. 12, 1964, p. 4. Moscow.
- 189 Knudsen, K. (1963): Traces of Reed Boats in the Pacific. — *The American Neptune*, Vol. XXIII, No. 1. Salem, Mass.
- 190 Kolsrud, O., ed. (1913): *Diplomatarium Norvegicum*, Oldbreve til Kundskab om Norges indre og ydre forhold... i Middelalderen. — Christiania [Oslo].
- 191 Kramer, S. N. (1944): *Sumerian Mythology; A Study of Spiritual and Literary Achievements in the Third Millennium B. C.* —Philadelphia.
- 192 — (1963): Dilmun; Quest for Paradise. — *Antiquity*, Vol. 37, No. 146, pp. 111–115.
- 193 Kroeber, A. L. (1944): Peruvian Archaeology in 1942.— *Viking Fund. Publ. Anthropol.*, 4. New York.
- 194 La Pérouse, J. G. de (1797): *A Voyage Round the World Performed In the Years 1785, 1786, 1787, and 1788...* —2 vols, and atlas. (Orig. ed.: Paris, 1797.) London, 1798.
- 195 Las Casas, B. de (1559): *Historia de las Indias*. —Colección de Documentos Inéditos para la Historia de España. Madrid, 1876.

196 Lavachery, H. (1935): La Mission Franco-Belge dans l'Île de Pâques. — *Bull. Soc. Royale de Géogr. d'Anvers*, Vol. LV, pp. 313 — 61. Antwerp.

197 — (1936): Easter Island, Polynesia. — *Ann. Rpt. Bd. of Regents Smithsonian Inst.*, pp. 391–396. Washington, D. C.

198 — (1939): *Les Petroglyphes de l'Île de Pâques*. — 2 vols. Antwerp.

199 — (1965): Thor Heyerdahl et le Pacifique. — *Journ Soc. Océanistes*, Vol. XXI, No. 21, pp. 151—59. Paris.

200 Leicht, H. (1944): *Indianische Kunst und Kultur. Ein Jahrtausend im Reiche der Chimu*. — Zurich.

201 Lescallier, M. (1791): *Traité pratique du gréement des vaisseaux et autres bâtiments de mer*. — Vol. I. Paris.

202 Levison, M., Ward, R. G., and Webb, J. W. (1973): *The Settlement of Polynesia: A Computer Simulation*. — Canberra.

203 Lhote, H. (1958): *Die Felsbilder der Sahara*. — (Orig. title: A la découverte des fresques du Tassili.) Würzburg, Wien.

204 Linton, R. (1923): *The Material Culture of the Marquesas Islands*. — B. P. Bishop Mus. Memoirs, Vol. VIII, No. 5, Honolulu.

205 Lizarraga, R. de (1560–1602): *Descripción de las Indias: Crónica sobre el Antiguo Perú...*—Los Pequeños Grandes Libros de Historia Americana, Ser. 1, Vol. 12. Lima, 1946.

206 Lothrop, S. K. (1932): Aboriginal navigation off the west coast of South America. — *Journ. Royal Anthropol. Inst.*, Vol. LXII, July — Dec., pp. 229 — 56. London.

207 Lutz, H. F. (1927): Neo-Babylonian Administrative Documents from Erech. — *Univ. California Publ. Semitic Philol.*, Vol. 9, No. 1, pp. 1 — 115.

208 Mallowan, M. E. L. (1965): *Early Mesopotamia and Iran*. — London.

209 Malo, D. (1898): *Hawaiian Antiquities*. — B. P. Bishop Mus. Spec. Publ. No. 2. Honolulu, 1951. (Transl. from Hawaiian by Dr N. B. Emerson 1808, 1st ed. Wellington 1903.)

210 Markham, C. R. (1911): *The Incas of Peru*. — London.

211 Martius, C. F. P. de (1823 — 50): *Historia Naturalis Palmarum*. 3 Vols. Munich.

212 Matson, G. A., Levine, P., and Schrader, H. F. (1946): *Anthropological Application of the Blood Groups*. — Dept. Bacteriology,

Univ. Utah Medical School. Salt Lake City.

213 Means, P. A. (1931): *Ancient Civilizations of the Andes*. —New York, London. — (1942): Pre-Spanish Navigation Off the Andean Coast. — *American Neptune*, Vol. II, No. 2.

214 Meggers, B. J. (1975): The Transpacific Origin of Mesoamerican Civilization: A Preliminary Review of the Evidence and Its Theoretical Implications. — *American Anthropologist*, Vol. 77, No. 1, March.

215 — (1976): Yes if by Land, No if by Sea: The Double Standard in Interpreting Cultural Similarities. — Answer to D. C. Grove in *American Anthropologist*, Vol. 78, pp. 637-39.

216 Merrill, E. D. (1920): Comments on Cook's Theory as to the American Origin and prehistoric Polynesian Distribution of certain economic Plants, especially *Hibiscus tiliaceus* Linnaeus. — *Philippine Journ. Science*, Vol. XVII. Manila. (Reprinted in: Merrill 1946.)

217 — (1937): Domesticated Plants in relation to the diffusion of culture. — In: *Early Man*. —Philadelphia.

218 — (1946): Merrileana: A selection from the general writings of Elmer Drew Merrill. — *Chronica Botanica*, Vol. X, Nos. 3-4.

219 — (1950): Observations on Cultivated Plants with Reference to Certain American Problems. — *Ceiba*, Vol. I, No. 1. Tegucigalpa, Honduras.

220 — (1954): *The Botany of Cook's Voyages and Its Unexpected Significance in Relation to Anthropology, Biography and History*. — Waltham.

221 Métraux, A. (1938): The proto-Indian script and the Easter Island tablets. — *Anthropos*, Vol. XXXIII.

222 Métraux, A. (1940): *Ethnology of Easter Island*. —B. P. Bishop Mus. Bull. 160. Honolulu.

223 Moerenhout, J. A. (1837); *Voyagers aux îles du Grand Océan*. 2 vols. Paris.

224 Molina, Christóval de (ca. 1570 — 84): *The Fables and Rites of the Yncas*. —Hakluyt Soc., Vol. XLVIII. London, 1873.

225 Montell, G. (1929): *Dress and Ornaments in Ancient Peru*. *Archaeological and Historical Studies*. Diss, Gothenburg.

226 Montesinos, Fernando (1642): *Memorias antiguas historiales del Perú*.—Ed.: P. A. Means. London, 1920.

227 Morell, B., Jr. (1832): *A Narrative of Four Voyages to the South Sea,...*— New York.

- 228 Morgan, A. E. (1946): *Nowhere was Somewhere*. —New York.
- 229 Morris, E. H., Charlot, J. and Morris, A. A. (1931): *The Temple of the Warriors at Chitzen Itza, Yucatan*. — Carnegie Inst. Wash. Publ. No. 406, 2 vols. Washington, D. C.
- 230 Mourant, A. E. (1954): *The Distribution of Human Blood Groups*. — Blackwell Scientific Publ. Oxford.
- 231 Mulloy, W. (1961): The Ceremonial Center of Vinapu. — The *Tupaof Hiramoko*. — 2 papers in: Heyerdahl and Ferdon (1961), pp. 93—180, 323 — 28.
- 232 Murdock, G. P. (1949): Report on the Seventh Pacific Science Congress [1st Special Issue]. — *New Zealand Science Rev.*, Vol. VII, Nos. 1—2.
- 233 Murphy, R. C. (1941): The earliest Spanish advances southward from Panama along the West Coast of South America. — *Hispanic Amer. Hist. Rev.*, Vol. XXI. Durham, N. C.
- 234 Niblack, A. P. (1888): The Coast Indians of Southern Alaska and Northern British Columbia. — *Report of the National Museum of British Columbia 1888*.
- 235 Nordenskiöld, E. (1931): Origin of the Indian Civilizations in South America. — *Comp. Ethnogr. Stud.* Vol. IX. Gorhenburg.
- 236 Oliva, P. Anello (1631): *Histoire de Pérou*. —Paris, 1857.
- 237 Olson, R. L. (1927 — 29): *Adze, Canoe, and House Types of the Northwest Coast*. —Univ. Washington Publ. Anthropol. 2. Seattle.
- 238 Oppenheim, A. L. (1954): The Seafaring Merchants of Ur. — *Journ. Amer. Oriental Soc.* Vol. 74, No. 1, pp. 6—17.
- 239 Orcutt, P. D. (1953). A Stone Carving on the Galapagos. — *American Antiquity*, Vol. XVIII, No. 3, January, p. 270, Salt Lake City.
- 240 Ortiz, O. (1964): El Matá: Un Instrumento Lítico Pascuense y Sus Problemas. — *Apartado del Boletín de la Universidad de Chile*, Nos. 53—54, Nov. — Dec., pp. 101—107.
- 241 Oviedo, G. F. de (1535 — 48): *Historia general y natural de las Indias, islas y tierra-firme del mar océano*. — 4vols. Madrid, 1855.
- 242 Pachacuti Yamqui Salcamayhua, J. (1620): *An Account of the Antiquities of Piru*. — Hakluyt Soc., Vol. XLVIII. London, 1873.
- 243 Palmer, J. L. (1870): A Visit to Easter Island, or Rapa Nui, in 1868. — *Royal Geogr. Soc. Journ.*, Vol. XIV, pp. 108—119. London.

244 Paris, F. E. (1841—43): *Essai sur la construction navale des peuples Extra-Européens*. — Paris.

245 Petri, H. (1936): *Die Geldformen der Südsee*, 1–2.—*Anthropos*, Vol. XXXI. Vienna.

246 Pinart, A. (1878): *Voyage à l'Île de Pâques*. - *Le Tour du Monde*, Vol. XXXVI, pp. 225–240. Paris.

247 Pizarro, P. (1571): *Relación del Descubrimiento y Conquista de los Reinos del Peru*. — Colección de Documentos ineditos para la Historia de España, Vol. V. Madrid, 1844. Translated into English and annotated by P. A. Means: *Relation of the Discovery and Conquest of the Kingdoms of Peru*, 2 vols. New York, 1921.

248 Plinius Gaius Secundus (77): *Historia naturalis*. —37 books. (Various transl. from Latin incl. *Natural History*, ed. and transl. by H. Rackham *et al.*, Loeb Classical Library, London & Cambridge, Mass. 1969).

249 Poirier, J. (1953): *L'élément blond en Polynésie et les migrations nordiques en Océanie et en Amérique*. — *Société des Océanistes*. Paris.

250 Polack, J. S. (1838): *New Zealand. Being a narrative of Travels and Adventures during a residence... 1831 and 1837*.—2 vols. London.

251 Pomerance, L. (1970): *The Final Collapse of Santorini (Thera)*. — *Studies in Mediterranean Archaeology*, Vol. XXVI. Gothenburg.

252 Porter, D. (1815): *Journal of a Cruise made to the Pacific Ocean*. — Philadelphia.

253 Prain, D. (1895): *An Account of the genus Argemone*. — *Jour. Bot.*, Vol. XXXIII.

254 Prescott, W. H. (1847): *History of the Conquest of Peru*. — 2 vols. London.

255 Quiros, P. F. de (1609): *Narrative of the Second Voyage of the Adelantado Alvaro de Mendaña*. — Hakluyt Soc., 2nd ser., No. 14, Vol. I. London, 1904.

256 Rao, S. R. (1963): *A 'Persian Gulf' Seal from Lothal*. — *Antiquity*, Vol. 37, No. 146, pp. 96–99.

257 Reischek, A. (1924): *Sterbende Welt*. — Leipzig.

258 Relación Anónima (1615): *Relación Anónima, de los Costumbres Antiguos de los Naturales del Piru*. — Madrid, 1879.

259 Resch, W. F. E. (1967): *Die Felsbilder Nubiens*. — Graz.

260 Rivet, P. (1928): *Relations commerciales précolombiennes entre l'Océanie et Amérique*. — *Festschrift P. W. Schmidt*. Vienna.

- 261 — (1943): *Les origines de l'homme américain*. —Montreal.
- 262 Rochebrune, A. T. de (1879). Recherches d'ethnographie botanique sur la flore des sépultures péruviennes d'Ancon. — *Actes Soc. Linn. Bordeaux*, 4th ser. Vol. III. Bordeaux.
- 263 Roggeveen, M. J. (1722): *Extract from the Official Log of the Voyage of Mynheer Jacob Roggeveen, in the Ships Den Arend, Thienhove, and De Afrikannische Galey in 1721—22, in so far as it relates to the Discovery of Easter Island*. — *Hakluyt Soc.*, 2nd ser. no. 13. Cambridge, 1908.
- 264 Ross, A. S. C. (1936): Preliminary notice of some late eighteenth-century numerals from Easter Island. — *Man*, Vol. XXXVI, No. 120.
- 265 Roussel, H. (1908): *Vocabulaire de la Langue de l'Île-de-Paques ou Rapanui*. —Extract from *Muséon*, Nos. 2–3, pp. 159–254. Louvain.
- 266 Routledge, K. S. (1919): *The Mystery of Easter Island*. —London.
- 267 Rowe, J. H. (1966): Diffusionism and Archaeology. — *American Antiquity*, Vol. XXXI, no. 3, pt. 1, January, pp. 334-37.
- 268 Sáamanos, J. de (1526): *Relación de los primeros descubrimientos de Francisco Pizarro y Diego Almagro...* —Colección de Documentos Inéditos para la Historia de España, Vol. V. Madrid, 1844.
- 269 Salonen, A. (1939): Die Wasserfahrzeuge in Babylonien nach sumerischakkadischen Quellen. — *Studia Orientalia Edidit Societas Orientalis Fennica*, Vol. VIII, pp. 1 — 199. Helsinki.
- 270 — (1942): *Nautica Babyloniaca*. — *Studia Orientalia Edidit Societas Orientalis Fennica*, Vol. XI, pp. 1-118. Helsinki.
- 271 Sarmiento de Gamboa, P. (1572): *History of the Incas*. —Hakluyt Soc., 2nd ser., Vol. XXII. Cambridge, 1907.
- 272 Sauer, C. O. (1950): Cultivated Plants of South and Central America. — In: *Handbook of South American Indians*. Vol. VI. Smithsonian Inst. Bur. Amer. Ethn., Bull. 143. Washington, D. C.
- 273 Sayce, R. U. (1933): *Primitive Arts and Crafts. An Introduction to the Study of Material Culture*. — Cambridge.
- 274 Scheurmann, E. (1927): *Samoa*. —Konstanz.
- 275 Seemann, B. (1865 — 73): *Flora Vitiensis*. —London.
- 276 Shand, A. (1894): The Moriori people of Chatham Islands. — *Journ. Polynesian Soc.*, Vol. III. New Plymouth, N. Z.
- 277 Shapiro, H. L. (1940): The Physical Relationships of the Easter Islanders. In: Métraux (1940).

278 Sharp, B. (1704): *The dangerous Voyage, and bold Attempts of Capt. Bartolomew Sharp...*, *The History of the Buccaneers of America*, Vol. 2, T. 4. London.

279 Sharp, B. (1898): Rock Inscriptions in Kauai, Hawaiian Islands. — *Proc. Acad. Natural Science*, 1898. Philadelphia.

280 Shortland, E. (1856): *Traditions and Superstitions of the New Zealanders*. — London.

281 Simmons, R. T., Graydon, J. J., Semple, N. M., and Fry, E. I. (1955): A blood group genetical survey in Cook Islanders, Polynesia, and comparisons with American Indians. — *American Journ. Anthropol.* New Series, Vol. XIII, No. 4, December. Philadelphia.

282 Skinner, H. D. (1931): On the Patu Family and its occurrence beyond New Zealand. — *Journ. Polynesian Soc.*, Vol. XL, No. 4. New Plymouth, N. Z.

283 Skjölsvold, A. (1961): Dwellings of Hotu Matua. — House Foundations (*Hare Paenga*) in Rano Raraku. — Site E-2, a Circular Stone Dwelling, Anakena. — The Stone Statues and Quarries of Rano Raraku. — 4 papers in: Heyerdahl and Ferdon (1961), pp. 273-86, 291 -93, 295-303, 339-79.

284 Skogman, C. (1854): *Fregatten Eugenic's Resa Omkring Jorden Åren 1851 — 53*. — 2 vols. Stockholm.

285 Skottsberg, C. (1920): Notes on a Visit to Easter Island. — *The Natural History of Juan Fernandez and Easter Island*, Vol. I. Uppsala.

286 — (1934): Le peuplement des îles pacifiques du Chili. — *Soc. de Biogéogr.*, Vol. IV. Paris.

287 — (1956): Derivation of the Flora and Fauna of Juan Fernandez and Easter Island. — *The Natural History of Juan Fernandez and Easter Island*, Vol. I, pp. 193-438. Uppsala, 1920-56.

288 — (1957): Påskön. — *Göteborgs Handels- och Sjöfarts-Tidning*. 7 Oct. Gothenburg.

289 Smith, A. L. (1940): The Corbeled Arch in the New World. — *The Maya and Their Neighbors*, pp. 202 — 21. New York.

290 Smith, C. S. (1961): A Temporal Sequence Derived from Certain Ahu. — Two Habitation Caves. — The Maunga Ahuhera House Site. — Tuu-ko-ihu Village. — The Poike Ditch. — Radio Carbon Dates from Easter Island. — 6 papers in: Heyerdahl and Ferdon (1961), pp. 181-219, 257-71, 277-86, 287-89, 385-91, 393-96.

291 Smith, S. P. (1910): *Hawaiki: The Original Home of the Maori*. — Wellington, N. Z.

292 Spilbergen, J. van (1619): *Speculum Orientalis Occidentalis que Indiae navigation 1614—18*.—Leiden.

293 Johnston, T. R. (1921): *The Islanders of the Pacific Or The Children of the Sun*. —New York.

294 Stevenson, W. B. (1825): *A Historical and Descriptive Narrative of Twenty Years' Residence in South America*. —3 vols. London.

295 Steward, J. H., cd. (1949): The Comparative Ethnology of South American Indians. — *Handbook of South American Indians*, Vol. V. Smithsonian Inst. Bur. Amer. Ethn., Bull. 143. Washington, D. C.

296 Stewart, T. D. (1943): Skeletal Remains from Paracas, Peru. — *American Journ. Phys. Anthrop.*, Vol. I.

297 Stokes, J. F. G. (1932): Spaniards and the sweet potato in Hawaii and Hawaiian-American Contacts. — *American Anthrop.*, Vol. XXXIV, No. 4.

298 — (1934): Japanese cultural Influences in Hawaii. — *Proc. Fifth Pacific Science Congr. Canada 1933*, Vol. IV. Toronto.

299 Stonor, C. R. and Anderson, E. (1949): Maize among the Hill Peoples of Assam. — *Ann. Missouri Bot. Gard.*, Vol. XXXVI, No. 3.

300 Stout, D. B. (1948): *Handbook of South American Indians*, Vol. IV. — Smithsonian Inst. Bur. Amer. Ethn., Bull, 143, ed. J. H. Steward. Washington, D. C.

301 Sullivan, L. R. (1922): A Contribution to Tongan Somatology. — *B. P. Bishop Mus. Mem.*, Vol. IX, No. 2. Honolulu.

302 — (1924a): Race Types in Polynesia. — *American Anthrop.*, Vol. XXVI, No. 1.

303 — (1924b): The Racial Diversity of the Polynesian Peoples. — *Rept. Australas. Ass. Adv. Science*, Wellington Meeting 1923. Wellington, N. Z.

304 Swanton, J. R. (1905): *Haida Texts and Myths*. —Washington, D. C.

305 Tautain, Dr (1897): Notes sur les constructions et monuments des Marquises. — *L'Anthropologie*, Vol. VIII. Paris.

306 Tessmann, G. (1930): *Die Indianer Nordost-Perus*. —Hamburg.

307 Thomson, W. J. (1889): *Te Pito te Henua, or Easter Island*. —Rept. U. S. National Mus. for year ending 30 June 1889. — Washington, D. C.

- 308 Thorsby, E., Colombani, J., Dausset, J., Figueroa, J., and Thorsby, A. (1973): HL-A, Blood Group and Serum Type Polymorphism of Natives on Easter Island. — *Histocompatibility Testing 1972*. Copenhagen.
- 309 Trotter, M. (1943): Hair from Paracas Indian Mummies. — *American Journ. Phys. Anthrop.*, Vol. I.
- 310 Uhle, M. (1922): *Fundamentos étnicos y arqueología de Arica y Tacna*, —Quito.
- 311 Valverde, V. (1879): *Relación del sitio del Cuzco y principio de las guerras civiles del Perú... 1535 a 1539*. — Colección de Libros Españoles Raros o Curiosos, Vol. XIII. Madrid.
- 312 Vancouver, G. (1798): *A Voyage of Discovery to the North Pacific Ocean and Round the World... in the Years 1790 — 95*. -3 vols. London.
- 313 Voss, J. C. (1926): *The Venturesome Voyages of Capt. Voss*. — London.
- 314 Wafer, L. (1699): A New Voyage and Description of the Isthmus of America. — In: Dampier 1729, Vol. III.
- 315 Weckler, J. E. (1943): *Polynesian Explorers of the Pacific*. — Smithsonian Inst. War. Background Stud., no. 6. Washington, D. C.
- 316 Whitaker, T. W. and Bird, J. B. (1949): Identification and Significance of the Cucurbit Materials from Huaca Prieta, Peru. — *Amer. Mus. Novitates*, No. 1426. New York.
- 317 Whité, J. (1889): *The Ancient History of the Maori, His Mythology and Traditions*. —4 vols. London.
- 318 Wilson, D. (1862): *Prehistoric Man. Researches into the Origin of Civilization in the Old and New Worlds*, 2 vols. London.
- 319 — (1970): *The Vikings and Their Origins*. — London.
- 320 Wilson, J. (1799): A Missiopyary Voyage to the Southern Pacific Ocean, 1796–1798. — London.
- 321 Xeres, F. de (1534): A True Account of the Province of Cuzco. — Part I of *Reports on the Discovery of Peru*. Hakluyt Soc. London, 1872.
- 322 Yacovleff, E. and Herrera, F. L. (1934): El mundo vegetal de los antiguos peruanos. — *Rev. Mus. Nacional*, Vol. III, No. 3. Lima.
- 323 — (1935): El mundo vegetal de los antiguos peruanos (Continuación). — *Rev. Mus. Nacional*, Vol. IV, No. 1, Lima.
- 324 Zárata, A. de (1555): *A History of the Discovery and Conquest of Peru: Books I–IV Translated out of the Spanish by Thomas Nicholas Anno 1581*. — London, 1933.
-

notes

Примечания

Здесь и далее автор, как правило, пользуется одним словом (reed) для обозначения конструкций из камыша, папируса и т. п. Мы останавливаемся на определении «камышовая» как более универсальном, кроме особых случаев. — *Прим. ред.*

Здесь и далее цифры в квадратных скобках означают порядковый номер в библиографии. — *Ред.*

«Есть в Библии и еще одно древнее указание на способ строительства корабля, возможно представляющий переход от компактной конструкции из бунтов к дощатому судну с полым корпусом. В книге „Бытие“ (6, 14–16) Ной получает такое веление свыше: „Сделай себе ковчег с ребрами кипарисовыми, покрой его камышом и Осмоли внутри и снаружи“. Независимо от того, как оценивать слова иудеев о контакте с всевышним, остается фактом, что книжник, записавший этот рассказ, знал, что камышовыми связками, обмазанными смолой, покрывали корпус судна со шпангоутами, притом судна изрядных размеров. Можно верить или не верить в приводимые размеры Ноева ковчега — длина 150 метров, ширина 25 метров, высота 15 метров, но речь явно идет о достаточно внушительной конструкции, коль скоро говорится о трех палубах — верхней, средней и нижней». — *Прим. авт.*

Продолжая исследования лодок в Ираке, Тур Хейердал осенью 1977 г. с помощью местных арабов и своих друзей — боливийских индейцев построил камышовое судно «Тигрис» и 23 ноября того же года возглавил новую экспедицию. Плавание «Тигриса» началось у слияния Тигра и Евфрата и закончилось весной 1978 г. в Восточной Африке. Заготовленный в августе камыш *берди* плавучестью намного превзошел папирус. — *Прим. перев.*

«Дошедшие до наших дней наземные сооружения свидетельствуют, что в древних царствах Ближнего Востока не было недостатка во времени и рабочей силе, а папирус и камыш росли в изобилии на речных болотах Египта и Двуречья. Но папирусные и камышовые суда, в отличие от долговечного кирпича и камня, со временем сгнивают, поэтому мы хорошо знаем египетские пирамиды и шумерские зиккураты, а о размерах бунтовых ладей той поры можем судить только по египетским петроглифам и шумерским керамическим печатям». — *Прим. авт.*

Здесь и далее имеется в виду материк Северной Америки. —
Прим. ред.

«Эксперимент де Бишопа, который тщетно бился семь месяцев, пытаясь пройти на примитивном суденышке из Полинезии в Южную Америку в полосе ледяных ветров к югу от „ревущих сороковых“, и неудачные попытки Ингриса и Витала Альсара вернуться в Америку, используя слабо выраженное Экваториальное противотечение, ясно показывают, что в южной части Тихого океана не было морского конвейера для древних мореплавателей». — *Прим. авт.*

«Современная археология приходит к выводу, что одна из древнейших культур Мексики, давшая толчок развитию последующих цивилизаций, зародилась в низменной области тропических лесов на берегу Мексиканского залива. В том самом месте, как было показано выше, куда подходит пересекающее Атлантику мощное течение и где высадились на берег испанцы под предводительством Кортеса. В этом приморье с самым неблагоприятным климатом началась, по данным археологии, американская цивилизация — началась с внезапным появлением неизвестного народа, который современная наука условно назвала ольмеками». — *Прим. авт.*

«Об этом красноречиво рассказано в той же доколумбовой рукописи:

„Вскоре объявил он о введении во всей стране христианства и католической веры, и передал людям послание короля Улава Трюгвасона, и поведал им, сколько в той вере благости и величия. Эрик не спешил отойти от своей прежней веры, но Тьодхильд сразу восприняла новое учение и повелела строить церковь недалеко от дома. И назвали эту церковь ее именем, и там она и другие признавшие христианство, а таких было много, имели обыкновение произносить свои молитвы. Приняв веру, Тьодхильд отказалась от сожительства с Эриком, чем вызвала его великую досаду“ (Grey, 1930)». — *Прим. авт.*

«Снорри рассказывает, как король Харалд привел в Палестину все свое войско и двинулся на Иерусалим, покоря крепости и города. Он заключает:

„...Под властью Харалда земли эти не подвергались огню и разорению. И он дошел до реки Иордан и совершил омовение, как это было принято у паломников. Харалд возложил богатые дары на гроб господень и к святому кресту и у других святынь Палестины. Он охранял дороги на всем пути до Иордана, казня грабителей и других разбойников“ (Holtsmark and Seip, 1942).

Следующим норвежским королем, выступившим против мусульманской экспансии, был Сигюрд Мангюссон. Король Сигюрд отплыл из Норвегии с шестьюдесятью ладьями; зиму он мирно провел как гость короля Англии Генриха I. Далее начались битвы за дело католической церкви. Сперва он сражался с мусульманскими захватчиками в Португалии и Испании, убивая всех, кто отказывается креститься, затем распространил свою активность на Марокко и Балеарские острова. Сицилия уже была покорена его норвежскими предшественниками, которые поставили там у власти своего христианского герцога. Соотечественники на Сицилии приняли Сигюрда так хорошо, что он возвысил герцога Родгейра в ранг короля; впоследствии король Родгейр покорил изрядную часть Апеннинского полуострова и его королевское семейство норманнского происхождения породнилось с римским императором. Столь же дружественный прием был оказан Сигюрду королем Балдуином в Иерусалиме. Балдуин и патриарх поднесли Сигюрду священные реликвии, с тем чтобы он продолжал сражаться за христианство и учредил в Норвегии архиепископство. Сигюрд выполнил оба обязательства. Наиболее выдающимся его подвигом было взятие в 1110 году неприступного доколе города-крепости Сидон в Ливане, который десятилетиями не давал покоя христианским паломникам. Здесь до наших дней сохранилась мемориальная надпись в честь победы норманнов. Оставив свои суда и большую часть войска в Средиземноморье для дальнейшей службы, король Сигюрд направился обратно в Норвегию верхом на коне. Христианская Европа принимала его с великими

почестями; между королем и двумя римскими императорами — в Константинополе и Риме — установилась тесная дружба.

Затем Ярл Рагнвалд и Эрлинг Скакке, сопровождаемые епископом Вильялмом, на пятнадцати длинных ладьях с множеством воинов повторили маршрут Сигюрда от Норвегии до Средиземного моря через Гибралтар. Совершив по пути набеги на мусульманские области Португалии и Испании, они тоже закончили поход паломничеством в святую землю и на реку Иордан.

Во исполнение договоренности между норвежским королем и папским нунцием в Иерусалиме папа Анастасий IV в 1153 году направил из Рима в Норвегию кардинала Николая. Кардинал и Сигюрд согласились посвятить в сан архиепископа Юна Биргерсона. Согласно Снорри, еще ни одному чужеземцу не оказывали в Норвегии столь восторженного приема, какой ожидал кардинала Николая, и он вернулся в Рим с множеством дружественных даров. В это время скончался папа Анастасий, и новым папой избрали самого Николая, принявшего имя Адриана IV. Исландец Снорри пишет: „И прибывшие в Рим во времена его папства рассказывают, что, какие бы важные дела ни обсуждал он с другими мужами, он прежде всего принимал норманнов, если они желали беседовать с ним“ (там же).

Вскоре после того, в 1163 году, Ватикан назначил Стефана папским нунцием в Бергене, главном порте захода гренландских судов. Здесь он первым делом встретился с епископом Исландии Брандом и вторым архиепископом Норвегии — Эйстейном. После чего они совместно с пятью норвежскими епископами и многочисленными священниками произвели коронацию нового норвежского короля, восьмилетнего Магнюса Эрлингсона». — *Прим. авт.*

«Это смешение в Америке и в Полинезии почитаемого легендарного народа с впервые прибывшими европейцами принесло выгоду последним, хотя и стоило жизни капитану Куку. При „открытии“ им Гавайских островов капитана Кука приняли за белого светловолосого бога-прародителя Роно (Лоно); когда же ошибка открылась, его убили. Его уцелевший товарищ капитан Кинг писал потом: „Нас обычно считали представителями расы, превосходящей их самих, и часто говорили, что великие Эатоа (боги-прародители) обитают в нашей стране“ (Скок, 1784)». (Прим. авт.)

Из Полинезии — *Chenopodium* и *Solanum insulaepaschalis*; из Америки — *Scirpus girardii* (главный строительный материал), *Sophora toromiro* (здесь дикорастущее дерево, наиболее ценное для резных изделий), *Lythrum carolinianum* (дикий кустарник, съедобные ягоды), *Cyperus vegetus* (съедобные корневища) и *Polygonum acuminatum* (лекарственное).

Морская лига (межд.) $\approx 5,560$ км. — *Прим. ред.*

Плавание на камышовой ладье «Тигрис», когда в Персидском заливе и в Индийском океане с 23. XI. 1977 по 29. III. 1978 г. было пройдено 6800 км. убедило Тура Хейердала о вескости предположений о том, что Дильмун — это область острова Бахрейн и прилегающей части Аравийского полуострова. Макан — восточная часть Омана, Мелухха — область реки Инд и приморье по обе стороны от ее устья. Одновременно Хейердал показал, что в принципе такая ладья могла пройти и более длинный путь, отделяющий афро-азиатский регион от Южной Америки. — *Прим. перев.*

Как указывал еще в 1921 г. Диксон, лишь около 250 полинезийских слов либо совпадают с малайскими, либо восходят к общим с ними корням. Поскольку, подчеркивал он, известно минимум 25 тысяч полинезийских слов, «сходство ограничивается всего одним процентом — явно недостаточная пропорция, чтобы говорить о расовой близости».